

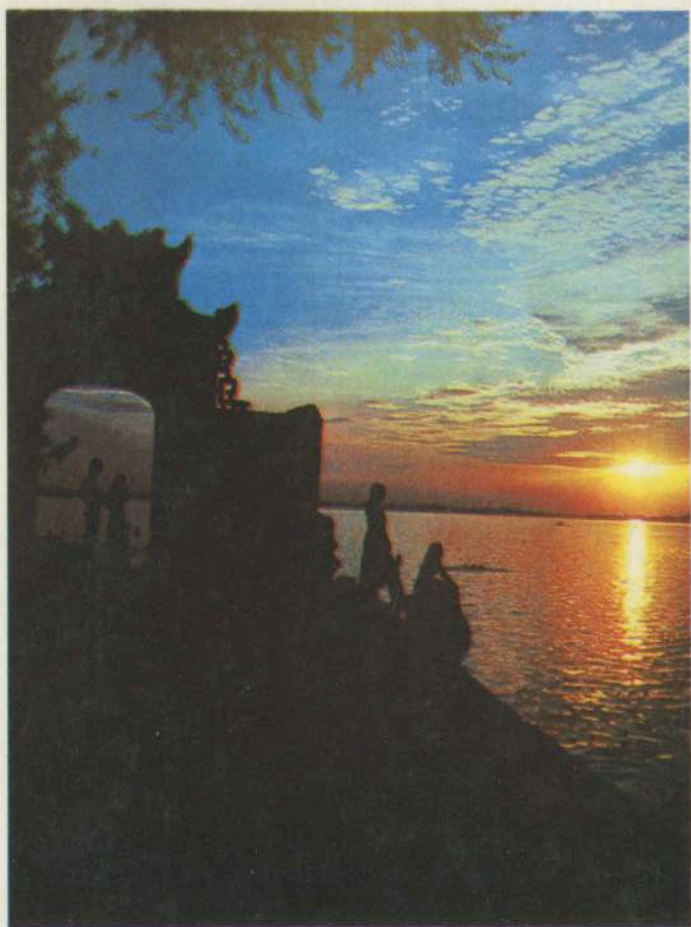
63.3(5)

И 85

У(М)7

М.П.Исаев

ИНДОКИТАЙСКАЯ ХРОНИКА

И85 Исаев М. П. Индокитайская хроника. Вьетнам, Лаос, Кампучия: трудные дороги борьбы и созидания. — М.: Политиздат, 1987. — 287 с.

«Индокитайская хроника» — основанный на личных впечатлениях и документальных материалах рассказ журналиста-международника М. П. Исаева о наиболее значительных событиях в жизни народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, очевидцем многих из которых ему довелось быть. Автор повествует о трудном процессе построения нового общества в странах Индокитая.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

И 080300000—329
079(02)—87—226—87

ББК 66.4(0)

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

Вьетнам, Индокитай — эти слова не только символ неспящего мужества в отпоре силам агрессии, жестокости и насилия, символ твердой веры в правоту и обязательную победу своего дела. Сегодня они — синоним трудового героизма и решимости в отстаивании идеалов мира, социализма, революционных завоеваний народа.

«Индокитайская хроника» — название в известном смысле условное. И прежде всего потому, что в книге не соблюдено такое неписаное правило любой подлинной хроники, как фиксация тех или иных исторических событий в строго хронологической последовательности.

Но все же книгу можно отнести к разряду хроник. Ибо в ней отображены наиболее яркие факты жизни народов Индокитая в наше время.

На протяжении последних двадцати пяти лет мне пришлось неоднократно бывать в этом регионе, и прежде всего во Вьетнаме, где я прожил в общей сложности почти десять лет. Получилось так, что работа в этой стране по времени совпала и с годами неизмеримо трудных испытаний в жизни героического вьетнамского народа — периодом отражения преступной агрессии американского империализма, — и с звездным часом в его истории — славной победой над интервентами, освобождением Южного Вьетнама весной 1975 г. от господства марионеточного режима, в результате чего было осуществлено коренное чаяние всего вьетнамского народа — достигнуто государственное воссоединение страны на социалистической основе.

И, что особенно важно, довелось быть очевидцем того, как в нелегком противоборстве с наслоениями прошлого — отсталостью, разрухой, тяжелейшими последствиями навязанной империализмом длительной войны, пережитками старого в сознании людей — в странах Индокитая рождалось и утверждалось новое, передовое, как набирал силу трудный, порой

болезненный, но животворный процесс переустройства всего уклада жизни общества. А ведь осуществляемый в этих странах переход к социализму, минуя стадию капиталистического развития, представляет собой сложный процесс революционного обновления. Успех его зависит от совокупности целого ряда факторов — как благоприятных международных условий, прежде всего прочного союза со странами социалистического содружества, так и внутренних предпосылок, важнейшие среди которых — укрепление власти народа, наличие нерушимого блока рабочих и крестьян под руководством марксистско-ленинской партии. Нельзя не учитывать и того, что процесс этот происходит в условиях, когда далеко не всем пришлось по вкусу, что Вьетнам, Лаос и Кампучия в едином строю, опираясь на поддержку Советского Союза, всего социалистического содружества, встали на путь строительства нового общества.

Многочисленные, неизменно сердечные встречи с вьетнамцами, лаосцами и кампучийцами, людьми самых разных профессий — крестьянами, рабочими, представителями народной интеллигенции, политическими деятелями, незабываемые поездки по Вьетнаму — от северных провинций до затерявшегося в морских просторах острова Кондао на Юге, знакомство с культурой народов Индокитая, каждодневные наблюдения за жизнью и бытом людей — взрослых и детей, мужчин и женщин — как в трудную годину, так и в дни триумфа — все это «слой за слоем» откладывалось в памяти, накапливалось в заметках дневникового характера, пополнялось сведениями, почерпнутыми в периодике, научной и художественной литературе, и составило основу этой книги.

МИФЫ, ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Многотрудная и вместе с тем яркая, героическая судьба выпала на долю народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, история которых насчитывает не одно тысячелетие и увековечена в замечательных древних мифах и прекрасных легендах. Нет в них, наверное, ни одной реки, равнины, горы, которая не имела бы своей неповторимой истории, хранящейся в памяти потомков, как хранит она и подвиг тех героев, которые отстаивали свободу и независимость родины. Но красоте сказочных мифов и легенд ни на йоту не уступает одухотворенность и величие реальности — борьбы и труда народов трех стран Индокитая.

Строго говоря, Индокитай — понятие прежде всего географическое; это название полуострова на юго-востоке Азиатского континента, на котором полностью или частично расположены в наши дни семь государств Юго-Восточной Азии — Вьетнам, Лаос, Кампучия, Таиланд, Малайзия, Сингапур и Бирма.

В современном же политическом лексиконе под странами Индокитая подразумевается исторически сложившийся в восточной части Индокитайского полуострова субрегион, который составляют три государства — Социалистическая Рес-

публика Вьетнам, Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия.

Историю этих государств условно можно подразделить на три крупных этапа: первый — с древнейших времен до середины XIX в., когда страны Индокитая — тогда отсталые феодальные монархии — стали объектом колониальных устремлений Франции. Богатства Индокитая, его важное стратегическое положение издавна как магнитом притягивали чужеземных угнетателей. Так, еще в XVII в., направляя первых голландских купцов в Лаос, генерал-губернатор Батавии (ныне — Джакарта) Ван Димен вознамерился «начать эксплуатацию ресурсов страны — гуммигута и бензойной смолы».

Второй этап (1858—1945 гг.) — период колониального завоевания и владычества Франции, включившей территории Вьетнама, Лаоса и Кампучии в состав так называемого французского Индокитая. Почти 30 лет, начиная с захвата франко-испанской эскадрой Дананга в 1858 г. до 1884 г., когда был подписан договор, закреплявший положение Вьетнама как французского протектората, длилось колониальное завоевание Францией Вьетнама. Вторая половина XIX в. стала периодом усиленного проникновения французских колонизаторов в Кампучию. Под угрозой вражеских штыков 17 июня 1884 г. эта страна была вынуждена подписать с Францией неравноправное соглашение, лишившее ее самостоятельности. В 90-х годах XIX столетия Франция завершила колониальный захват Лаоса. Планы французских конкистадоров облегчались внутренними феодальными распрями и междоусобными войнами, которые вели тогда правители монархий Индокитая.

Колонизаторы обрекли народы Индокитая не только на нищету — а уровень жизни там был одним из самых низких в Азии, — но и на полурабское существование. Вот небольшой, но показательный пример: за 60-летний период французского господства только 30 лаосцев получили высшее образование, да и то за рубежом. Даже накануне завоевания независимости в Лаосе было всего два врача, пять акушерок и в общей сложности 224 больничные койки. И это в стране с 3-миллионным населением!

Держать население Индокитая в бесправии, темноте, невежестве, чтобы не допустить роста национального самосознания, борьбы за независимость, — такова цель, которую постоянно преследовали колонизаторы.

Но народы этих стран никогда не мирились с господством колонизаторов. На этот период пришелся мощный подъем под воздействием идей Великого Октября национально-ос-

вободительного, антиколониального движения в Индокитае, кульминацией которого стало торжество в 1945 г. Августовской революции во Вьетнаме и образование первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян — Демократической Республики Вьетнам.

Накопец, третий, современный этап истории трех стран. Именно он вобрал в себя наиболее яркие страницы в жизни Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Это прежде всего девятилетняя (1946—1954 гг.) война Сопротивления народов трех стран против французских колонизаторов, в ходе которой вьетнамцы, лаосцы и кампучийцы в совместной борьбе отстаивали свое право на свободу и независимость. Победная канонада артиллерии Вьетнамской народной армии в битве при Дьенбьенфу в мае 1954 г. ознаменовала окончательный провал колониалистской политики Франции в Индокитае.

Это и 10-летняя эпопея героического отражения народами трех стран преступной агрессии американского империализма, завершившаяся исторической победой над интервентами и их марионетками — силами внутренней реакции. Взвизвшийся 30 апреля 1975 г. в небо освобожденного Сайгона стяг революции возвестил об историческом повороте в судьбах вьетнамского народа, всех народов Индокитая. Империалистическая агрессия вдребезги разбилась о стойкость патриотов Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Отмечая в 1985 г. 40-летие победы Августовской революции, историки СРВ подчеркивали, что со времени образования первого вьетнамского государства (в 2879 г. до н. э.) прошло 4854 года, когда Вьетнам обрел в победном 1975 г. свою независимость и территориальную целостность.

С провозглашением в середине 70-х годов Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Кампучии (1979 г.), в едином строю вставших на путь созидания новой жизни, началась новая эра в многовековой истории народов Индокитая.

Плечом к плечу, крепя взаимопомощь и традиционную сплоченность, шли, преодолевая порой невероятные трудности и лишения, Вьетнам, Лаос и Кампучия к торжеству своего справедливого дела. «У народов Индокитая, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председатель Совета Министров Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсон Фомвихан, — одна и та же тяжелая судьба; нас связывают общие революционные идеалы, совместная борьба против общего врага». Тезис о том, что укрепление сплоченности народов трех стран явля-

ется закономерностью революционного процесса в Индокитае, четко сформулирован в документах Коммунистической партии Вьетнама, Народно-революционной партии Лаоса и Народно-революционной партии Кампучии.

Действительно, вся история национально-освободительного, антиимпериалистического движения в Индокитае — это летопись совместной борьбы, в которой укреплялись и получали дальнейшее развитие единство и сплоченность народов, коммунистов Вьетнама, Лаоса и Кампучии во имя достижения общих целей, построения основ нового общества. В свете этого рассмотрение современных проблем этих стран в их совокупности, во взаимосвязи представляется оправданным.

Говорить о трех странах Индокитая как об исторически сложившейся региональной общности правомерно еще и потому, что они издавна связаны между собой географически, исторически, а также в силу целого ряда факторов — экономического, социального, культурного и иного порядка. Важным представляется здесь то, что структура экономик Вьетнама, Лаоса и Кампучии во многом схожа: главной отраслью традиционно являлось сельское хозяйство, прежде всего рисоводство, и от его развития как раньше, так и теперь в значительной степени зависит решение насущных социально-экономических проблем этих стран.

И вместе с тем это отнюдь не противоречит тому очевидному факту, что каждая из этих стран по-своему неповторима, самобытна. Имеются между ними и существенные различия. Достаточно сказать, что вьетнамцы, лаосцы и кампучийцы говорят на различных языках, немало специфики в укладе их жизни, обычаях, традициях. К тому же государства Индокитая отличаются большой этнической пестротой. Во Вьетнаме, например, проживают представители свыше 60 народностей и этнических групп общей численностью более 5 млн. человек. Они живут в основном в горах и предгорных районах. Среди наиболее многочисленных народностей, проживающих в СРВ, — таи, мьянги, тхаи, мань.

В Лаосе 68 различных народностей, объединенных в три этнокультурные группы: лаолумы (лао долин), лаотенги (лао горных склонов) и лаосунги (лао горных вершин)¹. Для каждой группы характерен свой уровень социально-экономи-

¹ Приставка «лао» в названии каждой группы появилась в период борьбы Лаоса за независимость как отражение стремления народов страны подчеркнуть национальное единство всего населения Лаоса.

ческого и культурного развития и своя зона проживания. Лаосская нация формируется в основном вокруг лаолумов, значительная часть которых живет в городах. В Кампучии помимо кхмеров, составляющих 90% населения страны, проживают также представители свыше 20 народностей и этнических групп.

Колонизаторы и империалисты, отдавая себе отчет в том, сколь опасно для их экспансионистских замыслов единство народов стран Индокитая, всегда пытались любыми средствами — ложью, угрозами, насилием и террором — посеять рознь между ними. Однако тенденция к консолидации подлинно патриотических, революционных сил трех стран всегда была преобладающей. И то, что объединяло вьетнамцев, лаосцев и кампучийцев, оказывалось сильнее того, что могло бы их разъединить. Да и сама История зачастую распорядилась так, что у народов трех стран — во имя защиты своего национального достоинства, государственности, своих неотъемлемых суверенных прав — не было иного пути, как объединить усилия для совместного отпора врагу. Ведь недруги, совершая агрессию против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, не раз либо вторгались одновременно в эти страны, либо, закрепившись в одной из них, использовали ее как плацдарм для нападения на две другие. Иными словами, для иноземных захватчиков Индокитая всегда был единым театром военных действий. А в этих условиях эффективно противостоять их агрессивным устремлениям можно было, лишь сплотив усилия всех трех народов. Так, еще в VIII в. вьетнамцы и кампучийцы вместе противостояли натиску полчищ танской династии. В XIV в. лаосцы и кхмеры объединялись против нашествий войск тайских феодалов. В XV в. вьетнамцы и лаосцы вместе противостояли миньским завоевателям. На протяжении XVII и XVIII вв. и в начале XIX в. народы трех стран Индокитая снова сдерживали натиск тайских феодалов, не раз совершавших агрессию против тогдашних монархий Лаоса и Кампучии.

И эта совместная борьба как в древности, так и в современный период все теснее сближала вьетнамцев, лаосцев и кампучийцев, позволяла преодолевать имевшиеся элементы отчуждения, придавала уверенность в том, что сплоченность и есть тот важный, быть может, решающий фактор, который способен обеспечить успех их патриотической борьбе за независимость каждой из стран.

Через призму столетий

Индира Ганди в свое время отмечала: «В таких странах, как Индия и Вьетнам, прошлое и настоящее соединены воедино. Мы строим свое будущее, используя новые знания, не порывая со старой мудростью, завещанной нашим прошлым опытом в сфере человеческого духа».

Без обращения к прошлому порой непросто понять многое в современной жизни Индокитая. Ведь именно там, в глубокой древности, зачастую и скрыты истоки традиций, культуры, самой цивилизации народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, которые во многом определяют нынешние реалии их жизни.

Уникальные археологические находки, хранящиеся в исторических музеях стран Индокитая, свидетельствуют о том, что пращуры современных вьетнамцев, лаосцев и кампучийцев издревле осваивали территорию, на которой расположены ныне три независимых индокитайских государства. Научным фактом является наличие на территории Индокитая большого самостоятельного очага культуры на ранних этапах существования *Homo sapiens*. Предки народов Индокитая жили здесь еще во времена палеолита — древнего каменного века, то есть пятнадцать тысячелетий до н. э. В странах Индокитая находят остатки деятельности человека периода раннего палеолита.

Одна из древних легенд о происхождении вьетнамского народа повествует о том, что от брачного союза дракона и феи гор Ау Ко появились на свет в одной оболочке сто яиц. А из них вышли сто добрых молодцев, половина которых ушла вместе с отцом-драконом на равнины, к морю, а остальные поднялись с матерью-феей в горы. Но каждый год, где бы они ни находились, потомки Ау Ко возвращались на родину, чтобы совершить торжественное приношение духам предков. Легенда гласит, что все вьетнамцы — потомки братьев, родившихся из чрева одной матери. Это сказание донесло до нас своеобразное, быть может, наивное мирозерцание древних, но его символический смысл очевиден: люди гор и жители равнин Вьетнама — соотечественники. Да и само вьетнамское слово «донг бао» (соотечественники) означает «рожденные в одной утробе».

Находки археологов свидетельствуют о существовании оригинальной вьетнамской цивилизации, зародившейся на севере страны в древнейшие времена, задолго до нашей эры. На весь мир знамениты открытые учеными уже в XX в. Хоабиньская культура периода мезолита и Бакшонская

культура эпохи неолита, названные так по находкам в провинции Хоабинь, горах Бакшон. В тот период предки современных вьетнамцев занимались охотой, рыболовством и ранним земледелием.

В эпоху неолита — нового каменного века (с восьмого по третье тысячелетие до н. э.) хозяйственная жизнь проживавших здесь племен уже достигла довольно высокого уровня — произошел переход к земледелию и скотоводству, появились первые сельскохозяйственные поселения. Литье меди было известно у древних жителей Индокитайского полуострова уже в четвертом тысячелетии до н. э., а бронзы — в конце третьего тысячелетия. Как своеобразные посланцы Донгшонской культуры дошли до наших дней бронзовые барабаны с изображением солнца (их найдено в Северном Вьетнаме более 300). Самый большой из них 80 см в диаметре и высотой 120 см. Память о «земле предков» вьетнамцы испокон века чтит в своих церемониях в день поминовения королей Хунгов, создавших четыре тысячелетия тому назад первое вьетнамское государство — Ванланг.

Многие исторические документы и свидетельства дошли до нас о государстве древних вьетов Аулаке (III в. до н. э.), захваченном ханьскими завоевателями, и в течение десяти веков с кратковременными перерывами находившемся в вассальной зависимости от сменявшихся господствовавших там династий. Близ Ханоя находится крепость государства Аулак — Колоа. Стены ее сохранились и поныне, представляя большой интерес для туристов.

Социологи СРВ считают, что Вьетнам в древнейшие времена переживал длительный период первобытнообщинного строя. В I—IX вв. в стране существовало общество, которое, используя предложенный К. Марксом термин, условно можно назвать «азиатским способом производства». Именно на его основе, считают вьетнамские ученые, в X в. появились феодальные производственные отношения и как результат сформировалось вьетнамское феодальное государство. Однако феодализм во Вьетнаме утвердился в условиях сохранения в деревне общины. В середине XIX в. вследствие расширения агрессии французских колонизаторов вьетнамское общество носило колониальный, полуфеодальный характер. Таким образом, до Августовской революции 1945 г. Вьетнам в своем развитии прошел через первобытнообщинный строй, период «азиатского способа производства», период феодализма и колониализма. Но он миновал этап рабовладельческого общества, подобного существовавшему в Древней Греции и Риме, а также капиталистическую стадию, хотя и эксплуатация

рабов, и капиталистические производственные отношения в свое время получили там определенное развитие.

Вьетнамские социологи приходят к выводу о том, что в процессе развития страны каждые последующие общественно-экономические формации, как правило, не разрушали старые, а лишь трансформировали их в соответствии с новыми условиями общественной жизни. Тем самым создавалось такое положение, когда уклады различных исторических эпох как бы наслаивались друг на друга, взаимно переплетались.

К началу нашей эры относится образование первого государства на территории Кампучии — монархии Бапном. Хронологически это было следующее после Ванланга и Аулака государство в регионе. Бапном просуществовал до VI в. Расцвет древней кхмерской цивилизации и культуры связан с формированием и укреплением в IX—XII вв. Ангкорской империи. Близ Яшодхарапуры, тогдашней столицы страны, были воздвигнуты ставшие впоследствии всемирно известными храмы Ангкор-Ват, Байон и другие. Государственной религией Ангкорской империи был тогда индуизм, а основным божеством — танцующий бог, разрушитель и созидатель Шива. С XIII в. основной религией кхмеров становится буддизм.

О существовании общинной организации в раннем Лаосе и развитии первобытной культуры и техники свидетельствуют мегалитовые памятники, сохранившиеся в Долине Кувшинов, на плато Сиангкхуанг — каменные овалы сосуда трехметровой высоты, относящиеся к I—V вв. Эти сосуды в форме кувшинов, видимо, использовались древними жителями Лаоса в качестве урн для захоронения.

В середине XIV в. разрозненные лаосские княжества объединились в могущественное феодальное государство Лан Санг Хом Кхао — «Страна миллиона слонов и белого зонтика»¹. Период существования Лан Санг (XIV—XVII вв.) стал временем наивысшего расцвета культурной и экономической жизни древнего Лаоса. К этому времени относится проникновение в страну буддизма и превращение его в господствующую религию.

Всех, кто приезжает даже на короткое время в страны Индокитая, поражает глубокое знание вьетнамцами, лаосцами, кампучийцами истории своей родины буквально с древ-

¹ Как говорят лаосцы, это название объясняется тем, что слоны, которых сейчас не часто встретишь в лесах Лаоса, несколько столетий тому назад были одними из самых распространенных животных в джунглях этой страны. Что же касается белого зонтика, то он издревле служил символом королевской власти в феодальном Лаосе.

нейших времен. Спросите любого вьетнамца, как он представляет себе традиционные ценности вьетнамской нации, и он, подумав несколько секунд, скажет: это — труд, направленный на создание цивилизованной, счастливой для всех жизни; это — патриотизм, отпор посягательствам чужеземных агрессоров на независимость страны, защита достоинства всей нации и каждого человека; это — солидарность и взаимопомощь людей труда. Вьетнамцы дорожат этим наследием, стремятся его преумножить.

В каждом городе, в каждой провинции Вьетнама создан исторический или краеведческий музей, в котором вам с гордостью расскажут о славных страницах прошлого этого района, о революционных традициях его трудящихся, об их вкладе в общенациональную борьбу. Большое внимание этой работе уделяется в Лаосе и народной Кампучии.

В Хайфоне (морских воротах Северного Вьетнама) одна из достопримечательностей — местный исторический музей. В нем — интересная экспозиция, посвященная развернувшемуся в сентябре 938 г. на реке Батданг — близ современного Хайфона — сражению между вьетнамцами и ханьским флотом. Вьетнамцам помогла тогда военная хитрость их полководца Нго Куйена, который отдал распоряжение вбить в дно реки заграждения из кольев с железными наконечниками, невидимые неприятелю во время морского прилива. Им удалось заманить вражеский флот на эти заграждения, лишить его маневренности в период отлива и разбить. В музее вам непременно покажут эти огромные колья, сыгравшие столь существенную роль в сражении. Почти через 350 лет, в 1288 г., на реке Батданг вьетнамскому военачальнику Чан Хынг Дао вновь удалось разгромить неприятельский флот из 500 кораблей. Трижды на протяжении 30 лет вьетнамцы под командованием Чан Хынг Дао добивались в XIII в. победы в боях с непрошеными «гостями». И здесь же в музее узнаете вы о славных революционных традициях хайфонского пролетариата, внесшего выдающийся вклад в победу Августовской революции 1945 г., и о героической обороне города в годы отражения агрессии американского империализма.

Неподалеку от центра Ханоя на берегу реки Красной расположен Государственный исторический музей Вьетнама, богатейшая экспозиция которого охватывает четырехтысячелетнюю историю этой страны. В городе Дананге — в Центральном Вьетнаме — находится музей древности тямов, расцвет искусства которых относится к первому тысячелетию и связан с образованием находившегося на территории нынешнего Центрального Вьетнама государства Тямпа.

Славные традиции борьбы против чужеземных захватчиков находили отражение и в героическом эпосе, и в лучших произведениях древних вьетнамских поэтов. Широко известна легенда о юноше из деревни Жонг в провинции Хабак, который рос не по дням, а по часам, а когда в страну пришла беда, сел верхом на железного коня, вырвал из земли бамбуковое дерево и разметал им полчища врагов. Поговорите с любым вьетнамцем и вы почувствуете, сколь свята у них память о выдающихся деятелях древности, будь то легендарные сестры Чынг, поднявшие в 40 г. народ на восстание против чужеземных порабощителей, или король Ли Бон, основавший в 544 г. независимое государство Ван Суан («Десять тысяч весен»), все 58 лет существования которого были отмечены непрерывным сопротивлением агрессорам, или поэт Нгуен Зу, создатель знаменитой поэмы «Киеу», отрывок из которой вам с радостью прочтет каждый вьетнамец.

Действительно, Вьетнам, Лаос и Кампучия — это страны древней, самобытной культуры, яркого, колоритного искусства, богатой своими традициями литературы. Письменность во Вьетнаме появилась во II в. до н. э. До конца XIV в. вьетнамцы пользовались письменностью на основе китайских иероглифов, однако они не получили широкого распространения в народе. XV—XVIII вв. отмечены созданием вьетнамской письменности на латинской основе и появлением в 1651 г. первого вьетнамского словаря. С XIX в. начал формироваться общенациональный литературный язык, на котором вьетнамцы говорят и сегодня.

Древний период вьетнамской литературы представлен, например, богатым устным народным творчеством — песни, «казао» (песенные стихи), предания и легенды, передававшиеся из поколения в поколение. И поныне популярны старинные «казао», в которых прославляются национальные герои древнего Вьетнама.

Наиболее ранние из дошедших до нас памятников вьетнамской литературы относятся к X в. XIII в. ознаменован созданием 30-томных «Исторических записок о Дайвьете». Богатое творческое наследие оставил известный полководец, государственный деятель и поэт Вьетнама Нгуен Чай (1380—1442). Он считается одним из первых гуманистов, кто рассказал о страданиях народа, создав поэтическое полотно о всенародной войне с захватчиками. Каждый вьетнамец знает стихи Нгуен Чаю, в которых прославляются доблесть человеческого духа, идеи добра и справедливости, в которых предпочтение отдается покорению сердец, а не завоеванию крепостей. XVIII в. и начало XIX в. — период расцвета вьетнам-

ской классической поэзии. В сокровищницу вьетнамской литературы вошла патристическая поэма Доан Тхи Дьем «Плач жены воина» (1745 г.).

Однако подлинной вершиной считается творчество Нгуен Зу, давшего на рубеже XVIII—XIX вв. литературе такой шедевр, как «Киеу», или «Стенания истерзанной души», — трагическая поэма о красавице Киеу, о столкновении долга, чести и любви. Место Нгуен Зу во вьетнамской литературе, не раздумывая, определит каждый ханойский старшеклассник. «Нгуен Зу для Вьетнама то же, что Пушкин для России», — уверенно скажет он.

Богатые литературные традиции существуют и в Кампучии. Народный кхмерский эпос «Реам Кер» по праву стоит рядом со знаменитой индийской «Рамаяной», а герой многочисленных сказок — хитроумный крестьянин Тненьтьее чем-то сродни Ходже Насреддину. Популярны в народе и такие озорные персонажи, как веселый мальчишка Алеу, мудрый, лукавый Заяц-судья и другие.

Самобытная литература и искусство лаосского народа. В древности их расцвет пришелся на период существования государства Лан Санг Хом Кхао (XIV—XVII вв.), который лаосцы называют «золотым веком» лаосской цивилизации. «Страна миллиона слонов и белого зонтика» поддерживала широкие связи с соседними государствами — Индией, Вьетнамом, Таиландом, Кампучией, Бирмой. Именно этот период связан с созданием лаосской письменности, а также с проникновением в Лаос буддизма.

Буддизм наложил глубокий отпечаток на духовную культуру, быт, уклад жизни народов Индокитая. Хотя население Вьетнама исповедует все три мировые религии — буддизм, христианство и ислам, а также конфуцианство, даосизм и индуизм, однако в верованиях и самих вьетнамцев, и крупнейших народностей, живущих на территории страны, — таи, тхאי, мьонги — значительны следы ранних религиозных воззрений. Среди отдельных народностей и этнических групп до сего времени сохранились пережитки древних форм религиозных верований — тотемизма, фетишизма и анимизма.

Так, часть вьетнамцев в древности почитала как предка Великого Дракона, другие же — сказочную птицу Лю. Таи и тхאי считают своим предком тигра. В верованиях всех народностей присутствует сонм разнообразных духов — хозяев местностей. Особое почтение оказывалось Тхан Ляу — духу риса, который ассоциировался с прекрасной девушкой — дарительницей урожая. Распространен и семейный культ предков, которые, согласно верованиям, обитают в подземных

мирах. К ним древние вьетнамцы обращались с мольбой о плодородии полей, о рождении сыновей и т. д.

Наличие развитого культа предков было в немалой степени связано с распространением во Вьетнаме начиная с VI в. конфуцианства, ставшего в XV в. главенствующей религией феодального Вьетнама. Но это была в основном религия элиты, господствовавшего клана.

Простые же люди тянулись в те времена к буддизму, который появился во Вьетнаме во II в. Большинство руководителей народных восстаний против владычества чужеземных феодалов были буддистами. Как считают вьетнамские историки, тесная связь буддийской мысли с идеей независимости и определяла стремление вьетнамцев использовать буддийские догматы о человеческом братстве в качестве оружия борьбы против феодальных притеснений. В заслугу буддийским общинам ставилось распространение в эпоху средневековья грамотности через сеть монастырских школ, сохранение национальной культуры.

С древних времен страны Индокитая поддерживали самые разнообразные связи с Китаем и Индией. Влияние китайской и индийской культур, социально-экономических процессов, происходивших в этих двух великих азиатских державах, на страны и народы Индокитая, как и на весь регион Юго-Восточной Азии, было существенным. Бесспорно, однако, и то, что основные черты социального строя и культурные особенности индокитайских государств вполне самобытны. Очевидно, что здесь происходил исторический процесс взаимообогащения, взаимодополнения культур народов соседствовавших древних азиатских государств.

Музыка, застывшая в камне

О древней культурной традиции народов стран Индокитая свидетельствует их зодчество, в частности городская архитектура. Во Вьетнаме, думается, в этом смысле нет равных городу Хюэ — древней королевской столице, расположенной в центральной части страны. Омываемый водами Ароматной реки, окруженный лесистыми холмами и живописными каналами, утопающий в зелени садов, Хюэ, основанный в III в. до н. э., поистине представляет собой жемчужину городской архитектуры.

Первые строители Хюэ, казалось, хотели вписать город в величественный природный пейзаж. Опоенный с одной стороны горой Королевский Щит, а с другой — холмом Бельве-

дер и лагунами Тамзянг и Канхай, город стал как бы искусным дополнением к естественной красоте природы.

На берегах Ароматной реки близ Хюэ находятся гробницы представителей династии Нгуенов, правившей во Вьетнаме с 1802 по 1945 г., когда революция упразднила монархию. Созданные талантливыми вьетнамскими мастерами, эти гробницы, а каждая из них — образец пейзажной архитектуры, по-своему настраивают людей на задумчивый лад, вызывая у них созвучное окружающей природе настроение.

Дворец Тхайхоа, храм Ванлау, арка Нгомон — эти и многие другие шедевры вызывают восхищение всех, кому доводится посетить этот неповторимый по колориту город. Живописный характер этих памятников придает Хюэ и его пригородам особую гармонию. Здесь синтез религиозной и светской архитектуры, слияние современности и старины, где новые кварталы удачно сочетаются с постройками древности.

Архитектурный стиль Хюэ, как считают специалисты, явился выражением духовных исканий различных эпох. В нем сильны буддийские и конфуцианские традиции. Хюэ всегда был очагом литературы и науки, далеко за пределы города распространилась слава его ученых.

Одним из наиболее самобытных городов Индокитая является основанный в V в. Ханой — ныне большой, современный город, расположившийся на берегах реки Красной. Стого времени, когда в 1010 г. он стал столицей древнего государства Дайвьет, до провозглашения Ханоя в 1976 г. столицей СРВ город сменил ряд названий — Тханглонг, Донгдо, Донгкинъ. Свое нынешнее название Ханой (что означает «Город у междуречья») получил в 1831 г. во времена царствования императора Минь Манга. Среди всех старых названий Ханоя жителям столицы особенно импонирует Тханглонг — «Взлетающий дракон».

Название Тханглонг носит крупнейший в Ханое мост через реку Красную, сооруженный при техническом содействии Советского Союза. Официальное открытие моста состоялось в сентябре 1985 г. в дни празднования 40-летия независимости Вьетнама. Ввод в строй моста Тханглонг имеет огромное хозяйственное значение. Ведь до тех пор единственным в Ханое мостом, соединяющим берега реки Красной, был мост Лонгбьен, построенный французами в 1898—1902 гг. Этот мост, являвшийся в начале XX в. уникальным инженерным сооружением — ведь его конструировал сам автор Эйфелевой башни в Париже, — смотрится сейчас слегка архаичным. В период войны мост неоднократно разрушался в ходе бомбардировок ВВС США и вновь восстанавливался. Ханойцы с ува-

жением отзываются об этом «герое-мосте», который, как и жителей столицы, не сломили бесконечные атаки империалистического агрессора.

Вечером после трудового дня путь многих ханойцев, решивших отдохнуть от дневных забот, неизменно лежит к историческому центру города — озеру Возвращенного меча (Хо хоан кием) — одному из живописнейших мест столицы. Окруженное со всех сторон городскими кварталами, озеро связано с древней легендой. До наших дней донесла она историю о том, как полтысячелетия тому назад, в первой половине XV в., здесь однажды ловил рыбу бедный рыбак по имени Ле Лой. Как-то раз лодка его чуть не перевернулась от внезапного толчка. Из глубин озера выглянула гигантская черепаха и протянула ему меч, излучающий свет. Этим мечом и суждено было рыбаку, поднявшему народ на борьбу с полчищами завоевателей, наседавших на Вьетнам с севера, разгромить врагов. Прошли годы. Ле Лой стал королем. И вот однажды он с пышной свитой пришел к озеру, чтобы принести жертву духу озера. В руках Ле Лой держал заветный меч, с которым он никогда не расставался. Вдруг вновь вынырнула черепаха, подхватила меч, выскользнувший из рук Ле Лоя, и унесла его на дно.

С той поры и лежит меч, гласит легенда, на дне озера Возвращенного меча, чтобы в трудный для Вьетнама час вновь помочь народу в борьбе с агрессорами. Близ озера стоит памятник Ле Лою, установленный в 1896 г., и пагода в его честь.

Самый большой и древнейший город Лаоса — его столица Вьентьян, основанный в XIII в. Его население около 380 тыс. человек. Сохраняя старинный облик, который придают ему древние пагоды — и среди них изумительный по красоте храмовый комплекс Тхат Луанг, построенный в 1586 г., — Вьентьян все больше приобретает черты современного города. Его архитектура гармонично сочетает национальный и европейский стили.

Впечатляет красота второго по значению и численности населения города Лаоса — Луангпхабанга, бывшего до 1975 г., когда национально-демократическая революция упразднила монархию, резиденцией короля Лаоса. После образования ЛНДР королевский дворец превращен в музей. В Луангпхабанге и его пригородах сохранилось множество изумительных по изяществу пагод и священных гротов со статуями Будды. Город славится своими мастерами — творцами высокохудожественных ремесленных изделий из серебра, дерева, тканей, каолина.

Возникновение в XIV в. Пномпеня — современной столицы НРК — также связано с романтической легендой: некая тетушка Пень плыла по реке и вдруг увидела рядом с собой кусок дерева, оказавшийся изображением Будды. Она сочла это добрым предзнаменованием, сошла на берег и на этом месте на небольшом возвышении решила основать поселение, назвав его Пном. Ныне тенистый парк, окружающий холм Пном, вокруг которого пять с половиной веков тому назад возникла столица, — одно из любимых мест отдыха пномпеньской детворы. Часами играют дети с живущими в парке прирученными слонятами. В городе много достопримечательностей. Подлинная жемчужина кхмерской архитектуры — построенная в 1434 г. ступа Пном. Красивы комплекс королевского дворца, «Серебряная пагода», но это уже постройки более поздние — конца XIX — начала XX в.

Гордость кхмерского народа — Ангкор-Ват. Вот уже восемь столетий прошумело над этим блестящим творением человеческих рук. Первым из побывавших в Кампучии европейцев, о котором дошли до наших дней сведения, был прибывший ко двору императора Анг Тяна в 1555 г. португальский доминиканец Гаспар де Круа. Ангкор произвел на португальца впечатление «самого красивого, прекрасно оборудованного для жизни и самого чистого города в мире».

Ангкор-Ват стал очевидцем многих событий — радостных и печальных, ярких и трагических — в истории Кампучии. Но и сейчас, в конце XX в., человек, пришедший к древним величественным сооружениям Ангкора, стоя у его парапетов с изваяниями гигантских змей, невольно задает себе вопрос: как смог человек далекого средневековья создать это чудо архитектуры и ваяния. Ангкор-Ват поражает воображение как своими размерами, так и гармонией формы, красотой камня, в котором отражены настроения, помыслы и дела людей той далекой эпохи — от выращивания риса до боевых сражений, от ритмического танца до тревоги за судьбы своего народа. Этот выдающийся памятник культуры близ кхмерского города Сиенреап — напоминание об ангорском периоде Кампучии. И вместе с тем здесь, у древних камней Ангкор-Вата, особенно чувствуешь неразрывную связь поколений трудолюбивого и талантливого кампучийского народа. Ведь в грациозном пластичном танце классического балета, который исполняют в наши дни учащиеся хореографического училища в Пномпене, отнюдь не меньше грации, привлекательности, чем в запечатленных в камне жестах «апсар» — мифических небесных дев на барельефах Ангкора.

Усмиряя гнев духа Вод

Легенда о девушке Луа гласит, что в дни страшного голода, обрушившегося на людей, она сумела накормить рисом всех обездоленных, а затем сама превратилась в маленькое зернышко, которое дало начало знаменитому клейкому рису, известному далеко за пределами Юго-Восточной Азии. Из него во Вьетнаме делают традиционный пирог «баньтинг» на Тэт — Новый год по лунному календарю.

Вьетнамцы умели выращивать рис, являвшийся для них важнейшей продовольственной культурой, уже в эпоху неолита, примерно 6—7 тысяч лет тому назад. При обработке почвы древние земледельцы пользовались вначале каменными топорами, а позднее каменными мотыгами. Археологические находки в Индии, Вьетнаме, Таиланде, Китае показывают, что рисоводство могло почти одновременно зародиться во многих районах Азиатского континента. Однако с полным основанием можно утверждать, что Вьетнам является одним из древнейших центров рисоводства. В бронзовый и в начале железного века (четыре тысячи лет тому назад) культура выращивания риса получила во Вьетнаме значительное развитие. В те далекие времена древние вьеты стали возделывать рис в районе дельты реки Красной и нынешней провинции Тхайбинь. Тогда же начала зарождаться техника ирригации для посадки заливного риса.

Рис и поныне основной продукт питания в странах Индокитая. Каждый, кто приезжает сюда, довольно быстро осваивает технику еды палочками, которые испокон веку используются народами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Интересно, что, как утверждают медики, есть палочками полезно для здоровья. Во время еды манипуляции ими оказывают воздействие на большое число мышечных волокон и 30 первых точек организма, стимулируя деятельность мышечной и нервной систем.

На протяжении всей своей истории вьетнамцы, лаосцы и кхмеры бесстрашно вступали в борьбу с грозной стихией — тайфунами, наводнениями, засухой. Эта многовековая борьба была для людей битвой за рис, за жизнь.

На память приходит древнее вьетнамское предание: два титана — дух Гор и дух Вод оспаривали руку и сердце красавицы Ми Ньонг — дочери короля Хунг Вьонга. Дух Гор — Шон Тинь добился расположения красавицы и увез ее в свои владения на гору Таньен, расположенную в юго-западной части дельты реки Красной. Дух Вод — Тхю Тинь в гневе наслал на этот район армаду чудовищ — ураганы и тайфуны.

Дух Гор возглавил борьбу людей против стихии, и она была укрощена. Жестокий и честолюбивый дух Вод — символ разрушавшейся стихии — не смирился. Вновь и вновь обрушивается он на непокорных людей тайфуны, наводнения, паводки.

Но люди побеждали в этой борьбе — они строили дамбы и плотины, усмиряя гнев Тхю Тиня — духа Вод. Они осушали заболоченную местность, создавая города, закладывая новые и новые чеки рисовых полей. Ведь так на месте болот был заложен 15 веков тому назад и Ханой.

Богата и разнообразна флора стран Индокитая. В них насчитывается больше 10 тыс. видов растений. В лесах, покрывающих немалую часть территории Вьетнама, Лаоса и Кампучии, имеются редкие и ценные породы деревьев — розовое, черное, сандаловое, железное, палисандровое, камфарное. Лес дает не только древесину для строительства жилищ, изготовления орудий труда, но и различные древесные смолы, которые высоко ценятся на мировом рынке.

Но, конечно же, наиболее распространенным является здесь бамбук — самое почитаемое в народе растение. Десятки сказаний, поговорок, легенд посвящены бамбуку. Из него во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии люди научились делать очень и очень многое — дома, мосты, мебель, лодки, корзины, плетенки, бумагу, трубы для деревенского водопровода, причем все эти изделия легки, удобны, прочны и огнеупорны. Листья бамбука идут на корм скоту, а из молодых побегов готовят вкусные блюда восточной кухни. Наконец, бамбук — обязательный элемент культурного ландшафта в странах Индокитая, как в сельской местности, так и в городах.

Высота бамбука достигает порой 15 м. Отмечены случаи, когда его побеги за сутки вырастали на 50 см и более. Любопытно, что молодой стебель бамбука, отличающийся быстрым ростом, большой твердостью и необычайной полезностью, взяла в качестве своего символа пионерия Вьетнама.

И еще одно растение нельзя не упомянуть, говоря о странах Индокитая, особенно о Вьетнаме. Это чай, который повсюду сопровождает вас, куда бы вы ни пришли — в гости во вьетнамскую семью, в учреждение, в театр. Выпив маленькую чашку зеленого вьетнамского чая, чувствуешь, как пропадает утомление, возвращается бодрость.

Северный Индокитай, как и южные районы Китая, — родина дикорастущего чая. Такое предположение сделал в свое время академик Н. И. Вавилов. Сейчас, на основании исследований вьетнамских ученых, это является уже научным фактом.

Массивы дикорастущего чая, а он растет на возвышенностях Северного Вьетнама, представляют впечатляющее зрелище. Ведь высота взрослых деревьев превышает 14 м, а толщина ствола, который по цвету напоминает березу, составляет у основания до 40 см и более. Урожайность его велика. В местечке Суойжуонг в провинции Нгяло растет чудо-дерево, с которого однажды собрали 300 кг сортового листа.

Климатические условия в Индокитае таковы, что на полях Вьетнама, Лаоса и Кампучии можно собирать по два и более урожая не только риса, но и других продовольственных культур. И всегда на нивах крестьяне: одни идут по колено в воде за буйволами, которые неторопливо тянут плуг. Другие высаживают изумрудного цвета рассаду — в вязкую жирную землю аккуратно вставляют нежные ростки рисовой рассады, и та, проклюнувшись зелеными иголочками сквозь зеркальную гладь воды, своеобразным пунктиром обозначивает квадраты чек рисовых полей. Пройдет два-три месяца, и растения окрепнут, выбросят шелестящие на ветру метелки, закачаются под тяжестью наливающегося зерна.

Неповторим по своей самобытности сельский пейзаж в странах Индокитая. Расстилающиеся повсюду рисовые поля подобны замысловатым картинкам, складывающимся из цветных кусочков стекла в волшебном калейдоскопе. Самых различных цветов и оттенков — изумрудно-зеленые, желтые, золотистые, голубые от неба, которое отражается в их воде, — нивы образуют сказочной красоты ковры. А затем наступает самая ответственная, долгожданная крестьянская пора — время жатвы. После уборки риса поля надо просушить, обработать под кукурузу, батат, маниок или овощные культуры, растущие в сравнительно прохладное время и не требующие в отличие от риса обильной влаги. Маниок и батат — однолетние растения с крахмалистыми клубнями, которые или употребляются в пищу в вареном виде, несколько напоминая картофель, или служат сырьем для изготовления различных сортов муки. Маниок имеет высокий — до 2,5 м — стебель и похож на небольшое деревце. У батата — стелющиеся травянистые стебли с небольшими стреловидными листьями.

Так что нет «передышки» у крестьянина и в «межсезонье» — после сбора риса осеннего урожая до высадки риса весеннего урожая. Вот и получается, что декабрь, январь и февраль считаются на севере Вьетнама и в Лаосе наиболее холодным временем, а для тружеников села это весьма горячая пора. «Человеку земля не в тягость» — гласит кампучийская мудрость. Бережно относятся к земле крестьяне в странах Индокитая.

Во многих вьетнамских деревнях по сей день сохранилась традиция ежегодно устраивать праздники урожая. Весьма колоритен такой праздник в северовьетнамской деревне Ван-лой. После уборки урожая жители собираются на площади около общинного дома¹, построенного в честь военачальника Лы Люи, которого почитают здесь как «бога-хранителя» деревни. И стар и млад спешат на театрализованное представление, в котором участвуют местные жители, исполняющие в спектакле роли «бога Грома», «пахарей», «буйволов». «Бог Грома» одет в пышное одеяние, которое носили в феодальном Вьетнаме военачальники; его лицо раскрашено в красный цвет, что означает доброту и храбрость. Он несколько раз обегает сцену, издавая звуки, похожие на раскаты грома, как бы предвещая дождь. А затем появляются «пахари» с «буйволами», символически изображающие процесс вспашки; эту сценку сменяют мизансцены, воспроизводящие картину посадки и прополки риса. В заключение все поют древнюю ритуальную песню, благодаря «бога-хранителя» деревни за собранный богатый урожай. Зрители восторженно принимают

¹ Общинные дома («дини») — места поклонения «богу-хранителю» деревни. Здесь же проводились сельские праздники, сходы односельчан. «Дини» начали строиться во Вьетнаме в конце XV в. и являются подлинными шедеврами национального искусства. В книге, написанной в 1573 г. ученым Нгуен Бином, содержится описание и поныне существующего в деревне Нгайкау в пригороде Ханоя общинного дома. Это дает основание предполагать, что ему, одному из самых древних общинных домов во Вьетнаме, уже по меньшей мере 414 лет. На его строилах и карнизах рукой древнего мастера вырезаны необычайно красивые пейзажи. В общинном доме сохранились две древние каменные стелы, 14 свитков с королевскими указами о чинопроизводстве, две родословные книги жителей деревни Нгайкау.

В «динах» протекала вся общественная жизнь деревни. При решении дел особо прислушивались к мнению стариков, которым оказывали веческие знаки внимания. В дни народных гуляний и во время церемоний поклонения богам всегда воспевались героические традиции родного края, исполнялись народные песни и танцы, устраивались соревнования между самыми ловкими и сильными юношами села.

Среди ученых Вьетнама сегодня высказываются разные точки зрения относительно роли общинных домов в жизни села. Мне лично более импонирует та точка зрения, что общинные дома стали своего рода воплощением демократических традиций вьетнамской деревни, способствовали сохранению и развитию культуры народа. Ведь каждый деревенский праздник превращался в своего рода фольклорный фестиваль того или иного района.

И при народной власти «дини» отнюдь не отошли на задний план — здесь место собраний кооперированных крестьян, вередко их дом культуры, местный краеведческий музей. Многие из общинных домов охраняются государством как исторические памятники.

представление, дружно награждая его участников аплодисментами.

А сколь ярко раскрывался живой ум простого народа на сцене традиционного и поныне очень любимого на севере Вьетнама театра «тео». Да и сама тематика пьес говорит о многом. Взять хотя бы такой популярный персонаж театра «тео», как симпатичная деревенская кумушка, которая гневно обличает сельских лицемеров-богатеев. Кстати, они тоже театральные персонажи, которые находятся здесь же, на сцене. Сколько ханжества в словах этих деревенских кровососов о необходимости быть «добропорядочными» людьми. Между тем все они, особенно кто помоложе, только и мечтают что о кутежах да пьянстве.

Театр «тео» возник в гуще народной: на деревенских ярмарках, на праздничных площадях. Он зло высмеивал продажных чиновников — маджаринов, бесчестных служителей культа, невежественных учителей, лентяев. История и идеи театра «тео» в известной степени напоминают представления скоморохов на Руси. Это — театр искрометного юмора, фантазии, импровизации; большое значение имеет в нем выразительный жест актера, его пластика. В театре «тео» образуется тесный контакт между аудиторией и исполнителями. Нередки случаи, когда спектакли театра «тео» затягивались на два-три часа: объяснялось это тем, что артисты, увлекшись импровизацией, отходили от сюжетного стержня, точнее, создавали вокруг основного сюжета ряд маленьких пьес-импровизаций на тему жизни того или иного городка или деревни. Артисты могли, например, остановить действие пьесы и обратиться к зрителям: «А у вас в деревне тоже такой староста-дурак?» — или: «Уважаемая публика! В соседней деревне такого мироеда-помещика крестьяне забросали тухлыми яйцами. А у вас хороший помещик?» и т. п.

В дореволюционный период нередко были случаи, когда артистов лишали свободы за смелые выступления против колонизаторов и их опоры — вьетнамских феодалов. Бывало и так, что представление заканчивалось бунтом всей деревни.

Весьма популярны во вьетнамских деревнях ежегодные праздники песен. Наиболее известен «Куан хо» — фестиваль песни в деревне Лим, что в 20 км к северу от Ханоя. Много старинных народных мелодий можно услышать и на праздниках песни, организуемых в Колоа, в храме легендарных королей Хунгов в провинции Виньфу.

Весной во многих вьетнамских деревнях, расположенных близ рек и каналов, устраиваются гонки на лодках. Раньше такие гонки были своеобразным религиозным ритуалом для

того, чтобы вызвать хороший дождь, а теперь они проводятся как спортивные соревнования между командами, каждая из которых, как правило, составлена из членов одной бригады местного кооператива.

Тэт — праздник Нового года, праздник весны

Новый год и начало весны. Для вьетнамцев эти понятия неотделимы.

В странах Индокитая в быту до сих пор пользуются 60-летним циклическим календарем, основанным на астрономических циклах движения Солнца, Земли, Луны, Юпитера и Сатурна. Древние составители календаря, желая исключить дробные результаты деления большего числа на меньшее, приняли за основу цикла время двух оборотов Сатурна, равное 60 годам. За это же время Юпитер совершает пять оборотов. Известный теперь далеко за пределами Юго-Восточной Азии так называемый «животный цикл», включающий в себя названия 12 животных — крыса, буйвол, тигр, кошка, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, петух, собака, свинья, — основывается на движении Юпитера вокруг Солнца, который делает полный оборот вокруг светила примерно за 12 лет. В каждом 60-летнем цикле насчитывается по 21 912 суток, и он состоит также из пяти 12-летних лунных циклов, содержащих, как правило, различное количество дней. Таким образом, в отличие от мусульманского календаря классической лунной хиджры в нем нет строгой последовательности чередования месяцев в 30 и 29 дней и могут встретиться два, три и даже четыре раза подряд месяцы в 30 суток. Поэтому начало лунного Нового года падает обычно на январь — февраль. Так, в 1987 г. Новый год по лунному календарю пришелся на 29 января. Наступил год кошки.

Тэт — Новый год по лунному календарю — любимый праздник вьетнамского народа, знаменующий начало весны.

В старые времена Тэт считался сельским праздником — крестьяне собирались вместе, чтобы отметить окончание полевых работ, сбор урожая, подготовку к новому сезону. Позднее эта традиция перешла в город. Уходящий глубокими корнями в древние народные традиции и поверья, ритуал празднования интересен и по смыслу, и по форме.

Празднование Тэта начинается на 23-й день 12-го месяца по лунному календарю, когда в семьях зажигают фимиам на жертвенных алтарях, совершая обряд проводов «кухонных Будд» — которые, по преданиям, досконально знают все хорошее и плохое о семье — на Небо. Там они докладывают Всевышнему о делах семьи и просят для нее благополучия на

следующий год. С 20-го по 25—26-й день отмечается день поминовения умерших. В эти последние дни года люди прибирают могилы предков и родных, приносят на них ароматические палочки. Тогда же перед домом устанавливают бамбуковый шест, к которому прикрепляют разноцветные бумажные украшения. По народным преданиям, этот шест отгоняет злых духов, охраняет спокойствие дома.

Существенный атрибут новогоднего праздника — народный лубок, на котором изображаются пейзажи, народные гулянья во вьетнамских деревнях, домашние животные.

Символом прихода весны являются цветы персикового дерева. Если ветка персика расцветет в новогоднюю ночь, то это сулит семье благополучие на весь год. В старые времена распутившаяся ветка персикового дерева считалась своеобразным амулетом, отгонявшим от дома бродивших по ночам злых духов. Согласно древней легенде, давным-давно на склонах горы Сок Шон росло гигантское персиковое дерево, пышная крона которого покрывала пространство в несколько сотен километров. На этом дереве поселились два могучих добрых духа — Тхан Ча и Уат Луи, поедавшие чертей и злых духов, которые, естественно, в страхе разбежались. А в результате люди, жившие близ горы Сок Шон, не боялись, что злые духи потревожат их во время сна. Однако в конце каждого лунного года Тхан Ча и Уат Луи были обязаны вознестись на Небо, чтобы докладывать Всевышнему о своих добрых делах. Боясь, как бы злые духи не принесли им несчастья в отсутствие добрых духов, люди решили срывать — каждый по одной — волшебную персиковую ветку и украсить ею жертвенник своих предков. Некоторые даже рисовали на красной бумаге изображения добрых духов и приклеивали их к персиковой ветке, считая, что вряд ли кто-либо из злых духов посмеет теперь потревожить покой этого дома.

Наряду с цветами персика праздничный стол, у которого собираются все члены семьи, украшают также декоративным мандариновым деревом с мелкими желтыми плодами. Каждое такое дерево — настоящее произведение искусства. Садовники с помощью только им известных секретов добываются, чтобы крохотные плоды мандаринов приобретали к праздничному часу удивительный золотистый оттенок.

Множество блюд готовится к Тэту, но самым главным является, пожалуй, «баньтинг» — традиционный пирог из клейкого риса с начинкой из мяса, толченого гороха, лука и различных специй. Как уверяют вьетнамцы, такой пирог — а он олицетворяет плодородие и щедрость земли — пекут во Вьетнаме уже почти две тысячи лет.

Во многих вьетнамских деревнях накануне Тэта устраивают соревнования девушек, с тем чтобы определить, которая из них приготовит самый вкусный пирог «баньтинг». Интересны условия такого состязания в деревне Тычонг в северовьетнамской провинции Тханьхоа: каждая участница соревнования, а их число иной раз доходит до двухсот, сидит в бамбуковой лодке посреди озера. В лодке имеется все необходимое для варки клейкого риса, однако трудность заключается в том, что топливом должна служить сырая солома. К тому же, если дует сильный ветер, лодка раскачивается, и в таких условиях, для того чтобы сварить кастрюлю риса, а тем более приготовить «баньтинг», действительно требуется настоящее искусство. Приз получает та девушка, которая быстрее других приготовит пирог, удовлетворяющий взыскательным вкусам членов жюри, состоящего из самых старых и почтенных жителей деревни Тычонг.

По религиозным представлениям последняя полночь — священное мгновение, когда Небо сходится с Землей. Ровно в 12 часов тьма старого года уступает место первому дню Нового года — с этой минуты как бы новая жизнь, новое счастье приходят к человеку.

И вот Тэт входит в свои права. Там и тут среди ночи слышится несмолкаемый треск хлопушек, петард. Их хлопки, согласно поверьям, прогоняют злых духов, рассеивают последние заботы и печали в ушедшем году, приносят в дом радость, счастье.

Большинство ханойцев и гостей вьетнамской столицы встречает Тэт у озера Возвращенного меча. Незабываемое это зрелище, когда в темное, безлунное небо разноцветным букетом взлетают праздничные фейерверки, их отсветы еще долго поблескивают на спокойной глади озера.

В новогоднюю ночь — это тоже традиция — многие вьетнамцы, особенно люди пожилого возраста, заходят в буддийские пагоды. Их немало сохранилось в Ханое, других городах и провинциях страны. Они находятся под охраной государства как памятники древней и средневековой архитектуры. В столице Вьетнама насчитываются десятки уникальных исторических памятников. Один из наиболее известных — символ Ханоя — Пагода на одном столбе (Тюа Мот Кот), построенная в 1049 г. Форма пагоды напоминает цветок лотоса.

Вьетнамцы считают, что по-настоящему повезло тому, кто после встречи Тэта сумел побывать в Ароматных горах. Это название расположена в 60 км от Ханоя красивой местности (Хьонгшон), где на живописной равнине окруженные зеркалами рисовых полей высятся утопающие в голубоватой

дымке горы, с которых, весело журча, стекают сотни ручейков. Всего гор ровно сто, и каждая имеет свое название, например «Петух», «Дракон», «Барабан», «Удав», «Гонг», «Бонза» и т. д. Действительно, по своим очертаниям каждая гора напоминает какой-то предмет или существо. Здесь же, в Ароматных горах, расположена красивая пещера Хьонгтик. По преданию, 99 гор обращено в сторону этой пещеры, и лишь одна гора — «Слон» «смотрит» в другую сторону: гора, говорится в сказаниях, была наказана Буддой за упрямство.

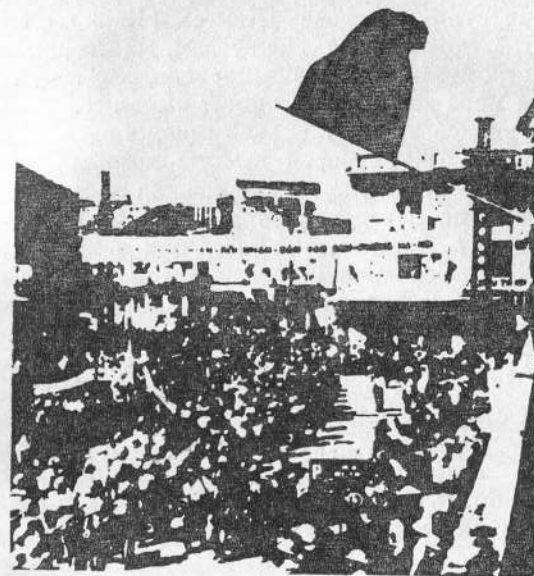
В многочисленных пещерах и гротах Ароматных гор расположены десятки изумительных по изяществу древних буддийских пагод, центральной из которых является Храм небесной кухни, построенный 300 лет тому назад. Это целый архитектурный комплекс, в который, помимо Пагоды ста залов, входят ворота с тремя арками, озеро, Башня небесных вод и башня Баотхай виенконг, где хранятся канонические книги и рукописи. Здесь же на каменных стелах высечены древние буддийские изречения, строки из произведений древних поэтов.

Нескончаемой нитью тянутся по каменным ступеням, проложенным в горах, многочисленные посетители этих пагод, попадая как бы в ирреальный мир, где струится аромат благовонных палочек, слышатся монотонные голоса монахов, читающих молитвы, и звуки гулких ударов в деревянные колотушки и гонги. Особенно поражает изящество многочисленных фигур, изображающих Будду и буддийских святых в пагодах Хьонгшона. Молодые люди приходят сюда полюбоваться древними памятниками, а старики — помолиться Будде о благополучии семьи. Паломничество в Ароматные горы — одна из давних традиций вьетнамцев.

Тэт празднуют торжественно, весело. Много раз встречал я Тэт во Вьетнаме — и в дни отражения американской агрессии, и в дни мирного труда вьетнамского народа. Конечно, обстановка, особенно в военное время, на все накладывала свой отпечаток. Но главное, что это всегда действительно был праздник — всенародный, яркий, пронизанный оптимизмом. В этом тоже одна из тех прекрасных жизнестойких традиций, которые в сознании людей отождествляются с их национальными, патристическими чувствами.

Поистине в неповторимую по своей самобытности вязь сплетаются пришедшие из глубины веков древние мифы, легенды, традиции и реалии современной жизни вьетнамцев, лаосцев и кампучийцев. Но прекрасней всех легенд стал величественный подвиг народов трех стран Индокитая — в освободительной борьбе и созидательном труде, — на который вдохновили их коммунисты.

ЗАКАТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭРЫ

Весной 1979 г. мне вместе с советской профсоюзной делегацией по приглашению Федерации профсоюзов Хошимина (бывший Сайгон) довелось побывать на острове Кондао, расположенном в 200 км юго-восточнее Хошимина.

Из города мы вылетели на маленьком самолете ДС-3 рано утром. Самолет довольно долго летел над безбрежной морской гладью и вдруг, посреди нее, нашему взору предстал живописный остров. Единственная взлетная полоса аэродрома, казалось, упирается в берег моря и в самом конце сливается с ним. Прошлое и настоящее, память о страшных годах войны и сегодняшние мирные будни переплетаются в странах Индокитая буквально на каждом шагу: совершив посадку на миниатюрном аэродроме Кондао, наш самолет оказался в окружении более чем десятка ржавеющих американских самолетов разных типов — свидетельств американской агрессии.

Поездка по Кондао, природа которого поразила нас своей первозданной красотой, обещала быть интересной. Припом-

нилось, что около семи веков тому назад, в 1294 г., Марко Поло, возвращаясь в Италию из своего занявшего почти 20 лет путешествия в Китай и другие страны Азии, останавливался и на этом затерянном в безбрежных морских просторах кусочке суши. В своей «Книге» (1298 г.) он писал о Кондао: «На этом острове, скажу вам, много разных редких деревьев, огромные стаи необыкновенных птиц, гигантские черепахи, а море вокруг него кишит рыбами».

Дорога вилась то по узенькой тропинке, взмывая ввысь среди скал, со 100-метровой высоты которых открывалась безбрежная морская панорама, то бежала по долине, где с зарослями бамбука чередовались посадки овощей, кукурузы, батата, маниоки. Вьетнамские товарищи показали нам порт, суда местной рыболовецкой артели. Но мы с волнением ожидали знакомства с экспозицией краеведческого музея, ведь Кондао (или Пуло-Кондор, как нарекли его в свое время французы) стал для каждого вьетнамца олицетворением палаческой жестокости колонизаторов, империалистов и их марионеток. Остров печально известен своими мрачными казематами, построенными при французском колониальном господстве, и «тигровыми клетками», в которых тщетно пытались сломить революционеров Вьетнама в годы правления проамериканского режима в Сайгоне.

Комок к горлу подступает при виде страшных свидетельств колониального прошлого — мрачных казематов, «тигровых клеток», где, закованные в кандалы, содержались сотни и сотни вьетнамских революционеров. Представьте себе бесконечно длинный ряд врытых в землю бетонных землянок, каждая размером примерно 3×3 м, покрытых сверху стальной решеткой. В этих застенках (в каждой «клетке» до 10 и более человек) в 60-е годы и первой половине 70-х годов подолгу томилась мужественные люди, которых морили голодом, зверски пытали, всячески унижали, наконец, убивали, но так и не смогли победить палачи. Ни один из десятков тысяч заключенных здесь революционеров не отказался от светлых идеалов вьетнамской революции. Несгибаемый дух, воля этих людей приводили в неистовство их палачей.

Кондао стал символом неукротимого духа, революционной стойкости, самопожертвования вьетнамских патриотов. Здесь до Августовской революции 1945 г. в застенках колонизаторов томилась такие известные вьетнамские революционеры, как Ле Зуан, Фам Ван Донг, Ле Дык Тхо, Хоанг Куок Вьет и многие другие. Свыше десяти лет провел в заключении на Пуло-Кондоре Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь.

В глубоком молчании стояли мы перед братской могилой революционных борцов, среди которых покоился и Ле Хонг Фонг — соратник Хо Ши Мина, один из руководителей Компартии Индокитая в 30-е годы. Ему было поручено возглавить делегацию КПИК на VII конгрессе Коминтерна, который стал яркой демонстрацией международного признания молодой Компартии Индокитая. Выступая на конгрессе, Ле Хонг Фонг заявил, что Коммунистическая партия Индокитая, несмотря на преследования со стороны французских колонизаторов, решительно борется за проведение в жизнь программы Коминтерна и линии на демократическую революцию с целью свержения французских колонизаторов, феодалов, полное национальное освобождение, за торжество идей социализма.

Выступления посланцев КПИК вызывали большой интерес на конгрессе. Когда самая юная делегатка из стран Азии Нгуен Тхи Минь Кхай закончила свою речь, рассказав, как пробуждаются и встают в ряды борцов за освобождение женщины Индокитая, несколько участниц конгресса под гром аплодисментов расцеловали молодую вьетнамскую революционерку. Ее сердечно приветствовала Н. К. Крупская.

Тогда, в один из летних дней 1935 г., произошло другое знаменательное событие в жизни Ле Хонг Фонга и Нгуен Тхи Минь Кхай — в московском районном загсе был зарегистрирован их брак. Впоследствии в знак уважения к Стране Советов они назвали свою дочь Хонг Минь — Красная Аврора.

Нгуен Тхи Минь Кхай — верная боевая подруга Ле Хонг Фонга — в революционном движении участвовала с 16 лет. В июле 1940 г., когда на Компартию Индокитая обрушилась новая волна репрессий, среди жертв террора колонизаторов оказалась и Нгуен Тхи Минь Кхай, избранная в 1937 г. членом партийного комитета Намки (южной части Вьетнама) и одновременно секретарем Сайгонского городского комитета КПИК. 28 августа 1941 г. она вместе с другими руководителями партии — Нгуен Ван Кы, Во Ван Таном, Ха Хюен Тапом — была расстреляна в сайгонской тюрьме.

И вот почти через 40 лет после гибели этих несгибаемых борцов, стоя у могилы Ле Хонг Фонга на затерянном в морских просторах Юго-Восточной Азии островке, отдавая дань глубочайшего уважения его мужеству, стойкости, все мы — советские люди и сопровождавшие нас вьетнамские товарищи — думали об одном: сколь же жизнеутверждающе несокрушима сила тех великих идей, которая двигала и движет борьбой коммунистов во всех уголках нашей планеты.

Бьются живые с врагом,
Мертвые бьются с врагом.
Сила убитых стоит
В тесном строю боевом.
Нет! Не смиритса народ!
Время отмщенья придет! —

в этих страстных строках вьетнамского поэта прошлого столетия Нгуен Динь Тиеу раскрыта вся глубина ненависти народов бывшего французского Индокитая к своим угнетателям.

Долгой была мрачная колониальная ночь над Индокитаем, который с середины XIX в. стал объектом экспансии и грабежа со стороны Франции, а затем, в годы второй мировой войны, — японских милитаристов. «Философия» французских колонизаторов с неприкрытым цинизмом излагалась в книге «Слава и позор колониализма» генерал-губернатора Индокитая А. Сарро, который считал, что «освоение колоний — это насилие, насилие в корыстных целях. Когда какая-то страна устремляется на поиски колоний к далеким материкам и овладевает ими, то прежде всего эта страна думает о собственной пользе, действует в интересах своего процветания и покоряет колонии для удовлетворения собственных нужд».

Усилиями колонизаторов в сельском хозяйстве, являвшемся основой экономики стран Индокитая, культивировались полуфеодалные методы эксплуатации. Крестьяне, составлявшие свыше 90% населения колониального Индокитая, владели всего 30% земли, причем худшей, основная часть земель принадлежала местным феодалам и французским помещикам. 11 млн. крестьян вовсе не имели земли. Только страшным безземельем вьетнамского крестьянства можно объяснить нередкое в дореволюционном Вьетнаме явление, когда люди насыпали на крыши своих хижин слой почвы, чтобы выращивать там овощи. Те же, кто жили у берегов рек и каналов, использовали для этих целей лодки, засыпая их землей.

Расходы помещика на содержание батрака были в 2 раза меньше, чем на содержание буйвола. Лишь однажды прибегнув к ссуде у помещика или ростовщика, крестьянин уже не мог выбраться из долговой кабалы в течение всей своей жизни. Нередко его долг переходил «по наследству» от отца к сыну и даже внуку.

Вот что говорил о старых временах крестьянин Чинь Ван Хьонг из кооператива, что близ Дошона на севере Вьетнама. Почти вся земля в его общине тогда принадлежала помещи-

кам, у которых местные крестьяне арендовали участки земли. Высокая арендная плата приносила землевладельцам огромные барыши, а основная масса населения жила впроголодь, крестьяне едва сводили концы с концами. Работая круглый год, жители деревни не могли скопить каких-нибудь двух пиастров, чтобы заплатить колониальной администрации подушную подать.

Старик Хьонг рассказывал, что в то время в собственности его родителей был крохотный участок земли в несколько соток, который не мог прокормить всю семью. Нужда вынудила его родителей пойти к помещику и взять займы несколько пиастров под залог земли. Семья Хьонга не смогла вернуть помещику долг в срок, и через полтора года весь участок перешел во владение помещику. Батрачество либо наемный труд на плантациях или фабриках — таким был удел безземельного крестьянина.

Судьба рабочих, особенно плантационных, была, пожалуй, еще более ужасной, чем тяжкая доля крестьян. Вот выдержки из доклада инспектора по вопросам труда в Индокитае, датированного 1928 г. В нем указывалось, что на каучуковой плантации компании «Тер руж» в 1928 г. из 659 рабочих в течение 11 месяцев 129 человек умерли, а 242 были госпитализированы. В компании «Тропические культуры» в 1927 г. из тысячи рабочих умерли 474 человека. Из 40 тыс. рабочих, трудившихся на плантациях этой компании в северо-вьетнамских провинциях, в течение года погибло 40% рабочих. «В сущности, это тот же невольничий рынок, только первой половины XX в.» — так оценивали положение индокитайских рабочих европейцы, побывавшие в 20-х годах в Индокитае.

Революционные события в России оказали глубокое, многогранное влияние на страны французского Индокитая. «Победоносная Октябрьская революция, — подчеркивал руководитель лаосских коммунистов Кейсон Фомвихан, — ...озарила своим светом путь освободительным движениям во всех колониальных странах, в том числе и движению за национальное освобождение трех стран Индокитая».

Душой, сердцем почувствовали народы угнетенного Индокитая, что дело Великого Октября — это и их кровное дело. К моменту свершения Октябрьской революции индокитайский пролетариат был относительно слаб, еще не осознал своих классовых задач, не был тогда ни организационно, ни идеологически подготовлен к претворению в жизнь великих Уроков Октября. Идеи Октябрьской революции, прежде чем дать всходы на индокитайской почве, должны были шаг за

шагом, в течение ряда лет проникать в сознание широких народных масс, сказаться на росте сознательности и организованности рабочего класса и его союзников, способствовать созданию коммунистической партии, найти воплощение в гегемонии рабочего класса в революции. В 20—30-х годах XX в. индокитайский пролетариат был достаточно однородным по национальному составу — более 85% составляли вьетнамские рабочие. Из трех стран Индокитая только вьетнамский пролетариат, связанный с предприятиями, принадлежавшими французскому капиталу, появился раньше, чем местная национальная буржуазия, как в численном, так и в политическом отношении сумел из «класса в себе» превратиться в «класс для себя». Уже в 30-е годы он повел борьбу с буржуазией за лидерство в национально-освободительном движении и, выступая в тесном союзе с многомиллионным крестьянством, завоевал гегемонию в этом движении.

Октябрьская революция внесла в сознание передовых представителей молодого вьетнамского пролетариата понимание его исторической роли — вождя всенародной борьбы за свободу и независимость, указала на необходимость создания организованного авангарда рабочего класса — коммунистической партии.

В революционной практике стран Индокитая со всей убедительностью подтвердилось ленинское предвидение: «Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»¹.

Росту национального самосознания вьетнамского народа способствовала героическая борьба молодой Советской республики против интервенции империалистических государств. Участником мятежа французских моряков в Одессе в апреле 1919 г. был Тон Дык Тханг, впоследствии президент демократического Вьетнама. Он поднял красный флаг на восставшем крейсере «Вальдек-Руссо». Вьетнамские солдаты находились в Советской России в составе частей французских интервентов в годы гражданской войны. Индокитайский батальон был направлен Антантой на Дальний Восток, но вскоре его вывели как «зараженный большевизмом».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 250.

Первый коминтерновец из Индокитая

Характерной чертой революционного процесса во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии является его интегрированный характер в региональных рамках Индокитая. Кейсон Фомвихан подчеркивал, что «революционные движения в трех странах Индокитая оказались тесно связанными между собой с момента их зарождения и, пройдя через испытания в огне борьбы за общее дело, слились в монолитный боевой союз». Эта особенность революционного процесса в регионе уходит своими корнями ко времени зарождения и становления рабочего и национально-освободительного движения в странах Индокитая, создания в 1930 г. Коммунистической партии Индокитая. Благодаря многогранной деятельности КПИК тенденция к укреплению сплоченности революционно-патриотических сил трех стран получила устойчивый характер. Именно после создания в 1930 г. Компартии Индокитая борьба трудящихся Вьетнама, Лаоса и Кампучии стала по-настоящему организованной и целенаправленной. КПИК создавалась как партия вьетнамского рабочего класса, но затем в течение двадцати с лишним лет (до образования в начале 50-х годов народно-революционных партий в Кампучии и Лаосе) осуществляла руководство освободительной, антиколониальной борьбой народов всех трех стран Индокитая.

Огромный вклад в становление коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения в странах Индокитая внес Хо Ши Мин. «Следуя по пути Октябрьской революции, проложенному великим Лениным, — заявил с трибуны XXVII съезда КПСС Генеральный секретарь ЦК НРПК, Председатель Государственного совета НРК Хенг Самрин, — товарищ Хо Ши Мин, создатель Коммунистической партии Индокитая, из которой впоследствии родилась Народно-революционная партия Кампучии, привнес свет идей марксизма-ленинизма в революционное движение стран Индокитая. Начиная с этого момента, их народы в тесном единстве боролись против общих врагов и одерживали исторические победы над колонизаторами и империалистическими аггрессорами».

Еще будучи молодым человеком, Хо Ши Мин (его настоящее имя Нгуен Шинь Кунг, он родился в 1890 г. в деревне Хоангчу уезда Намдан) размышлял о судьбах своего народа, об избавлении его от гнета колонизаторов. Тогда-то и созрело решение отправиться за границу, чтобы изучить опыт революционного движения в мире, понять пути освобождения своего народа. 21-летним юношей в 1911 г., устроившись на работу на французское судно, отплыл он во Францию. За

долгие годы скитаний на чужбине Хо Ши Мин посетил многие страны Европы, Африки и Америки. Увиденное там, пережитое послужило материалом и стимулом для написания впоследствии книги «Суд над французским колониализмом», ставшей настольной книгой целого поколения молодых индокитайских революционеров. В 1919 г., когда в Версале открылась мирная конференция по итогам первой мировой войны, Хо Ши Мин от имени «группы вьетнамских патриотов» отправил в ее адрес «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа» с требованием предоставить Вьетнаму свободу и основные демократические права. Опубликованный в газете «Юманите», этот документ стал обличительным документом, разоблачившим преступления французского колониализма в Индокитае.

Хо Ши Мин был среди первых вьетнамцев, горячо приветствовавших Великий Октябрь и осознавших, что именно марксистско-ленинское учение открывает перед народами колоний путь к национальному и социальному освобождению. В своей работе «Путь, приведший меня к ленинизму» молодой Хо Ши Мин писал: «Вначале не столь идеи коммунизма, сколь патриотизм привел меня к Ленину и III Интернационалу. Шаг за шагом в борьбе, когда изучение марксизма-ленинизма шло в ногу с революционной практикой, я постепенно пришел к тому, что лишь социализм и коммунизм смогут освободить поработанные народы и трудящихся всего мира от ига рабства».

Хо Ши Мин поистине прошел легендарный путь борца-патриота, коммуниста-интернационалиста. Выдающийся революционер, авторитетный деятель Коммунистического Интернационала, он нередко годами жил в условиях подполья, скрываясь от преследований французской охранки. О многом говорит тот факт, что с 1920 г., когда Хо Ши Мин участвовал в Турском съезде ФКП, до победы Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме ему в целях конспирации пришлось пользоваться более чем 20 псевдонимами. В начале 20-х годов, находясь на революционной работе во Франции, Хо Ши Мин был известен в основном под именем Нгуен Ай Куок (Нгуен — патриот).

Впервые Хо Ши Мин прибыл в Советский Союз летом 1923 г. В один из июньских дней 1923 г. он сошел по трапу советского парохода «Карл Либкнехт», совершавшего рейсы между Гамбургом и Петроградом, и очутился на причале петроградского порта, имея при себе «проходное свидетельство» для путешествия в Советскую Россию на имя Чей Ванга, уроженца Индокитая, фотографа, которое выдали ему в предста-

вительстве РСФСР в Германии. На вопрос советского пограничника, с какой целью он приехал в Советскую Россию, Хо Ши Мин ответил: «Я хотел бы прежде всего увидеть Ленина». Однако встретиться с Лениным ему так и не удалось.

В октябре 1923 года Хо Ши Мин участвовал в работе Международной крестьянской конференции и был избран членом Президиума Крестьянского Интернационала. 12 октября 1923 г. «Правда» сообщала, что на втором заседании выступил от французской колонии Индокитая товарищ Нгуен Ай Куок: «Оратор отметил, что крестьянство Индокитая вдвойне угнетено — как крестьяне вообще и как крестьяне колониальной страны». В конце декабря 1923 г. на страницах советского журнала «Огонек» появился очерк о Хо Ши Мине — коминтерновце из Индокитая.

Смерть В. И. Ленина глубоко потрясла Хо Ши Мина, как и всех друзей Страны Советов во всем мире. Вспоминая о дне 21 января 1924 г., Хо Ши Мин впоследствии писал, что утром того дня, когда сотрудники аппарата Коминтерна узнали, что умер Ленин, «этому никто не хотел верить... Нас охватила безмерная скорбь. Ленин умер! Мне так и не довелось встретиться с Лениным, и это было самой большой горестью в моей жизни...». Почти целый день простоял тогда, несмотря на лютый 40-градусный мороз, Хо Ши Мин в траурной процессии у входа в Колонный зал Дома Союзов, чтобы проститься с Лениным.

«При жизни он был нашим отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он — наша путеводная звезда, ведущая к социальной революции. Ленин живет в нас, он бессмертен» — это строки из опубликованной в «Правде» 27 января 1924 г. статьи, посвященной памяти В. И. Ленина. Ее автором был молодой Хо Ши Мин — тогда член Французской коммунистической партии, работавший в Восточном отделе ИККИ.

Параллельно с работой в Исполкоме Коминтерна Хо Ши Мин стал посещать краткосрочный курс, а затем преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) — одном из первых в Советской России политических учебных заведений, открытом в 1924 г. по инициативе Ленина с целью подготовки революционных кадров из представителей народов Востока. В парижской газете «Ви увриер» 21 марта 1924 г. появилась его статья, посвященная работе КУТВ, в которой, в частности, отмечалось: «...большевики не ограничились платоническими речами, принятием гуманных резолюций об угнетенных народах, а учат эти угнетенные народы тому, как надо бороться». Он был активным сторонни-

ком того, чтобы как можно больше молодых коммунистов из Индокитая направлялось на учебу в Москву.

Под псевдонимом Нгуен Ай Куок Хо Ши Мин летом 1924 г. участвовал в работе V конгресса Коминтерна. Он выступил на конгрессе трижды — в прениях по докладу о деятельности ИККИ, в комиссии по национальному и колониальному вопросам и в прениях по аграрному вопросу. Хо Ши Мин особо подчеркнул связь между пролетарской революцией в империалистических государствах и национально-освободительной революцией в колониях, а также обратил внимание представителей коммунистических и рабочих партий капиталистических стран на необходимость сочетания их действий с национально-освободительным движением для достижения общих целей борьбы против империализма. В августе 1924 г. во Вьетнаме впервые появились листовки с призывом оказать поддержку Коммунистическому Интернационалу. Их автором был Хо Ши Мин.

После закрытия V конгресса Коминтерна в Москве состоялось еще несколько важных международных форумов — I конференция Международной организации помощи борцам революции (МОИПР), III конгресс Профинтерна, III Международная конференция женщин-коммунисток, — и на всех присутствовал в качестве представителя Индокитая Хо Ши Мин. На конференции коммунисток у него произошла первая встреча с Н. К. Крупской.

В декабре 1924 г. в качестве уполномоченного Дальневосточного секретариата ИККИ Хо Ши Мин прибыл в Южный Китай в Кантон (Гуанчжоу) для подготовки создания Коммунистической партии Вьетнама. В тот период образованное в начале 1923 г. в Китае Кантонское правительство возглавлял Сунь Ятсен — большой друг Советского Союза. В Китае Хо Ши Мин вел революционную работу под псевдонимами Вьонг и Ли Цюй. Почти все свои доклады и сообщения в Исполком Коминтерна и Международный Крестьянский Совет он подписывал именем Нгуен Ай Куок. Ему удалось установить связи с действовавшими в Кантоне вьетнамскими революционерами, одновременно он (под фамилией Ниловский) работал в качестве переводчика главного политического советника Сунь Ятсена советского коммуниста М. М. Бородина. В июне 1925 г. Хо Ши Мин вместе с другими вьетнамскими революционерами создал в Кантоне первую вьетнамскую марксистскую организацию «Товарищество революционной молодежи Вьетнама».

Деятельность «Товарищества» способствовала воспитанию когорты выдающихся профессиональных революционеров

Вьетнама. Среди них известные руководители КПВ и СРВ — Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Ле Зуан, Тон Дык Тханг, Хоанг Куок Вьет, замечательные борцы партии вьетнамских коммунистов, большие друзья Страны Советов, пламенные патриоты своей страны, отдавшие жизнь за торжество дела революции, — Ле Хонг Фонг, Нго За Ты, Нгуен Тхи Минь Кхай, Хо Тунг Мау, Ха Хюи Тап, Ле Хонг Шон, Нгуен Ван Тао, первый вьетнамский комсомолец Ли Ты Чонг и многие другие.

После того как в апреле 1927 г. в Китае произошел реакционный чанкайшистский переворот, в Кантоне была арестована группа молодых вьетнамских революционеров — членов «Товарищества». Хо Ши Мин по указанию руководства летом 1927 г. возвратился в Москву. Оттуда в декабре 1927 г. он направился в Брюссель для участия в сессии Генерального совета Антимпериалистической лиги, а через год, осенью 1928 г., прибыл для революционной работы в Таиланд под псевдонимом Тинь.

Осенью 1929 г. Хо Ши Мин находился в Гонконге (Сянгане), где осуществлял работу по подготовке конференции с целью создания Компартии Вьетнама. Приглашение участникам конференции он подписывал псевдонимом Вьонг. Во время пребывания в Гонконге Хо Ши Мин действовал под псевдонимом Сунь Маньчжо, Виктор Ле Бон, Вайю.

В 1934 г. Хо Ши Мин выехал пароходом во Владивосток, а оттуда в Москву. Это был его третий приезд в СССР. 1 октября 1934 г. по рекомендации Исполкома Коминтерна он под фамилией Линов поступил в международную Ленинскую школу.

В работе VII конгресса Коминтерна в 1935 г. Хо Ши Мин как сотрудник Восточного секретариата ИККИ участвовал под фамилией Лин. На конгрессе Хо Ши Мин встретился со своими старыми знакомыми Н. К. Крупской, Д. З. Мануильским, М. Кашеном, В. Коларовым, С. Носака, познакомился с такими выдающимися деятелями коммунистического движения, как Г. Димитров, К. Готвальд, Бела Куц, В. Пик, П. Тольятти, М. Торез.

Осенью 1935 г. он вновь выехал в Китай, на сей раз под фамилией Ху Гуань. В феврале 1941 г., после 30 лет пребывания за рубежом, Хо Ши Мин тайно перешел китайско-вьетнамскую границу и прибыл в местечко Пакбо в провинции Каобанг. Тогда он был известен под именем Тху Шон.

В августе 1942 г., впервые под именем Хо Ши Мина, он направился в Китай для установления связей с патриотическими организациями вьетнамских эмигрантов. Хо Ши Мин

был арестован чанкайшистами и провел в застенках 13 месяцев.

Пребывание в тюремных казематах чанкайшистов не сломило стойкости революционера. Он пишет тогда следующие строки:

...Пускай в тюрьме изнывает тело,
Душа на вольный простор взлетела.
Ясна мне цель, и прям мой путь —
Останусь мужествен до предела.

В июле 1944 г. Хо Ши Мин вновь в Пакбо, а затем под псевдонимом старик Кэ совершил переход из Пакбо в Танчао (провинция Туенкуанг), откуда осуществлял руководство революционным движением. 25 августа 1945 г., когда в стране развернулась Августовская революция, Хо Ши Мин прибыл в столицу Вьетнама — Ханой. Он был избран первым президентом Демократической Республики Вьетнам.

Вся жизнь и деятельность Хо Ши Мина в послереволюционный период — это сама летопись героических боевых и трудовых будней демократического Вьетнама. Неоднократно приходилось слышать от вьетнамцев, что Хо Ши Мин был не только лидером партии, не только вождем вьетнамской революции, но ее душой, столь неразрывно был он связан с народом, его делами, успехами, горестями. Являясь Председателем ЦК ПТВ, избранный в марте 1946 г. президентом ДРВ, Хо Ши Мин возглавил борьбу народа против колониальной агрессии (1946—1954 гг.), а после завоевания долгожданного мира вдохновлял трудящихся Северного Вьетнама на созидание новой жизни. Когда же в 1965 г. на землю Севера вновь пришла беда, когда империализм США, дабы спасти своих марионеток на Юге Вьетнама от всенародного гнева, обрушил бомбы и напалм на города и села ДРВ, Хо Ши Мин призвал народ снова взяться за оружие, чтобы отстоять завоевания Августовской революции.

...Мне посчастливилось не раз видеть и слышать Хо Ши Мина — на встречах Хо Ши Мина с советскими делегациями, на приемах в посольстве Советского Союза в Ханое. Он хорошо знал русский язык и с советскими людьми всегда старался говорить по-русски. Нередко с теплотой вспоминал о годах работы в Коммунистическом университете трудящихся Востока в 20-х годах, о своих поездках в Москву во главе партийно-правительственных делегаций ДРВ, о встречах с советскими людьми. Он часто говорил, что одной из самых больших горестей его жизни было то, что ему так и не удалось встретиться с Лениным, революционная деятельность и творческое наследие которого оказали решающее влияние на

идейное формирование Хо Ши Мина — первого вьетнамского коммуниста.

В памяти хорошо сохранилась встреча Хо Ши Мина с членами Красноярского ансамбля танца в ноябре 1965 г. Этот коллектив — ныне знаменитый на весь мир государственный ансамбль танца Сибири — был тогда в ДРВ впервые на гастролях за рубежом. Хо Ши Мин принял артистов в президентском дворце, расположенном на площади Бадинь. Ввиду огромной занятости Хо Ши Мин не смог побывать на выступлениях коллектива и попросил артистов исполнить что-нибудь из их программы. Состоялся импровизированный концерт, в котором поочередно выступали советские певцы и танцоры и сопровождавшие их вьетнамские артисты. Одна из советских девушек исполнила мелодичную вьетнамскую народную песню, причем спела ее на хорошем вьетнамском языке. Хо Ши Мину исполнение понравилось, и он тут же обратился к вьетнамским девушкам с просьбой спеть в ответ русскую песню. Они смутились и, как выяснилось, оказались к этому не готовы. «Жаль», — сказал Хо Ши Мин. — Наши артисты должны знать русские и советские песни».

Каждому советскому артисту Хо Ши Мин подарил на память розу — свой любимый цветок. Дарить розы при прощании с друзьями было одной из добрых традиций президента.

Впоследствии этот эпизод оживал в памяти всякий раз, когда на концертах вьетнамских артистов — профессиональных и участников художественной самодеятельности — непременно звучали — и в прекрасном исполнении — родные нам напевы.

Последний раз мне довелось видеть Хо Ши Мина летом 1968 г. Я присутствовал на беседе посла СССР в ДРВ Ильи Сергеевича Щербакова с главой правительства ДРВ Фам Ван Донгом. Беседа проходила в помещении на территории президентского дворца. Обсуждались текущие вопросы советско-вьетнамского сотрудничества в экономической области. Неожиданно в комнату вошел, опираясь на трость, Хо Ши Мин. В тот период Хо Ши Мин не очень хорошо себя чувствовал и в соответствии с решением ЦК партии не занимался каждодневными вопросами, сосредоточив внимание на разработке стратегических проблем политики Компартии Вьетнама.

Быстро вникнув в суть беседы, Хо Ши Мин подчеркнул, что когда антиимпериалистическая, освободительная борьба вьетнамского народа одержит победу, вопросы восстановления страны, развития производительных сил в народном хозяйстве Вьетнама выдвинутся на первый план в деятельности партии. В решении задач социалистического строительства Вьет-

нам будет опираться на поддержку братских социалистических стран, и в первую очередь на Советский Союз, подчеркнул Хо Ши Мин.

3 сентября 1969 г. Хо Ши Мина не стало. Трудно найти слова, чтобы описать ту скорбь, которая охватила весь вьетнамский народ. В своем политическом завещании Хо Ши Мин дал вьетнамским коммунистам наказ как зеницу ока хранить и укреплять дружбу с КПСС, братским советским народом, партиями и народами других социалистических стран. КПВ верна этому завету своего вождя.

Революция, устремленная в будущее

Еще на заре Советской власти В. И. Ленин указывал, что борьба и победы Красной Армии против захватчиков будут иметь для народов Востока «гигантское, всемирное значение». Итоги Великой Отечественной войны советского народа полностью подтвердили правоту этой ленинской мысли.

Твердо верили в победу Красной Армии над немецко-фашистскими агрессорами народы Индокитая. Свообразным пророчеством прозвучали на VIII пленуме ЦК КПИК (май 1941 г.) слова Хо Ши Мина о том, что, если фашисты осмелятся напасть на Советский Союз — оплот мирового революционного движения, их разгром будет неминуем, что угнетенные народы, в том числе народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии, будут бороться вместе с советскими братьями и, опираясь на СССР, добьются свободы и независимости. Когда в 1941 г. полчища фашистских агрессоров рвались к Москве, вьетнамские патриоты, осужденные на казнь, писали собственной кровью на стенах сайгонской тюрьмы: «Победа будет за Советским Союзом!» В заявлении КПИК в октябре 1942 г. указывалось: «Наш долг — всемерно поддержать войну сопротивления советского народа... Необходимо повернуть винтовки против фашистов и милитаристов, переходить на сторону Красной Армии, если они будут заставлять народы Индокитая воевать против СССР».

Дружба и солидарность советского и вьетнамского народов скреплена кровью их лучших сынов, пролитой в годы второй мировой войны, когда они плечом к плечу сражались против гитлеровского фашизма. Недавно стали известны фамилии ряда вьетнамских граждан, которые в составе частей Красной Армии вели героические бои с немецкими захватчиками. Четверо из них погибли в битве под Москвой — Вьюнг Тхук Тинь, Ли Тхук Тят, Ли Нам Тхань, Ли Ань Тао. Все они

посмертно награждены орденами Отечественной войны первой степени.

Победа СССР в Великой Отечественной войне, безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии были восторженно встречены народами Индокитая. Трудящиеся Вьетнама, Лаоса и Кампучии осознавали, что приближается час их собственного освобождения.

«Наша страна, — как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов 8 мая 1985 г., посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — ...сыграла огромную роль в разгроме милитаристской Японии... С японскими захватчиками вели упорную борьбу патриоты Вьетнама, Кореи, других стран Азии»¹.

Первая половина 40-х годов была периодом активной работы коммунистов по мобилизации народов Индокитая на усиление борьбы против французских колонизаторов и японских оккупантов. Внимание КПИК было сфокусировано на решение задач национального освобождения народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии в рамках каждой страны. С целью объединения широких народных масс, всех революционных сил против французских колонизаторов и японских милитаристов VIII пленум ЦК КПИК принял решение о создании Лиги борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь). Пленум отметил, что Вьетминь должен оказать помощь лаосскому и кампучийскому народам в создании соответствующих организаций в Лаосе и Кампучии, имея в виду образование в дальнейшем Единого фронта Индокитая для изгнания общего врага — японо-французских империалистов, для борьбы за независимость каждого индокитайского государства. 19 мая 1941 г. было официально провозглашено создание Вьетминя. Несколько позднее были созданы патриотические фронты в Лаосе — Патет-Лао и в Кампучии — Кхмер-Иссарак.

В годы второй мировой войны Страна Советов делала все, что было в ее силах, чтобы оказывать такое воздействие на ход событий в Индокитае, которое благотворно сказывалось бы на процессе укрепления позиций сил национального освобождения. В 1943 г. на Тегеранской конференции союзников И. В. Сталин заявил, что он не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима.

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 50.

КПИК наметила линию на свершение национальной народно-демократической революции во Вьетнаме, целью которой являлось изгнание колонизаторов, ликвидация феодально-помещичьего класса, завоевание национальной независимости, предоставление демократических прав народу, осуществление путем аграрной реформы лозунга «Землю тем, кто ее обрабатывает», превращение Вьетнама в подлинно независимое, демократическое государство. Эта революция победила во Вьетнаме в августе 1945 г.

Августовская революция 1945 г. во Вьетнаме была непосредственно связана с героическим подвигом советского народа в годы второй мировой войны.

Разгром в августе 1945 г. Советской Армией отборных войск японской Квантунской армии способствовал формированию на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, в частности в странах Индокитая, качественно новой обстановки, благоприятной для победы революционных сил в ряде стран, в том числе в Индокитае.

Наступала революционная ситуация, которая, говоря словами Хо Ши Мина, бывает «один раз в тысячу лет», КПИК «не должна была медлить». На повестку дня политической жизни Вьетнама встал вопрос о том, чтобы народ в кратчайшие сроки взял власть в свои руки. Народ Вьетнама горячо откликнулся на призыв КПИК. С 11 по 23 августа 1945 г. вооруженное восстание охватило всю страну. Свыше 20 млн. вьетнамцев от Севера до Юга поднялись под руководством партии на грандиозное всеобщее восстание и взяли власть в свои руки.

...Весьма дорожил я знакомством с Чан Хюи Льеу — известным политическим и общественным деятелем Вьетнама, активным участником Августовской революции, крупным вьетнамским историком. В своих трудах он досконально описал события периода Августовской революции. И все же его собственный рассказ о высоком эмоциональном накале тех легендарных дней в истории Вьетнама надолго сохранился в памяти. Он помнил буквально все детали дня 16 августа, когда революционные части из Танчао выступили в направлении городов в дельте реки Красной, с волнением рассказывал о народных восстаниях, вспыхнувших тогда в Ханое, Сайгоне и Хюэ. 19 августа на ханойские улицы вышло свыше 100 тыс. человек. Красные знамена взметнулись над флагшток башней Мирадор, откуда был выбит колониальный гарнизон, над городским театром, над торговыми рядами Шелковой улицы, у Западного озера — словом, по всему городу.

Незабываемой для Чан Хюи Льеу была поездка по поручению Хо Ши Мина в Хюэ, бывшую императорскую столицу, где 25 августа состоялось отречение от престола последнего вьетнамского императора Бао Дая. Делегация народных представителей во главе с Чан Хюи Льеу привяла тогда из рук Бао Дая 10-килограммовую золотую государственную печать и династический меч с нефритовой рукояткой — символы императорской власти. Бао Дай признал переход власти в стране к Временному революционному правительству во главе с Хо Ши Мином.

2 сентября 1945 г. на 500-тысячном митинге на площади Бадинь в Ханое Хо Ши Мин от имени этого правительства зачитал Декларацию независимости, выразившую волю миллионов вьетнамских патриотов. «...Впервые в истории революции в колониальных и полуколониальных странах, — отмечал вождь вьетнамской революции, — политическая партия, существующая лишь 15 лет, сумела довести революцию до победного конца и захватить власть в свои руки по всей стране». Декларация независимости возвестила миру о рождении Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян.

Августовская революция сыграла решающую роль в направлении дальнейшего исторического развития Вьетнама, оказала мобилизующее воздействие на освободительную борьбу народов соседних с Вьетнамом стран — Лаоса и Кампучии, внесла важные качественные сдвиги в международную обстановку в Юго-Восточной Азии.

Народно-демократический строй возник во Вьетнаме в своеобразных условиях, при специфическом сочетании внешних и внутренних факторов, когда в отсталой колониальной стране по-своему преломились общие закономерности мирового революционного процесса. Опыт Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме стал убедительным свидетельством того, сколь многообразны формы, масштабы и благотворны итоги слияния внутренних и внешних факторов революции, интернационального союза освободительной борьбы народов колоний с международным пролетариатом, с мировым социализмом.

С провозглашением 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии рабоче-крестьянского государства — в глубоких тылах империализма и колониализма было прорвано важное звено в цепи, сковывавшей колониальные и зависимые народы. В планы колониалистских кругов, однако, не входило сдавать своих позиций.

Недолгими были мирные будни молодой Демократической Республики Вьетнам. Зловещие события произошли уже 23 сентября 1945 г., то есть через три недели после провозглашения ДРВ, когда в Сайгоне высадились французские войска. Сделано это было под предлогом разоружения капитулировавших японских войск, находившихся во Вьетнаме. Однако вторжение частей экспедиционного корпуса колонизаторов в Южный Вьетнам на деле было использовано совсем для иных целей — для разгрома органов народной власти: насильственный роспуск созданного революцией Сайгонского народного комитета был первым шагом в этом направлении. Следующим «мероприятием» французского командования стало формирование военно-полевых судов для расправы с патриотами, вставшими на защиту революционных завоеваний вьетнамского народа. К концу сентября 1945 г., то есть в течение одной недели, эти суды приговорили более 400 патриотов к ссылке на каторжные работы на остров Пуло-Кондор. Тысячи патриотов, оказывавших вооруженное сопротивление агрессору, были подвергнуты жесточайшим пыткам и убиты. Плохо вооруженные партизанские отряды подверглись в Сайгоне массированному обстрелу крупнокалиберной артиллерии французских военно-морских кораблей, вошедших в устье реки Меконг. Благодаря колоссальному превосходству в вооружении интервентам удалось к концу 1945 г. захватить в этом городе. Оккупировав Сайгон, французские колонизаторы распространили военные действия на весь Южный Вьетнам и Кампучию, приступив к подготовке реализации планов захвата всего Индокитая. Фактически уже в сентябре 1945 г. Франция встала на путь развязывания войны с целью вторичного колониального захвата Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

В ответ на контрреволюционное насилие империализма Компартия Индокитая призвала народы трех стран сплотиться во имя разгрома колониальной агрессии, завоевания ими подлинной независимости. Указывалось на важность образования единого фронта народов трех стран во имя отражения агрессии французских захватчиков.

Военно-политическое положение ДРВ осложнялось и тем, что с первых же дней своего существования молодая республика столкнулась с рядом трудностей социально-экономического характера. Колониальный режим оставил в наследство народно-демократической власти страну, разоренную войной, подорванную экономику, крайнюю нищету народных масс.

Сама жизнь требовала от правительства ДРВ конкретных шагов по реализации комплекса мероприятий в целях раз-

вития производства, повышения материального и культурного уровня населения.

Внешнеполитические усилия молодой республики были направлены в тот период на завоевание «мирной передышки». Памятуя о том, сколь важна была такая «передышка» для молодой Страны Советов в первые годы после победы Октября, когда Советская Россия подвергалась атакам внутренней контрреволюции и интервенции международного империализма, правительство ДРВ гибко шло на временные уступки требованиям Франции. 6 марта 1946 г. в Ханое было подписано «прелиминарное вьетнамо-французское соглашение», в соответствии с которым Париж признал международный статус ДРВ как «свободного государства, имеющего свое правительство, армию и свои финансы». Этот внешнеполитический успех был достигнут правительством ДРВ при поддержке СССР, стран народной демократии, мирового прогрессивного общественного мнения и движения прогрессивных сил Франции.

«Мирная передышка», завоеванная молодой республикой, оказалась совсем непродолжительной — около года. Но столь много удалось сделать за это короткое время народной власти! Используя опыт первых лет борьбы молодой Советской республики, вьетнамские коммунисты приняли меры по укреплению народно-демократического строя, завоеванию поддержки мероприятий партии и государства со стороны подавляющего большинства населения Вьетнама. 6 января 1946 г. были проведены всеобщие выборы в Национальное собрание ДРВ. Их результаты не оставляли сомнений в решимости народа поддержать революцию. В Ханое из 172 тыс. избирателей около 170 тыс. отдали свои голоса Хо Ши Мину. Принятая в 1946 г. конституция ДРВ закрепила основные революционные завоевания вьетнамского народа.

Разумеется, руководство КПИК отдавало отчет в опасности замыслов колониальных кругов Франции, не желавших смириться с потерей своих владений в Индокитае. Поэтому усилия правительства ДРВ, направленные на стабилизацию социально-экономического положения, сочетались с действиями по укреплению обороноспособности республики. К концу 1946 г. численность регулярной армии ДРВ достигла 80 тыс. человек.

Мероприятия народной власти получали повсеместную поддержку широких слоев населения. Неуклонно повышался авторитет КПИК и фронта Вьетминь в массах. Свидетельством этого стало увеличение в период с 1946 по 1949 г. рядов КПИК соответственно с 20 тыс. до 700 тыс. членов.

В этот ответственный период своей истории вьетнамский народ, молодая Демократическая Республика Вьетнам могли положиться на солидарность Страны Советов. Образование ДРВ с большим воодушевлением было встречено советскими людьми и рассматривалось как закономерный итог длительной борьбы народа Вьетнама за свое освобождение. С первых дней существования демократического Вьетнама Советский Союз занял по отношению к молодой республике позицию дружбы и поддержки.

Осенью 1945 г. вьетнамский народ впервые праздновал годовщину Октября в условиях независимости. Орган ЦК КПИК — газета «Ко зяй фонг» («Знамя освобождения») отмечала в ноябрьские дни 1945 г.: «За последние 28 лет Советский Союз преодолел многие трудности, значительно более сложные и опасные, чем те, которые стоят перед вьетнамским народом. Советский народ успешно прошел через эти испытания. Мы должны верить в будущее и мужественно идти вперед, должны быть готовы к еще более массовой агрессии противника против нашего народа. Нам пужно брать пример с Советского Союза и решительно вести борьбу сопротивления до полной победы».

«Грязная» колониальная война в Индокитае

Прошло немногим более полугода, как мирные соглашения, подписанные правительством Франции с демократическим Вьетнамом, наконец, сам факт признания Парижем ДРВ в качестве свободного государства — все это было вероломно попрано и перечеркнуто колонизаторами. 19 декабря 1946 г. французский империализм развязал широкомасштабную войну с целью нового колониального захвата Вьетнама и всего Индокитая, войну, которой суждено было закончиться через девять лет поражением интервентов. Встав на путь агрессии, колонизаторы строили особые расчеты в связи с тем, что молодая республика не имела тогда еще возможности получения материальной помощи извне.

20 декабря 1946 г. по всему Вьетнаму разнеслись слова призыва президента Хо Ши Мина к войне Сопротивления народа: «Все, как один, поднимемся на борьбу с колонизаторами во имя спасения родины». Как клятва звучали слова Хо Ши Мина: «Мы пожертвуем всем, но не отдадим свободы нашей страны и не станем рабами». 22 декабря ЦК КПИК принял постановление «О всенародной войне Сопротивления», в котором выдвигалась задача вести войну Сопро-

тивления и одновременно восстанавливать страну, продолжать хозяйственное строительство.

Призыв партии, ее вождя Хо Ши Мина находил горячий отклик у миллионов граждан свободного Вьетнама. Проявляя высочайшие образцы мужества и самопожертвования, встали они на защиту своей республики. Преисполненные чувства высокого долга перед родиной, воодушевленные героическим примером советских людей в годы Великой Отечественной войны, патриоты Вьетнама следовали им в своей борьбе против интервентов. Имена Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Олега Кошевого и многих других патриотов Страны Советов были широко известны и любимы во Вьетнаме, особенно молодежи.

План колонизаторов по молниеносному захвату жизненно важных центров ДРВ и разгрому сил революции был сорван патриотами в первые же часы его реализации. Когда в декабре 1946 г. агрессоры вероломно напали на столицу ДРВ — Ханой, гарнизон города, состоявший из двух с половиной тысяч молодых бойцов, имевших на вооружении всего лишь 1500 исправных ружей, в течение двух месяцев героически сражался за каждую улицу, за каждый дом, задерживая продвижение неприятеля. Ханойские юноши сформировали в дни обороны города полк столицы, который увенчал себя немеркнувшей славой в боях за свободу народа.

Оккупанты зверски расправлялись с молодыми, плохо вооруженными защитниками Ханоя, но были бессильны сломить их волю. Вот что писал об этих событиях корреспондент английского агентства Рейтер: «Находясь в самом центре того, что сейчас представляет собой дымящуюся пустыню, я почти что шел по отсеченным головам вьетнамских юношей. Французский полковник, командовавший танковым корпусом, настаивал, чтобы вьетнамцам отрубали головы за отказ сдаваться. Молодая вьетнамка сжимала в руках меч, призывая соотечественников к продолжению сопротивления: молодежь Вьетнама сражается фанатически. Французы никогда не могут захватить пленных». Пока интервенты вели трудные бои за города, в труднодоступных районах страны в срочном порядке создавались мощные опорные базы революции, предназначенные для длительного сопротивления врагу. В ряды Вьетнамской народной армии (в 1946—1952 гг. она носила название Армия защиты Родины) вливались тысячи и тысячи бойцов.

И все же поначалу силы были явно неравны. Несмотря на героическое сопротивление вьетнамских патриотов, части французского экспедиционного корпуса весной 1947 г. раз-

вернули наступление по всему фронту, захватив ряд стратегически важных районов Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Индокитай превратился в единый театр военных действий, на котором колонизаторы пытались подавить революционные силы трех стран. Их ответом было нараставшее день ото дня противодействие жестокому врагу.

Годы войны сопротивления народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии французским колонизаторам были отмечены созданием нерушимого союза революционных сил народов трех стран. Костяком этого союза была ДРВ, а душой сопротивления колонизаторам — индокитайские коммунисты.

Нелегкой была эта борьба, особенно на первом ее этапе — в конце 40-х годов. В течение продолжительного времени бойцы Вьетнамской народной армии, будучи плохо вооруженными, не имея обуви, часто голодные, были вынуждены противостоять до зубов вооруженному противнику. И тем не менее патриоты сражались мужественно и стойко, отстаивая каждую пядь родной земли. Их воодушевляла любовь к родине, преданность своему народу, ответственность за судьбы революции. Бойцы и командиры ВНА проявляли чудеса самопожертвования и героизма. В памяти народной навсегда сохранились имена Ку Тинь Лана, Ле Ван Кау, Фам Ван Куэна и многих других героев.

Мужественное сопротивление народа Вьетнама было поддержано патриотами Лаоса и Кампучии. День ото дня крепло освободительное движение в Лаосе, где уже в 1947 г. была создана система партизанских баз, развертывалась вооруженная борьба против колонизаторов. В 1946 г. многие кхмерские патриоты нелегально перешли во Вьетнам и создали на его территории Комитет независимости Кампучии, который осуществлял работу по подготовке к развертыванию партизанского движения. В 1947 г. в юго-восточных районах Кампучии была создана опорная база сопротивления. В 1948 г. такая база была образована на северо-востоке страны.

Земля стран Индокитая горела под ногами оккупантов. И чем глубже увязали они в трясине войны, тем рельефнее проявлялась их неспособность поставить на колени народ Вьетнама, патриотов Индокитая. Озлобленные военными неудачами, колонизаторы предприняли попытку задушить ДРВ голодом. Авиация интервентов подвергала систематическим бомбардировкам плотины и дамбы, чтобы вызвать наводнения и затопить рисовые поля, выжигала бензином и напалмом посевы, уничтожала рабочий скот и сельскохозяйствен-

ный инвентарь. Эту «операцию» колонизаторы цинично называли «битвой за рис».

Плоды труда сотен тысяч мирных деревенских жителей превращались в золу и пепел. Вандализмом пронизан следующий «боевой» приказ командующего частями экспедиционного корпуса на севере Вьетнама генерала Лимара: «...§ 2 — уничтожение риса: имеется, по существу, два метода, которые можно использовать: 1) мочить рис, либо обливая его водой, либо оставляя в сезон дождей под открытым небом. Но для того чтобы обеспечить гниение, нужно, чтобы рис вымачивался в течение 48 часов. 2) Поливать рис бензином или газOLIном. В случае если будут обнаружены особенно крупные запасы, нужно потребовать от авиации, чтобы были сброшены бидоны с бензином или газOLIном».

Планы интервентов задушить республику голодом, лишить революционную власть поддержки народа провалились. В книге «В свободном Вьетнаме» прогрессивный французский журналист Лео Фигер отмечал, что колонизаторам не помогали никакие, даже самые зверские расправы с патриотами, захваченными при перевозке зерна в освобожденные районы страны. Все многочисленное были ряды добровольцев, доставлявших республике рис — «рис дяде Хо» — так уважительно называли вьетнамцы своего президента.

«Все для фронта, все для победы» — этот девиз как бы определял в тот период смысл жизни каждого вьетнамского патриота. КПИК мобилизовала массы на развертывание патриотического соревнования с целью увеличения производства для удовлетворения нужд населения, на ликвидацию голода, неграмотности. Во вьетнамской деревне шаг за шагом утверждались коллективные формы труда. И результаты работы не замедлили сказаться: начиная с 1947 г. годовые сборы риса неизменно превышали 2 млн. т. В сложнейших условиях военного времени хозяйство ДРВ постепенно поднималось на ноги, обеспечивая, насколько это было возможно, нужды населения и фронта.

Колониальная война в Индокитае вызвала гневное возмущение во всем мире. О солидарности с борющимся Вьетнамом твердо заявили Советский Союз, другие страны народной демократии, многие освободившиеся страны Азии, и в частности завоевавшая независимость Индия. Против позорной войны выступили все честные люди Франции. Весь Вьетнам облетели имена молодых французских борцов за мир — Раймонды Дьен и Анри Мартэна, бесстрашно поднявших голос протеста против «грязной» войны в Индокитае, ставшей позором Франции.

Прорыв блокады

«Мы, несомненно, победим,— подчеркивал в годы войны Сопrotивления Хо Ши Мин,— потому что наша освободительная война является справедливой войной... Мы, несомненно, победим, потому что все демократические народы мира нас поддерживают».

На рубеже 40—50-х годов в ходе войны Сопrotивления вьетнамского народа наступил перелом. Хотя в соотношении сил на поле боя между ДРВ и колонизаторами сложилось своего рода равновесие, тактическая, а в значительной мере и стратегическая инициатива перешла в руки Вьетнамской народной армии. Эти успехи патриотов стали возможны в благоприятной международной обстановке, в условиях поступательного усиления международного революционного движения. Социалистическая система оказывала растущее влияние на международную обстановку, и это благотворное воздействие ощущали вьетнамские патриоты. В декабре 1949 г. президент ДРВ Хо Ши Мин побывал с неофициальным визитом в СССР, в ходе переговоров с советскими руководителями состоялся содержательный обмен мнениями по актуальным вопросам военно-политической обстановки во Вьетнаме и международного положения.

Особое место в истории демократического Вьетнама занимает 1950 г. 14 января 1950 г. Хо Ши Мин обратился ко всем правительствам мира с заявлением о готовности правительства ДРВ «установить дипломатические отношения с любым правительством, уважающим право на равноправие, территориальный и национальный суверенитет Вьетнама». В ответ на это обращение 30 января 1950 г. министр иностранных дел СССР направил министру иностранных дел ДРВ послание, в котором сообщалось, что «Советское правительство приняло решение установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам». О признании ДРВ заявили КНР и другие социалистические страны.

Истерия реакционной английской, французской, американской прессы в связи с дипломатическим признанием Советским Союзом ДРВ отразила не только ненависть колонизаторов к освободительному движению народов, но и растерянность этих кругов. В растущем усилении международных позиций ДРВ они увидели реальную угрозу своим преступным замыслам.

Помимо огромного морально-политического воздействия, установление дипломатических отношений между СССР и

ДРВ имело для патриотов Вьетнама большую практическую значимость: оно выводило молодую республику из состояния международной изоляции, повышало авторитет правительства ДРВ на международной арене и одновременно усиливало изоляцию созданного в 1949 г. руками французских колонизаторов так называемого «государства Вьетнам» во главе с бывшим императором Бао Даем. В те дни газета «Правда» писала, что марионеточное правительство Бао Дая является пустым местом, ибо оно никого не представляет, кроме небольшой кучки реакционеров.

В сентябре 1950 г. в результате контрнаступления Вьетнамской народной армии были освобождены пять северных, пограничных с КНР, провинций Вьетнама. Значение этой победы было особенно весомо ввиду того, что в результате обеспечивалась связь ДРВ с народным Китаем, а через него — с Советским Союзом, другими странами социализма. Начиная с 1951 г. Вьетнам, ранее не имевший непосредственных экономических связей со странами социализма, стал получать через Китай из СССР, других дружеских государств необходимую военно-экономическую помощь и ряд товаров, имевших для ДРВ стратегическое значение.

Возрастающая морально-политическая поддержка и материальная помощь СССР, стран социализма, а также прогрессивной общественности мира внесли важный вклад в достижение коренного перелома в ходе войны Сопrotивления вьетнамского народа, которая с конца 1950 г. характеризовалась нарастающим давлением патриотов на позиции интервентов.

Как отмечали вьетнамские товарищи, советская помощь особенно дала себя знать на заключительном этапе войны Сопrotивления. Советский Союз направил ДРВ современное вооружение, боеприпасы, медикаменты, различные грузы экономического характера, необходимые для достижения победы над колонизаторами. Советское вооружение, в частности артиллерия, а также транспортные средства сыграли немаловажную роль в ходе битвы под Дьенбьенфу весной 1954 г., где оказался в окружении многотысячный французский гарнизон. Все попытки интервентов вырваться из окружения, в том числе путем установления воздушного «моста», были обречены на провал действиями вооруженных сил ДРВ, оснащенных полученными из СССР средствами противовоздушной обороны. В сражении у Дьенбьенфу вьетнамские войска впервые применили «катюши». Иностранные легионеры в составе французского «экспедиционного корпуса», в числе которых находилось немало немцев — участников

войны гитлеровской Германии против СССР, с криками: «Это огонь Сталинграда!» бросали оружие.

7 мая 1954 г. после 56-дневной осады части Вьетнамской народной армии штурмом овладели последними укреплениями крепости Дьенбьенфу на северо-западе Вьетнама, где оказались полностью отрезанными от внешнего мира и капитулировали 11 батальонов экспедиционного корпуса французских колонизаторов. Это знаменовало конец французскому колониальному господству в Индокитае.

Союз, рожденный в борьбе

В течение всех девяти лет войны Сопротивления народы трех стран Индокитая вели упорную совместную борьбу против кровавой авантюры французских колонизаторов. И в этом проявилась тенденция к укреплению их сплоченности во имя успешного завершения войны Сопротивления, завоевания подлинной национальной независимости.

Непреодолимое значение для перспектив освободительной, антиколониальной войны имело то обстоятельство, что к концу 1950 г. во всех трех странах Индокитая были образованы массовые патриотические организации, руководимые Компартией Индокитая. Авторитетной политической силой стал во Вьетнаме фронт Вьетминь. В апреле 1950 г. на конференции патриотических сил был создан национальный фронт Кампучии во главе с видным кхмерским революционером-интернационалистом Сон Нгок Минем. Под знаменем фронта в конце 1950 г. сражалось более 200 тыс. кхмерских патриотов. В том же году был образован объединенный национальный фронт Лаоса, сформировано правительство сопротивления. Все это позволило поставить в практическую плоскость вопрос об образовании единого фронта народов Индокитая.

На необходимость создания такого фронта на принципах равенства, добровольности и взаимопомощи указал в своих решениях II съезд Коммунистической партии Индокитая (1951 г.). В рядах партии состояло тогда 740 тыс. членов. Этот съезд имел большое значение для судеб вьетнамской революции, освободительного движения в странах Индокитая. На нем было принято решение о переименовании КПИК в Партию трудящихся Вьетнама и об оказании помощи коммунистам Лаоса и Кампучии в создании марксистско-ленинских партий. В резолюции II съезда подчеркивалось: «С учетом сложившейся в Индокитае и в мире новой обстановки во

Вьетнаме будет создана Партия трудящихся Вьетнама, которая будет иметь политическую программу и Устав партии, соответствующие условиям Вьетнама. В Кампучии и Лаосе будут созданы революционные организации соответственно условиям этих двух стран»¹. Позднее в печати ЛНДР отмечалось в этой связи, что марксистско-ленинские партии стран Индокитая «выросли из одного корня, поэтому неотделимы друг от друга, все радости и печали делят поровну».

II съезд определил линию на осуществление национальной, народно-демократической революции во Вьетнаме. Одной из основных задач борьбы было признано продолжение войны Сопротивления до полной победы. Выступая на съезде, Хо Ши Мин указал, что вьетнамские коммунисты «...должны помогать своим братьям в Лаосе и Кампучии вести войну Сопротивления и готовиться к созданию фронта народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии». Образование такого фронта было провозглашено 11 марта 1951 г. на конференции представителей национальных фронтов Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Это историческое событие стало важной вехой на пути дальнейшего сплочения народов трех государств Индокитая в совместной борьбе против общего врага, за достижение единой цели — национальной независимости.

В этой конференции участвовали Хо Ши Мин, лидер Кхмер-Иссарак Сон Нгок Минь и руководитель Патет-Лао Суфанувонг. В выступлении Сон Нгок Миня на конференции указывалось, что в силу своих географических и исторических условий Вьетнам, Лаос и Кампучия не могут быть отделены друг от друга, а должны объединиться в одно целое, чтобы противостоять агрессии французских империалистов.

Развитие военно-политической ситуации в Индокитае продемонстрировало правильность курса на сплочение освободительных сил трех стран.

Боевое содружество патриотов Индокитая особенно проявило свою эффективность на заключительном этапе войны Сопротивления, когда под ударами Вьетнамской народной армии капитулировал блокированный патриотами французский гарнизон в Дьенбьенфу. К этому времени патриотические силы освободили около 2/3 территории Лаоса, на которых проживало более половины населения страны. Столь же значительными были успехи революционных сил Кампучии, свыше половины населения которой проживало в зоне конт-

¹ В 1951 г. была создана Народно-революционная партия Кампучии, а в 1955 г. — Народная партия Лаоса (с 1972 г. — Народно-революционная партия Лаоса).

роля Кхмер-Иссарак. Все это и определило окончательный крах военной авантюры французских колонизаторов в Индокитае, вынудило их пойти на политическое урегулирование, отвечающее интересам народов трех стран.

Женевское совещание длилось 87 дней, с 26 апреля по 21 июля 1954 г. В нем участвовали министры иностранных дел пяти великих держав, трех стран Индокитая и марионеточного «государства Вьетнам». И все эти 87 дней были периодом напряженнейшей дипломатической борьбы.

Далеко не простым был путь к Женеве. Не секрет, что накануне Женевского совещания тогдашний государственный секретарь США Даллес — один из глашатаев «холодной войны» — пытался организовать крупную военную авантюру в Индокитае. В марте 1954 г. он выдвинул идею создания в Юго-Восточной Азии агрессивного военного блока, который имелось в виду использовать для продолжения «грязной» войны в Индокитае. Даллес пытался навязать Лондону и Парижу декларацию, ставившую целью сорвать созыв Женевского совещания и положить начало «объединенным действиям» колониальных держав против вьетнамского народа, других народов Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Советский Союз решительно предупредил США о недопустимости вмешательства в дела вьетнамского народа, заявил о поддержке народов Индокитая, отстаивавших свою свободу и независимость. Хо Ши Мин подчеркивал, что «...благодаря правильной, гибкой внешней политике СССР империалистические государства, прежде всего США, вынуждены были сесть за стол переговоров в Женеве». Опираясь на поддержку СССР, стран народной демократии, делегация ДРВ сумела отстоять свои принципиальные позиции, которые легли в основу женевского урегулирования.

Вопреки всем препятствиям, воздвигнутым противниками революционных сил народов трех стран Индокитая, 21 июля 1954 г. Женевское совещание успешно завершило работу, достигнув соглашения по ряду важнейших проблем. Были подписаны следующие документы: Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Соглашение о прекращении военных действий в Лаосе, Соглашение о прекращении военных действий в Кампучии и принята Заключительная декларация Женевского совещания. Страны Индокитая добились в Женеве такой важной победы, как международное признание независимости Вьетнама, Лаоса и Кампучии, повышение престижа ДРВ и патриотических сил Лаоса и Кампучии. Восстановление мира в Индокитае имело огромное значение, ибо тем самым давалось международное

признание национально-освободительной борьбы, ее великих жертв и героизма. Принятые в Женеве соглашения, основанные на признании национальных прав народов Индокитая и в то же время учитывающие интересы Франции, нельзя было рассматривать иначе, как огромную победу сил мира, как крупный шаг на пути к сближению народов в международных отношениях.

Женевские соглашения означали международно-правовое признание ДРВ, открывали качественно новый этап в борьбе вьетнамского народа за свободу и единство своей страны. В ходе Женевского совещания был выработан конкретный путь мирного и демократического развития Вьетнама в соответствии с волей и чаяниями населения этой страны. Как известно, в соответствии с соглашениями во Вьетнаме, немного южнее 17-й параллели устанавливалась временная демаркационная линия. Вместе с тем предусматривалось, что летом 1956 г. будут проведены всеобщие свободные и демократические выборы для полного осуществления священного права вьетнамского народа на суверенитет, свободу, независимость и единство своей родины.

Подписание Женевских соглашений стало важным успехом лаосского народа в его борьбе за свободу и независимость. Кейсон Фомвихан отмечал, что «в соответствии с этими соглашениями революционные силы нашей страны получили законный статус, а провинции Самныа и Пхонгсали были признаны в качестве района сосредоточения сил Патет-Лао и тем самым перешли под непосредственный контроль революционных сил Лаоса. Победа в войне Сопrotивления против французского империализма явилась огромным достижением революции в Лаосе».

Вместе с тем соглашениями предусматривался временный раздел Вьетнама на две зоны — Север и Юг. Не удалось добиться для кампучийских революционеров тех же преимуществ, которые получили по Женевским соглашениям лаосские патриоты, осуществлявшие юрисдикцию над двумя провинциями на северо-востоке страны на границе с ДРВ. Такое положение отражало сложившееся к тому времени соотношение сил как в самом Индокитае, так и на мировой арене в целом¹.

¹ После победы в войне Сопrotивления население Северного Вьетнама под руководством коммунистической партии приступило к решению задач национальной народно-демократической революции, прежде всего завершению аграрной реформы, и к поэтапному социалистическому переустройству. Что же касается Южного Вьетнама, Лаоса и Кампучии, то там, вследствие перехода политической власти

Женевское совещание 1954 г. вошло в историю как большой успех миролюбивой внешней политики СССР и ДРВ, всех демократических сил мира, как победа мужественной борьбы патриотов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, как торжество разума в международных делах. Оно способствовало полному распаду колониальной системы французского империализма и тем самым стало свидетельством необратимости процесса крушения колониализма в целом.

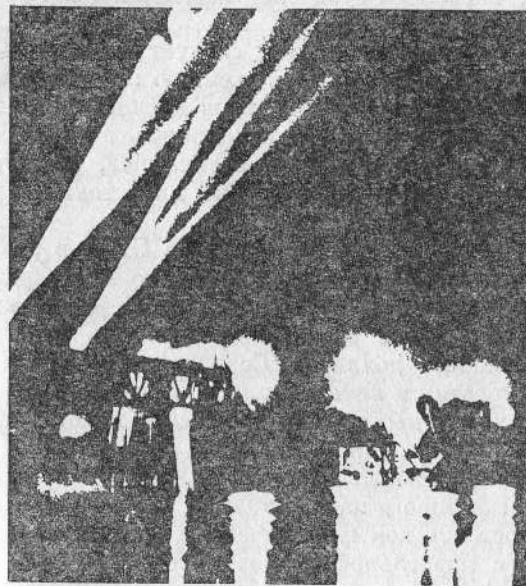
* * *

Два события стали этапными в современной летописи индокитайских народов — победные залпы артиллерии ВНА 7 мая 1954 г. под Дьенбьенфу и 30 апреля 1975 г., когда под ударами сил национального освобождения Вьетнама пал проамериканский марионеточный режим в Сайгоне, в течение 30 лет бывший оплотом региональной реакции всего Индокитая, главным орудием империалистической агрессии США против Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Свыше двух десятилетий разделяют эти две знаменательные даты. И все эти годы были периодом поступательного развития революционного процесса в Индокитае, в авангарде которого шли лучшие сыны и дочери вьетнамского, лаосского и кампучийского народов — коммунисты, периодом, отмеченным дальнейшим укреплением боевой сплоченности революционных сил трех стран во имя торжества дела свободы, независимости, мира, национального и социального прогресса каждой страны Индокитая.

к внутренним реакционным силам, в тот период не произошло тех качественных сдвигов в развитии этих стран, которые заложили бы возможность для окончательной ликвидации чужеземного гнета и докапиталистических отношений, подлинно независимого развития их народов.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ БЕЗ КАМУФЛЯЖА

Голливуд, март 1987 г. Лучшим фильмом года признана глубоко реалистическая антивоенная кинокартина «Взвод», без прикрас рассказывающая о кровавых буднях американских интервентов в ходе агрессии во Вьетнаме. Премия «Оскар» — награда и режиссеру фильма Оливеру Стоуну, пережившему 20 лет тому назад ад вьетнамской войны. Принимая золотую статуэтку, Оливер Стоун заявил: «Хотелось бы верить, что эта награда означает, что вы наконец поняли, чем был для Америки Вьетнам. И что это не должно никогда повториться».

Многое из того, что происходило на нашей планете казалось бы еще совсем недавно, уже стало достоянием истории. Кипы важных документов, воссоздающих летопись событий, картину их развития, — на полках архивов. Случается и так, что факты тщательно утаивают, дабы современники и последующие поколения о них забыли.

Но есть события, которые даже много лет спустя не тускнеют в памяти народов, болью отзываясь в сердцах людей. Они призывают не предавать забвению прошлое, каким бы трагическим оно ни было, и делать все возможное, чтобы это прошлое не ворвалось губительным смерчем в сегодняшний день человечества.

Именно к таким событиям и следует отнести продолжавшуюся более десятилетия вооруженную агрессию американского империализма против народов Индокитая, которая подобно чудовищному кошмару отложилась в судьбах и в памяти миллионов и миллионов вьетнамцев, кампучийцев и лаосцев, оставив свой неизгладимый след также в сознании многих американцев.

Масштабы действий империалистов США в развязанной ими войне против народов Индокитая во много раз превосходили масштабы действий французских колонизаторов в 1946—1954 гг. Общие расходы на агрессию исчислялись в сотнях миллиардов долларов. Соединенные Штаты мобилизовали для участия в интервенции 70% личного состава американских сухопутных сил, 60% морской пехоты, 40% военно-морских и 60% военно-воздушных сил.

Агрессор не скрывал своих целей. «Вьетнам — это испытание, в ходе которого надо доказать, что свободный мир может противостоять коммунистическим освободительным войнам» — так с предельной откровенностью заявлял министр обороны США в администрациях двух американских президентов, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, Р. Макнамара.

Чем кончилось это «испытание», известно.

После долгих лет героической и самоотверженной борьбы, ценой огромных жертв патриоты Индокитая, опираясь на поддержку и помощь социалистических стран, всего прогрессивного человечества, одержали победу в своей справедливой освободительной войне.

Для американского империализма это было крупнейшее поражение за всю историю Соединенных Штатов.

* * *

Начало вмешательства США в дела народов Индокитая пришлось на первую половину 50-х годов, когда обозначился неминуемый крах авантюры французского империализма, увязшего в «грязной» войне во Вьетнаме.

Тогда-то, в 50-е годы, и появилась на свет пресловутая теория «домино», авторы которой утверждали, что в случае захвата власти коммунистами в Индокитае вслед за ним, мол, «рухнут» и режимы других стран Юго-Восточной Азии. Сое-

диненные Штаты, однако, пугала не только угроза «распространения коммунистического влияния» в Юго-Восточной Азии. Их, возможно, в еще большей степени беспокоила перспектива утраты источников сырья. Президент США Д. Эйзенхауэр говорил об этом еще в 1953 г. на конференции губернаторов штатов: «Предположим на минутку, что мы потеряли Индокитай, тогда прекратятся поставки олова и вольфрама, столь ценных для нас... Таким образом, когда Соединенные Штаты решают отпустить 400 млн. долларов на военную помощь, они не выбрасывают деньги на ветер. Эти деньги позволяют предотвратить случайности, которые могут иметь для нас самые пагубные последствия... а именно утрату нашего господства и возможностью получать нужное сырье из богатейших районов Индокитая и Юго-Восточной Азии». И ради сохранения интересов своих монополий США были готовы пойти в Индокитае на любую преступную авантюру.

Известно, что в Пентагоне вынашивали планы ядерного нападения на Вьетнам еще весной 1954 г., когда части Вьетнамской народной армии вели осаду французского гарнизона в Дьенбьенфу. Согласно рассекреченным в январе 1985 г. в Англии официальным документам британского правительства, в 1954 г. США оказывали на консервативное правительство У. Черчилля сильное давление, с тем чтобы оно присоединилось к коалиции в целях «спасения французов, которым грозило унижающее поражение у крепости Дьенбьенфу во Вьетнаме». Американцы считали, что «для достижения максимального и наиболее длительного эффекта удара с самого начала следует использовать не только обычное, но и ядерное оружие».

Однако У. Черчилль, которому в тот год исполнилось 80 лет, отказался пойти на это. Как отмечали английские обозреватели, несмотря на теплые личные отношения с президентом США Д. Эйзенхауэром, Черчилль предстает, как это явствует из секретных документов, как человек, с подозрением относящийся к американской внешней политике и особенно ее тогдашнему глашатая — госсекретарю США Дж. Ф. Даллесу. «Не стремятся ли американцы, которые только что произвели испытание первой термоядерной бомбы, — отмечал У. Черчилль, — к открытой конфронтации? Риск всеобщей войны был чрезвычайно велик, а из всех стран, вовлеченных в конфликт, в наименьшей степени пострадали бы Соединенные Штаты».

К ядерному шантажу Вьетнама Вашингтон еще вернется, но уже позднее, в конце 60-х годов, когда обозначится пол-

ный провал его индокитайской авантюры. Тогда же, в середине 50-х годов, зловещие планы американского империализма оказались нереализованными. Их сорвала победа народов Индокитая, одержанная в полной испытаний и жертв 9-летней войне Сопротивления.

Хотя США заявили, что принимают к сведению Женевские соглашения 1954 г. и «будут воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью их нарушения», Вашингтон грубо нарушил взятое на себя обязательство. И начало этому было положено уже осенью 1954 г., когда был сколочен агрессивный блок СЕАТО.

Опасаясь, как бы прогрессивные перемены во Вьетнаме не отразились на расстановке сил в Юго-Восточной Азии, руководствуясь пресловутой концепцией «отбрасывания коммунизма», США приступили к реорганизации вооруженных сил сайгонского и вьентьянского режимов, с тем чтобы превратить их в орудие для подавления национально-освободительного движения.

Комплекс акций американского империализма по вмешательству в дела Лаоса в США претенциозно называли «битвой за Лаос». Денег на эту «битву» не жалели. В документах конгресса США прямо говорилось: «Главное назначение нашей программы помощи в Лаосе не финансирование его экономики, а военная поддержка».

Было сорвано проведение намеченных Женевскими соглашениями на июль 1956 г. всеобщих выборов во Вьетнаме, которые должны были привести к объединению обеих зон. Делалось это умышленно. Как отмечал сам Д. Эйзенхауэр, будь выборы проведены в 1956 г., они привели бы к тому, что, «возможно, 80% населения проголосовало бы за коммуниста Хо Ши Мина».

Эти «тихие американцы» лэнсдейлы

Особые «заслуги» в преступной агрессии против народов Индокитая на счету Центрального разведывательного управления США. Нет, наверное, таких средств, методов и приемов, какими бы грязными и противозаконными они ни были, к которым империализм США и его орудие — ЦРУ не прибегали бы в своей аванюре в Индокитае, осуществляя пресловутую миссию по защите «демократии» и «идеалов свободного мира».

Черная тень ЦРУ обозначилась на политическом горизонте стран Индокитая еще в начале 50-х годов. Свою гряз-

ную игру вели во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии тысячи его агентов. В историю же американской агрессии влез «с черного хода» небезызвестный Эдвард Лэнсдейл¹. Он, тогда полковник ЦРУ, «хорошо проявивший себя» в борьбе с патриотами на Филиппинах, появился на вьетнамской авансцене в 50-е годы. Именно Э. Лэнсдейлу поручили «деликатную» миссию поиска марионетки, которую можно было бы использовать в качестве удобного для Вашингтона кандидата на пост главы проамериканского правительства в Сайгоне. Лэнсдейл нашел «подходящего человека» среди южновьетнамских эмигрантов в Нью-Йорке. Это был ярый антикоммунист Нго Динь Зьем, кандидатура которого была без промедлений одобрена госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом. В июне 1954 г. Нго Динь Зьем был переброшен во Вьетнам в целях создания марионеточного правительства на Юге.

Американское руководство пришло тогда к выводу, что Франция «потеряла волю к борьбе во Вьетнаме» и начало разрабатывать собственные планы. Согласно им, США должны были взять на себя в Индокитае ту миссию, от которой отказалась Франция. Окончательное решение по этому вопросу было выработано 20 августа 1954 г. на заседании Совета Национальной Безопасности. В принятом на нем меморандуме № 5429/2, в частности, говорилось, что США должны «отстранить Францию от руководства на всех административных уровнях... В дальнейшем оказывать помощь не через Францию, а непосредственно самим вьетнамцам... Зьем должен расширить социальную базу своего правительства». Теперь Нго Динь Зьем изображался как выдающийся политик, призванный «спасти страну от коммунизма».

И одновременно на пост руководителя специальной миссии США в Сайгоне сам шеф ЦРУ Аллен Даллес рекомендовал Лэнсдейла — «непревзойденного авторитета» в ведении психологической войны против патриотических сил. Главный акцент в своей «деятельности» этот диверсант делал на попытках подрыва народной власти в ДРВ. К каким только грязным приемам не прибегали подручные Лэнсдейла! Дело дошло даже до выпуска «астрологических альманахов», со-

¹ Лэнсдейл, как известно, послужил прототипом главного персонажа романа Г. Грина «Тихий американец». Грэм Грин, находясь в Индокитае, знал и посещал Эдварда Лэнсдейла. Как отмечают французские журналисты А. Герэн и Ж. Варэн, «выведя Лэнсдейла под именем Пайла, романист не пощадил его. Он выставил его на позор». Грин, со своей стороны, ограничился таким высказыванием: «Возможно, в «Тихом американце» больше документальности, чем в любом другом из моих романов...»

держащих «пророческие» предсказания о приближающемся крахе народно-демократического строя на Севере Вьетнама.

Американские авторы В. Марчетти и Д. Марк в книге «ЦРУ и культ разведки» следующим образом характеризовали шпионскую деятельность Лэнсдейла в Сайгоне: «Здесь он развернул несколько программ психологической войны и помог Нго Динь Зьему разделиться с его политическими противниками». Не без его помощи Зьем, в результате всевозможных махинаций, победил на «выборах» и в октябре 1955 г. стал первым «президентом» так называемой «Республики Вьетнам».

Любопытен такой факт: когда в 1955 г. Зьем официально выставил свою кандидатуру на президентских выборах в Южном Вьетнаме, Лэнсдейл предложил такую идею оформления избирательных бюллетеней: бюллетени с именем Зьема были красного цвета — символ удачи в Азии, а бюллетени конкурента Зьема были зеленого цвета — символ обманутого мужа. С явно чрезмерным преимуществом — 98% избирателей — победил Нго Динь Зьем; а в американских правительственных кругах Лэнсдейлу открыто приписали еще одно «выдающееся достижение».

Террором и силой пытался сайгонский режим подавить любое «инакомыслие» в Южном Вьетнаме. Сайгонская пропаганда призывала «ликвидировать Вьетконг (то есть вьетнамских коммунистов. — Авт.), не проявлять к ним жалости, не считать коммунистов за людей, использовать все имеющиеся в распоряжении силы и средства для уничтожения». Растущие масштабы репрессий режима против южновьетнамских патриотов — а в 1954—1959 гг. было убито 75 тыс. человек — свидетельствовали о том, что марионеточные власти вознамерились методами кровавой диктатуры ликвидировать прогрессивные силы на Юге Вьетнама.

Мощный рост национально-освободительного движения населения Южного Вьетнама в конце 50 — начале 60-х годов был ответом на контрреволюционное насилие сил империализма и реакции. Все, кто выступал против тирании Сайгона, сплотились в созданном в 1960 г. Национальном фронте освобождения Южного Вьетнама, позиции и влияние которого усиливались день ото дня. Население Южного Вьетнама, используя законное право на самооборону, поднялось на вооруженную борьбу против антинародной политики марионеток.

Напуганные повсеместными выступлениями вьетнамского народа, Соединенные Штаты и зьемовская клика развязали «особую войну», рассчитанную на то, чтобы «вьетнамцы сра-

жались против вьетнамцев». Основной силой США и их марионеток в тот период была сайгонская армия.

Лэнсдейл, уже в чине бригадного генерала, забрасывал тогда Вашингтон и штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли шифротелеграммами, требуя принятия решительных мер противодействия партизанской войне во Вьетнаме.

На основании данных ЦРУ в мае 1961 г. советник президента по национальной безопасности М. Банди подготовил меморандум № 52, одобренный президентом Кеннеди. Это была программа засылки тайных агентов в ДРВ. В тот же период появились на свет «зеленые береты» — специальные части армии США, «прославившиеся» зверствами в Южном Вьетнаме.

«Отказ от наших усилий в Южном Вьетнаме, — заявлял в 1963 г. президент США Д. Ф. Кеннеди, — означал бы крах не только в Южном Вьетнаме, но и в Юго-Восточной Азии. Так что мы намерены там оставаться». Достигалась эта цель с помощью грубой военной силы, путем жесточайшего подавления патриотических сил страны.

Между тем шагавший по коридорам власти Лэнсдейл — уже помощник министра обороны США по «специальным вопросам» — представил новые рекомендации по борьбе с национально-освободительным движением на Юге Вьетнама. Их главный смысл — сочетать тактику «выжженной земли» с ведением интенсивной психологической войны. Эти рекомендации были охотно приняты правительством США. Однако с первого же дня планы агрессоров натолкнулись на решительное сопротивление народных масс. После двух лет осуществления «особой войны» стратегия США на ускоренное «умиротворение» провалилась.

«Сильный президент» — марионетка Нго Динь Зьем не удержался в «седле». В ходе санкционированного в Вашингтоне государственного переворота в октябре 1963 г. Нго Динь Зьем и все члены его семейного клана были убиты. Что же касается его «наставника» Лэнсдейла, то он накануне переворота, по загадочному стечению обстоятельств, вышел в отставку. (В следующий раз он появился в Сайгоне уже в 1965—1968 гг., теперь уже в качестве дипломата — как посланник посольства США.)

Зьем был убран Вашингтоном с политической арены, потому что оказался неспособным справиться с ростом освободительного движения. И вместе с тем ввиду того, что, как показалось его хозяевам, перестал быть столь же «послушным», как раньше. Это проявилось в период антиправительственных выступлений буддийских сект летом 1963 г. Амери-

канцы рекомендовали «умиротворить» буддистов, число которых на Юге превышало 6 млн. человек. Зьем же, воинствующий католик, питавший ненависть к буддистам, особенно за их симпатии к борьбе НФОЮВ, приказал верным ему войскам в августе 1963 г. подвергнуть разрушению буддийские пагоды.

В знак протеста против действий Сайгона несколько буддийских монахов публично сожгли себя. Родственница Зьема — мадам Нью высмеяла эти акты как «спектакли монашеского самоподжаривания». Репрессии против буддистов усилились. Волна вандализма, прокатившаяся по всему Югу, вызвала глубокое возмущение во всех слоях общества, рост антиамериканских настроений.

В этих условиях в планах ЦРУ не оставалось более места для марионетки, неспособного должным образом защищать «жизненные интересы» Вашингтона. В своих мемуарах «Годы в Белом доме» бывший госсекретарь США Г. Киссинджер писал: «Противники Нго Динь Зьема... утверждали, что его нужно было свергнуть, поскольку, пока он оставался у власти, невозможно было вести войну против коммунистов достаточно энергично». Контакты с участниками заговора против Зьема — кучкой сайгонских генералов — осуществлял сотрудник резидентуры ЦРУ в Сайгоне полковник Лу Конейн.

А вот образчик лицемерия агрессора. Каждый год (после убийства Нго Динь Зьема в 1963 г.) 1 ноября в Сайгоне разыгрывался один и тот же спектакль: одетые в смокинги американские дипломаты во главе с послом в торжественном молчании поднимались на трибуну, установленную на бульваре Тхонгвят, чтобы принять участие в трауре по случаю кончины Зьема. То, что резиденты ЦРУ и посольство США в Сайгоне были негласными «вдохновителями» ликвидации Нго Динь Зьема, придавало этой церемонии особую пикантность.

После свержения Зьема грызня в высшем эшелоне сайгонских временщиков достигла своего апогея. На протяжении 20 месяцев в Сайгоне было проведено 14 переворотов, а также попыток их совершения, сформировано 9 кабинетов, однако «сильную личность» для расправы с освободительным движением Вашингтону отыскать так и не удалось.

И тогда было решено развязать прямую агрессию против стран Индокитая. На основе рекомендаций состоявшегося осенью 1963 г. совещания представителей высших американских дипломатических и военных кругов в Гонолулу президент США Л. Джонсон в своей первой директиве по Вьетнаму от 26 ноября 1963 г. одобрил программу нанесения на-

растающих по мощи ударов по ДРВ, а также Лаосу для «обеспечения победы над коммунистами» в Южном Вьетнаме.

1 февраля 1964 г. американская военщина приступила к реализации программы под кодовым названием «оперативный план 34-А», предусматривавший заброску специальных групп для совершения диверсий в ДРВ, обстрел торпедными катерами северовьетнамских прибрежных населенных пунктов.

В том же 1964 г. Соединенные Штаты развязали массивную воздушную войну против суверенного социалистического государства ДРВ. В Вашингтоне рассчитывали путем расширения бомбардировок ДРВ сохранить сайгонский режим, все более проявлявший свою беспомощность перед лицом национально-освободительных сил, которые уже к середине 1965 г. контролировали свыше $\frac{4}{5}$ южновьетнамской территории, где проживало более $\frac{2}{3}$ населения Юга.

Как спровоцировали повод для агрессии

В августе 1964 г. конгресс США принял так называемую «тонкинскую резолюцию», уполномочившую президента Л. Джонсона «принять все необходимые меры для отражения любого вооруженного нападения на силы Соединенных Штатов» и «все необходимые шаги, включая использование вооруженных сил, чтобы помочь любому члену Организации договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (то есть СЕАТО) или любому государству, упомянутому в протоколе к этому договору, которое обратится за помощью...». Фактически это означало провозглашение войны ДРВ без всяких ограничений, хотя официально она оставалась «необъявленной войной».

«Тонкинская резолюция» была принята после того, как в начале августа 1964 г. самолеты ВВС США предприняли бомбардировку ряда приморских районов ДРВ. Л. Джонсон, оправдывая акты агрессии, утверждал, что они, мол, были «ответной мерой». По словам президента, вьетнамские патрульные катера совершили 2 и 4 августа 1964 г. «неспровоцированные» нападения на два американских эсминца, входивших в состав 7-го Тихоокеанского флота, которые пришли в Тонкинский залив.

Данная резолюция конгресса, послужившая формальным предлогом для развертывания широких военных действий США во Вьетнаме, была от начала до конца фальшивой. Во-первых, ложью являлись утверждения о нападении неких «торпедных катеров» на американские эсминцы. Во-вторых,

«тонкинская резолюция», основанная на прямой дезинформации конгресса, была незаконна, ибо противоречила международному праву и не являлась тем, за что ее выдавали, — объявлением войны. В резолюции, кстати, Вьетнам даже не упоминался. Как отмечалось в докладе авторитетного органа — Комитета юристов по вопросу об американской политике в отношении Вьетнама, «нет никаких свидетельств того, что конгресс понимал, что он объявляет войну... Конгресс не объявил войну Вьетнаму, его совместные резолюции... не делают ведение войны администрацией Джонсона конституционным».

И тем не менее по приказу президента Джонсона на Северный Вьетнам обрушились сотни тысяч тонн бомбового груза. Варварскими бомбардировками, сметающими с лица земли все, что было создано руками трудолюбивого народа, агрессоры вознамерились, по выражению тогдашнего министра обороны США Макнамары, «отбросить Северный Вьетнам в каменный век».

«Джонсон летит» — так говорили вьетнамские дети, слыша вой приближающегося американского пирата.

Лишь два сенатора выступили в августе 1964 г. против «тонкинской резолюции». «Если бы конгресс прислушался к этим двум голосам, потонувшим в шумах провинцистического психоза, — указывалось во вьетнамской прессе в материалах, посвященных 20-летию этих событий, — может быть, остались бы живы 58 012 американцев, убитых в ходе вьетнамской войны».

Отдавая приказ о бомбардировках Демократической Республики Вьетнам, Л. Джонсон заявлял в августе 1964 г.: «Возможно, меня будут осуждать, но победа, которую мы завоеваем, реабилитирует меня как политического деятеля, не остановившегося на пороге самого трудного выбора».

Президент просчитался: не было победы, зато было крупнейшее в истории США военное поражение. И не реабилитировала Л. Джонсона история. Ее приговор политике авантюризма и агрессии был суров и непреклонен.

Так что же на самом деле произошло в Тонкинском заливе в первые дни августа 1964 г.?

«Я видел, как мы изобретали повод для нашей войны во Вьетнаме» — под таким заголовком в газете «Вашингтон пост» в октябре 1984 г. были опубликованы воспоминания бывшего американского военного летчика, непосредственно участника этих событий Джеймса Стокдейла. Стокдейл, в то время 40-летний командир авиационной боевой части, базировавшейся на авианосце «Тикондерога», а позднее восемь

лет пробывший в плену в Северном Вьетнаме, был очевидцем инцидента.

Вот что рассказал Стокдейл о событиях, имевших место 2 августа 1964 г. В тот день он, совершая очередной патрульный вылет на истребителе «Крусейдер», неожиданно получил приказ переключить всю боевую аппаратуру на бомбометание и ждать дальнейших указаний. В 3 часа дня стали поступать непрерывные сообщения от американского эсминца «Меддокс»: «Подвергаюсь нападению со стороны трех патрульных катеров... в воде торпеды... ведем огонь по противнику из орудий главного калибра».

В 3 часа 30 минут самолеты группы, которой командовал Стокдейл, с ревом пронеслись над «Меддоксом» и вскоре увидели три небольших вьетнамских патрульных катера, один из которых получил серьезные повреждения. Американские самолеты в упор расстреляли эти катера ракетами «Зупи». Джеймс доложил командиру «Меддокса»: «Все катера повреждены, два из них следуют к берегу, один без хода и горит».

По возвращении на базу Стокдейл узнал в разведотделе, что командир «Меддокса» на основании наблюдений за поведением катеров пришел к выводу о том, что ему, мол, угрожает нападение. Из радиоперехвата тоже яковы следовало, что вьетнамцы «что-то замышляют». Стокдейлу сказали также, что вьетнамские катера якобы выпустили две торпеды по «Меддоксу», ни одна из которых в цель не попала.

4 августа на основании еще какого-то радиоперехвата командир эсминцев «Меддокс» и присоединившегося к нему «Тернер Джой» заподозрили, что «на них, мол, готовится нападение». В воздух вновь была поднята авиагруппа Стокдейла. «На протяжении часа, — пишет он, — в эфире только и слышалось: «Торпеда! Торпеда!», а оба эсминца все время маневрировали, временами открывая ожесточенный оружейный огонь. «Тернер Джой», — вспоминает Стокдейл, — стрелял по «мишеням», которые «Меддокс» не мог обнаружить на экранах своих РЛС; «Меддокс» же увертывался от вьетнамских «торпед», приближение которых «Тернер Джой» не мог уловить своими гидроакустическими приборами».

«Я, — писал американский летчик, — маневрировал на самой малой высоте, пытаюсь обнаружить катер, о котором общались эсминцы, чтобы немедленно потопить его. Никто в мире не смог бы лучше меня обнаружить вражеский катер, если бы такой существовал!» Все это продолжалось далеко за полночь...

Стокдейл понял, что происходит какой-то обман. На эс-

минцах говорили о попаданиях, но где же тогда искры от удара металла о металл? И где кильватерные струи вражеских катеров? Где вспышки оружейных снарядов? В темноте все эти атрибуты морского боя четко бросились бы в глаза. Но ничего подобного не было.

«В помещении для дежурных экипажей, — рассказывал Стокдейл, — царило оживление. Все присутствовавшие были в самом веселом настроении. Покатываясь со смеху, они стали спрашивать его:

— Ну, так ты видел вражеские катера?

— Ни одного! Ни катеров, ни кильватерных струй, ни рикошетов, ни искр от попаданий снарядов, ни следов торпед — ничего, кроме черного моря и огня наших орудий. Но должно быть, я схожу с ума! Из-за чего вся эта суматоха, если в действительности ничего не случилось?

— Взгляни-ка на это, — сказали Стокдейлу, — вот что отправил в Вашингтон командор «Меддокса» «молнией», в открытую на весь мир.

Летчику протянули несколько листов из журнала связистов, в которых фиксировались все радиogramмы, поступившие с «Меддокса». В них говорилось о том, что эсминец подвергся нападению вьетнамских катеров».

Скажем к слову, что позднее капитан «Меддокса» Г. О. Гайер заявил, что его корабль не подвергался нападению в Тонкинском заливе, что он «по ошибке» принял звуки, издававшиеся гребными винтами его эсминца, а также «Тернер Джоя», за шум вьетнамских катеров. Разумеется, обо всем было хорошо известно в Вашингтоне с самого начала. Но там это никого не интересовало. Маховик агрессии уже был запущен.

Однако вернемся к Стокдейлу. На следующий день, 5 августа 1965 г., ему вручили приказ из Вашингтона о совершении бомбардировок ряда целей на побережье ДРВ.

— Чего это им вздумалось нанести удар по берегу? — спросил он.

— Ответный удар, сэр, — сказал дежурный.

— Ответный на что?

— На вчерашнее нападение на эсминцы, сэр.

В тот же день авиагруппа Стокдейла бомбила объекты в районе северовьетнамского города Винь. В 1 час 32 минуты дня он радировал на «Тикондерогу»: «Все бомбы сброшены на склад с горючим. Все цистерны получили прямые попадания и сейчас взрываются. Дым поднялся на высоту 14 тыс. футов и все еще продолжает подниматься. Сейчас мы атакуем патрульные катера».

«Вашингтон сделал опрометчивый шаг, — писал Стокдейл, — а расхлебывать всю эту кашу пришлось целому поколению американцев».

Лишь после возвращения из плена американский пилот узнал, что в действительности события развивались следующим образом: эсминцы 7-го Тихоокеанского флота США вошли в территориальные воды ДРВ и начали обстрел ее прибрежных районов. Предупредительные выстрелы легких орудий вьетнамских катеров береговой охраны президент США Л. Джонсон в драматических выражениях, не мешкая, представил как «неспровоцированное нападение на США» и отдал приказ о «бомбардировках возмездия» Северного Вьетнама.

Впоследствии помощник государственного секретаря США М. Банди признавал, что акции, которые положили начало варварской воздушной войне США против ДРВ, были запланированы задолго до самого «инцидента» с американскими эсминцами в Тонкинском заливе в августе 1964 г.

* * *

В течение нескольких лет мне пришлось быть свидетелем варварской войны США против Северного Вьетнама. Зловещие тени воздушных пиратов скользили изо дня в день по земле Вьетнама. От фюзеляжей самолетов, подобно тяжелым черным каплям, отрывались бомбы и, набирая скорость, неслись к земле. Американским летчикам зачастую было все равно, куда вывалить свой смертоносный груз — на головы работавших в поле беззащитных крестьян, на черепичные крыши школ, больниц, яслей, пагод. Они прилетали, чтобы сеять повсюду смерть и разрушения, убивать все живое, выжигать нивы, уничтожать постройки. Слепая сила фугасок безжалостно кромсала поля, взметала дымившиеся развалины жилых домов. Напалм выжигал все живое на земле, а шариковые бомбы несли смерть людям.

Сбитый над Северным Вьетнамом в 1966 г. лейтенант ВВС США Р. А. Страттон, эскадрилья которого базировалась на авианосце «Тикондерога», показал: «Мое первое боевое задание 14 ноября было — совершить налет на густонаселенный квартал города Винь. Лейтенант О. Фаррел, офицер разведывательной службы ВВС, сообщил нам, что выбранный объект чрезвычайно важен с политической точки зрения: население должно почувствовать на себе, что такое война, и испытать ее тяжесть... Налет был назначен на 10 часов утра, чтобы число жертв было как можно больше. Погода была отличной, и мы без затруднений нашли объект. Первый заход самолетов с шрапнельными и напалмовыми бомбами застиг

людей, бежавших к укрытиям. На втором заходе мы видели людей, упавших то тут, то там или мечущихся в горящей одежде. Мы видели фотоснимки с результатами бомбардировки. Сличив снимки с координатами объекта, мы увидели, что объект, а он полностью сгорел, был жилым кварталом».

Каждый, кому довелось ехать из Ханоя в южном направлении, не мог миновать мост Хамжонг через реку Ма в провинции Тханьхоа. Этот мост стал одной из главных целей американских бомбардировок. Только в 1966 г. на этот 300-метровый мост было совершено 1560 налетов и сброшено 1600 бомб и 250 ракет.

В годы войны американская военщина, наряду с химическим оружием, напалмом, фосфорными бомбами, широко использовала во Вьетнаме и других странах Индокитая такое варварское оружие, как шариковые бомбы. Эта бомба представляет собой металлический снаряд величиной с апельсин, начиненный взрывчатым веществом большой мощности. В корпус шариковой бомбы вмонтировано несколько сотен стальных или пластмассовых кубиков или шариков диаметром около 0,25 см. Контейнер, в котором находится 250—300 шариковых бомб, сбрасывался с самолета и на высоте несколько сотен метров автоматически раскрывался. Шариковые бомбы с огромным ускорением устремлялись к земле, где взрывались на высоте нескольких метров, уничтожая все живое в радиусе 200 м. Поражающая сила шарика значительна — он пробивает навывлет стальную каску. Раня, нанесенные шариком, столь же опасны, как ранения разрывными пулями. Ранения пластмассовыми шариками особенно опасны, ввиду того что их не удается выявить в пораженных тканях даже при помощи рентгенологического обследования.

Агрессивная война американского империализма принесла Северному Вьетнаму страшные разрушения. В 1965—1972 гг. бомбардировки авиации США буквально опустошили страну. Было разрушено 4 тыс. из 5778 деревень, 150 из 233 уездных центров, 30 провинциальных центров, 3 из 6 крупных городов Севера.

Враг не застал ДРВ и ее друзей врасплох. Несмотря на значительный ущерб, причиненный экономике Северного Вьетнама, ему не удалось дезорганизовать народное хозяйство страны, подорвать ее оборонный потенциал.

При помощи поставок современного вооружения из СССР и других стран социализма происходило техническое перевооружение Вьетнамской народной армии. Она превращалась в современную армию, способную успешно противостоять американской агрессии, отражать налеты авиации США.

Вот показания одного из американских летчиков, взятого в плен 10 сентября 1966 г. в Хайзыонге: «Мы чувствуем озноб каждый раз, когда нас посылают в Северный Вьетнам в ожидании того, что придется встретиться с самой мощной системой ПВО, какую мы встречали когда-либо. Наш страх разделяют и другие летчики: если боятся ветераны, то молодые летчики теряют уверенность в себе. Некоторые летчики были подвергнуты наказанию и были направлены в США, так как из-за страха отказывались участвовать в налетах на Северный Вьетнам».

Потери ВВС США в ДРВ неизменно увеличивались. Взятый в плен 7 августа 1966 г. майор Дж. Х. Кэслер показал: «С начала 1966 г. в моей эскадрилье № 355 ПВО Северного Вьетнама сбила 50 самолетов F-105Д и 3 самолета F-105Ф, то есть 90% общего количества самолетов. Только с июня по август мы потеряли свыше 30 пилотов. Недавно эскадрилья получила пополнение: 20 летчиков из ФРГ и несколько с Окинавы».

В книге «Война возвращается домой» Дж. Хелмер отмечал, что «в процессе вьетнамской войны была утрачена уверенность в превосходстве американского оружия, так как прошедшие через войну солдаты считали, что у противника оружие было не хуже американского».

Политика эскалации агрессии США против ДРВ потерпела провал. Силами Вьетнамской народной армии было сбито над ДРВ 3243 американских самолета, а сотни летчиков взяты в плен.

И тогда в Вашингтоне не нашли ничего лучшего, как вновь прибегнуть к ядерному шантажу Вьетнама. В конце 60-х годов администрация Р. Никсона разработала «теорию сумасшедшего», согласно которой Белый дом должен был по различным каналам распространять информацию о том, что президент Никсон настроен-де весьма решительно, подвержен приступам ярости, во время одного из которых может отдать приказ о ядерной бомбардировке Вьетнама.

В беседе со своим ближайшим помощником Р. Холдеманом Никсон говорил: «Я хочу, чтобы северовьетнамцы считали, что я готов на все, чтобы прекратить войну. Мы стараемся, чтобы они получили сообщение следующего содержания: «Вы знаете, Никсон одержим антикоммунизмом. Мы не можем сдержать его, когда он разъярен, а ведь его рука лежит на ядерной кнопке».

А вот точка зрения нынешнего президента США Р. Рейгана по этому вопросу: «...тогда велись споры о применении ядерного оружия во время войны во Вьетнаме, и я тогда ска-

зал, что, хотя мы знаем, что никогда не станем применять там ядерное оружие, мы никогда не должны этого говорить. Пусть они ложатся спать каждый вечер, думая о том, применим ли мы это оружие». Об этих своих взглядах 15-летней давности Рейган поведал миру в октябре 1986 г.

Задуманная как блеф «теория сумасшедшего», в силу милитаристской логики Вашингтона, обросла вариантами осуществления, набрала собственную инерцию. В Пентагоне нанесение ядерного удара по ДРВ стало рассматриваться чуть ли не как обычная операция — ей даже присвоили кодовое название «Дак хук».

Однако «теория» не сработала. И не только потому, что патриоты Вьетнама не поддались на уловки и шантаж провокаторов, ответив на них новыми мощными ударами по агрессору. Американская администрация и Пентагон вынуждены были почувствовать тогда действие новых ограничителей на свою агрессивность — по мере приближения Советского Союза к достижению стратегического паритета.

Огнем и мечом

Агрессия США против ДРВ продолжалась с перерывами вплоть до самого конца 1972 г. И все это время Вашингтон оправдывал разрушительную войну против ДРВ тем, что, мол, эти бомбардировки имели целью предотвратить «инфильтрацию Севера на Юг Вьетнама», где кровавый сайгонский режим чуть ли не стал «жертвой агрессии» «северовьетнамских коммунистов».

В годы антиимпериалистической борьбы народов Индокитая на Западе появился целый ряд книг и изданий, в которых помощь ДРВ патриотическим силам Южного Вьетнама трактовалась чуть ли не как «агрессия», «вмешательство извне» и т. п. Авторы этих публикаций пытались доказать, что, мол, революционные выступления народов стран Индокитая были обусловлены не наличием внутренних условий для созревания там революционной ситуации, а являлись, главным образом, результатом «агрессии», некоего «подталкивания» масс извне на «насильственные», «террористические» действия.

Практика освободительной борьбы в Индокитае убедительно показала, что оказание ДРВ необходимой моральной и материальной поддержки соотечественникам на Юге Вьетнама, которые стали жертвой империалистической агрессии США, жесточайших репрессий и террора со стороны палаче-

ского сайгонского режима, представляло собой не только исполнение братского долга вьетнамцев на Севере в отношении соотечественников на Юге, но и осуществление вьетнамским народом своего законного права на самооборону.

Потерпев поражение в «особой войне», Соединенные Штаты развязали «локальную войну» в Южном Вьетнаме, в которой главным стратегическими силами стали американский экспедиционный корпус и марионеточная армия. 8 марта 1965 г. США приступили к вводу своих регулярных частей в Южный Вьетнам. Вот ступени эскалации агрессии — к концу 1965 г. численность американских войск в Южном Вьетнаме превысила 180 тыс., а в 1968 г. — 536 тыс. человек. США имели в Южном Вьетнаме 3,5 тыс. самолетов и вертолетов, использовали почти весь свой 7-й флот, насчитывавший около 200 военных кораблей и 80 тыс. военнослужащих, 2 тыс. тяжелых орудий, 2 тыс. танков и бронетранспортеров.

Вместе с интервенционистским корпусом США в войне участвовали южнокорейские дивизии, а также батальоны из Австралии и Новой Зеландии, воинские формирования из Таиланда и Филиппин. Военные концерны ФРГ, Японии и других империалистических стран поставляли агрессорам боеприпасы и запасные части, отравляющие вещества и инженерную технику.

Страшную трагедию принес жителям стран Индокитая такой компонент агрессии, как политика насильственного выселения крестьян из родных деревень под ложным предлогом «оградить» их от сил освобождения.

Осуществлялась эта «стратегия» жесточайшими насильственными, а также пропагандистскими средствами. Вот текст листовки, которая сотнями тысяч разбрасывалась над деревнями Юга Вьетнама: «Смерть! Смерть! Смерть! Вас ждет только смерть. Вы слышите гул самолетов? Слышите свист бомб? Это смерть! Ваша смерть! Единственное ваше спасение — бежать». На обороте листовки — фотографии жертв бомбардировок, изувеченных трупов, картины тотального разрушения, объятые пламенем деревни. Крестьянам методически внушалось, что у них-де один путь к спасению — бежать в зону сайгонского контроля в «центры приема беженцев».

Изгнание миллионов крестьян из родных деревень отнюдь не было каким-то «сопутствующим» явлением войны, как это пытаются порой представить апологеты агрессии. Это тщательно разработанный жестокий план, целью которого был стгон крестьян с их земель, создание некоего «вакуума», для того чтобы затем бомбами и химическим оружием осуществить программу уничтожения «инфраструктуры Вьетконга».

Один из «творцов» военных программ армии США в Южном Вьетнаме — профессор С. Хантингтон в своей книге «Основы для приспособления» писал: «Военная победа посредством обычного оружия не может стать настоящим решением. Найти решение можно лишь путем проведения насильственного переселения людей в город и модернизации, благодаря чему страна быстро преодолет период, благоприятный для революционной войны в сельской местности».

Следуя этим «рецептам», военщина США разоряла вьетнамскую землю, уничтожала мирное население. Вот отрывок из текста письма в адрес Л. Джонсона членов одной общественной организации о жизни в «показательном» лагере для беженцев Кайбе в дельте Меконга: «...люди вынуждены влачить жалкое, полуголодное существование, и условия, в которых они находятся, наносят непоправимый вред обычаям и традициям вьетнамского народа... Мирно живет деревня под контролем Вьетконга. Но вот являются «освободители» — правительственные (сайгонские.— *Авт.*) или американские войска. И начинаются насилия, появляются беженцы». В годы агрессии США «беженцами» стали 10 млн. южновьетнамцев.

Аналогичная политика проводилась в Лаосе. Журнал «Фар Истерн экономик ревью» отмечал, что, «когда усилились американские бомбардировки, многие лаосцы были вынуждены покинуть свои жилища».

Общее руководство за осуществлением программы «умиротворения» решением президента Л. Джонсона было поручено ответственному сотруднику ЦРУ Р. Комеру, а его заместителем назначили У. И. Колби, который несколько позднее (1973—1975 гг.) возглавлял ЦРУ. В 1959 г. Колби был резидентом ЦРУ в Сайгоне, где его «прикрытием» стал пост первого секретаря посольства США. В 1962 г. он возвратился в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, где возглавлял сначала дальневосточный отдел, а затем — отдел азиатских стран Центрального разведывательного управления.

В 1968—1971 гг. Колби, получивший ранг посла, был непосредственно связан с осуществлением программы «умиротворения» в Южном Вьетнаме, вылившейся в массовое, чудовищное истребление ни в чем не повинных мирных жителей. «Посол» Колби был лично причастен к убийствам и пыткам многих вьетнамских патриотов.

ЦРУ и его шеф Колби покрыли себя несмываемым позором, участвуя в разработке и осуществлении кампании политического террора на Юге Вьетнама, которая носила кодовое наименование «Феникс». Немало кровавых страниц вписали в позорную летопись агрессии США в Индокитае и силы спе-

циального назначения армии США — так называемые «зеленые береты». Это им, вместе с агентами ЦРУ, было поручено проведение операции с целью «уничтожения коммунистических кадров» в Южном Вьетнаме, а на самом деле, как открыто признавали марионетки в Сайгоне, ликвидации всех «подозреваемых гражданских лиц».

Летом 1982 г. в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» была опубликована статья Р. Таубмена «Секретный мир» зеленого берега». В ней приводилась «исповедь» некоего Лика Томсона, который участвовал в психологической войне во Вьетнаме в 1968 г. Он пишет: «Все обходилось без лишних слов. Выстрел — и кончено. Убивали всех, кого подозревали в содействии партизанам. Мы должны были выжить, а потому убивали всех, кто нам мешал».

Сенатор Фулбрайт с полным основанием называл эту операцию «программой массового физического уничтожения» политической оппозиции в Южном Вьетнаме. Речь шла о плане ликвидации кадров НФОЮВ и усиления репрессий в отношении лиц, которых подозревали в связях с силами освобождения.

В июле 1968 г. сайгонский «президент» Нгуен Ван Тхьеу издал подготовленный при участии Колби декрет, в соответствии с которым по всему Южному Вьетнаму создавались комиссии по проведению программы «Феникс». Речь шла о создании силами ЦРУ гигантской системы слежки и допросов, которая охватила почти весь Южный Вьетнам. Всего в «Фениксе» участвовало 450 сотрудников ЦРУ США. Операция вылилась в жесточайшую репрессивно-террористическую кампанию, в ходе которой было уничтожено более 40 тыс. человек.

На службу агрессии американское командование в Южном Вьетнаме поставило и «научно-технический прогресс». Так, «техническим открытием», которое ЦРУ широко применяло во Вьетнаме, была система обнаружения пользования оружием. Лицу, подозревавшемуся в принадлежности к Армии освобождения, обрызгивали руки специальным химическим составом, а через несколько минут направляли на руки ультрафиолетовый луч. Если цвет химического вещества определенным образом менялся, это означало, что подозревавшийся брал в руки металлический предмет (предполагалось, что оружие) в течение предшествовавших 24 часов.

ЦРУ не смущало то обстоятельство, что химическое вещество было одинаково чувствительно к любому металлическому предмету, в том числе сельскохозяйственному инструменту. Жертвой расправы мог стать любой человек, который

держал до этого какой-то металлический предмет. «Эффективность» применения этого «метода» достигалась агентами ЦРУ за счет пыток простых вьетнамских крестьян.

В войне против освободительных сил Южного Вьетнама ЦРУ использовало некоторые наиболее отсталые в культурном отношении национальные меньшинства, и в частности враждебно настроенных к народной власти нунгов. В 1946—1954 гг. многие нунги участвовали в войне на стороне французских колонизаторов, и ЦРУ, зная об этом, активно привлекало их к «работе». Они же вели секретные наблюдения за транспортными перевозками патриотов, участвовали в налетах на автоколонны сил освобождения. Поскольку большинство нунгов было неграмотно — не умели писать и считать, а посему не могли посылать донесения о результатах своих шпионских действий, технические подразделения ЦРУ изобрели для них специальный радиопередатчик, снабженный набором кнопок с изображениями танка, грузовика, артиллерийского орудия и т. д. Когда лазутчик, следивший за дорогой, видел автоколонну, он должен был нажимать соответствующую кнопку столько раз, сколько машин проезжало мимо него. При каждом нажатии кнопки специально закодированный импульс поступал на базу, где велся учет всех перевозок, а те передавали полученную информацию подразделениям штурмовой авиации для немедленных бомбардировок заданных районов. С продажными вождями нунгов американцы рассчитывались долларами, а с рядовыми «боевиками» — виски и пивом, систематически спаявая их.

Ведя борьбу против патриотов, США делали на Юге Вьетнама ставку и на так называемый ФУЛРО — «Объединенный фронт освобождения угнетенных народностей», в состав которого входили реакционные представители некоторых национальных меньшинств, проживавших на Центральном плато. Руководители ФУЛРО попали под полное влияние агентов ЦРУ.

«Тайную войну» против лаосских патриотов агенты ЦРУ совмещали с личным обогащением за счет незаконной переброски из горных районов Лаоса на принадлежавших ЦРУ самолетах — они фигурировали для внешнего потребления, как частные авиакомпании — опиума.

Автор книги «Политика героина в Юго-Восточной Азии» американский публицист А. Маккой писал, что «механизм лаосской торговли наркотиками зависел в значительной степени от поддержки (деньгами, оружием, самолетами и др.) ЦРУ». Боссом этого преступного бизнеса был ставленник ЦРУ генерал Ванг Пао, который позднее, в 1975 г., после

того как возглавлявшаяся им секретная армия ЦРУ была разбита патриотами, бежал в США. Кстати, об этом говорилось в показанном в июне 1983 г. по британскому телевидению фильме из серии «Вьетнам: телевизионная история», озаглавленном «Тайная война». Фильм посвящен преступной деятельности ЦРУ в Лаосе и Кампучии, эксплуатации и почти полному уничтожению народности мео. Уместно отметить в этой связи, что мео были главными производителями в этом районе опиумного мака. На нелегальных поставках этого наркотика в США из Лаоса в период агрессии нажили состояние многие «борцы за демократию» из США.

Поистине чудовищна моральная деградация, которую переживали американские солдаты в Южном Вьетнаме. В их психологии через три-четыре месяца после прибытия во Вьетнам наступал кризис, вызванный военными неудачами и разочарованием. Когда солдаты впервые вступали на землю Вьетнама, их головы были забиты заученными фразами вроде того, что их «прислали, чтобы вьетнамский народ не пошел в лапы коммунистов» и т. п. Но через некоторое время они начинали понимать, что здесь не нужны. Поэтому желание «великодушно покровительствовать» вьетнамцам довольно скоро вырождалось у американских вояк в агрессивный расизм, в слепую озлобленность против местного населения. Они приканчивали пленных штыками, выбрасывали людей живыми из летящих вертолетов, в безумной ярости сжигали дотла целые деревни.

И все это делалось, чтобы заглушить страх, который постоянно преследовал агрессоров во Вьетнаме, где земля горела под их ногами.

Среди причин поражений, преследовавших американские войска в боях с патриотами, помимо, разумеется, идеологических различий между армией США и солдатами освобождения, особое место принадлежит грубым просчетам американского командования в психологической подготовке. Войска США готовились для этакой «войны-прогулки», когда они видели бы противника лишь в виде пятнышка на экране радара. Пентагон предполагал, что основную «работу» будут выполнять авиация и артиллерия, а войскам останется только продвигаться вперед на танках и бронетранспортерах, соскакивая время от времени на землю, когда необходимо добить тех, кто чудом уцелел после бомбового удара. Все — от комиксов до телеэкрана и военных занятий — готовило агрессоров именно к такой войне.

Однако оказалось, что им придется вести упорные рукопашные бои с патриотами, где американцы полностью лиши-

лись тех преимуществ, которые им давало превосходство в воздухе и в артиллерии. Здесь брало верх психологическое преимущество бойцов освобождения, которые защищали свои деревни, свои семьи, свою родину от жестокого врага. О многом говорит тот факт, что «более половины американских солдат уже после первого же боя с вьетнамскими патриотами, — как отмечал американский публицист Дж. Хелмер, — считали, что война не может быть выиграна».

Что же касается военно-тактических аспектов, то в ходе боев патриоты успешно использовали такие слабости американского экспедиционного корпуса, как отсутствие творческого руководства войсками со стороны офицеров, самоуверенность высших командиров, неумение быстро приспособиться к неожиданным ситуациям.

Об идеологической «обработке» американских солдат бывший военнослужащий 25-й американской дивизии Д. Так рассказывал следующее. Перед отправкой во Вьетнам им были розданы тоненькие брошюры, в которых говорилось, что они будут сражаться за «освобождение вьетнамцев из тисков коммунизма». И все солдаты были напичканы этим вздором. Однако, когда они прибыли во Вьетнам, перед ними предстала иная картина. Их офицеры теперь говорили им, что «хороший вьетнамец — только мертвый вьетнамец», а поэтому американцы должны «бить их, пока земля не пропитается кровью». Так они и поступали.

Крестьянка Лам Тхи Во из деревни Хунгьен рассказывала о методах допроса американскими солдатами мирного населения: «Мой муж работал на рисовом поле. Американцы схватили его и стали допрашивать, нет ли поблизости вьетконговцев. Муж сказал, что нет. Тогда они стали колоть его штыками в живот, пока не вывалились кишки. А другие схватили мою дочь и стали спрашивать ее, где вьетконговцы. Дочь ответила, что не знает. Тогда они убили ее так же, как и ее отца». И таких примеров тысячи.

В 1984 г. французские кинематографисты Э. Шабалье и Ж. Москарно сняли фильм «Тропы позора», в основу которого положили высказывания американцев — участников войны во Вьетнаме. Вот одно из них — Фреда Стоуэла по кличке Автоматчик: «Как-то я заметил в джунглях что-то подозрительное. Швырнул несколько фосфорных гранат. И получилось что-то такое, как если бы я толкнул ногой лесной муравейник: со всех сторон начали выползать мужчины, женщины, дети, — они воевали против нас целыми семьями... Это был ад! Многие мои друзья в том бою погибли. Когда я добрался живым до своей базы, я уже был разбитым вдребезги

человеком. С тех пор я начал поддерживать себя наркотиками. Пользуюсь ими и сейчас».

А вот вывод, к которому пришел другой участник агрессии, Джон Кристофер по кличке Параноик: «Когда я был маленьким, то мечтал пойти на войну. Я воображал, что возвращусь с войны героем. А когда я вернулся из Вьетнама, то почувствовал, что превратился там в кучу дерьма»...

Разумеется, и среди американских солдат находились люди, которые поняли преступный характер агрессии в Индокитае. Вот строки из открытого письма американских военнослужащих, подавших в отставку в знак протеста против тех методов, которыми велась война. Оно было направлено в сентябре 1967 г. в адрес президента США Л. Джонсона: «Мы летали на безопасном расстоянии от земли над оставленными деревнями, пустыми полями и лесами. Ежедневно мы с болью вели счет мертвым «врагам». Мы знали, что «враги» — это не только солдаты, сражающиеся против нас, а в большинстве своем это старики, женщины и маленькие дети, бросающиеся в стороны при появлении вертолетов и прячущиеся от бомб».

О сомнениях, терзавших американцев, которые не могли принять то, свидетелями чего они были во Вьетнаме, говорят следующие выдержки из книги сотрудника ЦРУ, участника агрессии во Вьетнаме Ральфа Макгихи «Смерть и ложь. 25 лет в ЦРУ». В ней автор вспоминает годы, проведенные в этой стране: «Я сидел и мучительно думал о том, что занесло меня в этот крошечный ад: идеализм? патриотизм? амбиции? А может, желание стать хорошим офицером разведки и помочь моей стране в борьбе против бедствия под названием «коммунизм»? Но тогда зачем же мы забрасываем бомбами людей, которых мы, по нашим словам, собираемся спасти? Зачем жжем напалмом маленьких детей?.. Я ненавидел себя за то, что мне приходилось участвовать во всех этих ужасных убийствах. Фактически все, что я делал, помогало убивать невинных людей. Фотографии заживо сожженных напалмом вьетнамских детей повергали меня в отчаяние. Мне хотелось только одного: быть подальше от этой проклятой бойни».

Бесславный финал

Сложившееся к концу 60 — началу 70-х годов соотношение сил между социализмом и империализмом в мировом масштабе поставило своего рода предел эскалации американской агрессии. Война против вьетнамского народа показала

всю бесперспективность замыслов американского империализма, намеревавшегося вооруженным путем подавить освободительное движение в Индокитае.

Банкротство прежней военной концепции США в Южном Вьетнаме, рассчитанной на ликвидацию сил освобождения, вызвало появление новой американской стратегии — так называемой «доктрины Никсона» и политики «вьетнамизации войны». Доктрина предусматривала наращивание военных действий в Лаосе и перенесение войны на территорию Кампучии. В применении к сайгонскому режиму «вьетнамизация» сводилась к тому, чтобы реорганизовать и перевооружить марионеточную армию, повысить ее боеспособность настолько, чтобы она была в состоянии взять на себя основное бремя ведения войны. Как откровенно заметил посол США в Сайгоне Банкер, цель «вьетнамизации» состояла в том, чтобы заменить «цвет кожи покойников».

Политика «вьетнамизации» создала в 1969—1970 гг. некоторые временные трудности для НФОЮВ, которому пришлось противодействовать в тот период акциям США и сайгонского режима не только в военно-политической, но и в социально-экономической области. В 1970 г. Сайгон, при финансовой поддержке США, в рамках так называемой «вьетнамизации» попытался осуществить аграрную реформу. Она была направлена на то, чтобы ослабить воздействие патристических сил на население зоны сайгонского контроля. Подписанный Тхиеу 26 марта 1970 г. закон об аграрной реформе предусматривал экспроприацию, при соответствующей компенсации, земель у землевладельцев, которые непосредственно ее не обрабатывают, и бесплатное распределение их среди крестьян. Проведение реформы осталось лишь на бумаге. Те же конкретные шаги, которые Сайгон успел предпринять, способствовали в конечном счете укреплению помещичьих и кулацких хозяйств, особенно в рисопроизводящей дельте Меконга. В трудном положении многомиллионной армии малоземельных крестьян и батраков каких-либо сдвигов к лучшему не произошло.

Вновь, в который уже раз, попытки Сайгона привлечь на свою сторону крестьянство и тем самым расширить социальную базу режима оказались тщетными. Опорой антинародной администрации по-прежнему оставались только вооруженные силы, которые, как утверждал в тот период сам Тхиеу, «представляли собой единственную организованную силу в Южном Вьетнаме». Дальнейшее развитие событий показало всю беспочвенность этого вывода.

В попытках не допустить окончательного развала сай-

гонского режима и воспрепятствовать дальнейшему усилению освободительного движения США на рубеже 60—70-х годов перешли к распространению военных действий на весь Индокитай.

Еще в марте 1969 г. в тайне от мировой общественности и американского конгресса, где участилась критика затянувшейся войны во Вьетнаме, ВВС США стали осуществлять секретные бомбардировки территории суверенной, нейтральной Кампучии — районов, граничащих с Южным Вьетнамом. Операция получила наименование «Меню», и ее целью являлось уничтожение коммуникаций и баз сил освобождения. Это были так называемые «ковровые бомбардировки», когда каждый бомбардировщик, участвовавший в налетах, оставлял после себя полосу выжженной земли длиной около 3 км и шириной 700—800 м, где все живое, находившееся на поверхности, уничтожалось. За 14 месяцев осуществления операции «Меню» на Кампучию было сброшено 110 тыс. т бомб — было оставлено 3630 трехкилометровых полос выжженной земли. Число жертв среди мирного населения никто не подсчитывал.

Одновременно с массированными бомбардировками Кампучии Вашингтон начал еще одну кампанию в тайной войне против этой страны — подготовку к свержению правительства, возглавлявшегося принцем Н. Сиануком. В Пентагоне рассчитывали, что осуществленный в марте 1970 г. реакционный переворот в Пномпене позволит создать условия для формирования «оси» Бангкок — Пномпень — Сайгон с целью усиления противодействия освободительным силам Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

30 апреля 1970 г. на кампучийскую территорию вторглась 70-тысячная американско-сайгонская группировка. Как отмечал английский журналист У. Шоукросс, «несмотря на начавшийся сезон дождей, американские и южновьетнамские войска продолжали наступление, сжигая все, захватывая запасы риса, выгоняя местных жителей... Они ворвались в Камбоджу, насилуя, мародерствуя, сжигая...».

Эта акция не принесла агрессорам успеха. Под давлением американской и мировой общественности, получая растущий отпор в самой Кампучии, 30 июня 1970 г. они были вынуждены вывести оттуда свои войска. Неутешительные итоги военной «кампании» в Кампучии американская газета «Пост-диспетч» комментировала следующим образом: «Бомбардировки и стрельба радикализировали крестьян Камбоджи и превращали страну в надежную и эффективную базу для партизан. Американские бомбы и снаряды убедили кхмеров в том,

что США ведут неспровоцированную колониальную войну против камбоджийского народа».

Однако и этот провал не убедил агрессора в бесперспективности политики с позиции силы. 4 февраля 1971 г. американо-сайгонские войска развернули, на сей раз в Нижнем Лаосе, новую крупную военную операцию под кодовым названием «Ламшон-719» с целью перерезать там коммуникации сил освобождения. И вновь агрессоры потерпели сокрушительное поражение. Уже в середине февраля 1971 г., подвергшись мощному и неожиданному танковому удару патриотов, они были вынуждены эвакуировать свои войска.

Боевые действия в Южном Вьетнаме в 1970—1971 гг. стали убедительным свидетельством того, что сайгонская армия не в состоянии самостоятельно, без американской поддержки противостоять патриотам, чья огневая мощь и техническая оснащенность росли день ото дня благодаря помощи СССР, других стран социализма.

В критические для сайгонского режима дни весны 1972 г., когда Армия освобождения развернула мощное наступление на Юге Вьетнама, США ради спасения марионеток, вопреки взятым на себя обязательствам возобновили бомбардировки территории ДРВ. 8 мая 1972 г. Никсон отдал приказ о минировании портов и блокаде побережья ДРВ, с тем чтобы «воспрепятствовать поступлению советской военной помощи».

Только массированное вмешательство американской авиации и военно-морских сил спасло тогда Сайгон от краха. Именно поддержкой США объяснялась затянувшаяся агония насквозь прогнившего режима. Ведь продажная сайгонская клика была в тот период, пожалуй, единственным в мире «правительством», которое почти на 90% зависело от подачек другой страны. Причем примерно $\frac{2}{3}$ американской помощи оседали в карманах ближайшего окружения «президента» Тхьеу — его родственников, генералитета, высших чиновников администрации.

Журналист Макс Кло в статье, опубликованной во французской газете «Фигаро» еще в 1967 г., так характеризовал марионеточный режим: «Существует только видимость государства. Административные учреждения коррумпированы и бессильны. В правительственных органах войне против Вьетконга уделяется меньше внимания, чем гнусным интригам с целью вытеснения соперников. Всем уже ясно, что «глава государства» генерал Тхьеу и «премьер-министр» Ки — заклятые враги».

В «обвинительном акте № 1», опубликованном в 1974 г. общественной организацией — «Народным движением борь-

бы против коррупции, за национальное спасение и восстановление мира», Тхьеу был изобличен в шести крупных уголовных преступлениях. Только на контрабандной торговле героинем доходы Тхьеу и его ближайшего окружения составляли ежегодно 50 млрд. пиастров.

Коррупция в стане марионеток достигла своего апогея. В спекулятивных махинациях были замешаны, по существу, все высшие офицеры армии, находившиеся на административных должностях. Особых «лавров» снискал на этом поприще «вице-президент» сайгонского режима «маршал» авиации Нгуен Као Ки, который сумел превратить в объект личной наживы чуть ли не все международные воздушные перевозки ки сайгонской авиации.

Экономическое развитие зоны сайгонского контроля было подчинено нуждам военной машины марионеточной администрации и находилось в полной зависимости от «помощи» империалистических держав, в первую очередь США. Деформация внутренней структуры экономики, ее однобокое развитие, рассчитанное главным образом на потребление импортной продукции, ориентация промышленности на ввозимое из-за рубежа сырье являлись отличительными чертами хозяйственного положения в этой части страны. О гипертрофированном характере экономики Юга свидетельствовало то, что в начале 70-х годов доля промышленности в совокупном общественном продукте Южного Вьетнама составляла лишь 7,2%, строительства — 2, сельского хозяйства — 39, а сферы услуг — 53%. Только в течение 1973 г. сайгонская валюта — пиастр — девальвировалась 10 раз.

Нараставшая волна террора и репрессий в зоне контроля сайгонского режима, все больше принимавшего черты крайне реакционной военно-бюрократической диктатуры, была косвенным свидетельством того, что Тхьеу и его окружение отдавали себе отчет в уязвимости своих позиций перед лицом нараставшего освободительного движения. Показательно, что «опора» режима — военно-бюрократическая элита и компрадорская буржуазия, эти нувориши-лихоимцы, сумевшие сколотить благодаря войне целые состояния, понимая обреченность своих позиций, спешно переправляли в начале 70-х годов награбленные капиталы в иностранные банки.

И после подписания Парижского соглашения в 1973 г. сайгонский режим, опираясь на поддержку своих заокеанских хозяев, делал главную ставку на обострение напряженности в Южном Вьетнаме. Взяв курс на ликвидацию всякой оппозиции, всякого инакомыслия, власти бросили в тюрьмы 300 тыс. человек. В феврале 1975 г. администрация Тхьеу за-

крыла пять ведущих сайгонских газет, арестовала ряд видных журналистов, назвав их «коммунистическими агентами, проникшими в прессу». А «повинны» эти газеты и их редакторы были в том, что опубликовали «политическое обвинение», составленное далеким от революционных идей католическим священником Чан Хыу Тханем. В этом документе сохранились обвинения Тхьеу во множестве финансовых махинаций и политических преступлениях перед населением Южного Вьетнама.

Однако путь военных авантур, репрессий и террора не мог уже остановить процесс неминуемого развала и крушения созданных Соединенными Штатами в Индокитае маршеточных режимов в Сайгоне, Пномпене и Вьентьяне.

30 апреля 1975 г., когда силы освобождения уже вступали в Сайгон, его покинул американский посол Г. Мартин — ярый сторонник расширения империалистической агрессии против Вьетнама. В течение часа вслед за ним были эвакуированы последние 125 американцев.

А вот как описывал корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» состоявшуюся двумя неделями раньше, 11—12 апреля 1975 г., операцию под кодовым названием «Игл пул», когда на 36 вертолетах из Пномпеня вывезли последних оставшихся там американских граждан: «После того как Америка в течение пяти лет помогала феодальному правительству Лон Нола, которое она презирала, и вела войну, о которой заранее было известно, что она безнадежна, Соединенным Штатам нечего показать миру, кроме грустной картины эвакуации посла, выносящего в одной руке американский флаг, а в другой — свой гигантский чемодан... Но есть миллион убитых и раненых камбоджийцев (седьмая часть населения), есть сотни тысяч беженцев, которые живут в лачугах, есть опустошенная страна, дети, умирающие от голода, и плотники, наловчившиеся сколачивать гробы из ящиков, в которых доставлялись боеприпасы».

Агрессия Вашингтона фактически готовила почву для узурпации власти в 1975 г. кровавой кликой полпотовцев.

Таков был бесславный финал политики агрессии, диктата и насилия, более двадцати лет проводившейся американским империализмом в Индокитае.

Война, которую хотели бы ревизовать

Пять американских президентов были причастны к империалистической агрессии США в Индокитае — от Эйзенхауэра, при котором это вмешательство началось, до Форда, став-

шего свидетелем окончательного краха американской политики диктата и насилия в этом районе. Но тема американской агрессии во Вьетнаме так или иначе и по сей день будоражит политическую жизнь Соединенных Штатов.

20 мая 1984 г. президент США Р. Рейган издал прокламацию «по поводу возвращения останков неизвестного солдата, погибшего во Вьетнаме». В ней, в частности, лицемерно заявлялось: «Человек, прах которого захоронят на Арлингтонском кладбище, будет неизвестным для всего мира, но поколениям американцев, которые оставляли свои дома и семьи, чтобы с оружием в руках защищать свободу и независимость нашей страны, он будет хорошо известен, ибо он олицетворяет самое благородное из всех чувств — чувство патриотизма».

Проведение такого рода «мероприятия» десять лет спустя после завершения вьетнамской войны вряд ли можно отнести к разряду рядовых акций. Это, скорее, крупная политическая кампания. Действительно, около 60 тыс. американских парней нашли свой бесславный конец в джунглях Индокитая. Понятно горе их матерей, жен, детей, так и не дождавшихся своих сыновей, мужей и отцов. Но одновременно встает целая серия вопросов, причем вопросов далеко не праздных:

— Во имя чего воевали и гибли в Индокитае американские солдаты в течение более чем десяти лет?

— Была ли «жизненная» необходимость «защищать свободу и независимость» Америки во Вьетнаме? Действительно ли исходила какая-нибудь угроза Соединенным Штатам из удаленных от них на многие тысячи миль стран Индокитая?

— Допустимо ли связывать с высоким понятием патриотизма те злодеяния и бесчинства, которые каждодневно чинила американская военщина во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии?

— Как вообще расценивать этот «патриотический» жест администрации США матерям, женам и детям двух миллионов вьетнамцев, миллиона кампучийцев, сотен тысяч лаосцев, которые погибли, отражая агрессию США?

— Наконец, зачем понадобилось десять лет спустя поднимать на щит эту бесчеловечную войну, навязанную Соединенными Штатами народам Индокитая, войну, принесшую столько страданий в каждую вьетнамскую, лаосскую, кампучийскую семью, да и во многие американские дома?..

Как не вспомнить в этой связи события 20-летней давности. Тогда, на рубеже 60—70-х годов, в самый разгар американской агрессии, проблема отношения к тому, что происходит во Вьетнаме, буквально расколола Америку. Агрессия

стала катализатором углубления внутривнутриполитического кризиса в США. Она ввергла эту страну не только в финансовый, политический, но и в моральный кризис.

Отношение к преступной войне стало для общественного мнения США той своего рода лакмусовой бумажкой, на которой проверялись совесть, миролюбие и добрая воля прогрессивной части Америки и одновременно высвечивались фанатичный милитаризм, воинствующий антикоммунизм иной ее части.

К югу от 17-й параллели на залитых водой рисовых полях в дельте Меконга, на высоких горных плато американские солдаты, мечтавшие стать героями, познали ужасы войны, страх смерти, сомнения. Многие из тех, кто вернулся домой, были люди с надломленной психикой, с неизлечимыми душевными ранами. Они не могли понять «неблагодарного» отношения к себе своих сограждан. Не могли понять, почему их окружила стена молчания, почему они не находили себе места в привычном некогда кругу людей.

Участник вьетнамской войны Джим Фитцджеральд не без горечи отмечал: «Я не в состоянии говорить о войне во Вьетнаме с моими родителями. Я не знаю, что мне сказать моим детям о моей жизни. Поэтому я только читаю им притчи из Библии. К вьетнамцам я плохих чувств не испытываю, а вот многие американцы вызывают у меня горькое ощущение. Конечно, во Вьетнаме я часто испытывал страх. Но самым трудным для меня было не участие в войне, а возвращение в Америку...»

Действительно, не было военных парадов в Вашингтоне, когда завершилась эта одна из самых позорных и непопулярных в истории США войн. Зато все годы агрессии не затихали, а ширились день ото дня выступления прогрессивной части Америки, которая требовала от правящих кругов положить конец грязной войне. Зато были спонтанные демонстрации бывших американских солдат, которые срывали со своей груди и бросали в дорожную пыль полученные во Вьетнаме медали — «награды» за свои преступления.

Вот выдержка из выступления одного из американских конгрессменов, произнесенного еще в 1970 г. во время проходившей в конгрессе США дискуссии о вьетнамской войне: «Соединенные Штаты завязли в трясине войны за десять тысяч миль от наших берегов ради таких целей, которые мы даже не способны определить, и эту войну мы не можем ни выиграть, ни закончить. Мы попались в ловушку гигантского военно-промышленного комплекса, который в финансовом отношении может выпустить из нас всю кровь, пока мы не

умрем. Мы растеряли большую часть того доверия и уважения, которыми когда-то пользовались на международной арене. В результате всего этого мы и внутри собственной страны оказались пораженными далеко зашедшей социальной болезнью, которая добралась теперь до наиболее чтимых нами институтов».

Америка разделилась в те годы на два лагеря, и это признают даже сейчас деятели, которых трудно заподозрить в симпатиях к Вьетнаму. Вот что писал, например, Г. Киссинджер в статье, опубликованной в ноябре 1984 г. в газете «Ньюсдей»: «Распад согласия в стране в отношении внешней политики часто объясняют вьетнамской войной и Уотергейтом. Эти события, безусловно, нанесли большую травму, хотя... главным был крах в конце 60-х годов тех посылок, на которых базировалась наша послевоенная внешняя политика. Война во Вьетнаме, вероятно, ускорила и усугубила этот процесс».

Здесь уместно вспомнить, что уроки поражения во Вьетнаме в свое время побудили правящие круги США активизировать поиски «более гибкой» стратегии в зоне развивающихся стран. В Вашингтоне тогда стали воспринимать объективные факторы, ограничивающие применение там силы, прежде всего через призму этого поражения. Это и обусловило появление в общественной жизни США так называемого «вьетнамского синдрома» — суть которого в необходимости для Соединенных Штатов сдержанности в их интервенционистской политике и ограничении вовлеченности американских вооруженных сил в международные конфликты.

Правда, уже начиная со второй половины 70-х годов в официальных выступлениях американских деятелей обнаружилась тенденция к преодолению «вьетнамского синдрома». Г. Киссинджер, еще будучи государственным секретарем США, призывал «прекратить вьетнамские дебаты» как «парализующие волю» США.

Через 15 лет об агрессии США в Индокитае говорят уже совсем иначе. Прочитируем выступление главы нынешней американской администрации на состоявшейся 28 мая 1984 г. на Арлингтонском кладбище церемонии захоронения останков «неизвестного солдата», погибшего во время войны во Вьетнаме. Затронув вопрос о том, почему погиб «неизвестный солдат», президент утверждал: «...он видел ужасы войны, но смело смотрел им в лицо, уверенный в правоте своего дела и дела своей страны, уверенный в том, что он воевал за достоинство человека, за свободу людей во всем мире. Сегодня мы заключаем в свои объятия его и всех тех, кто столь благо-

родно и доблестно служил на войне, в конце которой не было ни парадов, ни флагов, ни благодарности».

С последней частью выступления трудно не согласиться. Что верно, то верно: американская военщина, совершавшая кровавую агрессию во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, не заслужила «благодарности» американцев. Она заслужила ненависть народов стран Индокитая. Чудовищные преступления американского империализма на земле Индокитая снискали ему позор во всем мире. И это хорошо понимают трезвомыслящие американцы.

Думается, широко разрекламированная церемония на Арлингтонском кладбище не оправдала тех надежд, которые возлагали на нее организаторы. «Вместе с останками «неизвестного солдата» президент США пытался похоронить и приятные воспоминания, связанные с этой войной, а также в очередной раз произнести перед телекамерами фальшивые слова о мире» — так прокомментировала эту церемонию вьетнамская печать. В СРВ указали на полную безнадежность попыток администрации США «ревизовать» американскую агрессию в Индокитае, на обреченность усилий изменить сформировавшиеся у международной общественности оценки интервенции США, принизить значение исторической победы вьетнамского народа и найти причины, в той или иной степени оправдывающие поражение империалистических агрессоров.

В этом же русле шли отклики на церемонию захоронения останков «неизвестного солдата» и в органах массовой информации в самих США. Корреспондент Эй-би-си при Белом доме С. Дональдсон отмечал: «Вьетнамская война была для США самой длительной и наиболее спорной. И отнюдь не все согласны с президентом в том, что это было благородным делом». А вот мнение другого американского телекомментатора — Д. Разера: «Даже сегодня, десятилетие спустя, наследие вьетнамской эры сохраняется: многие опасаются, что погребение останков солдата, потерявшего во Вьетнаме не только свое имя, но и жизнь, является преждевременными похоронами прошлого».

Американцы не забыли о вьетнамской войне. Напоминания о ней постоянно врываются в жизнь современной Америки. Так, в середине мая 1984 г., в самый разгар подготовки церемонии захоронения останков «неизвестного солдата», оставшиеся в живых — бывшие военнослужащие вооруженных сил США, пострадавшие в годы агрессии от применения самими американцами химического отравляющего вещества «эйджент орандж», — внесли в федеральный суд в Нью-Йор-

ке иск против Управления по делам ветеранов. Они обвинили это правительственное учреждение в «распространении ложной информации» о последствиях применения «эйджент орандж» и потребовали компенсации за ущерб, нанесенный их здоровью этим отравляющим веществом.

Нет, не за «правое дело», не во имя «достоинства человека», его «свободы» бесчинствовали американские интервенты в странах Индокитая. Напротив, бомбами, напалмом, отравляющими веществами тщетно пытались они сломить у народов Индокитая волю к свободе. Грубым насилием, человеконенавистническими средствами вознамерились подавить достоинство людей во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии.

Точка зрения на войну в Индокитае, которую ныне отстаивают представители администрации, сводится в основном к тому, что «исторически» агрессия США, несмотря на поражение, была, мол, оправдана, так как она имела целью «противостоять наступлению коммунизма» в Юго-Восточной Азии. Проводится мысль и о том, что главными причинами поражения были-де «тактические» просчеты, прежде всего военного характера, прежних администраций.

Небезынтересен в этом отношении шумный судебный процесс, который в 1984 г. в течение полугода будоражил внутриполитическую жизнь США. Бывший командующий американскими войсками в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд подал иск в федеральный суд штата Нью-Йорк против телекомпании Си-би-эс. Он обвинял телекомпанию в «клевете» и требовал выплаты компенсации за «моральный ущерб» в размере 120 млн. долларов. Поводом для иска послужил показанный Си-би-эс документальный фильм «Неучтенный враг: очковтирательство во Вьетнаме», в котором телекомпания доказывала, что Уэстморленд умышленно занижал данные о боеспособности вьетнамских патриотов.

В ходе процесса в суде вскрылись факты, подтверждающие обоснованность обвинения Си-би-эс. Так, бывший сотрудник ЦРУ Д. Пэрри, выступавший в качестве свидетеля, заявил, что еще в 1968 г. он убедился, что Уэстморленд и другие представители американского командования были заинтересованы в том, чтобы скрыть правду о событиях в Индокитае.

В подобной обстановке адвокаты Уэстморленда сочли нужным предупредить генерала, что «его дело разваливается на части», после чего тот согласился отказать от иска против Си-би-эс. В итоге сошлись на том, что телекомпания не выплатит денег Уэстморленду, а со своей стороны не будет требовать от него оплаты судебных издержек. В целом, как отмечали американские обозреватели, хотя «война» меж-

ду Уэстморлендом и Си-би-эс официально закончилась компромиссом, вопрос о том, пытался ли генерал сознательно ввести в заблуждение вышестоящее начальство, так и остался открытым.

Разумеется, трудно заподозрить отставного генерала в симпатиях к вьетнамским патриотам. Уэстморленд вошел в историю американской агрессии как один из палачей вьетнамского народа. Скорее речь идет о некомпетентности американского командования в Южном Вьетнаме, его неспособности, даже опираясь на техническое и огневое превосходство армии интервентов, противопоставить что-то освободительной борьбе вьетнамского народа.

Судебный процесс в связи с иском Уэстморленда педвусмысленно показал, что в годы агрессии США во Вьетнаме администрация Л. Джонсона, стремясь сбить накал широких антивоенных выступлений в США, умышленно скрывала от американского народа правду о войне в Индокитае. Это следует даже из того факта, что в ходе судебного разбирательства вскрылись резкие противоречия между показаниями бывшего командующего американскими войсками в Южном Вьетнаме, данными в ноябре 1984 г., и его публичными выступлениями весной 1967 г.

Очевидно, что в Вашингтоне взят на сей раз прямой курс на полную «переоценку ценностей» в отношении всего, что связано с американской агрессией в Индокитае. Там явно хотели бы предать забвению эту позорную авантюру империализма. В оправдание таких намерений заявляют, что «вьетнамский синдром», мол, «весьма дорого» обошелся США, которые «потеряли инициативу» в мировых делах, «отдав ее социалистическим странам». Дж. Шульц утверждал, например, в речи перед сотрудниками госдепартамента США 25 апреля 1985 г.: «Мы ушли из Индокитая в 1975 году, но нам пришлось дорого поплатиться за свои неудачи... Мы отказались от руководящей роли в мире. Наш отказ от этой роли создал вакуум, которым воспользовались наши противники».

Усилия правящих кругов Соединенных Штатов направлены теперь на то, чтобы представить Америку «освободившейся» от «вьетнамского синдрома». Многочисленные публикации, фильмы, телепрограммы — все имеет целью заставить американского обывателя «переосмыслить» содержание агрессии США, представить интервентов такими «борцами за правое дело, за идеалы демократии». В ряде фильмов буквально прославлялась показная «героика» войны, смаковались эпизоды, призванные показать «мужество», «гуман-

ность» американской солдатни, противопоставить их чуть ли не «варварству» жителей Индокитая.

Осень 1985 г. была в США, пожалуй, особенно урожайной на такого рода киноподелки. За «Рэмбо. Первая кровь, часть вторая», который вышел на экран летом 1985 г., последовали «Вторжение в США», «Командо» и ряд других. «Герои» картин — убийцы-профессионалы. Так, Рэмбо — бывший участник грязной авантюры США в Юго-Восточной Азии из войск специального назначения «зеленые берега», снискавших себе мрачную известность зверскими расправами над мирными жителями. Место действия — Вьетнам, американский штат Флорида и одна из стран Латинской Америки.

Авторы этих картин отменно выполнили прямой социальный заказ официального Вашингтона, где не раз сетовали, что война во Вьетнаме не дала, мол, Америке своего героя. И вот «ветераны Вьетнама» стали наконец «героями» телевизионных сериалов, фильмов, книг, модных песен. Журнал «Тайм» признавал, что в США «рэмбомания» «распространяется быстрее, чем пожары».

«Рокки и его кровный брат Джон Рэмбо, робот из числа «зеленых беретов», предназначенный для убийств во Вьетнаме, — отмечал американский журнал «Ньюсуик» в декабре 1985 г., — это два символа проникнутого шовинизмом и ненавистью к красным нового национализма в американской массовой культуре... «Рэмбо. Первая кровь, часть вторая» весной 1985 г. и теперь «Рокки IV» вновь вывели на сцену мифического американского героя, который поднялся во весь рост, готовый противостоять миру с помощью пистолета, ножа, боксерских перчаток и голых кулаков».

Ту же мысль, только еще яснее, высказал Дж. Шульц в своей речи в сенатской комиссии по иностранным делам почти за год до этого — 31 января 1985 г.: «История не стоит на месте... После Вьетнама Америка на время отошла от активной руководящей роли... Сегодня снова происходит смена цикла. Перемена носит постоянный характер. Америка восстановила свою силу и уверенность в себе».

Что можно ждать от этих «смен цикла», этих «перемен», хорошо известно народам — усиление грубого вмешательства в их внутренние дела, государственный терроризм, попрание общепризнанных норм общения между странами, культ силы в международных делах. Такие «перемены» в политике отвергаются народами. И их не ввести в заблуждение демагогическими утверждениями руководителей США о том, что Соединенные Штаты, мол, «никогда не были агрессорами» и «сражались только в защиту свободы и демократии», что

«американская военная мощь всегда служила миру, а не завоеваниям». Как указывали в своих выступлениях с трибуны ООН представители Вьетнама и Лаоса, «действия США против народов трех стран Индокитая, а также народов Кубы, Никарагуа, поддержка, оказываемая Израилю в варварской агрессии против ливанского и палестинского народов, расистскому режиму Претории, угнетающему народы Намибии и Южной Африки и совершающему агрессию против соседних государств, так же как и постоянное укрепление военных баз США в различных странах мира, доказывают совершенно противоположное».

Попытки Вашингтона и в наши дни прибегать к жестокому закону джунглей, гласящему, что «прав сильный», вызывают растущее осуждение в мире. «В период пребывания Рейгана на посту президента, — подчеркивалось в индийской печати, — Соединенные Штаты, к несчастью, избрали путь военной конфронтации. Где бы это ни происходило — в Центральной Америке (особенно в Никарагуа), в Анголе, Афганистане или Ливии, Рейган, похоже, охвачен пылом в духе Рэмбо. Но мир — это не голливудская фантазия».

Агрессия США в Индокитае — этот тяжелый урок истории — и сегодня звучит суровым предостережением. Значимость урока тем более велика, что на переломном, до предела напряженном, крайне ответственном этапе, который переживает в нынешний ядерно-космический век человечество, могут возникнуть опасные рецидивы, грозящие катастрофой повторения пережитой трагедии. Притом на еще более опасном уровне, в еще больших масштабах: ведь пронесись ядерный смерч над нашей планетой, своим испепеляющим жаром он превратит ее в опустошенную пустыню.

Крайне опасно, если уроки Вьетнама, Индокитая забыты теми, кто вновь насквозь фальшивыми разглагольствованиями о «защите демократии», «свободы», «священных принципов», «жизненных интересов» пытается прикрыть свои преступные действия в Никарагуа, Ливии и многих других странах, где не прочь огнем канонерок, засылкой ландскнехтов, военным вторжением насадить империалистический диктат в отношении свободлюбивых народов, отвергающих чуждую их интересам политику «неоглобализма».

ПАТЕТИКА ВСЕНАРОДНОГО ПОДВИГА

Борьба за подлинную независимость, а она велась народами Индокитая в условиях отпора грубой империалистической агрессии США, носила четко выраженный антиимпериалистический характер, превратилась в важное звено процесса социального обновления мира.

В памяти людей сохранились имена многих героев освободительной борьбы — вьетнамцев Ку Тинь Лана, Нгуен Ван Чоя, Нгуен Ван Бе, «лаосского Чапаева» — генерала Синкапо Сикхотчунламани, кхмеров Кео Муни, Ту Самута... И все же героизм народов Индокитая — героизм коллективный, массовый, это многократно помноженные отвага и стойкость каждого патриота, возведенные в непреклонность всего народа.

Доблесть, мужество вьетнамцев, лаосцев, кампучийцев, их готовность к самопожертвованию во имя справедливого дела спискали глубокие симпатии и уважение всех людей доброй воли.

Золотыми буквами вписан в летопись национально-освободительной борьбы народов великий подвиг вьетнамского народа. Где истоки беззаветного патриотизма и героизма вьетнамцев, их безраздельной веры в правоту своего дела, в его обязательную победу, их жизнеутверждающего оптимизма в самые трудные, решающие моменты борьбы? Не раз спрашивал я об этом у самих вьетнамцев. Ответы были далеко не стереотипны. Но в них неизменно присутствовал общий для всех момент: история Вьетнама — это эпопея длительной, полной трудностей и лишений борьбы его народа с угнетением, нищетой, голодом, которые неизменно несли ему иностранные поработители. Расцвет экономики, науки, культуры, зодчества, искусства Вьетнама всегда был связан с годами независимости страны.

Гордость вьетнамцев славным историческим прошлым своей родины, ее культурным наследием, их патриотизм и несокрушимая вера в творческие, созидательные возможности социалистического строя, полное доверие к испытанному авангарду народа — коммунистической партии, безграничная уверенность в своих друзьях — Советском Союзе, других странах социалистического содружества — все это, вместе взятое, думается, и составляет источник той могучей силы, которая сделала народ Вьетнама непобедимым, обрекла на провал замыслы его врагов, какими бы сильными и коварными они ни были.

* * *

В памяти четко отложился самый первый день, проведенный в демократическом Вьетнаме. Это было 10 сентября 1963 г., почти четверть века назад.

Вьетнамский паровоз «Ты лык»¹, тянущий за собой десятки миниатюрных вагонов, дал протяжный гудок, медленно отошел от пограничной китайской станции Пинсян, затем пересек границу, и очень скоро мы — группа советских стажеров, направлявшихся на практику в Ханойский университет, — прибыли на вьетнамскую пограничную станцию Донгданг. После короткой остановки — вновь в пути. Поезд буквально пробирался сквозь дикие дебри тропической растительности — в открытые настежь окна вагона то и дело заглядывали ветви пальм, стебли бамбука, огромные банановые листья. Проехали Лангшон и через пару часов пути уже прибыли в Ханой.

¹ «Ты лык» (вьет.) — «Опора на собственные силы». Эти паровозы производились во Вьетнаме в 60-е годы.

Настроение у всех приподнятое — и это понятно, мы ждали встречи с Вьетнамом, и было приятно, что нас по-дружески встретили вьетнамские товарищи. Разместились мы в удобном общежитии Ханойского политехнического института — крупнейшего тогда в Юго-Восточной Азии высшего учебного заведения, построенного при содействии Советского Союза. А уже утром следующего дня началось наше знакомство с Ханоем, его жителями.

И вот что сразу же бросилось в глаза: с кем бы из вьетнамских собеседников ни довелось вести разговор — со студентами, преподавателями, продавцами книжных магазинов, просто с прохожими на улице, — в беседу как бы сама собой входила южновьетнамская тема. Ханойцы, как и все северяне, жили мыслями о своих братьях на Юге, вступивших в трудный бой с проимпериалистическим режимом сайгонских марионеток. Казалось, каждый ханоец думал про себя: а что он лично может сделать, чтобы этот бой стал победным?

«Вьетнам — один», «Все — для построения социализма, все — для родного Юга» — такие лозунги можно было увидеть на каждой улице, в каждом общественном здании, повсюду в городах и селах ДРВ. Таков был лейтмотив всей политической и социально-экономической жизни демократического Вьетнама.

С восстановлением в 1954 г. мира в полностью освобожденном Северном Вьетнаме были в основном решены задачи национальной народно-демократической революции. Партия вьетнамских коммунистов исходила из того, что не следует замедлять революционный процесс на Севере в ожидании воссоединения страны, а целесообразно, чтобы ДРВ сразу же встала на путь построения нового общества.

Это была сверхсложная задача. Ведь экономическое положение Севера, хозяйство которого серьезно подорвала война, было крайне трудным.

Решающую роль в развитии позитивных процессов во Вьетнаме сыграло то, что, опираясь на сложившийся в годы войны Сопrotивления военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, партия прочно держала в своих руках руководство революцией.

После разрушительной девятилетней войны экономический фронт на Севере стал главным в борьбе за построение новой жизни. В период послевоенного восстановления, а он продолжался с 1954 по 1957 г., все внимание партии было сфокусировано на завершении аграрной реформы. К 1956 г. на Севере было покончено с феодально-помещичьим землевладением, веками господствовавшим во вьетнамской деревне,

осуществился на практике лозунг «Землю тем, кто ее обрабатывает».

В ДРВ, где сельское хозяйство играло ведущую роль в экономике страны, особое значение имело преобразование мелкотоварного крестьянского хозяйства. Партия взяла курс на переустройство мелкого крестьянского производства, кустарей, частнокапиталистического сектора экономики при одновременном всемерном развитии государственного сектора как ведущей силы всего народного хозяйства. Кампания за кооперирование крестьян превратилась в подлинно массовое движение. К концу 1960 г. более 85% крестьянских дворов на Севере Вьетнама вступило в кооперативы. На их долю приходилось около 70% пахотных земель. В основном завершилось преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли. Коренные социальные преобразования и экономическое развитие в годы трехлетки (1958—1960 гг.) привели к установлению в ДРВ новых производственных отношений.

Генеральная линия партии вьетнамских коммунистов в период перехода Северного Вьетнама к социализму, а также основные задачи национальной народно-демократической революции на Юге были определены на III съезде партии (5—12 сентября 1960 г.). Принятый на нем первый пятилетний план развития народного хозяйства ДРВ (1961—1965 гг.) был ориентирован на создание основ материально-технической базы социализма в ДРВ.

Существенные сдвиги, которые произошли в экономике ДРВ в те годы, стали реальностью благодаря не только самоотверженному труду вьетнамцев, но и всесторонней помощи СССР, других социалистических стран. На цели выполнения пятилетнего плана Советский Союз и другие братские страны предоставили республике долгосрочные кредиты на сумму 294,8 млн. рублей, которые были использованы для строительства 108 промышленных объектов. В целом же в 1954—1964 гг. социалистические страны предоставили ДРВ в качестве безвозмездной помощи и долгосрочных кредитов 750 млн. рублей. Для оказания технического содействия в ДРВ выезжало в тот период более 2,5 тыс. советских специалистов различного профиля. Помощь Советского Союза, других социалистических стран стала важным фактором укрепления позиций социализма в ДРВ.

Мирное строительство было нарушено агрессивной войной американских империалистов.

Расширение Соединенными Штатами войны во Вьетнаме привело к тому, что задача отражения американского втор-

жения приняла общенациональный характер. В течение всего периода вражеского нашествия Северному Вьетнаму пришлось выполнять две стратегические задачи — организацию борьбы против империалистической агрессии и продолжение строительства социализма. Обе эти задачи были самым тесным образом связаны между собой.

Вьетнамские руководители неоднократно подчеркивали, что Советский Союз и другие социалистические страны помогли укрепить обороноспособность страны. До 70% всей помощи сражающемуся Вьетнаму в годы войны поступало из Советского Союза. Благодаря поставкам современного вооружения из СССР во Вьетнамской народной армии были созданы новые рода войск: ЗРВ — ПВО, ВВС, бронетанковые, транспортные, войска связи, тыла и другие.

С каждым днем героический отпор ВНА бомбардировкам авиации США становился все более эффективным. Майор ВВС США К. Блэк, взятый в плен 21 июня 1966 г., показал: «Вьетнамские солдаты приводят наших пилотов в восхищение тем, как они сражаются за свою страну. Они без трепета стоят лицом к лицу с нашими ракетами и бомбами. Это мужественные, энергичные солдаты».

Военные дороги Вьетнама... Немало пришлось поколесить по ним в годы отражения вьетнамским народом агрессии американского империализма. Они всегда поражали исключительной интенсивностью движения транспорта. И это несмотря на то, что враг стремился любыми средствами уничтожить коммуникации, вывести их из строя, ликвидировать транспортный парк Вьетнама. Цель, которую он преследовал, была предельно ясной — парализовать экономическую жизнь ДРВ, сорвать оказание северянами помощи сражающимся братьям на Юге.

Своими жестокими бомбардировками агрессор в значительной степени осложнил решение этих задач: почти все крупные и средние мосты на Севере были разрушены, превращены в груды исковерканного металла. Но тут же, буквально рядом наводились временные понтонные, и движение по дорогам не приостанавливалось ни на минуту.

Каждый мост был снабжен целой системой запасных паромов и мостов, которые разбирались днем и соединялись ночью так, чтобы их не могла обнаружить авиаразведка противника. Нередко на дорогах образовывались «пробки», особенно у переправ через реки: не так-то просто провести по легкому понтонному или сделанному из бамбука мосту тяжелую технику — танки, артиллерию, ракетные установки. Однако сама военная обстановка требовала, чтобы переброска

техники через водные преграды рассчитывалась буквально по минутам.

Вдоль обочин дорог на случай их повреждения бомбами лежали заранее приготовленные груды щебенки, камня, песка, постоянно дежурили ремонтные бригады. Восстановление поврежденных участков дорог иной раз занимало считанные часы. Оперативно действовали вьетнамские строители и бойцы и на железных дорогах. Газета «Нью-Йорк таймс» в ноябре 1966 г. поместила следующие признания американских летчиков: «Мы тратим много сил на то, чтобы разрушить железную дорогу, а возвратившись через несколько дней, видим, что она уже отремонтирована или что рядом проложена новая».

Движение транспорта по дорогам было особенно активным в ночное время. Наряду с военной техникой перевозились народнохозяйственные грузы — продовольствие для жителей городов, оборудование для фабрик и заводов. В случае объявления боевой тревоги движение прекращалось, отключалось электропитание, гасились любые огни, вплоть до зажженных сигарет. Словом, делалось все, чтобы обезопасить людей, сохранить наиболее ценные грузы. Конечно, при налетах вражеской авиации не обходилось без человеческих жертв... Но несмотря на все тяготы военного времени, дороги действовали четко и безотказно.

Запомнилась поездка в Хайфон осенью 1965 г. для участия в церемонии передачи вьетнамским друзьям дара Советского правительства — рыболовных траулеров. Мы выехали из Ханоя во второй половине дня, а когда подъезжали к Хайфону, стало смеркаться. В тропиках вообще рано темнеет. По пригородам Хайфона наша машина уже мчалась в полной темноте, лишь мелькали замаскированные фары двигавшихся в обратном направлении — в Ханой — автомобилей. И вдруг в этой абсолютной черноте позднего вечера резко обозначился широкий клин яркого света — мы подъезжали к Хайфонскому морскому порту. Там стояли на погрузке и разгрузке суда многих стран, и, чтобы избежать их поражения бомбами американской авиации, в порту не было затемнения, в котором находился весь город.

Значение Хайфонского порта — морских ворот сражавшейся республики — в ту пору было поистине колоссальным. За годы войны в порту были обработаны миллионы и миллионы тонн важнейших для страны грузов.

Понимая огромную важность советских грузов для ДРВ, доставлявшихся морским путем, агрессор, в нарушение норм международного права, неоднократно пытался если не сор-

вать, то по крайней мере воспрепятствовать этой транспортировке, не останавливаясь и перед вооруженными провокациями. Так, в августе 1965 г. пиратскому обстрелу подверглось советское торговое судно «Полоцк», в июне 1967 г. — теплоход «Туркестан», а в январе 1968 г. в Хайфонском порту американская авиация сбросила бомбы на теплоход «Переяславль-Залесский».

Но несмотря на все попытки помешать поступлению помощи из СССР во Вьетнам, «морской мост» между портами двух стран выдержал все испытания и полностью выполнил свою задачу — советские поставки в северовьетнамские порты осуществлялись бесперебойно и во все возрастающих масштабах. И это имело колоссальное значение для успешного отражения империалистической агрессии.

В годы отражения империалистической агрессии США было немало встреч и с вьетнамскими военными, с нашими специалистами — ракетчиками, танкистами, летчиками. Самое доброе впечатление осталось от неподдельной искренности в отношениях между нашими и вьетнамскими военными. На наших глазах зарождалось и крепло братство по оружию советского и вьетнамского народов.

Вьетнамцы — в этом мне приходилось убеждаться не раз — тонкие, чуткие люди: им не требуется много времени, чтобы отличить фальшивое, показное дружелюбие или панибратство от подлинно сердечного отношения к ним, от действительной заинтересованности в успехе их справедливого дела, желания помочь другу, попавшему в беду. Мужественное поведение советских специалистов, как гражданских, так и военных, их высокая профессиональная квалификация, скромность в быту, стойкость, с которой они сносили все тяготы жизни в условиях военного времени, — все это снискало нашим людям безграничное уважение вьетнамского народа — от мала до велика. Мы были свидетелями того, как моральная поддержка и материальная помощь нашей Родины укрепляли веру вьетнамцев в том, что придет час, когда их справедливое дело восторжествует.

Вражеские бомбардировки ни на день не остановили на Севере Вьетнама социалистическое строительство. Даже в самые трудные дни в ДРВ не прерывалась нормальная жизнь населения. Функционировали заводы и фабрики, крестьяне работали на полях, продолжались занятия в вузах и школах. Побывавший в ДРВ американский юрист Х. Р. Мэнз заявил на пресс-конференции, устроенной в Ханое в марте 1967 г.: «Меня поразило, что жизнь вьетнамского народа, несмотря на жестокую войну, идет нормально. Я посетил школы, где

занятия идут рядом с траншеями и укрытиями. Дети учатся с увлечением. Я посетил больницы и беседовал с лучшими врачами, которые не жалея сил служат больным бескорыстно и с любовью». За этим стояла титаническая деятельность партии, усилия органов народной власти, невероятное напряжение духовных и физических сил людей.

В хозяйственном строительстве имелись, конечно, трудности, и немалые. Война привела к снижению многих показателей развития общественного производства по сравнению с периодом до начала агрессии. В ряде отраслей экономики Севера наметился определенный застой; объем производимой продукции стал сокращаться. Бывало и так, что работники плановых органов, проявляя иждивенческие настроения, не осуществляли должной настойчивости в выполнении плановых заданий.

Но несмотря на все это, за годы социалистического строительства в Северном Вьетнаме удалось добиться коренных политических, социально-экономических сдвигов. Там была уничтожена эксплуатация человека человеком, укреплены новые общественные отношения, сделаны первые шаги в построении материально-технической базы социализма. За 15 лет (1960—1975 гг.) в результате укрепления материально-технической базы совокупный общественный продукт увеличился в 2,2 раза, а национальный доход — в 1,8 раза. Если бы не трудности военного времени, темпы роста могли бы быть еще более высокими.

Большой отклик на Севере получил тот факт, что на I съезде НФОЮВ (1962 г.) было принято обращение Фронта и населения Южного Вьетнама к правительству ДРВ и населению Северного Вьетнама с просьбой об оказании помощи в борьбе против сайгонского режима. Поддержка северян значительно укрепила освободительное движение на Юге.

С целью оказания помощи борцам за освобождение Юга в мае 1959 г. в ДРВ было создано специальное соединение — «группа-559», в задачи которой вменялось наладить переброску людей и грузов в Южный Вьетнам сухопутным путем. В июле 1959 г. была образована «группа-759», ответственная за переброску морским путем. Так началось создание сети транспортных артерий и коммуникаций, известных как «тропы Хо Ши Мина». Они надежно связали Север и Юг Вьетнама.

Ветеран освободительной войны генерал Во Бам рассказывал, что весной 1959 г. он был вызван в Военный комитет ЦК партии, где секретарь комитета генерал Нгуен Ван Винь сообщил о решении ЦК поручить ему руководство строитель-

ством специальной военно-транспортной магистрали для переброски грузов для сражающихся соотечественников на Юге. Строительство коммуникаций было решено осуществлять в обстановке полной секретности.

«Тропы Хо Ши Мина» проходили в основном по вьетнамской территории вдоль Чыонгшона, крупнейшего в стране горного хребта, вытянувшегося с северо-запада на юго-восток на сотни километров. За годы войны была построена огромная сеть дорог общей длиной свыше 16 тыс. км, из которых более 300 км были настолько тщательно замаскированы, что воздушная разведка США не могла их обнаружить.

4 млн. т бомбового груза сбросили американцы на «тропы Хо Ши Мина», но деятельность дороги не прекращалась ни на час. Разбитые авиацией США дороги тут же ремонтировались, а грузы в это время направлялись по запасным дорогам.

В условиях эскалации агрессии потребовались немалые усилия ДРВ по направлению на Юг того, в чем больше всего нуждались патриоты: вооружения, нефтепродуктов, ремонтного оборудования, продовольствия. Тысячи добровольцев направлялись на Юг, чтобы принять участие в освободительной борьбе. При помощи Севера в освобожденных районах на Юге создавались крупные запасы оружия, горючего, транспортных средств, что обеспечивало фронт всем необходимым для проведения боевых действий на завершающем этапе антиимпериалистической войны.

Пропускная способность магистрали непрерывно возрастала. В 1974 г. объем перевезенных по ней грузов в 22 раза превысил объем 1968 г. Эффективно действовал проложенный патриотами с Севера на Юг нефтепровод, который так и не смогла обнаружить американо-сайгонская разведка.

«Тропы Хо Ши Мина» вошли в историю антиимпериалистической, освободительной борьбы вьетнамского народа как символ единства вьетнамской нации от Лангшона на Севере до Камау на Юге, как символ его беззаветного мужества и стойкости в борьбе.

Летопись мужества

В 1965 г. в разгар агрессии США во Вьетнаме тогдашний американский президент Л. Джонсон заявлял: «Нет такой силы на земле, которая могла бы нас принудить уйти из Вьетнама. Мы останемся там до тех пор, пока это будет необходимо, используя всю мощь, какая требуется, с каким бы риском это ни было связано и чего бы это ни стоило».

Нашлась сила, которая закономерно обрекла на полный крах политику империалистического диктата. Этой силой был народ Вьетнама, его героизм, преданность идеалам революции.

Навсегда останется в памяти народной подвиг населения Кути — знаменитого «железного треугольника», названного так потому, что земля там была буквально наштампована металлом — осколками американских бомб и снарядов. Район Кути расположен неподалеку от Хошимина, менее чем в часе езды на автомобиле. В течение многих лет освободительной борьбы жители Кути сражались против превосходящих сил противника, отражали удары сайгонских карателей, вступали в бой с бронетанковыми частями армии США, но не отступили. Земля Кути в полном смысле слова плавилась от разрывов тысяч и тысяч снарядов, обрушенных врагом на эту, в сущности, небольшую территорию, которая была опустошена, выжжена настолько, что даже маленькое деревце там стало редкостью.

Когда разрушенными оказались все жилища и временные землянки, люди стали рыть подземные галереи, катакомбы, где днем скрывались от карателей, а по ночам наносили им новые, ощутимые удары. На глубине нескольких метров был проложен сложный лабиринт подземных ходов, галерей общей протяженностью в несколько десятков километров. В них жили старики и дети, укрывавшиеся от неистовых бомбардировок противника. Там были созданы лечебницы, где ставили на ноги раненых, там учили детей грамоте.

И все это происходило в полной тайне от американских аггессоров и их сайгонских марионеток. Когда же они узнали о наличии в Кути системы подземных коммуникаций, на район были сброшены многотонные бомбы кумулятивного действия, чтобы подземные жилища людей стали для них могилой, были испробованы различные отравляющие вещества. Но катакомбы надежно укрыли людей, спасли им жизнь.

Мне довелось побывать в Кути в начале 1976 г., беседовать с непосредственными участниками этих героических событий. Нам показали места недавних боев, где еще ржавели разбитые американские танки и бронетранспортеры. Рассказывали о сверхчеловеческом напряжении, в котором годами в страшных тяготах и лишениях жили эти скромные, мужественные люди, не пожелавшие смириться с тем, чтобы аггессор топтал землю их родины. Слушая их скупые слова, передко казалось, что сами герои Кути как бы все еще не осознали в полной мере, как смогли они пройти через этот

ад, откуда брались у них поистине титанические физические и нравственные силы для того, чтобы выстоять и победить.

С образованием НФОЮВ, с созданием в феврале 1961 г. Армии освобождения борьба патриотов Южного Вьетнама вступила в качественно новый этап. Прошли те времена, когда сайгонская военщина могла беспрепятственно чинить произвол и насилие над мирными жителями. В 1961 г. в Армии освобождения насчитывалось уже 20 тыс. бойцов, и ряды ее росли день ото дня. Определилась и ее структура, включавшая три вида вооруженных сил: регулярные, региональные и войска местной самообороны.

Это была армия народа, отстаивавшая интересы народа. Бойцам сразу же удалось установить хорошие отношения с гражданским населением, которое видело в них преемников справедливого дела фронта Вьетминь, знало, что «Вьетконг — за народ».

Введение в бой на Юге вооруженных до зубов войск США, действовавших при мощной артиллерийской и авиационной поддержке, внесло известные коррективы в характер военных действий Армии освобождения, состоявшей тогда в основном из партизанских частей и соединений, которым было нелегко поначалу противостоять американским войскам. Создавая на Юге в тот период ситуация требовала качественно иных принципов подготовки и использования вооруженных сил.

Принимались меры к техническому перевооружению Армии освобождения, которая из армии, ориентированной на ведение партизанской войны, стала превращаться в современную, способную успешно противостоять аггессору. Симптоматичны следующие высказывания американцев: «Мы теперь имеем дело с противником нового рода, более стойким и оснащенным более грозным оружием, чем когда-либо раньше».

В беседах с вьетнамскими военными — участниками боев на Юге Вьетнама неоднократно приходилось слышать от них, что успех атак сил освобождения во многом зависел от правильного расчета времени, от умения заставить противника врасплох, от быстроты действий патриотов, от того, сумеют ли они перевести боевую операцию в завершающую стадию, прежде чем противник начнет ответные действия.

Войска аггессора с их огневым и техническим превосходством были вовлечены в бои местного масштаба, которые отнюдь не приближали его к главной цели — уничтожению Армии освобождения.

В докладе президенту США от 14 октября 1966 г. министр обороны Р. Макнамара признавал, что «нет никаких призна-

ков неминуемого подрыва морального состояния противника и создается впечатление, что он может с лихвой возмещать свои потери путем «инфильтрации» с Севера и вербовки на местах».

С начала 60-х годов на Юге Вьетнама сменилось несколько командующих войсками США. Сначала был М. Тэйлор, затем П. Харкинс, потом У. Уэстморленд и, наконец, Абрахамс. Но никто из них не смог добиться какого-либо успеха в борьбе с патриотами Южного Вьетнама. Многочисленные базы и военные сооружения США на Юге в течение всех лет войны оставались разбросанными, изолированными «островками» во враждебном агрессорам море народного гнева.

В конце ноября 1967 г. после дерзкого нападения крупных сил патриотов на один из военных объектов Далата весь местный штат сотрудников ЦРУ был смещен за «дезинформацию» генерала Уэстморленда, которому докладывали, что в районе Далата находилось всего лишь 60—80 партизан. Из-за гибкой тактики сил освобождения разведка агрессора демонстрировала полную беспомощность. Кстати, все основные дороги, где, по предположениям американцев, могли появляться «вьетконговцы», были буквально усеяны различного рода электронными, акустическими устройствами, которые должны были информировать о любом продвижении Армии освобождения. Американское командование в Сайгоне похвально, что ни один «вьетконговец» даже не сможет незаметно от американцев сварить себе горшок риса.

Как бы там ни было, но все эти акустические устройства, равно как и густая сеть шпионов и осведомителей, не могли заранее предупредить американско-сайгонское командование о двух крупнейших военных акциях сил освобождения — генеральных наступлениях 1968 г. и 1972 г., в ходе которых широко использовались танки и тяжелая артиллерия патриотов.

Действия Армии освобождения практически всегда были непредсказуемы, неожиданны для американско-сайгонского командования. Вот конкретный пример: в конце октября 1967 г. Уэстморленд на пресс-конференции в Сайгоне утверждал, что силы НФОЮВ вынуждены обратиться к партизанской тактике мелких стычек и что отныне они, мол, не смогут предпринимать атаки даже на уровне батальона. А буквально через несколько дней патриоты предприняли две атаки на позиции американско-сайгонских войск в Локнине и Дакто, причем в Сайгоне признали, что в обоих случаях участвовали войска НФОЮВ силой в дивизию.

А еще через два месяца в ночь на 30 января 1968 г. — это был день Тэта — Армия освобождения совершила мощное

генеральное наступление на 140 городов и военных баз американско-сайгонских войск, причем бои велись даже в самом центре Сайгона, в частности в здании посольства США, первый этаж которого был захвачен партизанами.

Генеральное наступление весной 1968 г., которое потрясло американскую военную машину во Вьетнаме, было осуществлено совершенно внезапно для агрессора. Об этом можно судить хотя бы по тому, что «президент» Тхиеу вообще отсутствовал в те дни в Сайгоне, празднуя Тэт в одной из резиденций на берегу моря в Вунгтау.

Загипнотизированные постоянными победными реляциями и оптимистическими прогнозами генерала Уэстморленда относительно исхода войны, правящие круги США, да и американская общественность, были ошеломлены плачевными для агрессора результатами этого наступления сил освобождения. Для каждого трезвомыслящего американца, даже далекого от военных дел, стало очевидным, что Соединенным Штатам суждено пережить неминуемое фиаско в этой «грязной» войне.

Сочетая усилия на трех фронтах

Сама практика борьбы на Юге Вьетнама в первой половине 60-х годов подсказывала необходимость дополнения военных усилий Армии освобождения энергичными шагами в политической области в интересах привлечения на сторону патриотов как можно большего числа сторонников.

Начавшееся 30 января 1968 г. генеральное наступление патриотов привело к затяжному кризису сайгонского режима, который продемонстрировал полную неспособность, даже в условиях всемерной военной поддержки США, противостоять освободительному движению. В течение первой же недели наступления из сайгонской армии дезертировало около 200 тыс. солдат. Речь уже шла о начале необратимого процесса развала сайгонской марионеточной армии и режима, логическим завершением которого стали и события весны 1975 г.

А тогда, в 1968 г., из Пентагона в посольство США в Сайгоне летели шифротелеграммы, изобиловавшие указаниями такого рода: «Заставьте южновьетнамскую армию действовать... Пусть президент Нгуен Ван Тхиеу продемонстрирует свою решимость вести войну».

Американское командование было вынуждено коренным образом изменить военную стратегию в Южном Вьетнаме, в

срочном порядке отказаться от планов «умиротворения» и перейти к пассивной оборонительной стратегии. Симптоматичны оценки, данные газетой «Интернэшнл геральд трибюн» в номере от 25 февраля 1968 г.: «...повсюду во Вьетнаме наблюдается одна и та же картина. Американцы выжидают, занимая оборонительные позиции... Никогда еще не было столь ясно, что противник дает бой тогда и там, когда и где ему выгодно».

В апреле 1968 г. американские войска без фанфар и барабанного боя начали эвакуацию крупной базы Кхесань в северных провинциях Южного Вьетнама, а затем оставили большинство постов вдоль стратегической дороги № 9. Это было откровенное признание того, что политика «умиротворения» потерпела полный крах.

Важнейшим итогом военно-политического наступления явилось достижение прогресса в деле изыскания подходов к урегулированию вьетнамской проблемы.

Начало в мае 1968 г. в Париже двусторонних переговоров между представителями ДРВ и США, завершившихся достижением договоренности о безусловном прекращении Соединенными Штатами бомбардировок территории ДРВ, стало прямым следствием генерального наступления. Патриоты добились и такой политической победы, как повышение престижа и влияния НФОЮВ. В конце 1968 г. Вашингтон был вынужден согласиться на начало работы четырехстороннего совещания по Вьетнаму в Париже с участием ДРВ, США, а также НФО и «Республики Вьетнам».

Правда, приехав в Париж, американцы под всевозможными предлогами старались оттянуть начало конструктивных переговоров на авеню Клебер, затеяли пустопорожнюю риторическую дискуссию. Ведь на переговорах, особенно в начале, дело доходило до абсурда: более двух месяцев американская сторона, к примеру, навязывала представителям Вьетнама споры о форме стола для переговоров — круглый, квадратный или прямоугольный.

В Вашингтоне все еще полагали, что таким образом они выиграют время для наращивания своих военных сил во Вьетнаме и других странах Индокитая, сумеют переломить ход событий там в свою пользу. Жизнь показала всю тщетность таких расчетов.

Кардинальные качественные изменения, происходившие на главном театре военных действий национально-освободительной войны в Индокитае — во Вьетнаме, оказывали глубокое воздействие на военно-политическую обстановку в соседних с ним странах — Лаосе и Кампучии.

Народно-революционная партия Лаоса последовательно проводила линию на сочетание борьбы на трех фронтах: военном, политическом и дипломатическом.

В условиях тесного взаимодействия с вьетнамскими добровольцами лаосским патриотам было под силу решение крупных боевых задач. В 1970 г. Армия освобождения Лаоса дважды срывала попытки правых сил захватить Долину Кувшинов. Были освобождены обширные районы на имеющем стратегическое значение плато Боловен в Южном Лаосе.

Создались благоприятные условия для эффективных дипломатических шагов Патриотического фронта Лаоса. ЦК ПФЛ выступил с развернутой программой политического урегулирования в Лаосе от 6 марта 1970 г., основным моментом которой было требование к США положить конец их вмешательству и агрессии в Лаосе. Переговоры были сорваны из-за грубого нажима США на вьентьянскую администрацию.

Опираясь на поддержку вьетнамских патриотов, успешную борьбу против лонноловского режима вели с начала 70-х годов кампучийские освободительные силы. Эту борьбу возглавили члены руководства Народно-революционной партии Кампучии. В 1970 г. в освобожденные районы страны из Северного Вьетнама возвратилось более тысячи кампучийских коммунистов, находившихся на учебе в ДРВ. Они отдали все свои знания делу антиимпериалистической борьбы.

На рубеже 1971—1972 гг. соотношение сил в Индокитае рельефно изменилось в пользу борцов за национальное освобождение. Значительных успехов добились патриоты в своих усилиях с целью овладения территорией. Так, в Лаосе к началу 1972 г. освобожденные районы занимали $\frac{4}{5}$ площади страны с населением более 1 млн. человек. В Южном Вьетнаме силы освобождения контролировали ряд крупных районов, в том числе прилегающие к границе с Кампучией и Лаосом. В Кампучии патриоты контролировали $\frac{4}{5}$ территории страны.

Развитие военно-политической обстановки убедительно свидетельствовало о растущих возможностях национально-освободительных сил трех стран и вместе с тем о провале планов США по укреплению марионеточных режимов в Сайгоне, Пномпене и Вьентьяне.

В середине 1971 г. патриотические силы Вьетнама и Лаоса выступили с новыми инициативами по урегулированию проблем своих стран. Однако администрация США упорно исходила из того, что ей, даже с учетом вывода американских войск из Южного Вьетнама, путем увеличения военных поставок марионеткам Сайгона, Вьентьяна и Пномпеня удастся

сохранить эти прогнившие режимы, а посему не проявляла конструктивного подхода к переговорам.

Удар отрезвляющей силы нанесло по агрессивным устремлениям Вашингтона генеральное военно-политическое наступление Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама весной 1972 г. Оно началось 30 марта. Вопреки расчетам американо-сайгонского командования, патриоты нанесли наиболее мощные удары в районе южнее демилитаризованной зоны. Для американцев явилось неожиданностью, что силы освобождения широко применили танки, артиллерию и стратегические резервы.

Фактически в течение апреля патриоты полностью уничтожили или вывели из строя семь дивизий сайгонских войск. Бои показали, признавала американская пресса, что сайгонский режим «по-прежнему не способен к самостоятельному отпору таких атак».

В ходе генерального наступления силам национального освобождения удалось добиться значительных успехов, прежде всего в расширении контроля над сельскими районами. По мере освобождения городов и сельских районов в них создавались народно-революционные комитеты.

Большой политический резонанс получило провозглашение 25 января 1972 г. НФОЮВ 10 политических установок народно-революционной власти по отношению к офицерам и солдатам сайгонских вооруженных сил. В них был сформулирован тезис о необходимости «достижения национального единства и национального согласия». В тот период переход сайгонских военнослужащих на сторону Национального фронта освобождения стал частым явлением.

Генеральное наступление патриотических сил 1972 г. — и это было его важным военно-политическим итогом — окончательно показало правящим кругам США, что военными средствами решить вьетнамскую проблему невозможно.

Важную роль в деле создания условий, благоприятных для достижения урегулирования, сыграла морально-политическая поддержка СССР патриотов Индокитае, оказание сдерживающего влияния на агрессора. Твердая позиция СССР побудила Вашингтон отказаться от планов новых опасных авантур в Индокитае и занять более реалистическую позицию на переговорах в Париже.

Во второй половине 1972 г. особую значимость приобрел дипломатический фронт.

В сентябре правительство ДРВ и ВРП РЮВ выступили с новыми предложениями по урегулированию вьетнамской проблемы. Суть их была предельно ясна: США должны были

прекратить агрессивную войну во Вьетнаме, положить конец бомбардировкам, всем военным действиям во Вьетнаме, отказаться от политики «вьетнамизации войны», немедленно и полностью вывести американские войска из Южного Вьетнама, прекратить поддержку сайгонского режима.

В целях достижения прогресса на парижских переговорах 8 октября 1972 г. делегация ДРВ выдвинула проект Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и предложила, чтобы он был немедленно подписан.

Благоприятное для национально-освободительного движения развитие обстановки на основном театре военных действий и политической борьбы в Индокитае — в Южном Вьетнаме — способствовало укреплению позиций патриотов Лаоса и Кампучии. В этот период вьетнамская администрация удерживала менее $\frac{1}{5}$ территории.

17 октября 1972 г. ЦК ПФЛ выступил с новой инициативой по урегулированию лаосской проблемы, содержавшей конкретные предложения, направленные на создание временного правительства национального единства. В тот же день во Вьетъяне возобновились контакты двух заинтересованных лаосских сторон по урегулированию в Лаосе.

В кульминационный момент борьбы за достижение политического урегулирования администрация президента Никсона вопреки взятым на себя обязательствам предприняла новую авантюру — с 18 по 29 декабря 1972 г. авиация США подвергла Северный Вьетнам самым массированным за всю войну бомбардировкам. Более 80 сбитых американских пиратов, в том числе 34 бомбардировщика В-52 и 5 новейших самолетов F-411, — такова была расплата агрессора за эту провокацию.

Среди вьетнамских летчиков, сбивших в те дни «летающую крепость» В-52, был Фам Туан, который через восемь лет вместе со своим советским другом В. Горбатко совершил космический полет.

Во всем мире нарастала кампания осуждения правящих кругов США за затягивание ставшей трагедией и для американского народа войны.

27 января 1973 г. в Париже, после пяти лет упорной дипломатической борьбы, было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. США обязались прекратить военные операции против ДРВ, вывести свои войска из Южного Вьетнама, уважать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама. Парижское соглашение явилось огромной победой национально-освободительных сил Вьетнама. С его подписани-

ем создались благоприятные условия для достижения урегулирования в соседнем с Вьетнамом Лаосе.

21 февраля 1973 г. во Вьентьяне было заключено соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе, в соответствии с которым на следующий день в стране были прекращены все военные действия, в том числе американские бомбардировки. Соглашение предусматривало создание Временного правительства национального единства и Национального консультативного политического совета с целью подготовки и проведения всеобщих выборов в Национальное собрание и формирования правительства национального единства.

На основе создания третьей лаосской коалиции в условиях прекращения агрессии США открывались реальные возможности для обеспечения прочного мира в стране.

Самоотверженная борьба патриотов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, всесторонняя помощь и поддержка со стороны Советского Союза, всех стран социалистического содружества, невиданное по размаху международное движение солидарности с борьбой народов Индокитая, в авангарде которого шли коммунистические и рабочие партии, — все эти факторы создали непреодолимую преграду на пути сил агрессии и войны.

Соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме и Лаосе по своей значимости выходили за рамки Индокитая, явись существенным шагом на пути нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии в целом. Они органически вписались в общий фон разрядки международной напряженности, которая набирала силу на планете в начале 70-х годов.

Превалирующая тенденция

Для иноземных захватчиков Индокитая всегда был единым театром военных действий. В этих условиях сплочение патриотических сил трех стран Индокитая превращалось в объективный фактор, способный обеспечить успех их борьбы за свободу и независимость каждой страны. Необходимость в усилении их единства стала, как никогда, настоятельной в период агрессии американского империализма в Индокитае. Сама логика борьбы в 60-х и первой половине 70-х годов подсказывала целесообразность создания единого фронта народов трех стран.

Политика КПВ в отношении патриотического движения в Лаосе и Кампучии получила в период отражения агрессии США наиболее полное оформление. Главное в ней — готов-

ность оказать необходимую интернациональную поддержку силам освобождения в этих странах. Вьетнамские революционеры последовательно выдвигали лозунги боевой солидарности народов Индокитая. Они всегда сознавали, какая большая ответственность лежит на их партии как наиболее опытной и многочисленной отряде революционных сил Индокитая, сколь велика ответственность ДРВ — первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян — за судьбы антиимпериалистического движения в Индокитае.

Немаловажную роль в упрочении сплоченности народов трех стран на антиимпериалистической основе сыграла конференция народов Индокитая, созванная в Пномпене в марте 1965 г. В конференции участвовали представители 39 патриотических организаций Индокитая, в том числе Отечественного фронта Вьетнама, НФОЮВ, ПФЛ. В общей резолюции конференции, единогласно принятой 8 марта 1965 г., выражалось решительное осуждение вмешательства США во внутренние дела стран Индокитая, подчеркивалась необходимость создать совместный фронт борьбы против империализма и колониализма.

Процесс укрепления сплоченности Вьетнама, Лаоса и Кампучии был далеко неоднозначным. Ведь торпедирование этого процесса, создание трудностей в отношениях между Вьетнамом и его соседями всегда было одной из стратегических целей американского империализма и следовавших в фарватере политики Вашингтона марионеточных режимов Сайгона, Вьентьяна и Пномпеня, других реакционных сил. И те и другие, хотя и с различных позиций, отдавали себе отчет в той угрозе, которую несло их агрессивным замыслам в отношении Индокитая, да и всей Юго-Восточной Азии, сплочение революционных сил трех стран.

Непросто складывались в годы освободительной борьбы отношения Вьетнама с Кампучией. Это относится и к периоду 60-х годов, когда правительство Кампучии стало испытывать растущее давление со стороны США и Сайгона, настаивавших на предоставлении их войскам «права преследования» сил освобождения на территории Кампучии.

В правой кампучийской печати развернулась тогда злобная антивьетнамская кампания.

Руководство ДРВ и ВРП РЮВ предпринимало шаги, с тем чтобы удержать Пномпень от скатывания на проимпериалистические позиции. Эти усилия вьетнамской стороны возымели свое действие. Летом 1969 г. тогдашний глава государства Н. Сянук, несмотря на давление правых сил, предпринял ряд реалистических шагов, направленных на нормализацию

отношений с Вьетнамом. 14 июня 1969 г. в Пномпене было заявлено о признании де-юре ВРП РЮВ.

Однако внутриполитическая обстановка в Кампучии продолжала ухудшаться. Углубление финансово-экономического кризиса сопровождалось активизацией сил внутренней реакции, требовавшей отказа от нейтралистской внешней политики, ее изменения в сторону сближения с США. Сразу же после реакционного переворота 18 марта 1970 г. правоэкстремистские власти Пномпеня закрыли порт Кампонгсаом для судов, транспортировавших оружие для НФО. Именно в тот сложный для сил национального освобождения Кампучии период вьетнамские патриоты приложили максимум усилий для их укрепления, предоставили им всестороннюю помощь, в том числе оружием. Вьетнамские революционеры также оказали немалую морально-политическую поддержку созданию в 1970 г. Национального единого фронта Кампучии.

Важную роль в процессе консолидации освободительных сил трех стран сыграла конференция народов Индокитая на высшем уровне, которая состоялась в Гуанчжоу (КНР) с 24 по 25 апреля 1970 г. Участники конференции приняли совместное заявление. В нем подчеркивалась «решимость развивать братскую дружбу и добрососедские отношения между тремя странами, чтобы оказывать взаимную поддержку в борьбе против общего врага, а также осуществлять в будущем долговременное сотрудничество в строительстве каждой страны по пути, который будет избран ее народом».

И все же процесс консолидации вьетнамских и кхмерских освободительных сил в первой половине 70-х годов не был гладким. В подрыве сближения патриотов двух стран были заинтересованы прежде всего проимпериалистические силы в Сайгоне, Пномпене и Бангкоке. Приложили к этому руку и лидеры полпотовской группировки.

Заинтересованные в поддержке со стороны вьетнамских патриотов, полпотовцы на словах клялись в дружбе с Вьетнамом, а на деле пытались создавать где только можно сложности для Вьетнама, провоцировали антивьетнамские настроения в рядах кампучийских патриотов, расправлялись с теми, кто выступал за дружбу с Вьетнамом. Полпотовские штурмовики разрушали и грабили склады с материалами и вооружением, принадлежавшие Армии освобождения Южного Вьетнама.

Со стороны вьетнамских товарищей предпринимались настойчивые усилия, чтобы удержать полпотовцев от дальнейшего сползания на националистические, оппортунистические позиции. Однако удержать их от скатывания на враждебные

революционному делу народов трех индокитайских стран позиции все же не удалось.

Несмотря на эти трудности, вьетнамские патриоты продолжали делать все от них зависящее, чтобы отстоять узы братской дружбы, традиционно связывающие коммунистов и народы Вьетнама и Кампучии. Как отмечал с трибуны ООН представитель СРВ, в 1970—1975 гг. в ходе войны сопротивления, которую вели народы Вьетнама и Кампучии против агрессии США, каждая совместная операция и даже каждый бой становились проявлением сплоченности и взаимной поддержки между народами двух стран. Так, чтобы отразить атаки противника, проводившего на территории Кампучии крупные военные операции под кодовым названием «Ченла-I» в 1970 г. и «Ченла-II» в 1971 г., в которых участвовали части экспедиционного корпуса США, сайгонской маррионеточной армии и войск лонноловского режима, Вьетнам по просьбе руководства кампучийского сопротивления оказал кхмерским патриотам всю необходимую поддержку.

Всесторонняя помощь, оказанная Вьетнамом силам национального освобождения Кампучии, сыграла исключительную важную роль в достижении народом этой страны в апреле 1975 г. победы в антиимпериалистической борьбе.

В те годы имелось немало свидетельств эффективных совместных действий освободительных сил Вьетнама с патриотами Лаоса и Кампучии. Одним из примеров такого взаимодействия стал совместный отпор вьетнамскими и лаосскими патриотами предпринятой американо-сайгонским командованием в феврале 1971 г. крупной военной операции «Ламшон-719».

Тенденция к укреплению сплоченности патриотов трех стран, несмотря на трудности как объективного, так и субъективного характера, была преобладающей. В период освободительной борьбы была заложена прочная основа для дальнейшего упрочения солидарности народов трех стран Индокитая на новом этапе их борьбы после завоевания подлинной независимости.

«Говорит свободный Сайгон!»

Национально-освободительные революции представляют собой высший этап в развитии освободительного движения, на котором находит свое разрешение противоречие между угнетенным народом и империализмом. В том историческом для индокитайских народов 1975 году, отмеченном исключитель-

мым динамизмом революционного процесса в странах Индокитая, это противоречие между народом и империализмом получило свое разрешение и в Южном Вьетнаме, и в Лаосе, и в Кампучии.

Характерными чертами военно-политической обстановки на Юге Вьетнама стали значительное укрепление позиций ВРП РЮВ и всесторонний кризис сайгонского режима, антинародный курс которого сталкивался с невиданной доселе оппозицией все более широких слоев населения. Создались объективные предпосылки для свержения режима Тхьеу. Партия вьетнамских коммунистов дала правильную оценку ситуации на Юге, своевременно распознала вызревание там революционной ситуации, не упустила момента для решительного выступления.

Вьетнамская поговорка гласит: «Коль вода хлынет, она прорвет дамбу». События весны 1975 г., выражаясь фигурально, подтвердили правоту этой древней мудрости.

Генеральное наступление началось в первой декаде марта 1975 г., когда Народные вооруженные силы освобождения, а их численность составляла тогда свыше 1 млн. человек, нанесли мощные удары по позициям сайгонских войск на плато Тэйнгун. Примечательным является необычайно мощный и динамичный характер освободительной борьбы, развернувшейся на Юге во время генерального наступления, которое осуществлялось быстрыми темпами — «один день равен двадцати годам».

11 марта был освобожден важный в стратегическом отношении район Буонметхуот. Вскоре патриотов приветствовали жители Хюэ. Зачастую регулярные части НВСО участвовали лишь в завершающих этапах освобождения городов. Десятки больших и малых населенных пунктов были заняты вообще без выстрелов — всеобщая ненависть к продажным властям исключила возможность их обороны. Когда провинциальный центр Куангнгай расцвел красными и синими флагами РЮВ, бойцы сил освобождения были еще в 10 км от городских окраин.

То же самое произошло и в одном из крупнейших городов Юга — Дананге, где власть марионеток пала за сутки до прихода бойцов НВСО. При приближении частей Народных вооруженных сил освобождения к окраинам Дананга сайгонские войска бежали из города. 29 марта Дананг полностью перешел в руки патриотов.

«После того что случилось в Дананге, кто может знать, что произойдет? Все может мгновенно рухнуть» — эти слова одного из агентов ЦРУ в Сайгоне привела 2 апреля 1975 г.

газета «Нью-Йорк дейли ньюс». На сей раз прогноз американской разведки в Южном Вьетнаме оказался точен.

1 апреля 1975 г. ВРП РЮВ обнародовало программу из десяти пунктов, в которой изложило политику в отношении недавно освобожденных районов. Патриоты заявили о своей решимости добиваться всенародного единства, национального примирения и согласия.

Эта конструктивная программа получила одобрение самых широких слоев населения, способствовала тому, что жизнь в недавно освобожденных районах была направлена в нормальное русло. Американские обозреватели отмечали, что в городах, которые еще недавно во время отступления сайгонских войск были охвачены паникой, быстро устанавливается порядок. Созданные повсеместно революционные органы власти успешно возвращают города к нормальной жизни.

Спасаясь от террора сайгонских властей, сотни тысяч людей бежали из зоны контроля марионеток в освобожденные районы. Губернатор провинции Лонгкхань растерянно радовался в Сайгоне 10 апреля, что тысячи жителей Суанлока «бежали к коммунистическим позициям».

События в Южном Вьетнаме оказали огромное воздействие на развитие обстановки в Кампучии, где к весне 1975 г. соотношение военно-политических сил в решающей степени изменилось в пользу сил национального освобождения. Под их контролем находилось 95% территории страны и подавляющее большинство 7-миллионного населения.

Западные журналисты, описывая положение, сложившееся в зоне контроля марионеточного режима, отмечали, что «население Пномпеня было подавлено головокружительным ростом дороговизны, занято исключительно заботой о пропитании, одурманено правительственной пропагандой и запугано бесконечными репрессиями».

За пять лет развязанной империализмом агрессии Кампучия превратилась в полуразрушенный край. В зоне контроля лонноловского режима производство сельскохозяйственной продукции составляло только $\frac{1}{4}$ довоенного уровня. Было разрушено $\frac{4}{5}$ предприятий, уничтожено $\frac{2}{3}$ каучуковых плантаций, более чем на $\frac{3}{4}$ были выведены из строя шоссе и железные дороги, значительно пострадали порты и пристани. Цены на товары первой необходимости достигли баснословных величин. Силы освобождения Кампучии нанесли решающие удары по марионеточной армии. 31 марта «президент» пномпеньской администрации Лон Нол бежал из Пномпеня в Вашингтон. А 14 апреля 1975 г. окружавшие Пномпень части патриотов вышли к столичному аэродрому

Почтонтонг и начали обстрел военных объектов в самом Пном-пене. Утром 17 апреля город был полностью освобожден.

Историческая победа кампучийского народа, одержанная в апреле 1975 г., была подготовлена многолетней борьбой освободительных сил этой страны и здоровых сил в Народно-революционной партии Кампучии. Именно под их руководством при помощи вьетнамских патриотов народ Кампучии вел борьбу против французских колонизаторов, а затем против американских агрессоров и проимпериалистического лон-половского режима.

Доживал последние дни и сайгонский режим. К 20 апреля 1975 г. группировка марионеточных войск оказалась в плотном кольце окружения. Когда началась битва за Сайгон, вооруженные силы режима все еще имели в своем составе 11 пехотных дивизий, в его распоряжении находилось 385 танков, 700 БТР, 300 истребителей, 560 вертолетов. Однако, потерпев тяжелые поражения, потеряв половину своего личного состава, окруженная марионеточная армия находилась в состоянии полной дезорганизации.

В охваченном паникой Сайгоне в спешке собирали чемоданы все, кто был замешан в кровавых преступлениях перед народом. «Президент» Тхиеу неожиданно обнаружил вокруг себя «вакуум». И оказавшись лицом к лицу с восставшим народом, диктатор смалодушничал. 21 апреля было объявлено о том, что Тхиеу «подал в отставку». Последние более получаса своей «карьеры» он провел перед микрофоном сайгонского радио, посылая напоследок проклятия в адрес патриотов и упрекая своих заокеанских покровителей, что те, дескать, бросили его «на произвол судьбы».

26 апреля Тхиеу на самолете C-118 ВВС США с десятью тоннами награбленного имущества на борту вылетел на Тайвань. Незадолго до бегства он уже успел переправить за границу золото и драгоценности. Так что о своем безбедном существовании этот политический авантюрист позаботился заранее.

Час сайгонского режима пробил. Он более фактически не существовал, развалившись под ударами сил освобождения. Последние дни сайгонской администрации могли бы составить сценарий остросюжетного боевика. После бегства Тхиеу его место занял Чан Ван Хыонг, но и он продержался в кресле «президента» недолго — 28 апреля его сменил генерал Зыонг Ван Минь.

С раннего утра 28 апреля на заднем дворе особняка, расположенного на улице Чан Кюи Кай, где находился дом Миня, царил столпотворение. В дверях безостановочно сно-

вали посетители — государственные «мужи» и политические деятели развалившегося режима, дельцы, битые генералы. Шел беспочвенный разговор о том, как все-таки не допустить вступление сил освобождения в Сайгон.

Ровно в 00 часов 29 апреля 1975 г. начался генеральный штурм последней линии обороны вокруг Сайгона. Утром 30 апреля части сил освобождения приступили к осуществлению завершающей фазы операции «Хо Ши Мин» — непосредственному освобождению Сайгона.

В 8 часов утра 30 апреля, уложив в чемодан американский флаг, на борту вертолета отбыл из Южного Вьетнама посол США. А в 9 часов 25 минут Зыонг Ван Минь, прибыв на сайгонскую радиостанцию, сделал заявление, в котором отдал приказ сайгонской армии о прекращении огня. Сайгон притих, слушая заявление главы развалившейся администрации.

Настали решающие часы 55-дневного наступления сил освобождения. Неудержимым потоком вошли бойцы НФОЮВ в Сайгон, где их приветствовало все население города, уставшее от империалистического засилья, гнета и террора властей.

А в это время в «президентском» дворце — в самом центре Сайгона — Зыонг Ван Минь и его ближайшее окружение дожидались возвращения посланных ими в район аэродрома Таншоннят представителей, которым были даны указания вступить в контакт с ВРП РЮВ относительно условий прекращения огня. Собравшиеся во дворце мало верили в успех этого предприятия. В воздухе висело предчувствие конца. Вдруг все услышали приближающийся гул моторов. Это колонна из ста «тридцатьчетверок» 1-го корпуса Армии освобождения, появившись на улице Пастера, прошла через перекресток Тхонгнат и устремилась к ограде президентского дворца Док Лап...

В 11 часов утра 30 апреля 1975 г. танк Т-34 под номером 879, которым управлял капитан Армии освобождения Буй Дык Май, снес с петель стальные ворота, повалил флагшток, на котором тряпкой висело знамя канувшей в Лету «Республики Вьетнам», и ворвался на территорию дворца. Дав холостой предупредительный выстрел, танк устремился к главному входу.

А через несколько секунд по лестнице дворца мимо оцепеневших солдат охраны в здание уже поднималась лавина бойцов сил освобождения. В одном из кабинетов в кресле, украшенном великолепными золотыми драконами, символизировавшими силу власти, восседал принявший за два дня до

этого «президентские» полномочия генерал Зыонг Ван Минь — последний из проамериканских временщиков на вьетнамской земле. Зыонг Ван Минь заявил вошедшим в комнату бойцам Армии освобождения, что оп-де готов встретиться с представителями ВРП РЮВ, чтобы обсудить вопрос о передаче власти. На это он получил ответ: «Нельзя передать то, чего у вас нет. Речь идет о полной и безоговорочной капитуляции».

В 11 часов 30 минут над дворцом взвилось красно-голубое с золотой звездой полотнище Фронта национального освобождения. В 12 часов 07 минут в эфире впервые прозвучали слова: «Говорит свободный Сайгон!»

К 15 часам 30 минутам патриоты овладели последним оплотом прогнившего режима — министерством обороны.

Марионеточный сайгонский режим, бывший в течение 20 лет главным бастионом проимпериалистических реакционных сил в Индокитае, навсегда прекратил свое существование.

С завершением полного освобождения Юга было реализовано решение III съезда партии о завершении национальной народно-демократической революции в масштабе всего Вьетнама. Перед страной открылась перспектива достижения воссоединения на подлинно демократических началах. Демократическая революция в Лаосе победила, по существу, мирным путем. 1974—1975 годы стали в Лаосе периодом нарастания народно-демократической революции, активизации политической борьбы народных масс во вьетъянской зоне, роста самосознания и организованности рабочего класса, крестьянства, представителей интеллигенции.

Для претворения в жизнь соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе ЦК НРПЛ и Патриотическому фронту Лаоса необходимо было создать широкий демократический фронт, который объединил бы вокруг ПФЛ все слои населения.

На этом пути ЦК ПФЛ столкнулся с немалыми трудностями, вызванными прежде всего попытками правых сил обострить внутривнутриполитическую обстановку. Однако сложившееся в Лаосе соотношение сил в пользу революции заставило в конечном счете вьетъянскую сторону проявить политический реализм. 4 апреля 1974 г. во Вьетъяне были созданы коалиционные органы власти — Временное правительство национального единства (ВПНЕ) и Национальный консультативный политический совет (НКПС).

Качественные сдвиги, происходившие в течение 1975 г. в Индокитае, и прежде всего освобождение Южного Вьетна-

ма, оказали глубокое воздействие на развитие внутривнутриполитической ситуации в Лаосе, где развернулась острая борьба между силами реакции и революции.

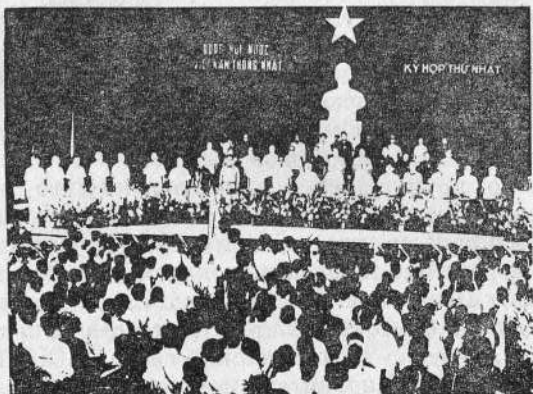
Эта борьба завершилась 2 декабря 1975 г. победой революции и переходом власти в руки народа.

Торжество в 1975 г. революций в Южном Вьетнаме и Лаосе, успешное завершение антиимпериалистической борьбы кампучийского народа явились выдающимися вехами в развитии мирового революционного процесса, свидетельством того, каких огромных успехов могут добиться в современную эпоху силы национального освобождения.

Это было крупнейшее военно-политическое поражение американского империализма. На фоне набравшего в те годы темпы процесса разрядки международной напряженности это поражение нанесло непоправимый удар по блоковой стратегии Пентагона. В сентябре 1975 г. объявил о самоликвидации блок СЕАТО. Был вынужден свернуть свою деятельность и Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК).

Победы народов Индокитая привели к созданию качественно новой ситуации в Юго-Восточной Азии в пользу сил мира, демократии и социализма, стали фактором большого вдохновения для народов, продолжающих борьбу за свое национальное и социальное освобождение.

ОДНОЗНАЧНЫЙ ВЫБОР НАЦИИ

Мирные дороги Вьетнама... Они совсем не те, что в годы войны. Хотя, конечно, есть нечто такое, что роднит их, — растилающиеся по обе стороны дороги бескрайние просторы рисовых полей.

В зимние месяцы сельский пейзаж несколько меняет свою ярко-зеленую в период бурного роста рисовых побегов или золотистую во время созревания колосьев окраску. Наступает период своего рода межсезонья, и рис временно сдает свои позиции, уступая место на кооперативных полях раскидистым грядкам батата, высоким стеблям кукурузы, тугим кочанам капусты. Ведь известная во Вьетнаме «триада» дополнительных продовольственных культур — батат, маниок и кукуруза — не нуждаются, в отличие от риса, в жарком солнце и обильной влаге.

Но забот у крестьянина не убавляется. Приметы нового сельскохозяйственного сезона — зимне-весеннего — уже налицо. Свободные поля готовят под новый урожай, а в специально выделенных чеках, в хорошо удобренной почве набирают силу посадки рисовой рассады. За ними — особый уход. Сельскому жителю хорошо известно, что от того, будет ли рассада сохранена от непогоды, холодов, вовремя ли изумрудные ростки вытянутся в стрелку, во многом зависит

будущий урожай — главный итог нелегкого крестьянского труда.

И в этот сугубо сельский вид, такой характерный для Вьетнама, настойчиво вплетается пейзаж индустриальный. Именно вплетается, ибо волны зеленого моря рисовых полей как бы накатываются со всех сторон на промышленные объекты. Число их растет. Только после 1975 г. вступило в строй свыше 300 крупных промышленных предприятий. И среди них такие мощные, как крупнейшая в стране ТЭС Фалай в провинции Хайхынг, которая дает солидную прибавку в общем балансе производимой в стране электроэнергии. Это и цементный комбинат Бимшон в провинции Тханьхоа. Это и сооружаемый на реке Да в провинции Хашонбинь самый большой в Юго-Восточной Азии гидроузел. Монолит его плотины — а ее увидишь издалека — буквально рассекает бурную, своенравную реку. Так закладывается в наши дни материально-техническая база экономики нового, социалистического Вьетнама.

Народ единого Вьетнама — боец и труженик — занят мирным созиданием, отдавая все силы, энергию, опыт делу построения на древней земле своей родины нового общества.

Священный дар победы

«Праздную мир, и душа переполнена счастьем.

Радость и воля! О трудностях что говорить!..» — эти строки Нгуен Чая — выдающегося полководца и поэта Вьетнама XV в. с полным основанием могут служить лейтмотивом того могучего прилива безмерной радости, которой был охвачен весь вьетнамский народ после освобождения в апреле 1975 г. Юга Вьетнама, когда в страну пришел долгожданный мир.

Те, кому довелось быть в Ханое 30 апреля 1975 г., надолго сохранили в памяти волнующие события того дня. В полдень, где-то часов в 12, город буквально содрогнулся от грохота взрывающихся петард: по радио только что передали экстренное сообщение об освобождении Сайгона. Море людей сразу же захлестнуло ханойские улицы; люди поздравляли друг друга, многие не могли сдержать слез радости. До позднего вечера ликовали в тот день жители Ханоя...

С освобождением Юга Вьетнама была завершена в основном национальная народно-демократическая революция в масштабах всей страны. Революционный процесс с захватом

власти в руки народа приобрел там отчетливую социалистическую направленность.

Одно из ярких впечатлений о Вьетнаме того периода — это празднование в 1975 г. в Ханое 30-й годовщины образования Демократической Республики Вьетнам.

В памяти сохранилась та неповторимая атмосфера всенародного подъема, охватившая ханойцев, как и все население страны, в канун юбилея республики. Столица, ее жители готовились торжественно отпраздновать свой национальный праздник. Люди были счастливы от одной мысли, что встречают его впервые за многие годы в условиях мира, когда матери и жены могли уже безбоязненно открывать почтовые ящики, зная, что не найдут в них более похоронок, когда их сыновья и мужья с победой вернулись с полей сражений к домашним очагам, когда каждый вьетнамец понимал, что начался новый отсчет времени и в его судьбе, и в судьбах всей страны. Поэтому-то, наверно, столь велик был эмоциональный накал этого праздника.

Помолодел украшенный кумачом древний Ханой — его жители постарались украсить каждую улицу, каждый дом своего родного города. Но главное — это, конечно, люди, их одухотворенные лица, которые как бы говорили: «Да, страшные испытания, через которые прошли все мы и каждый из нас, не были напрасными. В суровой схватке с врагом мы отстаивали свое национальное достоинство, право на мирную жизнь».

Накануне торжеств, 30 августа 1975 г., на ханойской площади Бадинь, где 30 лет тому назад Хо Ши Мин провозгласил независимость Вьетнама, состоялась церемония открытия Мавзолея вождя вьетнамской революции. Величественное здание из голубовато-серого мрамора придало площади строгий и торжественный вид. Участие в его строительстве принимал весь вьетнамский народ, все города и провинции страны. Они делегировали в Ханой самых умелых рабочих, направили ценные породы камня для облицовки Мавзолея, отобрали самые редкие и красивые цветы и деревья для устройства вокруг него мемориального парка.

День 2 сентября 1975 г. выдался на редкость солнечным и вместе с тем не жарким. С раннего утра десятки тысяч ханойцев устремились к площади Бадинь и прилегающим к ней проспектам, чтобы посмотреть военный парад и демонстрацию трудящихся. Это было действительно впечатляющее зрелище. Чеканя шаг, прошли перед трибуной Мавзолея Хо Ши Мина участники парада — пехотинцы. Строго сохраняя дистанцию, проследовали бронетранспортеры, танки, тягачи с

артиллерийскими орудиями, а за ними ракеты противоздушной обороны. В небе пронеслись быстрокрылые «МиГи». Военный парад завершился прохождением частей местной самообороны. Особенно колоритно смотрелись бойцы-ополченцы старшего поколения — в открытых грузовиках проехали, сжимая карабины в руках, почтенные седобородые старцы, как бы олицетворяя всенародный характер антиимпериалистической борьбы, в которой участвовал и стар и млад. В ярких национальных костюмах прошли перед трибунами Мавзолея представители всех национальных меньшинств страны. Состоялся парад физкультурников. А затем по площади широкой рекой разлилась красочная многотысячная демонстрация трудящихся столицы. Единство, мир, социализм — таковы были лозунги этого яркого праздника.

...Осенью 1975 г. мне выпала возможность совершить несколько поездок по северовьетнамским провинциям, побывать в порту Хайфон, в шахтерском краю Куангнинь, в провинции Тханьхоа, где разворачивалось строительство цементного завода Бимшон. Повсюду в трудовых коллективах — на промышленных предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах — царил дух оптимизма, приподнятости. Трудно было не заметить и тот огромный интерес, который проявляли северяне к тому, как идут дела на Юге страны после освобождения. Людей, прибывших из южных провинций, буквально засыпали самыми различными вопросами.

Внутриполитическая ситуация на Юге Вьетнама — а она приобрела в тот период характер острой классовой борьбы против явных и тайных врагов революции — была далеко не простой. Реакционные силы — остатки бывшей сайгонской армии и полиции, правых буржуазных партий, представители компрадорской буржуазии — всячески саботировали мероприятия правительства по наведению общественного порядка, нормализации политической и экономической обстановки на Юге как в городах, так и в сельской местности. Нескрываемую злобу вызвали у них такие шаги народной власти, как ликвидация частных банков, национализация имущества представителей сайгонской администрации и лиц, сотрудничавших с ней, конфискация собственности крупных компрадоров. Нельзя не учитывать и того, что до освобождения Южный Вьетнам находился в полной зависимости от мирового капиталистического хозяйства. Промышленность была ориентирована на использование импортного сырья из США, Японии и других стран. Частный сектор царил в розничной торговле в Сайгоне и других городах.

Огромная по сложности и масштабности работа на Юге

легла в тот период на плечи партийных организаций всех звеньев. Особое значение приобрели меры по укреплению органов новой власти. На них возлагались нелегкие задачи по обеспечению общественного порядка на местах, нормализации положения в разваленной в период правления проимпериалистического режима экономике Южного Вьетнама, улучшению жизни населения.

Сыграла свою роль и поддержка Севера. Десятки тысяч специалистов различного профиля — инженеры, техники, врачи, учителя, приехавшие на работу в южные провинции, помогли сдвинуть дело с мертвой точки во многих областях социально-экономической и культурной жизни.

Главное же, что определило развитие внутриполитической ситуации на Юге в благоприятном для революционных сил направлении, была широкая поддержка, сразу же оказанная трудящимися мероприятиям народной власти. Забота народно-революционных комитетов о нормализации жизни трудящихся, их борьба с антиобщественными элементами и спекуляцией, меры по налаживанию работы промышленных предприятий, по возрождению пришедшего в упадок сельского хозяйства — все это находило живой отклик у людей.

Процессы обновления, проходившие на Юге, получили широкую поддержку у всех друзей Вьетнама. Иной была реакция на них в стане недругов вьетнамской революции. Пропагандистские нападки на СРВ в буржуазной прессе в общем-то далеко не редкость. Но в тот период они отличались особой оголтелостью. Вот, к примеру, публикация французской газеты «Монд» от 5 октября 1978 г. В ней правительство Вьетнама без всяких на то оснований голословно обвинялось в том, что в стране содержатся в концлагерях чуть ли не 800 тыс. политзаключенных.

Делались такого рода заявления и в середине 80-х годов, причем на официальном уровне. Выступая 25 апреля 1985 г. перед сотрудниками госдепартамента США, его глава Дж. Шульц утверждал буквально следующее: «Завоевание Индокитая коммунистами подтвердило наихудшие прогнозы... Кровавопролитие и страдания, которые коммунистическое правление навлекло на Южный Вьетнам, Кампучию и Лаос, добавляют новую мрачную главу к истории страданий XX века».

Ради чего выбрасывались на пропагандистский рынок Запада все эти на скорую руку сфабрикованные фальшивки? Вот точка зрения известного вьетнамского публициста Нгуен Кхак Виена: «Причина озлобления против нашей страны стала понятна, когда в беседах со мной молодые французы,

итальянцы, шведы, африканцы говорили, что события во Вьетнаме помогли им в свое время встать в ряды борцов за свободу. Теперь же, в обстановке обострения идеологической борьбы на мировой арене, Вьетнам, отстоявший свою независимость и однозначно избравший путь социалистического развития, подает, как, видимо, кое-кто считает на Западе, «плохой» пример. Поэтому-то и вознамерились попытаться задуть социалистический Вьетнам в самой колыбели».

Разумеется, пока шла героическая война вьетнамского народа, в условиях повсеместных антивоенных выступлений журналисту на Западе, желающему прослыть человеком прогрессивных взглядов, было нелегко клеветать на Вьетнам. После победы революции буржуазные журналисты сочли возможным спекулировать на антикоммунизме и просто на неосведомленности массового читателя относительно истинного положения дел в этой стране. Мало что знали люди на Западе и о том, сколь тяжелое наследие оставили Вьетнаму господство колонизаторов и варварская агрессия США.

А наследие это было трагическим. После выдворения агрессора на Юге осталось 800 тыс. сирот, сотни тысяч наркоманов, проституток. Подавляющее большинство населения, особенно в деревнях, было неграмотно, никогда не знало медицинского обслуживания.

10 млн. жителей Юга из-за американских бомбардировок покинули свои родные места и подверглись насильственной «урбанизации». На протяжении многих лет большинство этих женщин и мужчин — в основном выходцев из села — не могли найти себе работу в городах и были вынуждены жить исключительно за счет американских подачек. Многие из них вообще утратили вкус к честному труду, перебиваясь подчас сомнительными заработками. В стране насчитывалось более миллиона инвалидов, ставших жертвами американских бомбардировок, 40% из них — женщины.

После капитуляции миллионной марионеточной армии большинство солдат и офицеров разбежались кто куда. Солдаты постепенно стали возвращаться в свои родные места, а кое-кто из высших офицеров продолжал скрываться от народной власти.

Наконец, на Юге Вьетнама после бесславного ухода США, развала сайгонского режима была оставлена густая сеть вражеской агентуры с целью инспирировать контрреволюционные выступления. А ведь были еще и остатки эксплуататорского класса — крупная торговая и промышленная буржуазия, помещики, кулаки, частные торговцы, которые враждебно отнеслись к установлению новой власти.

В какой бы провинции или уезде Южного Вьетнама ни пришлось побывать в те годы, всюду люди с болью в сердце говорили о тех страшных испытаниях, которые пришлось им пережить за годы империалистической агрессии. Член ЦК КПВ, секретарь партийного комитета провинции Куангнам-Дананг — Хоанг Минь Тханг, активный участник освободительной борьбы, бывший комиссар партизанских соединений в этом районе, рассказывал, какие страшные следы оставила агрессия США в провинции Куангнам-Дананг: более 30 тыс. т бомбового груза было сброшено на ее города и селения; свыше тысячи «стратегических деревень» построили здесь агрессоры и их марионетки с единственной целью — согнать в эти, по сути дела, концентрационные лагеря значительную часть сельского населения, дабы оградить его от влияния сил освобождения. Этих людей нужно было срочно переправить в родные места и не просто вернуть в их села, превращенные агрессором в пепелища, но и помочь людям на первых порах встать на ноги, отстроиться, приступить к нормальному труду. Хотя бы маломальскую материальную поддержку необходимо было оказать и 200 тыс. безработных, а также почти 100 тыс. солдат капитулировавшей под Данангом марионеточной армии, в основном простым деревенским парням, насильно завербованным в сайгонское войско.

Пришлось изыскивать возможности, чтобы прокормить многие тысячи людей в городах, трудоустроить их, открыть школы для детей и больницы для нуждавшихся в лечении, подыскать помещения и воспитателей для тысяч сирот. Крайне срочными были и проблемы налаживания городского хозяйства Дананга, ввода в строй его парализованных военной промышленными предприятиями и вместе с тем оказания помощи крестьянам, чтобы вернуть к жизни заброшенные поля, обезвредить на них тысячи неразорвавшихся мин и бомб. Иными словами, речь шла о множестве проблем, больших и малых, которые ежедневно вставали перед народной властью.

И все они легли на плечи коммунистов провинции, отряд которых был тогда отнюдь немногочисленным. К тому же многие из членов партии годами не расставались с оружием, слабо разбирались в тех сложных социальных и экономических проблемах, которые жизнь ставила перед ними. Но они не отступили перед трудностями, вступив в новый, не менее трудный бой — на сей раз на фронте мирного восстановления.

Сколько грязи, лжи, провокационных домыслов было вылито империалистической пропагандой на политику НФОЮВ и ВРП РЮВ на завершающем этапе освободительной борь-

бы, когда в Вашингтоне, казалось, осознали всю глубину краха своего курса в Индокитае! Население Южного Вьетнама ежедневно запугивали «кровавой баней», которая, мол, будет устроена сразу же после захвата власти силами революции.

Пропагандистская атака империализма с треском провалилась. После освобождения Юга мировая общественность с удовлетворением узнала, что вьетнамские патриоты неукоснительно следуют курсу на национальное примирение, провозглашенному ими еще в годы антиимпериалистической борьбы. Все низшие чины марионеточной армии, все второстепенные агенты полиции, не обогрившие руки кровью патриотов, наконец, все гражданские чиновники прежнего режима остались на свободе, вернулись к своим семьям.

Народная власть окружила атмосферой доверия тех технических специалистов, работавших ранее в зоне контроля сайгонского режима, которые, проявив патриотические чувства, остались в стране, чтобы предоставить свои знания в распоряжение народа.

И все же проблема нехватки квалифицированных кадров носила весьма острый характер. Это во многом объяснялось порочной политикой сайгонского режима в области высшего образования, тем, что приоритет отдавался изучению гуманитарных дисциплин в ущерб техническим. Так, в учебных заведениях города Хюэ из 25 тыс. студентов 20 тыс. изучали право и философию, тогда как технические специальности осваивали всего лишь 5 тыс. студентов.

Во время одной из поездок в Хошимин в 1976 г. мне предлагалась возможность посетить городской университет, встретиться с представителями профессорско-преподавательского состава. Все преподаватели, которые симпатизировали революции, продолжили свою работу в университете. Однако были и такие из числа реакционно настроенных профессоров, кто откровенно враждебно встретил революцию; они были отстранены от работы с молодежью.

В коллектив преподавателей влились специалисты, прибывшие с Севера — из Ханойского университета и Ханойского политехнического института. Они рассказали, как шаг за шагом, нередко в острой борьбе со старым, происходила в вузах Хошимина коренная перестройка всего учебного процесса. С удовлетворением отмечали, что у них сложились хорошие отношения со своими новыми коллегами и со студентами. С улыбкой говорили о том, что свои профессиональные обязанности им приходится зачастую совмещать с пропагандистско-агитационной работой — в студенческой среде еще

оставалось много молодых людей, имевших смутное представление о политике партии; были и такие, кто, наслушавшись антикоммунистической пропаганды, с недоверием относились к доводам северян. Фактором, в известной степени сближавшим точки зрения, стало понимание подавляющим большинством юношей и девушек необходимости получить в вузе прочные знания, чтобы внести достойный вклад в возрождение родины.

Повсеместно в обстановке всенародного подъема развернулась подготовка к проведению в масштабах всей страны выборов в единое Национальное собрание. В те весенние дни 1976 г. «лопнул» еще один миф буржуазной пропаганды: не «кровавую баню» обрели те вьетнамцы, кто еще недавно с оружием в руках выступал против патриотов, а гражданские права, возможность наравне с другими гражданами страны участвовать во всеобщих выборах.

В день выборов 25 апреля 1976 г. — это было воскресенье — я не усидел дома и направился на один из ханойских избирательных участков, разместившийся в детской музыкальной школе. Там меня приветливо встретили, усадили за бамбуковый стол, предложили чашечку зеленого чая. Члены избирательной комиссии рассказали, что основная часть избирателей их округа проголосовала еще рано утром и комиссия уже завершает подсчет результатов. В их словах проскальзывали нотки глубокого удовлетворения, когда они говорили, ссылаясь на сообщения радио, что подавляющая часть населения Юга приняла активное участие в голосовании и однозначно высказалась за государственное воссоединение родины.

Результаты выборов стали известны через день. Они не оставляли сомнений в единодушном выборе нации. В голосовании, в целом по стране, участвовало почти 99% избирателей. Успех выборов, особенно на Юге, где они впервые проходили в обстановке подлинной свободы и демократии, свидетельствовал о полной поддержке народом курса партии.

Государственное воссоединение страны на социалистической основе было законодательно закреплено на проходившей в Ханое с 25 июня по 3 июля 1976 г. первой сессии Национального собрания единого Вьетнама. 2 июля 1976 г. была провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам.

Вторая половина 1976 г. была этапом напряженной работы по подготовке к IV съезду КПВ. Славный путь прошла партия. К моменту ее создания в начале 1930 г. во Вьетнаме насчитывалось всего 211 коммунистов, а в середине 70-х годов в рядах КПВ было уже свыше 1,6 млн. членов.

После государственного воссоединения Вьетнама и провозглашения СРВ партия коммунистов, в рядах которой ныне 1,8 млн. членов, выступает как авангардная сила созидания нового общества в масштабах всей страны.

Нужно было дать научную оценку историческим изменениям в жизни страны после III съезда ПТВ, состоявшегося в 1960 г. И что еще важнее — избрать точный маршрут на будущее. Главная цель борьбы вьетнамских коммунистов — курс на построение социалистического общества на вьетнамской земле — была сформулирована в Программе партии, принятой еще в 1951 г. Однако важно было точно выверить стратегию и тактику перехода единого Вьетнама к социализму, конкретизировать приоритеты и методы борьбы на каждом этапе такого перехода. Сделать это с учетом трудной ситуации в стране, только что вышедшей из многолетней разрушительной войны, было отнюдь не просто.

Дискуссии велись тогда повсеместно. Помню, как во время бесед с вьетнамскими товарищами на первый план неизменно выдвигались различные аспекты — теоретические и практические, связанные с переходом экономически неразвитой страны к социализму, минуя — полностью или частично — стадию капиталистического развития. А именно к таким странам относился Вьетнам, народное хозяйство которого серьезно подорвала длительная империалистическая агрессия; материально-техническая база экономики слаба, а новые производственные отношения на Юге Вьетнама только начали закладываться, причем в условиях мелкого разрозненного производства; на Севере и Юге страны существовали различные социально-экономические структуры. Серьезным тормозом для продвижения вперед были психология, обычаи, привычки, сам образ мышления мелкого производителя, которые вступали в противоречие с линией на развитие крупного социалистического производства.

В этой связи интересно мнение одного из ветеранов вьетнамской революции, близкого соратника Хо Ши Мина — Чан Зуй Хынга, которое он высказал в одной из бесед со мной. Врач по образованию, Чан Зуй Хынг с юных лет избрал трудный путь профессионального революционера, принимал активное участие в Августовской революции. Его личный авторитет среди населения Ханоя, а с 1954 по 1977 г. он был бессменным мэром вьетнамской столицы, был огромен. Всегда подтянутый, Чан Зуй Хынг обладал редким даром увлечь за собой аудиторию, ему присущ искрометный юмор и вместе с тем умение доходчиво, ясно рассказать людям о вещах сложных, не всегда сразу понятных. В беседе Чан Зуй Хынг

говорил о том, что, сколь бы ни была велика радость победы, вьетнамскому народу не время расслабляться, предаваться своего рода эйфории. Ведь впереди труднейший период восстановления и мирного строительства. Очевидно, что переход Вьетнама к социализму будет сложным, длительным процессом революционного обновления, требующим колоссальных усилий коммунистов, всех трудящихся. Ведь одно дело — провозгласить социализм как цель, а другое — построить его. Для этого необходим соответствующий уровень производительных сил, общественного сознания. Партия вьетнамских коммунистов, подчеркивал Чан Зуи Хынг, реалистически оценивает стоящие перед страной проблемы, которые обязательно будут решены.

В декабрьские дни 1976 г. IV съезд КПВ наметил основополагающие ориентиры продвижения единого Вьетнама по пути социалистического переустройства. В его решениях сохранился вывод о том, что со времени победы в антиимпериалистической борьбе и достижения полного освобождения Вьетнама революция вступила в новый этап — этап независимости всей страны и ее единства. Переходный период, подчеркивалось на съезде, станет этапом острой и сложной классовой борьбы, цель которой — решить вопрос «кто — кого?». Одобренные IV съездом директивы второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СРВ на 1976—1980 гг. стали в полном смысле слова программой созидания нового общества в рамках всего Вьетнама.

Были приняты решения, касающиеся осуществления комплекса ответственных задач по переустройству социально-экономической и культурной жизни Юга. Это была сложнейшая по своим масштабам задача, без решения которой было немисливо продвигаться к объединению хозяйств Севера и Юга Вьетнама на основе крупного социалистического производства.

Преодолевая завалы прошлого

У вьетнамцев есть пословица: «Трудно вырастить даже маленький куст красного перца, но куда сложнее вырастить, воспитать человека». Об этой народной мудрости вспоминаешь всякий раз, когда задумываешься о том, с какими колоссальными по своей сложности проблемами социального и экономического характера столкнулись вьетнамские коммунисты, народ, реализуя решения IV съезда в Южном Вьетнаме. Миллионы согнанных в перенаселенные города

крестьян — и совсем рядом с городами пустующие, заброшенные поля. Десятки тысяч безработных квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников — и тут же останавливавшиеся одна за другой фабрики, целиком зависевшие от импортного сырья, запасы которого истощились. Острота проблемы занятости — только в Сайгоне к моменту освобождения из 4 млн. жителей более 1 млн. не имели никакой работы.

Перед КПВ, народной властью встали огромные по своей сложности проблемы формирования у людей нового мировоззрения. Ведь не секрет, что даже среди тех многих южно-вьетнамцев, кто протестовал против американского засилья, тех, кто с энтузиазмом приветствовал на улицах Сайгона в апреле 1975 г. бойцов Армии освобождения, имелось немало людей, сознание которых было отравлено антикоммунистической пропагандой, заражено духом индивидуализма и стремлением к наживе во что бы то ни стало, за чей угодно счет.

Наконец, имелись сотни тысяч людей, в основном из числа беженцев, которые годами, сидя без работы в городах, просто-напросто вошли во вкус ничегонеделания, вели нищенский образ жизни, радуясь любому случайному заработку.

Словом, в сложный, тугой узел сплелось немало социальных и экономических проблем. И разбить этот гордиев узел было трудным делом.

Кстати, на Западе предрекали тогда, что Южный Вьетнам стал, мол, «непосильной ношей», под тяжестью которой измотанный десятилетиями войны Северный Вьетнам чуть ли не рухнет, оказавшись не в силах решить проблемы Юга. И не только вели разнузданную антивьетнамскую пропаганду, предрекая крах сил революции, но там, где было можно, делали все, чтобы его приблизить.

Народная власть не отступила перед этими проблемами, мобилизовав все силы общества на их преодоление. КПВ, опираясь на Отечественный фронт Вьетнама, приступила на Юге к многоплановой работе по преобразованию экономики и общественной жизни. И сделано было очень многое, причем в кратчайшие сроки.

С учетом всей сложности и многогранности задач осуществления преобразований на Юге КПВ стремилась соразмерять последовательность и темпы их решения со своими реальными возможностями, опираясь в этом на поддержку большинства населения. Укрепление государственного сектора в промышленности и торговле Юга на первом этапе было достигнуто путем национализации предприятий, при-

надлежавших компрадорской буржуазии, предателям родины и крупным буржуа, бежавшим за границу. В последующее время немалое значение придавалось созданию смешанных государственно-капиталистических предприятий. Вместе с тем в ряде отраслей под контролем государства было сохранено частное предпринимательство.

Уже в сентябре 1975 г. на Юге открылись тысячи общеобразовательных школ, где детям простого люда предоставляли возможность учиться, которой ранее они были лишены. Мне не раз приходилось бывать в школах, дворцах пионеров в городах и провинциях Юга. Дети всегда есть дети. Но южновьетнамская ребятня сразу же поразила меня какой-то собранностью, сосредоточенностью, серьезным отношением к учебе, к делу, которым она занимается, уважительным отношением к преподавателям, к старшим. Эти дети рано стали взрослыми, познали много горя и бед в своей жизни. Освобождение в полном смысле слова возвратило им детство, и они беспрдельно дорожили этим достоинством.

На Юге Вьетнама были созданы десятки тысяч яслей, приютов, детских домов, пионерских лагерей для детей, потерявших родителей в годы агрессии США. Их вырвали из трясины сайгонского «дна», где деклассированные элементы калечили души детей — мальчиков и девочек, толкая на путь социального падения. Дети обрели радость детства, ясную перспективу в жизни, путь к знаниям, к тому, чтобы стать полезными и равноправными членами общества.

По всей стране создавались тысячи кооперативов кустарей для инвалидов, в которых этих людей возвратили к общественно полезному труду, где они перестали чувствовать себя никому не нужной обузой для общества, а активно участвуют в производственной и социальной жизни народа. Вот что рассказал в репортаже из Вьетнама в апреле 1985 г. корреспондент американской телекомпании Эй-би-си Р. Трелкелд о заботе пародной власти об инвалидах войны: «Эти люди обучаются несложному ремеслу в специальных мастерских. Это простая работа, однако она дает им возможность нормально существовать. Кроме того, у ветеранов войны есть особые привилегии в виде пенсий, медицинского обслуживания, помощи в предоставлении жилья, работы. Таким образом, правительство благодарит их за то, что они сделали для страны. Ничего такого нет у американских ветеранов... Мы можем только поучиться тому, как вьетнамское государство заботится о своих ветеранах».

На протяжении целого ряда лет мне многократно довелось бывать в Хошимине и многих южновьетнамских провин-

циях и это позволило как бы шаг за шагом проследить весь процесс глубоких коренных изменений в его развитии, происходивших на Юге после освобождения. Колоритен Хошимин, бывший Сайгон, — крупнейший по численности населения город СРВ. Имя выдающегося сына Вьетнама город получил в июле 1976 г. Хошимин — город с 3-миллионным населением, развитой промышленностью — возник в XVII в. на месте отдельных поселений.

В отличие от многих городов Юго-Восточной Азии в Хошимине в любое время года вечерами нет той влажной духоты, от которой иной раз, кажется, трудно найти спасение. Город хорошо продувается морскими ветрами, и чуть только спадет полуденный зной — тысячи горожан после окончания трудового дня устремляются на набережную реки Сайгон, чтобы отдохнуть, встретиться с друзьями, поделиться новостями, погулять с детьми.

Сегодняшний Хошимин, живущий полнокровной творческой жизнью, не имеет ничего общего с Сайгоном — столицей проамериканского неокOLONиалистского режима, с его извращенными нравами и бытом, пагубное воздействие на который оказал американский образ жизни¹. Навсегда ушел в прошлое Сайгон компрадоров, спекулянтов, жадной до развлечений американской солдатни. О нем ничто не напоминает сегодня.

Конечно, в городе и сегодня немало нерешенных проблем. Не все население Хошимина пока трудоустроено. Многие из тех, кто во времена агрессии приехал в город из деревни, любыми правдами и неправдами уклонялись от выезда в сельские районы, скитались где попало, пробиваясь случайными заработками. Остро стоят проблемы общественного транспорта, благоустройства города, решения ряда запущенных проблем городского хозяйства. Задачи эти отнюдь не простые — ведь в годы правления марионеточного режима город

¹ Вот что писал о центральных улицах Сайгона конца 1968 г. сотрудник ЦРУ Р. Макгихи: «Улицы были набиты американскими и вьетнамскими солдатами. Все смешалось в лихорадочной гонке. Воздух, казалось, был насыщен не только выхлопными газами автомашин, но и какой-то взаимной ненавистью людей. На улице Тызо было полно баров, финских бань с элегантными и опытными массажистками, готовыми выполнить любое желание гостя, лавочек с массой безделушек. Все эти заведения обслуживали исключительно американских солдат. В барах на открытых верандах терпеливо сидели усталые девушки, приглашая прохожих отведать «счастья». Толпились нищие. Молодой вьетнамец спекулировал валютой. Другой открыто торговал наркотиками. Из баров вырывались оглушительные звуки рок-н-ролла. Усиливая уличный шум, они давили на психику людей... Не город, а Содом и Гоморра».

сильно разросся, в основном за счет беженцев из сел, искавших здесь спасение от американских бомбардировок. Прибывшие мало-помалу устраивались, сооружали углые домишки на манер «бидонвиллей»; вырастали целые улицы, причем все это происходило хаотично, стихийно, без соблюдения элементарных принципов градостроительства, без всякого учета технических, санитарно-гигиенических, а тем более архитектурно-художественных норм. И как итог — целые кварталы и особенно предместья выглядят довольно серо, уныло, неблагоустроены, переуплотнены. Сильно загрязнена в городе окружающая среда: в нем мало зелени, почти нет парков. Когда едешь по улицам Хошимина в час пик, то видно, что над центральными магистралями буквально висит серое облако смога, образованного влажностью и выхлопными газами машин. После освобождения озеленению города придается большое внимание. Но пройдет, видимо, еще немало времени, когда Хошимин будет также утопать в зелени, как Ханой, Хайфон, другие вьетнамские города.

Со смотровой площадки на верхнем этаже гостиницы «Кью Лонг» («Меконг»), известной до освобождения как отель «Мажестик», открывается впечатляющая панорама. Красив вид на реку Сайгон, плавно несущую свои воды к Южно-Китайскому морю. На противоположной стороне реки, вплоть до линии горизонта, хорошо просматриваются банановые и пальмовые плантации, рисовые поля.

В нескольких километрах от гостиницы «Кью Лонг» расположены причалы и доки Хошиминского порта. Здесь швартуются морские сухогрузы, танкеры, пассажирские суда. Многие из них прибыли сюда из нашей страны. Жители Хошимина помнят, как после освобождения Сайгона в этот порт в середине мая 1975 г. пришли советские суда с грузом помощи на борту.

Исключительно важна роль Хошимина в хозяйственной жизни всего Южного Вьетнама, особенно рисопроизводящей дельты Меконга. Ведь в Хошимине, по существу, сходятся все транспортные артерии этой части страны: по дорогам и судоходным каналам сюда стекаются рис на городские рисоушки, скот на бойни, каучук и фрукты на перерабатывающие предприятия города. В Хошимине до сего времени действует около 160 рынков — больших и малых, ежегодный оборот которых превышает 30 млрд. донгов.

Каждого, кто побывал в Хошимине после освобождения, поражало невероятное скопление на центральных проспектах и улицах города тысяч и тысяч лавочников, тут же, на тротуарах, разложивших для продажи товар. И чем ближе к

центральному сайгонскому рынку Бентхань, тем труднее было протиснуться через толпы мелких торговцев, которые, казалось, проводили на улице рядом с лотком всю свою жизнь: тут же, на тротуаре, завтракали и обедали, нянчили детей. Торговали чем только возможно — в основном старым ширпотребом, видимо, припрятанным с прежних времен.

В условиях, когда государственная торговля на Юге делала лишь первые шаги и в ней не хватало порой многих товаров, частный сектор в розничной торговле обрел довольно сильные экономические позиции.

Преобразование этой массы мелких торговцев и ремесленников — процесс крайне сложный, требующий огромных усилий государственных органов, общественных организаций. Перегнуть палку — дело нехитрое, но следствием таких действий могли стать снижение производства в кустарных мастерских, на частных предприятиях, дестабилизация рынка, что в конечном счете ударило бы по интересам широких слоев населения.

Конечно, позитивное воздействие на процесс преобразований на Юге оказывало наличие укрепившихся социалистических производственных отношений в северной части Вьетнама. Большое значение имела и возможность использовать опыт, накопленный в деле преобразования промышленности и торговли на Севере в 50-х годах. Однако, к сожалению, этот опыт на Юге первое время использовался подчас механически: не всегда учитывалось, что расстановка классовых сил в экономике Юга отличалась от периода 20-летней давности, когда осуществлялись преобразования в ДРВ.

Острый характер приобрело проведение в Хошимине мероприятий по преобразованию частного сектора в торговле. Хотя уже в 1977 г. позиции компрадорской буржуазии были фактически сведены на нет, крупная и средняя торговая буржуазия, а также различного рода спекулянты и перекупщики продовольствия и дефицитных товаров широкого потребления продолжали оказывать негативное воздействие на ценообразование и рынок. Следствием этого явилось образование «ножниц» в ценах на различные товары, что било по карману трудящихся слоев населения, прежде всего рабочих, государственных служащих, военнослужащих, то есть тех, кто живет на фиксированную заработную плату.

Во время моих поездок в Хошимин местные товарищи рассказывали, что единственной реальной альтернативой попыткам частника «монополизировать» рынок могли быть энергичные усилия с целью укрепления системы государст-

венной торговли. В этом плане сделано многое. Особенно важна была деятельность государственной системы распределения по устойчивым, стабильным ценам, благодаря которой трудящиеся предприятий государственного сектора могли приобретать некоторое количество продовольствия и товаров широкого потребления по низким ценам.

Принятые в 80-е годы меры по ускорению перестройки частного сектора в производстве, в сфере распределения и обращения в целом позитивно сказались на положении дел в Хошимине. В 1985 г. государственные торговые организации контролировали распределение 90% риса и мяса, потребляемого населением этого города.

Однако сфера распределения по-прежнему остается одним из направлений классовой борьбы на Юге Вьетнама. Частник во что бы то ни стало пытается удержать свои экономические позиции и в этих целях использует любые недоработки или просчеты народной власти. События 1985 г., когда государственными органами были допущены отдельные ошибки в ходе проведения денежной реформы, в этом смысле показательны.

Остро поднимался этот вопрос на состоявшемся в марте 1986 г. внеочередном пленуме Хошиминского горкома КПВ. Его участники отмечали, что известная поспешность в проведении денежной реформы и ее недостаточная подготовленность нанесли удар по интересам широких слоев населения. Слишком высокие цены на товары первой необходимости и промышленные товары и все еще низкие цены на рис, мясо, рыбу, овощи, закупаемые государством у кооперативов и крестьян, привели к тому, что крестьяне нередко охотнее продают свою продукцию частнику, ибо получают от него больше. В итоге «черный рынок» процветает, продовольствия на нем в избытке, а цены вдвое выше, чем в государственных магазинах, которые нередко пусты. Имели место и такие случаи, когда торговцы и спекулянты скупали товары в госторговле, тем самым искусственно подталкивая рост цен на свободном рынке. Все это приводило к сохранению трудностей в жизни рабочих и служащих.

Такое положение, подчеркивалось на пленуме, более не может продолжаться, поскольку оно наносит ущерб союзу рабочего класса и крестьянства. Увеличение производства товаров первой необходимости, накопление товарной массы в государственной торговле, решительная борьба со спекулянтами, стабилизация цен — вот главные пути выхода из создавшегося положения.

Стать хозяином рынка и цен — такова задача, которую решают сегодня государственные торговые организации СРВ.

И вместе с тем в обстановке, когда частный сектор ежедневно «бросает вызов» государственной экономической структуре страны, важно найти оптимальные способы, как перевести эту пока еще немалую экономическую силу с одной стороны баррикад на другую, иными словами, заставить ее служить народным интересам. В этом в немалой степени и заключается смысл той большой работы, осуществляемой в СРВ на нынешнем начальном этапе переходного периода к социализму, которая называется перестройкой всего уклада экономической и общественной жизни. Без последовательного осуществления этих преобразований немислимо стабилизировать рынок, производство, жизнь населения, обеспечить внутренние накопления для постепенного проведения социалистической индустриализации.

Остро стоял в городах, особенно в Хошимине, и вопрос занятости трудоспособного населения. Народная власть предприняла срочные меры с целью ликвидации безработицы. В качестве действенной меры решения проблемы занятости в перенаселенных городах рассматривалось осуществление программы создания новых экономических районов. Речь шла о крупном комплексе мероприятий по перемещению части населения на заброшенные в годы войны, малоосвоенные и целинные земли. На первых порах государство предоставляло выезжавшим существенную материальную помощь, освобождало от выплаты налогов.

Поразительные повороты в судьбах людей происходили подчас на Юге Вьетнама в тот период. Случалось так, что лагерь для заключенных превращался в новый экономический район, способный не только прокормить живущих в нем людей, но и продавать излишки сельскохозяйственной продукции государству. Наглядный тому пример — лагерь для заключенных, расположенный на берегу реки Сайгон в уезде Зюенхай, что близ Хошимина. Он был создан в 1978 г. и предназначался для лиц, приговоренных народным судом за различные правонарушения к лишению свободы сроком менее года. Были среди них в основном воры, хулиганы, женщины легкого поведения. Наказывая этих людей, народная власть стремилась прежде всего вернуть их к общественно полезной жизни, не дать погибнуть нравственно.

Заключенным выделили массив земли, предоставили орудия труда, семена и сказали: «Работайте». И люди сначала нехотя, а потом все энергичнее взялись за дело. Подняли землю, высадили семена, а потом собрали первый урожай. Все это давалось просто — ведь были среди заключен-

ных и такие, кто не хотел палец о палец ударить, мечтая только об одном: дождаться, когда подойдет конец срока, и взяты за старое. Были и такие, кто, наслушавшись империалистической пропаганды, решился бежать за границу.

Но время шло, и как-то само собой получилось, что люди постепенно притерлись друг к другу. В итоге — после окончания сроков заключения большинство из них решили не покидать землю, которую начали обживать, с которой захотели связать свое будущее. Бывший лагерь получил новое название «Промышленно-аграрная школа XI округа». Организовали производственную артель, открыли курсы по ликвидации неграмотности.

Люди обрели новую, лучшую судьбу, изменилось их отношение и к окружающей общественной жизни, да и к самим себе. Вот тому пример, факт, казалось бы, парадоксальный, но действительный: когда в районе Зюенхай объявились вооруженные хулиганы, мужчины из артели, сами бывшие некогда налетчиками, быстро утихомирили бандитов, не дожидаясь подхода народной полиции.

Государство мобилизовало силы, чтобы излечить больных женщин Сайгона, Дананга и других городов, превратить их из человеческого «хлама», которым они были для «скупавших» американских вояк, в полноценных людей со здоровой, неуцемленной психикой, участвующих в общественно полезном труде. В 1976—1978 гг. мне доводилось бывать в кустарных кооперативах в Хошимине, организованных для бывших «женщин с панели», беседовать с ними. Это были люди, с оптимизмом смотревшие в завтрашний день.

Представлялась возможность также посетить в Хошимине и центр по лечению наркоманов. И в этом чрезвычайно сложном деле вьетнамским медикам удалось добиться немало. Медицинское лечение в сочетании со здоровым образом жизни, регулярными занятиями спортом, активной трудовой деятельностью преобразило тысячи и тысячи этих юношей и девушек и физически и нравственно.

Нередко узнаешь из прессы о появлении на Западе очередных воинствующих «борцов» за «права человека» во Вьетнаме. И поневоле задаешься вопросом: что это? Элементарное невежество? Или возведенные в высшую степень лицемерие и политическая беспринципность? Или оголтелый антикоммунизм, когда отказываются различать, где белое, а где черное? Видимо, и то, и другое, и третье, вместе взятое. Однако никаким прожженным политикам не дано перчеркнуть огромных реальных достижений нового строя во

Вьетнаме. А достижения эти убедительно свидетельствуют, что у социалистического государства нет выше цели, чем забота о благе его граждан.

Далеко не простым оказался процесс перестройки на новой основе жизни южновьетнамской деревни. Первые же мероприятия народной власти в рисопроизводящих провинциях дельты реки Меконг натолкнулись на яростное сопротивление крупных землевладельцев и кулацких элементов, которые до революции нещадно эксплуатировали безземельных и малоземельных крестьян.

Меконг — главная водная артерия Индокитайского полуострова. «Отцом рек» называют Меконг лаосцы и кхмеры. С верховьев несет река густые, окрашенные в желтый цвет воды, чтобы щедро напоить и удобрить землю на полях. Меконг — оживленная транспортная артерия, он судоходен на 700 км, а в половодье — на 1600 км, вплоть до Вьентьяна, столицы Лаоса. По всей его многокилометровой глади вверх и вниз плывут теплоходы, снуют джонки, груженные бамбуком, стволами красного дерева, мешками с рисом, корзинами с овощами и фруктами.

Меконг — кормилец. Он орошает рисовые поля, воды его богаты рыбой, которая наряду с рисом и овощами — основной пищевой продукт населения прибрежных районов.

Район дельты Меконга представляет собой плоскую, изрезанную сотнями рек и каналов — больших и малых — равнину. Меконг (по-вьетнамски Кыулонг) в переводе означает «девять драконов». Это образное название связано с тем, что сама дельта Меконга образуется из девяти полноводных рукавов, которые несут свои насыщенные илом воды в Южно-Китайское море. Мостов между берегами — а в сезон дождей ширина рукавов превышает сто метров — нет. Поэтому, для того чтобы перебраться с одного берега на другой, используются в основном паромные переправы. Не раз приходилось мне пользоваться паромной переправой через самый широкий рукав дельты Меконга — Хаузянг близ провинциального центра Кантхо. Этот довольно крупный живописный город южане называют «столицей дельты».

Около переправы через Хаузянг — шумный, многолюдный рынок. Цены на нем ниже, чем в Хошимине. Поэтому те, кто направляется в Хошимин, спешат здесь сделать необходимые покупки. Рынок изобилует самыми различными дарами земли и реки. Здесь и корзины с белым, как жемчуг, рисом, разнообразные тропические фрукты, от душистых бананов до плодов дынного дерева — папайи и сахарных ананасов, всевозможные виды речной рыбы, раки, креветки. Богат и

щедр этот край, огромны его потенциальные возможности, здесь живут трудолюбивые люди.

По площади дельта Меконга в четыре раза превышает дельту реки Красной — главную житницу Северного Вьетнама, а плотность населения здесь втрое ниже. На этот район, где, пожалуй, самые благоприятные в стране для сельскохозяйственного производства климатические условия и режим рек, приходится до половины сбора риса в целом по Вьетнаму. С учетом этого вопросу переустройства сельского хозяйства Юга отдавалось приоритетное место в комплексе проводившихся там преобразований. И здесь народная власть смогла сделать многое для улучшения положения трудящихся. Сразу же после освобождения крестьяне вступили во владение землями, брошенными феодално-помещичьей верхушкой. Было освоено более 500 тыс. га заброшенных и целинных земель.

На Юге развернулась энергичная работа по вовлечению крестьян в различные формы коллективного труда — бригады трудовой взаимопомощи и производственные артели. Народная власть призвала строго соблюдать в процессе кооперирования принципы постепенности, добровольности, перехода от низших форм к высшим; обеспечивалась соответствующая помощь крестьянам, вставшим на путь коллективного труда, со стороны государства.

Процесс этот в масштабах южных провинций происходил неравномерно. В районах Центрального Вьетнама и в западных провинциях Юга, то есть там, где в годы освободительной борьбы располагались районы контроля НФОЮВ, кооперирование было в основном завершено еще в 1977 — 1978 гг. Сложности в деле вовлечения крестьян в коллективные формы труда возникли в основном в рисопроизводящих районах дельты реки Меконг. На то было немало причин социально-экономического, исторического и даже психологического характера. Нельзя не учитывать, что если на Севере Вьетнама ко времени начала кооперирования в середине 50-х годов основной фигурой на селе был безземельный или малоземельный крестьянин, из года в год едва сводивший концы с концами, то на Юге, особенно в провинциях Меконга, где при марионеточном режиме, в частности в 60-е годы, получило развитие товарное хозяйство и в деревне стали развиваться капиталистические отношения, главным действующим лицом стали середняки с глубоко укоренившейся частнособственнической психологией.

Разумеется, было бы неверно идеализировать жизнь середняка при правлении марионеточного режима, проводив-

шего реакционную аграрную политику, приведшую, в частности, к тому, что Южный Вьетнам, бывший некогда крупным экспортером риса, стал ежегодно ввозить до миллиона тонн зерна. И тем не менее, обладая наделом земли иной раз площадью до одного и более гектаров, крестьянин-середняк упорно цеплялся за свое поле, трудился на нем с утра до ночи, а после сбора урожая, даже принимая в расчет, что его без зазрения совести обманывали приезжавшие из Сайгона спекулянты-перекупщики, в общем-то особо не бедствовал. Крестьянина-середняка нельзя причислить к эксплуататорам чужого труда, хотя бывало, что он в страду нанимал безземельных крестьян. Более того, в годы освободительной борьбы многие середняки симпатизировали Национальному фронту освобождения, а некоторые имели и заслуги перед революцией.

И все же убедить их отдать в общий кооперативный «котел» все, с таким трудом нажитое, было отнюдь не просто. Помню, как в беседах руководители Народного комитета Хошимина с нескрываемой горечью говорили о том, что подстрекаемые помещиками и кулаками некоторые середняки пытались срывать мероприятия народной власти, уклонялись от выплаты налогов, прятали часть урожая. Бывало и так, что собранный с таким трудом рис крестьяне, опасаясь некой «экспроприации», за бесценок сбывали спекулянтам-самогонщикам, а те превращали его в сивуху, чтобы затем из-под полы продавать на «черном рынке». И это в то время, когда многие жители Хошимина были вынуждены обходиться минимальным продовольственным пайком.

Действительно, события революционной освободительной борьбы, как и начавшийся на Юге после освобождения процесс коренной перестройки всего уклада жизни, поставили перед южно-вьетнамским крестьянством немало сложных проблем, и прежде всего проблему выбора дальнейшего пути. Не раз мне приходилось слышать о том, как, говоря о крестьянах Юга, об их раздумьях, сомнениях, а порой и метаниях, вьетнамские товарищи проводили аналогию с судьбами литературных героев шолоховских «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Все это в общей сложности и объясняет, почему столь нелегко, порой болезненно давались на Юге первые шаги по возрождению производительных сил на селе. Сыграли негативную роль и допущенные кое-где ошибки, в том числе проявления поспешности в проведении кооперирования, нарушения в ряде районов принципов добровольности. Допускались эти ошибки отдельными руководителями на местах

конечно же неумышленно, ведь они стремились как можно быстрее помочь крестьянству добиться улучшения условий жизни и труда, утвердить в деревне идеалы справедливости. А «эффект» от их волюнтаристских действий оказался совсем иным. Так, в некоторых уездах на Юге еще в 1978 г. объявили о «сплошной кооперации». Сделано это было явно преждевременно: многие кооперативы были созданы без должной подготовки, прежде всего материальной. В итоге первый же урожай в ряде только что образованных кооперативов оказался неудачным. У многих кооператоров опустились руки. Наспех организованные кооперативы стали разваливаться. Под воздействием пропаганды бывших помещиков, враждебно настроенных к народной власти торговцев часть крестьян, опасаясь «насильственного обобществления», стала забивать крупный рогатый скот на мясо. Возникла угроза сокращения поголовья буйволов и быков — главной трудовой силы в деревне, которая создается годами.

Критически, по-партийному оценивая ход преобразований на Юге, вьетнамские руководители отмечали, что допущенные в процессе социально-экономической перестройки просчеты нанесли немалый ущерб развитию производительных сил и общественной психологии. Сами методы осуществления преобразований иной раз грешили формализмом. Некоторые ответственные работники на местах, увлекшись чисто административной стороной дела, забыли о главном — об укреплении материально-технической базы кооперирования. Далеко не всегда должным образом вникали в специфику конкретных условий, порой действовали начетнически, за административным аспектом не видели основного критерия — социально-экономической эффективности проводимой перестройки.

И все же, несмотря на все недоработки и трудности как объективного, так и субъективного характера, процесс вовлечения крестьянства Юга, в том числе в дельте Меконга, в коллективные формы труда шаг за шагом набирал силу. В результате усилий народной власти к концу 1980 г. низшими формами коллективного ведения хозяйства было охвачено более трети крестьянских хозяйств, то есть более 1 млн. дворов. С каждым годом все полнее становилась «рисовая корзина» Юга.

Во время первого же посещения Юга меня поразила ужасающая нищета крестьян в пригородах Сайгона. Многочисленные — по 8—10 человек — семьи ютились в жалких, обшарпанных халупах, наспех сколоченных из ящиков из-под снарядов. Это разорение деревни было особенно разительным

на фоне безбедного житья частных торговцев в городе, наживавших состояния на спекуляции плодами крестьянского труда.

На моих глазах из года в год менялся к лучшему аграрный пейзаж в окрестностях Хошимина. В 1976 г. это были еще в основном мертвые заброшенные поля, с тысячами воронок от бомб. А весной 1977 г. на них уже зеленели молодые всходы батата и кукурузы. К 1978 г. Хошимин окружал в полном смысле слова «зеленый пояс», который снабжал огромный 3-миллионный город продуктами питания. Труженики созданных здесь кооперативов, госхозов и новых экономических районов преобразили ландшафт края.

В те годы мне довелось бывать в госхозе «Ле Минь Суан» в окрестностях Хошимина. Деятельность госхоза — еще один пример того, в каких непростых условиях проходило переустройство аграрного сектора на Юге.

Первые переселенцы из Хошимина прибыли в «Ле Минь Суан» в сентябре 1975 г. Трудностей было невпроворот. Ведь многие переселенцы имели лишь отдаленное представление о крестьянском труде. Да и социальную принадлежность их определить было довольно трудно: имелись среди них и разорившиеся мелкие торговцы, и бывшие солдаты марионеточной армии, и рикши, и бывшие женщины легкого поведения, решившие порвать с прошлым, и просто бездомные бродяги, которых жестокая реальность жизни при марионеточном режиме сбросила на самый низ социальной лестницы.

Приехали все они практически на пустое место — здешние земли из-за американских бомбардировок были заброшены и постепенно захирели, жилья почти не было. Поэтому начинать пришлось с нуля: построили сначала дома, потом стали создавать ирригационные сооружения, размечать поля.

Государство оказало посильную помощь госхозу: предоставило стройматериалы, в течение двух лет выдавало денежное пособие и гарантированный минимум продуктов питания. На государственные средства в госхозе построили школу и больницу.

К 1977 г. создание ирригационных сооружений и планирование полей было завершено. Агрономы посоветовали выращивать в госхозе ананасы. Дело в том, что почвы здесь кислые, а раз так, то о том, чтобы выращивать рис, не могло быть и речи. Многие сомневались в правильности такой специализации госхоза, а местные старики вообще говорили: «Если соберете хоть один урожай, то мы сбреем бороды». Бород они, конечно, не сбрили, но первый же урожай в

1978 г. — 2 тыс. т ананасов — всех порадовал, тем более что консервные фабрики в Хошимине стали охотно закупать продукцию госхоза.

В течение трех лет госхоз расплатился с долгами государству, а начиная с 1981 г. начал получать чистую прибыль. Да и жизнь людей в госхозе, а их там в начале 80-х годов насчитывалось уже более 10 тыс. человек, стала совсем иной — более обеспеченной материально, богаче духовно. А главное — люди нашли свое место в новой жизни, приросли к земле, пустили в ней корни.

Разговор о сельском хозяйстве Юга Вьетнама, думается, будет неполным, если не сказать о том внимании, которое уделяется сегодня производству технических культур, и прежде всего каучуконосных. Первые семена бразильской гевеи были завезены в Индокитай в 90-х годах прошлого столетия. И с тех пор каучуководство получило быстрое развитие, став одной из «золотоносных жил» французского колониализма в Индокитае. К августу 1945 г. на Юге Вьетнама общая площадь каучуковых плантаций составила свыше 100 тыс. га, а гевея занимала первое место среди технических культур, далеко обогнав чайные и кофейные плантации. При сайгонском режиме эта отрасль переживала затяжной спад. В конце 1974 г. на Юге имелось немногим более 80 тыс. га каучуковых плантаций при годовом сборе латекса 20,8 тыс. т.

После освобождения Южного Вьетнама в наследство новой власти перешло около 143 тыс. гектаров, засаженных гевеей, однако свыше $\frac{2}{3}$ этих площадей были фактически полностью непригодны к эксплуатации. Необходимо было освоить новые площади под каучуконосами, засадить их, внедрить современные методы хозяйствования. В этом сложном деле Вьетнам опирается на сотрудничество с социалистическими странами. В начале 1986 г. на Юге Вьетнама имелось 13 компаний, 112 госхозов, 49 предприятий по первичной переработке каучука. В течение первой половины 80-х годов гевеей было засажено 150 тыс. га, то есть такая площадь, какую французские колонизаторы смогли освоить за полвека.

Одно из передовых каучуководческих хозяйств — госхоз «Доан Ван Тиен» в провинции Шонгбе. В нем работает более 500 рабочих, прибывших сюда в 1983 г. из Хошимина, провинций Тханьхоа и Биньчитхиен. Добровольцы приехали практически на пустое место, разбили палатки, постепенно наладили быт, освоили доставленную советскую технику, а затем приступили к подготовке плантаций под посадки гевеи. Прошло два года, и на месте искореженного американскими бомбардировками леса и пустоши зазеленели деревца гевеи.

А ведь каждое такое дерево (после переработки собранного латекса) способно дать от 3 до 7 кг каучука в год.

Директор госхоза Нгуен Ван Туан — подлинный энтузиаст своего дела, 49 лет работал он на принадлежавшей французам каучуковой плантации «Мишлен», где начинал простым рабочим. Ему известны все тонкости выращивания гевеи. Особое внимание уделяет Нгуен Ван Туан проблеме гибридизации, усматривая в ней залог успеха всей работы. Создание при госхозе питомника позволяло не только себя обеспечить отборными саженцами для посадки гевеи, но и оказать помощь близлежащим государственным хозяйствам.

У госхоза «Доан Ван Тиен» отличная перспектива. В соответствии с имеющейся программой ему поручено в предстоящие годы подвигать целину и заново засадить саженцами гевеи плантации площадью 6 тыс. га.

Развитие каучукового хозяйства — перспективное направление советско-вьетнамского сотрудничества. В феврале 1986 г. были подведены итоги завершения первого этапа работ, предусмотренных соглашением между СССР и СРВ в области развития каучукового хозяйства Вьетнама, — каучуконосная гевея была высажена на площади более 50 тыс. га. В соответствии с вьетнамо-болгарским соглашением в этой области к середине 80-х годов плантации гевеи были разбиты на площади свыше 10 тыс. га. Согласно намеченным планам, в будущем площади каучуковых плантаций будут доведены до 600 тыс. га, что позволит получать на них до миллиона тонн латекса. Каучук станет в перспективе важной статьей вьетнамского экспорта.

Ликвидация в основном классовой эксплуатации, уничтожение последствий неокOLONIALИЗМА, начало формирования новых, социалистических производственных отношений — таковы главные итоги осуществления социалистических преобразований на Юге. И их значение трудно переоценить.

Щедрая на солнце тропическая природа Вьетнама позволяет, по существу, круглый год выращивать столь необходимые для страны продовольственные культуры, ценные технические культуры, овощи, фрукты. Однако страна испытывает острую нехватку пригодных для обработки земель. Проблема рационального использования земельного фонда приобрела для Вьетнама существенное значение. Экономисты СРВ приводят такие данные: если по численности населения (60 млн. человек) Вьетнам входит в число наиболее населенных стран мира, то по площади территории страна занимает лишь 58-е место. По уровню обеспеченности земель (0,5 га на человека) СРВ стоит на 159-м месте в мире. В этих условиях требуются

активные мероприятия в деле освоения целинных земель, интенсификации сельскохозяйственного производства.

Между тем в данной области имеется еще немало резервов. Из 33 млн. га земель, пригодных для хозяйственного использования, в СРВ в настоящее время отведено под сельское хозяйство около 7 млн. га, лесное хозяйство — 11,8 млн. га, другие отрасли — 1,4 млн. га, то есть до 13 млн. га остаются вне хозяйственного оборота.

В определенных IV съездом КПВ основных задачах второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СРВ на 1976—1980 гг. главный акцент был сделан на подъеме сельскохозяйственного производства. При этом в центре внимания находился вопрос о решении продовольственной проблемы, ибо после воссоединения она приобрела особую остроту. Так, во второй половине 70-х годов на душу населения производилось примерно 250 кг продовольствия в год, в то время как для обеспечения первоочередных нужд необходимо было иметь хотя бы 300 кг.

На Севере страны сельское хозяйство, существенно пострадавшее от войны, продолжало во второй половине 70-х годов развиваться по пути переустройства на социалистических началах. Однако ущерб сельскому хозяйству Севера, нанесенный империалистической агрессией, проявился как в некотором снижении производства продукции, что в условиях роста населения привело к обострению продовольственной проблемы, так и в ослаблении материально-технической базы.

Особую тревогу вызвало снижение материальной заинтересованности крестьян в ведении общественного производства. Причины этого следовало искать в просчетах политики закупок и закупочных цен, неравномерном распределении, отдельных нарушениях прав кооперативов и крестьян, в отсутствии сочетания государственных, коллективных и личных интересов, что в конечном итоге не стимулировало крестьянство активно работать в кооперативном секторе.

По-партийному остро ставя вопрос об имевшихся в сельском хозяйстве трудностях, вьетнамские специалисты отнюдь не сгущают краски. Еще в середине 70-х годов они зафиксировали наметившиеся тревожные симптомы свертывания производства в народном хозяйстве. В некоторых кооперативах, на отдельных промышленных предприятиях в северной части страны кое-кто стал работать спустя рукава. Упала трудовая дисциплина, участились случаи хищения общественного имущества. Некоторые крестьяне заявили о выходе из кооперативов. Такого положения раньше на Севере Вьетнама никогда не бывало, даже в напряженном 1972 г., когда бомбар-

дировщики В-52 сбрасывали на землю бесчисленные тонны бомбового груза.

Социологи СРВ отмечали, что отдельные отрицательные моменты стали проявляться сразу же после освобождения Южного Вьетнама. Вставал вопрос: может быть, у людей сдали нервы после долгих лет нечеловеческого напряжения в борьбе и труде во имя долгожданной победы? Руководство страны внимательно изучило этот вопрос и пришло к выводу — корень зла отнюдь не в этом. Напротив, победа стала фактором огромного воодушевления для всего народа.

Оценивая процессы, происходившие в народном хозяйстве страны во второй половине 70-х годов, вьетнамские руководители выделяли как объективные, так и субъективные причины имевшихся трудностей. К первым следует отнести прежде всего последствия империалистической агрессии США, господства неокOLONиализма на Юге, стихийные бедствия, обрушившиеся на страну, особенно в 1978 г. Крайне важным было и то обстоятельство, что вследствие непрекращающегося вмешательства империалистических сил Вьетнаму пришлось отрывать из сферы экономики значительные ресурсы, как материальные, так и людские, в целях укрепления своей обороноспособности.

И вместе с тем со всей прямотой было сказано о факторах субъективного порядка, связанных главным образом с недостатками в управлении экономикой и обществом.

И как следствие этого в годы второй пятилетки (1976—1980 гг.) не удалось существенно уменьшить диспропорции в народном хозяйстве. Так, рост населения превышал темпы роста производства, не были созданы внутренние источники накопления. Наблюдалась острая нехватка продовольствия, тканей, других товаров широкого потребления. Уровень жизни трудящихся, особенно рабочих и служащих, занятых в государственном секторе, оставался низким.

Проявив высокое чувство долга, ответственности, реализма, вьетнамские коммунисты сумели своевременно вскрыть негативные моменты, перестроиться и максимально сократить возможный ущерб для страны. Во многом благодаря этому, несмотря на трудности, во второй половине 70-х годов удалось решить крупный комплекс проблем социально-экономического развития, намеченных IV съездом. И среди них такие, как преодоление тяжелых последствий разрушительной войны, павязанной Вьетнаму империализмом, укрепление материально-технической базы экономики, становление новых производственных отношений в городе и деревне, дальнейшее

усиление позиций государственного и кооперативного секторов экономики, в которых к 1980 г. производилась основная доля валового общественного продукта.

Были восстановлены почти все объекты в сельском хозяйстве, промышленности, на транспорте, средства коммуникации, разрушенные в годы войны. В сельское и лесное хозяйство дополнительно влилось свыше 4 млн. трудоспособных. Хотя из-за неблагоприятных погодных условий — а три года из пяти (1977, 1979 и 1980 гг.) были крайне трудными для сельского хозяйства — планы производства продовольственных культур были не выполнены, тем не менее в 1980 г. их сбор составил 14,4 млн. т, что почти на 3 млн. больше, чем в 1975 г.

Шаг вперед сделали культура, наука, народное образование, здравоохранение СРВ. Общая численность охваченных всеми формами учебы составила в 1980 г. почти 16 млн. человек, то есть к концу пятилетки учился каждый третий житель страны.

Крупным событием в общественно-политической жизни страны стало принятие в декабре 1980 г. конституции СРВ, в которой в законодательном порядке закреплялись происшедшие во вьетнамском обществе огромные перемены, явившиеся результатом последовательной, целеустремленной политики Коммунистической партии Вьетнама.

Сколь бы ни были существенны сдвиги, происходившие в стране в те годы, сама жизнь, каждодневная практика настоятельно требовали ввести существенные коррективы в вопросы экономического управления и планирования, найти такие хозяйственные рычаги, которые стимулировали бы людей активно трудиться на государственном промышленном предприятии и в сельскохозяйственных кооперативах. Настало время навести должный порядок в руководящих органах предприятий и кооперативов, чтобы все эти участки возглавлялись ответственными, добросовестными, грамотными, квалифицированными работниками.

Новые условия в стране, говорил мне во время поездки на Юг известный вьетнамский экономист Доан Чонг Чуен, не позволяли более мириться с волокитой и бюрократизмом, голословными призывами. Опыт второй половины 70-х годов не оставил сомнений в том, что сохранение прежних методов хозяйствования, таких, как высокая централизация плановых и управленческих функций, материальных и финансовых ресурсов, ограничение товарно-денежных отношений, превратилось в своего рода сдерживающий фактор для экономического развития страны. Насущным требованием времени являются

более динамичная экономическая политика и интенсивное развитие народного хозяйства.

Разумеется, осуществить такую перестройку даже в масштабах отдельной производственной единицы — дело весьма не простое. В рамках же всей страны эта задача была очень сложной.

Научиться хозяйствовать

В мартовские дни 1982 г. во Вьетнаме царил приподнятая атмосфера. Вся страна, коммунисты Вьетнама готовились к открытию V съезда КПВ. Для участия в работе съезда в Ханой прибыла делегация КПСС во главе с М. С. Горбачевым.

26 марта в Ханое состоялась церемония закладки памятника В. И. Ленину, имя которого свято для каждого вьетnamца. Выступая на митинге, посвященном этому знаменательному событию, М. С. Горбачев заявил, что есть своя символика в том, что накануне «V съезда Коммунистической партии Вьетнама в Ханое закладывается памятник В. И. Ленину. Факты подтверждают правоту ленинского учения, потому что в основном и главным история, всемирная классовая борьба развиваются так, как предвидел Ленин. Под руководством партии коммунистов трудящиеся Вьетнама сегодня уверенно идут по пути строительства социализма»¹.

Дав принципиальный анализ насущных социально-экономических проблем страны, V съезд КПВ (27—31 марта 1982 г.) мобилизовал коммунистов и весь народ на решение двух стратегических задач — строительство материально-технической базы социализма и укрепление обороноспособности СРВ с целью защиты революционных завоеваний вьетнамского народа перед лицом провокаций со стороны империализма и реакционных сил. Съезд указал на необходимость подкрепить стратегическую линию КПВ на построение нового общества научно обоснованной, построенной на учете экономических законов социализма программой решения хозяйственных задач. Намеченная КПВ экономическая стратегия социалистического строительства реализовывалась с учетом особенностей политического, экономического, культурного и социального развития вьетнамского общества. Давая объективный анализ стоящих перед Вьетнамом проблем, его руководители указывали, что в условиях многоукладной экономики, особенно на Юге, в начале 80-х годов развернулась острая борьба. Разрешить противоречие между двумя путями —

¹ Правда, 1982, 27 марта.

социалистическим и капиталистическим, решить в пользу революции вопрос «кто — кого?» возможно только посредством всестороннего укрепления социалистического сектора народного хозяйства.

Главный смысл проводившейся в СРВ в первой половине 80-х годов реформы управления народным хозяйством состоял в дальнейшем совершенствовании государственного планирования с расширением в то же время хозяйственной инициативы на местах, в более активном использовании экономических рычагов, в широком внедрении различных форм материального поощрения, перестройке организационной структуры хозяйственного механизма. При этом центр внимания был сфокусирован на совершенствовании методов руководства непосредственно на предприятиях и в сельскохозяйственных производственных кооперативах. Речь шла о совершенствовании системы государственных заготовок, ценообразования на сельскохозяйственную продукцию, форм организации производства и распределения, о мерах, призванных экономически заинтересовать крестьян в повышении производства в кооперативном секторе.

С 1981 г. в сельскохозяйственных производственных кооперативах стала широко внедряться новая система организации и оплаты труда, сочетающая бригадный метод и семейный подряд. Суть ее состоит в закреплении за звеном или семьей, как правило весьма многочисленной, включающей представителей трех, а то и четырех поколений, определенного участка коллективной земли при условии сдачи в фонд кооператива заранее установленной части урожая. Вся же дополнительно произведенная продукция идет в доход семьи, может продаваться на рынке.

В одном из передовых кооперативов Северного Вьетнама — «Вутханг» мне рассказывали, что полный цикл выращивания риса состоит из восьми основных видов работ: пахота, подготовка семенного фонда к севу, выращивание рассады, закачка воды в рисовые чеки, внесение удобрений, сев, уход за насаждениями и, наконец, жатва. Так вот, по новой системе на первых пяти видах крестьяне трудятся на кооперативной земле сообща, а на последних трех — семья или звено работают только на закрепленном за ними участке. В условиях преобладания в сельском хозяйстве страны ручного труда, новая система организации и оплаты труда в основном неплохо зарекомендовала себя как с точки зрения увеличения производства, так и повышения доходов крестьянства, способствовала повышению его заинтересованности в более активном труде в кооперативном секторе. В прессе СРВ указы-

валось, что «за всю историю развития вьетнамской экономики не было, пожалуй, нововведения, которое встретило бы столь широкую поддержку и одобрение со стороны трудящихся масс, как семейный подряд».

Кооператив «Вутханг» сложился в некогда нищей деревеньке Донгнюэ, жалкие, покрытые соломой хижины которой едва просматривались сквозь бамбуковые заросли. В центре деревни и сейчас рядом с древним общинным домом стоит могучее баньяновое дерево с густой кроной. Дереву этому давно перевалило за сто лет. В его тени любят играть деревенские детишки, спасаются от полуденного зноя старые люди.

Старики рассказывают: случается так, что тот или иной житель деревни, давно ее покинувший, по возвращении в родные места мало что узнает здесь, настолько все переменилось в Донгнюэ. Только старый общинный дом и стоящее рядом вековое дерево напоминают о прошлом. Действительно, на месте полуразвалившихся хижин сегодня стоят благоустроенные кирпичные дома с черепичной крышей, двухэтажная школа, медицинский пункт, радиоузел, спортивные сооружения.

Ушли в прошлое те времена, когда, после того как на полях высаживалась рисовая рассада, деревенские юноши и молодые мужчины уходили из деревни на заработки в другие места, в города, на промышленные предприятия, а многие нередко так и не возвращались. Только старые люди помнят теперь о страшных днях японской оккупации, когда весной 1945 г. в деревне Донгнюэ умерло от голода около 800 человек.

Новая жизнь пришла сюда с победой революции, с образованием кооператива «Вутханг». Он был создан в 1959 г., через пять лет после окончания войны Сопротивления. Изначалу кооператив состоял всего лишь из нескольких бедняцких дворов, но постепенно разросся, окреп. Ныне в нем около тысячи семей, которые обрабатывают свыше 300 га земель. Часть кооператоров работают на животноводческой ферме, на кирпичном заводе, который обеспечивает нужды кооператива в этом важнейшем стройматериале, в кустарных артелях, в детском саду, яслях.

В общем-то пахотный клин кооператива «Вутханг» даже по меркам дельты реки Красной невелик — ведь на каждого жителя приходится где-то около 8 соток. Не отличаются его земли и особым плодородием, нередко тут и стихийные бедствия. Но это не мешает членам кооператива из года в год добиваться стабильных высоких урожаев — до 90 ц и бо-

лее риса с га, а ведь это более чем в 3 раза выше, чем в среднем по стране (26 ц с га).

За этими успехами стоит упорный, самоотверженный труд жителей села, внедрение прогрессивных методов агротехники, использование высокоурожайных сортов риса и, конечно, рациональная организация труда.

На протяжении ряда лет мне не раз доводилось бывать в кооперативе «Вутханг», беседовать с его руководством, с жителями деревни Донгшюэ. Они действительно гордятся своими достижениями в труде, тем, что в «Вутханг» приезжают набираться опыта крестьяне со всего Северного Вьетнама; радует их и то, насколько изменился к лучшему образ жизни односельчан. И вместе с тем в их словах прослеживалась мысль о том, что сделанное — это только начало, что можно и нужно добиваться большего, что, хотя материальные и бытовые условия людей, пожалуй, лучше, чем в окружающих «Вутханг» кооперативах, необходимо сделать еще очень многое, чтобы жизнь села стала зажиточнее, интереснее.

Опыт «Вутханга» получил широкое распространение. В расположенных в дельте реки Красной провинциях Тхайбинь, Ханамбинь, Хайхынг, Хашонбинь, да и в сельскохозяйственных пригородах Ханоя ныне насчитывается уже до 500 кооперативов, которые стабильно получают урожай по 80 ц риса с га, а некоторые более 100. Успехи этих кооперативов на Севере страны — важный довод в пользу того, что намеченная Госпланом СРВ задача добиться в текущей пятилетке сбора урожая продовольственных культур в 20 и более млн. т является реальной и научно обоснованной.

Существенно в этом смысле и то, что в середине 80-х годов удалось добиться определенных сдвигов в процессе социалистических преобразований на Юге Вьетнама, и прежде всего в наиболее ответственном звене — сельском хозяйстве. Движение за создание групп трудовой солидарности и трудовой взаимопомощи, которое охватило большинство крестьянства, постепенно переросло в кооперативное движение. Решающее значение имело то, что кооперативные хозяйства доказали с точки зрения экономической свои преимущества по сравнению с единоличными хозяйствами.

В результате внедрения семейного подряда производительность труда в сельском хозяйстве существенно возросла. В 1985 г. он был внедрен практически во всех сельскохозяйственных кооперативах на Севере и в более 90% кооперативов и производственных бригад в южных районах.

К настоящему времени система бригадного подряда завоевала преобладающие позиции в сельском хозяйстве как на

Севере, так и на Юге Вьетнама. И это понятно: ведь новая система пришла на смену укоренившейся в военное время, но вскоре исчерпавшей себя в мирное время уравнительной оплате труда.

Одним из примеров тех качественных сдвигов, которые произошли в 80-х годах в сельском хозяйстве страны, в его основном звене — кооперативе, может служить история кооператива «Доанса», что близ Хайфона, который из самых отстающих вышел в передовые хозяйства района.

В конце 70-х годов в кооперативе «Доанса» сложилась крайне тревожная ситуация. Резко снизилась производственная и трудовая дисциплина: многие работали кое-как, 3—4 часа в день вместо положенных 8 часов, да и то без должного контроля. Были люди, занимавшиеся воровством и стяжательством, которые тащили буквально все, что под руку подвернется: зерно, удобрения, инвентарь. Лентяи старались урвать из кооператива кусок побольше и послаще, ничего не давая взамен. Ежемесячный рацион зерна на душу населения резко сократился — с 28 кг риса до 6 кг.

О неблагоприятном положении дел в кооперативе люди доводили до сведения вышестоящих инстанций в уезде, но те вовремя не отреагировали.

На партийном активе одна старая крестьянка без обиняков бросила в лицо местным руководителям: «Да у вас нет никакой демократии. Сидите себе в теплых кабинетах. Ничего не смыслите в сельском хозяйстве. Составляете какие-то несбыточные планы, которые заставляете нас выполнять. Примеров того хоть отбавляй. А все это горе нам, трудовым людям, расхлебывать. Не вам!» Резкие, но, как оказалось, заслуженные упреки.

Критика масс не осталась без ответа. Недееспособное руководство в районе было заменено грамотными людьми. В кооперативе «Доанса» — одним из первых — была применена система оплаты труда по конечным результатам, которая себя в полной мере оправдала.

Об эффективности новой системы управления можно судить по опыту кооператива в деревне Затан в провинции Хайхынг. В 50-е годы на каждую семью здесь приходилось в год по одному центнеру риса, а ныне урожай в 4 т риса — далеко не предел. Крестьяне собирают теперь на закрепленных за ними участках по два урожая риса и дополнительных культур (кукуруза, батат, маниок) или овощей. Некоторые кооператоры, используя сорта риса с коротким вегетационным периодом (в 20—25 суток), добились получения пяти урожаев в год с каждого участка земли.

Кооператив «Затан» располагает ныне 3 млн. донгов оборотных средств, что соответствует возможностям государственного промышленного предприятия среднего масштаба. Раньше эти средства перечислялись в банк, а теперь их пускают в оборот и они приносят прибыль, так как на них закупают удобрения, технику. Существенно и то, что сами крестьяне охотно дают деньги кооперативу в кредит. Если раньше у кооператоров почти не оставалось риса до нового урожая, то теперь у 60% из них имеется запас.

Наряду с очевидным стимулирующим воздействием новой реформы на производительность труда и рост благосостояния населения она выдвинула и ряд серьезных проблем. Одна из них — это дробление, вследствие подрядной системы, кооперативных полей на мелкие участки, в чем некоторые руководители на местах усмотрели угрозу кооперативному движению. С известным недоверием восприняли ее и отдельные передовые кооперативы, где имеются крупные общественные фонды, широко применяется техника.

Появились и такие негативные явления в хозяйственной жизни, как заметное увеличение масштабов «свободного рынка» и усиление роли «рыночного фактора». Кое-где получила развитие нездоровая тенденция «следовать за свободным рынком», что ослабляло основу плана, позволяло буржуазным элементам и торговцам шире развернуть свою деятельность. С другой стороны, это вело к нерациональному перераспределению национального дохода в пользу отдельных категорий населения, в первую очередь крестьян и мелких торговцев, в то время как положение рабочих и служащих не улучшалось.

Свое веское слово сказали здесь коммунисты Вьетнама. Состоявшиеся в 1983—1985 гг. IV—IX пленумы ЦК КПВ призвали коммунистов занять принципиальные позиции в развернувшейся в стране борьбе «кто — кого?». Острой критике были подвергнуты недостатки и упущения в управлении экономикой, в частности в сфере обращения и распределения товаров. Подчеркивалось, что целью внедрения в СРВ новой системы управления является обеспечение социалистическому сектору ведущих позиций, наведение порядка в экономике и обществе.

На повестку дня тогда встал вопрос о правильном подходе и расстановке кадров. Как тревожный симптом руководство партии расценило тот факт, что на новом этапе революции кое-кто из кадровых работников, столкнувшись с трудностями в процессе хозяйственного строительства, утратили боевитость и революционный энтузиазм, допустили

ошибки морального плана, в том числе такие, как хищения социалистической собственности, погоня за личными интересами. ЦК КПВ призвал решительно освободиться от перерожденцев, утративших доверие масс, исключать недостойных из партии, преследовать по закону совершивших серьезные правонарушения, а людей, проявивших способности к управленческой работе, в том числе молодежь, активнее выдвигать на руководящие посты.

Многогранная работа, проводимая партией, государством в первой половине 80-х годов в интересах развития производительных сил страны, совершенствования системы управления хозяйством, дала импульс решению многих назревших социально-экономических задач. Было положено начало преодолению застойных тенденций в ряде отраслей экономики, ликвидации проявлений бюрократизма, администрирования, местничества.

«Нас нередко спрашивают, — рассказывал председатель Государственного комитета по науке и технике СРВ, один из видных вьетнамских ученых, иностранный член АН СССР Чан Дай Нгиа, — почему во Вьетнаме, народ которого научился столь хорошо воевать, не могут сладить с решением экономических проблем. Мы обычно отвечаем, что воевать вьетнамцы тоже научились не сразу. Научимся мы и хорошо управлять экономикой, сколь бы ни было сложным это дело».

Лично для меня такая постановка вопроса в устах Чан Дай Нгиа — талантливого ученого, который 40 лет тому назад в трудные годы войны Сопrotивления сумел в тяжелых условиях джунглей сконструировать и наладить производство противотанковых установок, — звучит особо весомо.

Именно экономический фронт стал во Вьетнаме главным в борьбе за социализм в первой половине 80-х годов, которые отмечены дальнейшим продвижением вьетнамского народа по пути строительства нового общества. В Политическом отчете ЦК КПВ VI съезду (декабрь 1986 г.) подчеркивалось, что, ведя борьбу за осуществление задач и целей, намеченных V съездом КПВ, вьетнамский народ добился крупных успехов в социалистическом строительстве. В сельскохозяйственном и промышленном производстве в первой половине 80-х годов был достигнут очевидный прогресс, преодолен спад, наблюдавшийся в 1979—1980 гг. В частности, среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственного производства в 1981—1985 гг. составили 4,9% по сравнению с 1,9% в 1976—1980 гг. Существенный сдвиг произошел в производстве продовольствия, среднегодовой объем которого увели-

чился с 13,4 млн. т во второй половине 70-х годов до 17 млн. т в первой половине 80-х годов.

Разумеется, это не означает, что все проблемы уже решены. Серьезное внимание было уделено на VI съезде такому негативному моменту, как то, что в предыдущий период в СРВ не были достаточно четко определены установки, концепция и политика в области социалистических преобразований. В частности, в сельском хозяйстве получила развитие тенденция к неоправданному укрупнению кооперативов. В процессе социалистических преобразований игнорировалось решение вопросов управления и системы распределения.

Проведенный анализ показал, что прежняя система планирования и управления народным хозяйством, сложившаяся в основном в военное время, оказалась малоприспособленной для эффективного решения больших и сложных задач мирного строительства. Сказывалось и то, что распространенное в стране мелкое производство вносило в экономику элементы стихийности, порождало у людей психологию собственника.

Подвергая критическому анализу недостатки и просчеты, допускавшиеся в ходе выполнения плановых заданий второй пятилетки, вьетнамские руководители указали и на тот факт, что в процессе реализации в целом правильной стратегической линии IV съезда, направленной на построение нового общества в масштабах всей страны, нередко игнорировались объективные законы социально-экономического развития в переходный к социализму период, допускались волюнтаризм и «забегание вперед».

Отнюдь не простыми были, однако, для Вьетнама прошедшие после государственного воссоединения страны десять с лишним лет. Отметив достигнутые за этот период успехи, VI съезд КПВ (1986 г.) указал, что в социально-экономической сфере, в том числе в развитии аграрного сектора, страна сталкивается с немалыми трудностями. В речи при открытии съезда Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь подчеркнул: «Обнадеживающие факты не должны мешать нам ясно видеть отрицательные стороны сложившейся ситуации, особенно в экономической и социальной области... Партия и народ нашей страны не могут примириться с этим. Мы должны создать позитивный сдвиг в развитии обстановки, стабилизировать, оздоровить и предпринять дальнейшее развитие социально-экономической жизни общества... Преобразование — только с ним мы можем видеть действительное положение дел, выявлять и способствовать росту новых факторов, видеть и не повторять своих ошибок

и промахов, что в конечном счете направлено на творческое применение марксизма-ленинизма в условиях нашей страны, развитие исторических и революционных традиций нации, стимулирование творческой активности, неограниченных потенциальных возможностей ставшего коллективным хозяином трудового народа... на активное продвижение дела социалистического строительства... А для этого нужно бороться со старым, отжившим, косностью, застоём, догматизмом, субъективизмом, забеганием вперед, моральным перерождением, инерцией привычек. Предстоит трудная революционная борьба, которая произойдет во всех сферах нашей жизни».

В документах VI съезда КПВ отмечалось, что в первой половине 80-х годов определенные проблемы сложились вследствие того, что сельское хозяйство все же не превратилось в первоочередной фронт экономического развития, как об этом говорилось на V съезде. Не были обеспечены необходимые условия для устойчивого сельскохозяйственного развития, особенно в области материального снабжения, финансирования, стимулирования производства. Тяжелая промышленность слабо удовлетворяла потребности в развитии сельского хозяйства.

С новой силой мысль о необходимости интенсификации сельского хозяйства СРВ прозвучала на VI съезде Коммунистической партии Вьетнама — съезде перестройки и обновления, который стал этапным событием в жизни партии и всей страны. Отмеченные духом реализма и творчества, решения съезда, в частности по вопросам аграрной политики КПВ и разработки путей устойчивого высокоэффективного развития сельскохозяйственного производства в СРВ, дали мощный импульс делу продвижения Вьетнама по пути социалистического созидания. На съезде было особо подчеркнуто, что потребности страны определяют первоочередное значение сельского хозяйства, которое должно пользоваться преимуществом в обеспечении инвестициями на создание материально-технической базы, материальными ресурсами, квалифицированными кадрами. Сельское хозяйство следует развивать в комплексе с лесным и рыбным хозяйством. Что же касается легкой и мелкой кустарной промышленности, то она должна полностью удовлетворять потребности населения в товарах повседневного спроса и обеспечивать в необходимом объеме переработку продуктов сельского, лесного и водного хозяйства, быстро увеличивать производство товаров и экспортной продукции. Пройденный крестьянами Юга путь проб и ошибок оказался не напрасным. Убедительное

тому подтверждение — тот факт, что за годы третьей пятилетки было в основном завершено кооперирование крестьянства на Юге Вьетнама. К началу 1986 г. в артелях и сельскохозяйственных производственных кооперативах было объединено 87,2% крестьянских дворов, в них обрабатывалось 85,5% земельных площадей.

Укрепились материальная база промышленности Вьетнама, которая в 1985 г. произвела продукции в 3 раза больше, чем в 1976 г. Основу промышленности Вьетнама составляют 12 тыс. крупных предприятий государственного сектора. Показательно, что среднегодовые темпы прироста промышленного производства равнялись в этот период 6,4% по сравнению с 0,4% в предыдущей пятилетке.

В течение десяти с лишним лет, прошедших со времени государственного объединения, на цели капитального строительства в СРВ было израсходовано более 100 млрд. донгов, то есть почти четверть расходов государственного бюджета. Хотя эффективность этих капиталовложений далеко не всегда достигала желаемого результата, имело место распыление средств, тем не менее они позволили внести определенный вклад в укрепление экономического потенциала страны. В 1975—1985 гг. основные фонды в промышленности возросли более чем в два с половиной раза. Доля промышленности в валовом общественном продукте приближается к 40%.

И все же, несмотря на очевидные сдвиги в деле становления вьетнамской индустрии, она еще находится в начале пути. Достигнутые масштабы выпуска промышленной продукции в СРВ пока невелики и не удовлетворяют растущих потребностей страны. Так, в 80-е годы во Вьетнаме ежегодно производилось более 4 млрд. кВт·ч электроэнергии, свыше 6 млн. т угля, 265 тыс. т минеральных удобрений, более 900 тыс. т цемента, свыше 500 тыс. м³ пиломатериалов, около 300 млн. м тканей. Для страны с 60-миллионным населением это, конечно, недостаточно.

На VI съезде КПВ подчеркивалось, что, несмотря на достигнутые успехи, Вьетнам в социально-экономической сфере продолжает сталкиваться с определенными трудностями. В последние годы, отмечал в речи на съезде Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь, наряду с достигнутыми важными успехами в стране появились и негативные явления, особенно в сфере экономики. Партия и народ не могут мириться с этим.

В материалах VI съезда КПВ отмечалось, что отрицательное воздействие на производство и жизнь населения

оказали серьезные перебои в функционировании сферы товарно-денежного обращения. Следствием всего этого явилось сохранение диспропорций в экономике, которые не только не уменьшаются, но в некоторых областях еще более обострились. В документах съезда указывалось также, что в СРВ все еще медленно укрепляются социалистические производственные отношения, ослабла руководящая роль государственного сектора экономики. Несоциалистические хозяйственные уклады пока не используются в должной мере и в нужном направлении. В целом социальная структура экономики пока не создает благоприятных условий для стимулирования развития производства по социалистическому пути.

Отмечалось вместе с тем, что жизнь народа все еще полна трудностей; миллионы трудоспособных лиц полностью или частично не обеспечены работой. Не удовлетворяются даже на минимальном уровне многие материальные и культурные потребности людей. В обществе продолжают развиваться негативные явления, нарушается социальная справедливость. Съезд призвал решить проблему занятости и наладить преимущественное распределение по труду.

VI съезд КПВ подчеркнул, что задачей социалистических преобразований на начальном этапе является утверждение за социалистическим укладом, который включает государственный и кооперативный секторы, ведущих позиций в народном хозяйстве. Что же касается других укладов — мелкотоварного и государственно-капиталистического, то их необходимо использовать в интересах общества и преобразовывать, применяя подходящие формы и методы. Частнокапиталистический сектор в сфере обращения подлежит ликвидации. Активное проведение социалистических преобразований является постоянной задачей в течение всего перехода к социализму.

Смело вскрывая недостатки, съезд подтвердил зрелость и силу КПВ, еще крепче сплотил ряды вьетнамских коммунистов, укрепил авторитет партии. В материалах съезда указывалось, в частности, что вследствие проявлений субъективизма, поспешности, стремления перескочить через необходимые этапы в период после достижения государственного воссоединения Вьетнама не были верно определены цели и основные направления социально-экономического развития СРВ на начальном этапе переходного периода к социализму. В 1976—1980 гг. в стране, по сути дела, проводился курс на форсирование индустриализации, а для этого не было достаточных предпосылок. В то же время медленно осуществля-

лось обновление устаревшей структуры управления экономикой.

Главной задачей, стоящей перед СРВ на современном этапе, отмечалось на съезде, является стабилизация социально-экономического положения, создание необходимых условий для социалистической индустриализации. В этих целях важно сосредоточить усилия на совершенствовании структуры производства и капиталовложений, на повышении эффективности использования трудовых ресурсов, осуществлении трех крупных программ: производства продовольствия, товаров широкого потребления и экспортной продукции.

Прошедший в духе реализма, новаторства и высокой требовательности VI съезд КПВ определил важнейшие направления усилий вьетнамского народа в социалистическом созидании. Решения съезда, который явился поворотным пунктом в общественно-политическом развитии Вьетнама, ориентированы на то, чтобы в кратчайшие сроки стабилизировать экономическую ситуацию и заложить прочные основы для социалистического преобразования Вьетнама. Положено начало коренной перестройке, обновлению мышления, созданию условий для ускоренного движения Вьетнама к социализму.

Огромное значение для перспектив социально-экономического развития социалистического Вьетнама имели решения состоявшегося в декабре 1986 г. VI съезда партии вьетнамских коммунистов. На съезде были сформулированы основные цели развития СРВ до конца начального этапа переходного периода к социализму. Делегаты VI съезда одобрили основные направления социального и экономического развития СРВ на текущее пятилетие. Съезд постановил, что выводы и положения, содержащиеся в основных документах съезда, должны послужить ориентиром для разработки четвертого пятилетнего плана социально-экономического развития СРВ на 1986—1990 гг.

Конкретизируя цели, стоящие перед страной в социально-политической области, съезд высказался за необходимость прежде всего обеспечить достаточное производство в СРВ продовольствия, перейти к созданию внутренних накоплений, приступить к формированию рациональной экономической структуры, обеспечивающей стабильное развитие производства.

На съезде указывалось, что главная идея планов и экономической политики КПВ заключается в использовании всех наличных производственных мощностей, в задействова-

нии всех потенциальных возможностей страны, эффективным использованием международной помощи в целях динамичного развития производительных сил при одновременном укреплении и укреплении социалистических производственных отношений. Речь идет о проведении комплекса крупных мероприятий по структурной реорганизации производства, коренном пересмотре структуры капиталовложений.

Творчески, критически проанализировав положение в стране, VI съезд КПВ выработал новые подходы к решению стоящих перед ней острых проблем. Съезд явился поворотным пунктом в деятельности партии вьетнамских коммунистов, создал благоприятные предпосылки для преодоления имеющихся трудностей на пути строительства социализма, для продвижения вьетнамского общества вперед.

«Пьешь воду — помнишь об источнике»

Сформулированный на VI съезде курс направлен на творческое применение марксизма-ленинизма, использование опыта братских партий социалистических государств. «Пьешь воду — помнишь об источнике». В эту народную мудрость во Вьетнаме вкладывают особый смысл. Поговорку часто использовал Хо Ши Мин, когда говорил о сердечной признательности вьетнамцев за бескорыстную помощь его друзей. И сегодня, опираясь на поддержку друзей, народ Вьетнама решает стоящие перед ним сложные задачи.

«Укрепление сплоченности и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом,— подчеркивалось в документах VI съезда КПВ,— постоянно является краеугольным камнем внешней политики КПВ и вьетнамского государства. КПВ полностью поддерживает внутреннюю и внешнюю политику, одобренную на XXVII съезде КПСС, новую редакцию Программы КПСС, считая ее образцом творческого применения марксистско-ленинской теории. На основе советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве СРВ будет всеми силами бороться за неуклонное повышение качества и эффективности сотрудничества с Советским Союзом во всех областях в интересах народов двух стран».

Социализм, считают вьетнамские руководители, должен быть оснащен в соответствии со своими созидательными задачами. И новая материально-техническая база вьетнамской экономики энергично создается. Это десятки и десятки крупных объектов, многие из которых сооружаются при технико-экономическом содействии Советского Союза и других стран

социалистического содружества. Плодотворно развивается советско-вьетнамское сотрудничество, охватывающее большинство ключевых отраслей народного хозяйства СРВ. В годы третьей пятилетки (1981—1985 гг.) СССР оказал СРВ эффективное содействие в сооружении или проектировании примерно ста народнохозяйственных объектов. В октябре 1983 г. правительства СССР и СРВ приняли Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества. СССР и СРВ намерены и дальше развивать сотрудничество, кооперацию и международное разделение труда в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, членом которого СРВ стала в 1978 г.

О многом говорит тот факт, что в 1981—1985 гг. объем советско-вьетнамского товарооборота в рамках сотрудничества увеличился более чем вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием. Такие высокие темпы роста торгово-экономических связей между СССР и СРВ стали возможными благодаря их планомерному развитию на основе координации государственных планов и консультаций по вопросам экономической политики.

«Советские люди, — подчеркивал М. С. Горбачев, — всегда были солидарны с братским Вьетнамом, оказывали ему всемерную помощь и поддержку. Вьетнамские коммунисты, все трудящиеся СРВ могут быть твердо уверены — дело социалистического строительства на вьетнамской земле, дело свободы и независимости Вьетнама будет и впредь иметь прочную опору в нашей солидарности. Курс на укрепление советско-вьетнамской дружбы и сотрудничества — это принципиальный курс нашей партии и страны»¹. Состоявшиеся в последний период советско-вьетнамские встречи на высшем уровне подтвердили единство взглядов КПСС и КПВ, Советского Союза и Вьетнама по коренным проблемам развития международной обстановки и актуальным вопросам советско-вьетнамского сотрудничества. Руководствуясь ленинскими принципами социалистического интернационализма, учитывая неотложные нужды Вьетнама в целях ускорения развития ведущих отраслей промышленности, сельского хозяйства, укрепления обороноспособности страны и повышения благосостояния населения, Советский Союз принял в июне 1985 г. решение увеличить экономическое содействие СРВ, предоставить ей на льготных условиях новый кредит на 1986—1990 гг., а также отсрочить выплаты по ранее предоставленным кредитам. Стороны условились направлять уси-

лия на проектирование и строительство ряда имеющих важное значение для Вьетнама объектов и развитие его экспортной базы.

Выступая на пресс-конференции в Ханое 18 декабря 1986 г., член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил, что важное место в советско-вьетнамском сотрудничестве принадлежит торгово-экономическим и научно-техническим связям. Они направлены на то, чтобы помочь вьетнамскому народу быстрее залечить раны войны, полнее использовать свои природные и людские ресурсы в интересах создания мощной экономики, повышения уровня жизни каждой вьетнамской семьи. В текущей пятилетке экономическая помощь Советского Союза Вьетнаму будет равна объему помощи за все предыдущие 30 лет нашего сотрудничества. Советское содействие ориентировано прежде всего на создание и развитие базовых отраслей вьетнамской экономики, таких, как энергетика, угле- и нефтедобыча, машиностроение, химическая промышленность, промышленность по производству стройматериалов. Следует, однако, сказать, подчеркивал Е. К. Лигачев, что над повышением эффективности использования советской помощи еще предстоит поработать.

Как известно, в Советском Союзе приняты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по коренному совершенствованию внешнеэкономической деятельности. Применительно к экономическому сотрудничеству с Вьетнамом в нашей стране имеют в виду претворять это решение в жизнь с учетом корректив, внесенных в экономическую политику КПВ на VI съезде. Советский Союз готов вместе с вьетнамской стороной пойти на всемерное развитие производственной и научно-технической кооперации, на создание совместных предприятий в промышленности и агропромышленном комплексе.

Во Вьетнаме хорошо понимают, отмечают руководители СРВ, что, помогая нашей стране, советские люди выделяют сырье, материалы, товары, весьма необходимые экономике и советскому народу. Вьетнамский народ стремится внести свой посильный вклад в развитие всестороннего сотрудничества с СССР, делает все возможное, чтобы достичь сбалансированности в экономических отношениях.

VI съезд высказался за то, чтобы Вьетнам активно участвовал в международном разделении труда, прежде всего и главным образом расширяя специализацию и всестороннее сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества.

В стране много объектов советско-вьетнамского сотрудни-

¹ Правда, 1985, 29 июня.

чества. Есть они и на берегах Халонга. Сам залив — удивительное творение природы, расположенное на северо-восточном морском побережье СРВ. В переводе с вьетнамского Халонг означает «опускающийся дракон». В феодальном Вьетнаме дракон был символом абсолютной власти монарха. Но в народе с образом дракона всегда связывали силу, благородство, грацию. И действительно, сказочная красота Халонга в полной мере ассоциируется с такими понятиями.

Залив прекрасен при любой погоде: и при ярком солнечном свете, когда его воды приобретают удивительный бирюзовый цвет, и в дождливое время, когда сквозь сизую дымку проглядывают фантастические очертания неповторимых по конфигурации скал.

Особенно величествен Халонг, когда подплываешь к нему со стороны моря. Однажды в 1968 г. мне довелось совершить такое путешествие на советском спасательном судне «Аргус» из Хайфона до порта Хонгай, что на берегу залива. Через час пути от Хайфона нашим глазам открылась незабываемая картина: то тут, то там, совсем близко друг от друга, на всей площади морской глади разбросаны покрытые зеленью разных оттенков известняковые утесы самых различных размеров и форм. Всего в Халонге их свыше 10 тыс. Порой казалось, что тысячи причудливых скалистых исполинов вошли в море и разбрелись на десятки километров по отмели.

Судно лавировало между этими бесконечными каменными островками, очертания которых то напоминали какое-то сказочное животное, то человека в самых различных позах, то парус джонки, то фигуру восседающего в глубоком раздумье Будды. На фоне то ярко-синего, то изумрудно-зеленого моря и безоблачного голубого неба эти фигуры казались сказочными видениями. Чувство восхищения созидательной фантазией природы не оставляло на всем протяжении 50-километрового пути по заливу.

На некоторых островках много гротов и пещер, некоторые из них прорезают скалы насквозь. Войдя в такую пещеру, попадаешь в какой-то ирреальный мир. С высоких каменных сводов гротов свисают причудливые, переливающиеся всеми цветами радуги сталактитовые сосульки. Веками трудилась природа, чтобы создать в этих гротах и пещерах многочисленные сталактитовые изваяния, чем-то похожие на богатырей древности, другие — на фантастических животных, растения.

На побережье залива построены многочисленные санатории и дома отдыха. До революции приехать сюда было по

карману лишь представителям эксплуататорской элиты колониального Вьетнама. Сегодня в Халонге по путевке профсоюзов проводят свой отпуск трудящиеся из самых различных уголков страны — крестьяне и шахтеры, учителя и рабочие. Однако Халонг не только республиканская здравница. Это район-труженик. Здесь на берегах залива во весь рост поднимается социалистическая индустрия Вьетнама. Чудесная сказка, созданная природой, гармонично соединяется с величественной былью подвига людей труда. На побережье Халонга раскинулся важный индустриальный комплекс страны — Куангниньско-Хонгайский, крупнейший в СРВ район угледобычи.

Хонгайский угольный бассейн — это, образно говоря, «черная жемчужина» Вьетнама. Вдоль берега залива Халонг на многие километры протянулись мощные пласты антрацитов. Геологи разведали здесь крупные запасы этого ценного топлива. Общие угольные запасы Северного Вьетнама составляют, по оценкам специалистов, примерно 10 млрд. т. Тут расположены такие важные объекты советско-вьетнамского сотрудничества, как угольный карьер Каошон, шахты Вангзань, Деонай, завод по ремонту горно-шахтного оборудования в Камфа и многие другие.

Совместным трудом вьетнамских рабочих и советских специалистов здесь создается мощная топливно-энергетическая база социалистического Вьетнама. К трудовому ритму Куангниня — района славных революционных традиций — прислушивается рабочий класс всей страны.

Профессия шахтера — одна из самых престижных во Вьетнаме. В шахтерском городке Камфа, расположенном на берегу Халонга, хорошо знают рабочую династию, глава которой Нгуен Ван Кыу. Это типичная шахтерская семья. Более 50 шахтеров дал Вьетнаму его род. Сейчас Нгуен Ван Кыу, проработавший на шахте 50 лет, на пенсии. У него 12 детей, и почти все они живут в Камфа; многие обзавелись семьями. Старшая дочь Куи — профсоюзная активистка электромеханического цеха шахты Деонай. Вместе с ней на этой шахте работают три ее брата, Тан, Туен и Лить — известные мастера своего дела. Младшая дочь — Фьонг возглавляет телефонную станцию транспортного предприятия в Камфа, в парке которого насчитываются тысячи большегрузных автомобилей. Таких рабочих династий, как семья старого шахтера Нгуен Ван Кыу, много на предприятиях угольного бассейна.

Советские специалисты пользуются здесь, как и повсюду во Вьетнаме, большим уважением. Вот что написал в пись-

ме своим советским друзьям рабочий-строитель из провинции Куангбинь Чан Дык: «Наша провинция поддерживает побратимские связи с советским Донбассом. У нас на шахтах работают советские товарищи, которые помогают нашим горянкам осваивать современную советскую технику. Отлично зарекомендовала себя во Вьетнаме мощная и надежная советская техника. Это станки, грузовики, тракторы, буровые установки, насосы, экскаваторы, бульдозеры. Больше угля — значит больше энергии, больше энергии — значит больше продовольствия, товаров, а значит, лучше жизнь. Вот что такое советское содействие!»

Один из ведущих объектов советско-вьетнамского сотрудничества — строительство гидроузла Хоабинь на реке Да (Черной). Природа этих живописных мест производит глубокое впечатление на каждого, кто приезжает в этот район провинции Хайфонбинь. Поражает какой-то суровой первозданностью этих мест, где между скал, подобных исполинским каменным изваяниям, неукротимо несется, пенится бурунами строптивая река Черная. На память приходят строки из древней вьетнамской легенды о реке Да: «...треста порогов и водопадов, подвластных лишь демонам ночи, встает на пути человека». Река Да заботливо собирает свои воды из почти 200 притоков, а затем щедро отдает их реке Хонгха (Красной). И вместе с тем нельзя забывать, что за последние 60 лет река более 40 раз выходила из берегов, неся беду миллионам жителей дельты реки Красной.

Наводнения, засухи и тайфуны на протяжении многих веков являются главными стихийными бедствиями, обрушивающимися на страны Индокитая, и особенно на Вьетнам, вытянувшийся с севера на юг на 1750 км вдоль побережья Южно-Китайского моря.

В среднем в год на Вьетнам обрушиваются четыре тайфуна, но бывали годы (например, 1973 г.), когда на страну обрушилось 11 тайфунов и тропических ураганов. В основном тайфуны свирепствуют с июля по сентябрь. Надолго запомнился вьетнамцам ураган в июле 1967 г., когда за одну ночь многие улицы Ханоя были перегорожены сотнями вырванных с корнем и поломанных могучих вековых деревьев.

Разрушительны наводнения на Юге Вьетнама в результате выхода из берегов девяти рукавов полноводного Меконга. На память приходит наводнение в августе — октябре 1978 г. В течение трех часов нам вместе с группой вьетнамских товарищей пришлось ехать на катере по нескольким затопленным провинциям Юга. Хорошо помню десятки де-

ревень под толстым слоем воды, буйволов, других домашних животных, искавших спасение на любых возвышениях, людей, которые на лодчонках и плотах передвигались от одной крыши затопленного дома к другой, плывущие по воде вырванные с корнем банановые деревья, стебли кукурузы. Такие наводнения буквально торпедируют хозяйственную жизнь. Иногда проходит не менее года, пока удастся ликвидировать последствия стихийного бедствия.

Довелось мне быть и свидетелем крупного наводнения в Северном Вьетнаме осенью 1971 г., когда из-за разлива реки Да уровень воды в реке Красной в районе Ханоя достиг весьма высокой отметки — 14 м. Совершая полет из Ханоя в Хайфон, мы видели под крылом самолета лежащие под водой целые провинции в дельте реки Красной.

Укротить своеправную реку Да, паводки которой, как минимум, раз в десять лет приносят неисчислимый ущерб огромному району дельты реки Красной, поставить мощь реки Черной на службу людям — задача поистине огромного хозяйственного значения.

Вьетнамские экономисты справедливо считают объект Хоабинь многоцелевым. Прежде всего он весомо увеличит энергетическую мощь СРВ. Машинный зал ГЭС с восьмью агрегатами по 240 МВт каждый разместится в буквальном смысле слова подземном дворце, вырубленном во чреве горы. Хоабинь будет давать стране ежегодно до 10 млрд. кВт·ч дешевой электроэнергии. Это почти вдвое больше того, что вырабатывалось в середине 80-х годов на всех электростанциях Вьетнама.

Вместе с тем с созданием гидроузла образуется водохранилище площадью 200 км² и емкостью почти 6 млрд. м³ воды, что позволит надежно регулировать водный режим обширного района, не допускать наводнений, давать живительную влагу во время засухи, а она, как и наводнения, не редкий гость в этих местах.

Разумеется, расширение площади орошаемых земель создаст условия для получения стабильных урожаев риса. А это означает, что будет заложена прочная основа для решения продовольственной проблемы во Вьетнаме.

Объект Хоабинь — один из крупнейших в СРВ. Рука об руку с советскими специалистами на его сооружении работают свыше 20 тыс. вьетнамских рабочих. Здесь сложился поистине монолитный интернациональный коллектив, которому под силу решение сложнейшей гидротехнической задачи.

Создание в условиях сложного рельефа местности 125-метровой плотины, которая встанет неодолимой преградой

на пути могучего речного потока, — задача уникальная с точки зрения технической. Гидроузел Хоабинь — объект, не имеющий аналогов в практике мирового гидростроения. Надо учитывать, что река Черная, зажата в тисках узкого ущелья, несет почти столько же воды, сколько могучий сибирский Енисей.

И здесь у обрыва над рекой Да особенно реально ощущаешь глубокий смысл древней вьетнамской легенды о борьбе духа Гор со свирепым духом Вод, усатривая в ней вековую мечту вьетнамцев обуздать духа Вод, который, как гласит легенда, вознамерился доказать, что никто не способен с ним справиться.

Нашлась такая сила. В ноябре 1979 г. берега реки Черной потрясли оглушительные взрывы: началось сооружение плотины. А в январе 1986 г. мечта многих поколений вьетнамцев стала явью — река Черная была перекрыта. «Этот успех, — отмечалось во вьетнамской прессе, — стал возможен благодаря самоотверженному труду, слаженным действиям интернационального коллектива вьетнамских строителей и советских специалистов. На строительстве ГЭС Хоабинь демонстрируются примеры производительного и высококачественного труда, строгой трудовой дисциплины и ответственности, четкой организации работ. Рабочий класс Вьетнама должен равняться на строителей гидроузла Хоабинь».

Вьетнамцы по праву называют Хоабинь вьетнамским Днепрогэсом. Ведь гидроузел на реке Черной — это для них высшая школа гидростроения. Хоабинь — точка отсчета будущей сплошной электрификации социалистического Вьетнама. А такая задача ставится в повестку дня уже сегодня.

Укрепление современной энергетической базы республики — одно из главных направлений развития социалистической индустриализации СРВ. При содействии проектных организаций СССР разработана генеральная схема развития энергетики Вьетнама до 1990 г. и на дальнейшую перспективу; предстоит огромная работа — прокладка высоковольтных линий электропередач, строительство почти двух десятков подстанций, создание центрального диспетчерского пункта.

С поразительной быстротой меняется пейзаж Вьетнама. Все чаще на сливающимся с небом зеленовато-бирюзовом фоне рисовых полей словно выписанные рукой художника появляются контуры новых строок. Среди них ТЭС «Фалай», которую возводят в уезде Тилинь провинции Хайхынг на берегах медленно катящей свои густые темные воды реки Тхайбинь.

Провинцию Хайхынг, знаменитую высокими урожаями риса, издавна называют в народе «рисовой корзиной» дельты реки Красной. Но сегодня Хайхынг — яркое пятно и на индустриальной карте Вьетнама. За какие-то несколько лет в первой половине 80-х годов здесь возведены гигантские корпуса производственных зданий, построены мощные водоводы, линии электропередач, железнодорожные пути. Первый блок «Фалай» мощностью 110 МВт включен в сеть еще в 1983 г. Только за тот год он выработал почти десятую часть всей электроэнергии, произведенной ТЭС «Уонгби», — одним из первенцев советско-вьетнамского сотрудничества в области энергетики.

«Фалай» — это еще одна школа для вьетнамского рабочего класса. Здесь трудится более 2 тыс. высококвалифицированных монтажников, сварщиков, бетонщиков, крановщиков — рабочие десятков профессий.

Действительно, СРВ уже сейчас располагает необходимыми ресурсами научно-технической революции. Быстро растет отряд научно-технических кадров, составляющий 850 тыс. человек, включая специалистов со средним специальным образованием. В стране миллион высококвалифицированных рабочих.

Где-то на полпути между гидроузлом Хоабинь и ТЭС «Фалай» в уезде Донгань в 30 км от Ханоя при советском техническом содействии сооружается завод по ремонту крупного энергетического оборудования. В будущем заводу, говорил его директор Хоанг Нам Фыонг, предстоит выполнять заказы этих двух крупнейших энергетических объектов страны.

Завод возводится на месте прежних электроремонтных мастерских, разрушенных американскими бомбардировками. Мастерские были восстановлены, но сама жизнь поставила вопрос о создании новой, надежной, современной базы для ремонта и обслуживания энергетического оборудования.

Укрепляется индустриальная база южных провинций СРВ. Когда-то название южновьетнамского городка Вунгтау с его прекрасными пляжами ассоциировалось с туристским уголком, чудесным во всякое время года. Вунгтау был знаменит также храмом, который носит название «Храм лежащего Будды». В храме находится 15-метровая каменная скульптура спящего на боку Будды, лицо у него доброе, спокойное, земное. Большие уши — у буддистов символ мудрости — достают шеи. Скульптуры лежащего Будды в принципе встречаются весьма редко; в большинстве буддийских храмов и пагод Будда изображен стоя или сидя с р

положением рук и ног. Скульптурное изображение лежащего Будды в Вунгтау, как говорили буддийские монахи этого храма, воплощает мечту народа о добре и мире.

Не обошла Вунгтау стороной агрессия США. Во времена правления марионеток здесь была спецшкола ЦРУ США, в которой американские инструкторы обучали своих подопечных, в основном из числа местных уголовников, «науке бесшумно убивать» людей. Свой экзамен убийцы держали во время проведения в 1969 г. преступной операции «Феникс», когда были убиты десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

Сегодня Вунгтау не только туристический центр. С 1981 г. здесь действует созданное Советским Союзом и Вьетнамом совместное предприятие «Вьетсовпетро» для разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе СРВ. Это интернациональный трудовой коллектив, треть работников которого составляют советские нефтяники — рабочие, техники, инженеры. В Вунгтау они встретили немало знакомых вьетнамцев, которые раньше учились в советских вузах либо проходили практику на нефтяных предприятиях Азербайджана. Разумеется, между ними сразу же установилась атмосфера взаимопонимания, заинтересованности в успехе общего дела.

Благодаря развернувшемуся на стройке интернациональному социалистическому соревнованию удалось в срок и на высоком уровне провести необходимые геофизические и геологические исследования, был успешно осуществлен монтаж оборудования для морского бурения. Трудясь плечом к плечу с советскими коллегами, коллектив вьетнамского строительного-монтажного треста прошел хорошую профессиональную закалку и может теперь самостоятельно осуществлять самые сложные работы. Полным ходом ведется строительство нефтехранилища. Морской нефтяной промысел во Вьетнаме создается на самом высоком техническом уровне.

По сути дела, в Вунгтау закладываются контуры будущего Вьетнама — процветающего социалистического государства, располагающего современной индустрией, высоко развитым сельским хозяйством, передовой наукой и техникой. В короткие сроки в этом районе были открыты крупные залежи нефти. В июне 1986 г. была получена первая нефть уникального шельфового месторождения «Белый тигр». Ведется подготовка к строительству нефтеперерабатывающего завода. Подготовлены сотни квалифицированных рабочих, инженеров и техников — кадровый костяк будущей нефтяной и газовой промышленности СРВ.

Название «Белый тигр» месторождение получило за спокойный характер здешнего моря. Все зимние месяцы — с ноября по март — море штормит, катит 6—7-метровые волны, с которых неистовый ветер срывает густые шапки белоснежной пены. Это самое трудное время для бурльщиков. Многие приехали сюда с Сахалина, и им хорошо знакомы причуды и грозный нрав морского царя Нептуна.

Думается, не будет преувеличением сказать, что сегодня во Вьетнаме практически в любой области жизни можно видеть многочисленные проявления углубляющихся, наполненных новым качеством и содержанием, приносящих все больший эффект отношений дружбы и сотрудничества между СССР и СРВ.

Поступательное развитие многогранного советско-вьетнамского сотрудничества, повышение его эффективности далеко не всем пришлись по душе. Так, органы массовой информации США сообщали, что полмиллиона вьетнамцев работают «как рабы» на строительстве газопровода в СССР. Министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат заявлял по поводу этой фальшивки в интервью американской телекомпании Эн-би-си: «Какое же это рабство? Вьетнамские рабочие зарабатывают столько же, сколько советские рабочие... Сами вьетнамские рабочие считают, что поехать в Советский Союз — это привилегия».

Противники советско-вьетнамского сотрудничества выдвигают нелепые утверждения, будто советское содействие Вьетнаму в подъеме его экономики ведет к превращению этой страны в «орудие» или «вассала» Советского Союза, что те хозяйственные проблемы, с которыми сталкивается СРВ и о которых, кстати, открыто, по-партийному говорят вьетнамские руководители, чуть ли не являются следствием советско-вьетнамского сотрудничества и т. п.

Высказывания такого рода, распространяемые буржуазной пропагандистской машиной, не в состоянии исказить тот очевидный факт, о котором говорится в документах КПВ, что укрепление сотрудничества СРВ с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, их поддержка и помощь Вьетнаму являются важным фактором, обеспечивающим его успешное продвижение по пути создания новой жизни. Это — надежная гарантия защиты суверенитета, свободы и независимости вьетнамского народа от любых враждебных посягательств извне. Тем самым вносится и существенный вклад в укрепление могущества всего социалистического содружества.

В течение всех лет своего существования Социалистическая Республика Вьетнам вынуждена ежедневно, ежечасно противостоять враждебной кампании империалистических, реакционных сил, которые не желают примириться с поступательным движением единого Вьетнама по пути строительства новой жизни, с ростом его внешнеполитического авторитета. Арсенал средств, используемых противниками вьетнамской революции, разнообразен: здесь все — от грубых пропагандистских фальшивок до организации заговоров с целью подрыва и ликвидации власти народа.

Идеологическая борьба всегда была одним из наиболее острых участков противоборства социализма и империализма, сил социального прогресса и реакции в мировом масштабе. Во Вьетнаме, да и других странах Индокитая, в полной мере ощущают весь накал, все напряжение этой борьбы.

Против СРВ развернута беспрецедентная по своим размерам кампания клеветы. «Голос Америки», Би-би-си, радио Японии, Австралии, Таиланда, Филиппин и даже Ватикана передают ежедневные программы на вьетнамском языке, изливая потоки лжи на политику СРВ, используя все доступные методы ведения психологической и идеологической войны.

Спецслужбы США используют различные каналы, в том числе поездки вьетнамских эмигрантов на родину, для засылки в страну видеофильмов, магнитофонных записей, печатных изданий, растлевающих молодежь, подрывающих революционный дух населения.

Кое-кто на Западе и поныне продолжает «негодовать» по поводу «трагической» участи узников лагерей по перевоспитанию в Южном Вьетнаме. Но ведь есть и другая сторона медали, о которой там почему-то забывают. Разве не закономерно то, что взявшему власть в свои руки народу пришлось использовать силу диктатуры пролетариата в отношении определенного числа сайгонских генералов и офицеров высшего ранга, которые в годы войны совершили бесчисленные преступления против народа, а после освобождения не пожелали порвать со своим прошлым, стали затевать все новые и новые провокации против революционной власти. Именно эти люди убивали кадровых работников, преданных делу революции деятелей культуры, накапливали у себя оружие, изготавливали фальшивые деньги, плели вместе с реакционными представителями торговой и промышленной буржуазии заговоры против народной власти. Применяя в

отношении этих преступных элементов жесткие меры, власть народа тем самым защищала его революционные завоевания, ограждала безопасность мирных людей от вражеских поползновений. Это — неотъемлемое право народа, положившего на алтарь победы миллионы жизней своих лучших сынов и дочерей.

Сваливать же на революционную власть ответственность за человеческие драмы, за неустроенность тех людей, которые некогда связали свою жизнь с антинародным режимом и его покровителями, оправдывать этих лиц, виновных в море народного горя и не прекративших подрывную деятельность, лицемерно обвинять во всех смертных грехах тех, кто через невероятные испытания возвратил народу мирное небо, кто и сегодня отдает все силы тому, чтобы возродить из пепла к счастливой жизни свою родину, истерзанную врагами — внешними и внутренними, — верх лицемерия.

Между тем факты упрямо свидетельствуют, что народная власть во Вьетнаме должна и сегодня применять свою силу. Тот факт, что шпионско-диверсионные группы, систематически забрасываемые в страны Индокитая, терпят одно фиаско за другим, не отвлекает у их хозяев охоты продолжать грубое вмешательство во внутренние дела этих суверенных государств. В декабре 1984 г. в Хошимине проходил судебный процесс над участниками крупного контрреволюционного заговора. Перед Верховным судом СРВ предстал 21 обвиняемый. Все они были членами заговорщической шпионско-диверсионной организации, центр которой находился в Таиланде. Как было доказано на процессе, организация эта ставила своей целью свергнуть существующий в СРВ строй. Руководители организации — Ле Куок Туи и Май Ван Хань — были офицерами сайгонской армии. Май Ван Ханя арестовали в октябре 1984 г. после того, как он нелегально вернулся во Вьетнам из Таиланда. Лидеру заговорщиков Ле Куок Туи удалось скрыться за границей.

Суд установил, что созданный в октябре 1975 г. так называемый «единый фронт патриотических сил за освобождение Южного Вьетнама» был связан внутри страны с наиболее реакционными элементами из числа бывших офицеров и солдат армии сайгонского режима, правых католиков и представителей верхушки религиозно-политических сект као-дай и хоа-хао, а также с сепаратистской группировкой ФУЛРО, бандиты которой скрываются в ряде высокогорных районов на Центральном плато.

В Бангкоке эта шпионская организация контактировала с посольством США в Таиланде. В учебном центре

ритории Таиланда было подготовлено для «фронта» около 200 боевиков. При их арестах на территории СРВ было захвачено два катера, 2 тыс. единиц различного оружия, большое количество боеприпасов и взрывчатки, средства связи. «Фронт» планировал организовать вооруженное выступление в Хошимине в 1983 г. на праздник Нового года по лунному календарю. Однако этот заговор был своевременно раскрыт и сорван. Планировался также целый ряд крупных террористических акций против иностранных представителей, находящихся во Вьетнаме.

В ходе следствия лидер секты као-дай Хо Тхай Бать под давлением неопровержимых улик и показаний свидетелей был вынужден сознаться в подготовке к возрождению вооруженной организации секты, для которой он просил главней «фронта» прислать оружие. Как подчеркнул председатель суда, деятельность этого Батя далеко вышла за рамки исповедания каодаизма.

На суде выяснилось, что вьетнамская реакционная эмиграция пользуется в Таиланде такой же поддержкой, как и остатки кхмерской реакции. Кстати, вьетнамские контрреволюционеры поддерживали там тесные связи с недобитыми полпотовцами.

Враги нового строя делали ставку и на то, чтобы подорвать лояльное отношение к революционной власти со стороны отдельных религиозных кругов на Юге, прежде всего католиков. В целом можно говорить о том, что и этот замысел империализма и реакции обречен на провал. Вот одно из подтверждений этого — мнение сайгонской монахини Суан Ню из сайгонского Института Богоматери о бойцах Армии освобождения, с которыми ей довелось столкнуться сразу же после победы революции: «У меня сложилось впечатление, что я встретила с лучшей частью человечества. Герои и святые в моем понимании — синонимы, все они преодолели себя силой любви. Великая цель, которой они воодушевлены, освобождает их от самих себя и позволяет им совершать благородные поступки и в то же время оставаться скромными и простыми. Когда удается установить контакт с такими чистыми душами, во взаимоотношениях людей рассеиваются тучи эгоизма, уступая место подлинной братской общности».

Политика вьетнамского государства в отношении верующих — еще одно убедительное подтверждение всей лживости «радетелей» «прав человека» во Вьетнаме. Согласно положениям конституции СРВ, все лица, исповедующие различные религии во Вьетнаме, имеют право свободного отправления религиозного культа; никого из граждан не вынуждают сле-

довать своей вере или отречься от нее. Религиозные организации нормально функционируют в рамках закона.

Основополагающие принципы политики свободы совести, неизменно и эффективно проводящиеся в жизнь в СРВ, состоят в следующем: полная солидарность между верующими и неверующими гражданами страны в деле строительства родины и ее обороны; равенство перед законом и военная обязанность всех граждан; свобода отправления религии в рамках конституции и закона; преследование тех, кто использует религию для противодействия революционным задачам народа.

В 1981 г. с разрешения правительства СРВ была создана Всеобщая конгрегация буддистов Вьетнама. В уставе этой организации, которая вступила в состав Отечественного фронта Вьетнама, говорится, что ее деятельность не противоречит высшим интересам нации и социализма. Вьетнамские буддисты принимают участие в работе Азиатской буддийской конференции за мир — международной региональной организации, резиденция которой находится в Улан-Баторе. За активную поддержку справедливой борьбы вьетнамского народа в годы агрессии США Азиатская буддийская конференция за мир награждена вьетнамским орденом «Дружба».

В 1980 г. по разрешению правительства СРВ был создан Совет епископов Вьетнама, который подчеркивает, что вьетнамские католики — а их в стране 3,5 млн. человек — живут в рамках своей нации и служат родине и народу. Власть разрешила создать католические семинарии, школы по подготовке бенз и буддийские институты.

В целом политическая стабильность в тех населенных пунктах, где проживают приверженцы различных религий, свидетельствует о готовности патриотически настроенных верующих активно участвовать в совместном труде на благо Родины.

* * *

Раскрыв основные закономерности революционной борьбы и строительства социализма, В. И. Ленин подчеркивал, что *основные принципы коммунизма должны применяться, видоизменяясь в частности, приспособляясь к национально-государственным различиям, что эти принципы необходимо применять творчески в соответствии со спецификой каждой страны*¹.

Опыт строительства основ социализма во Вьетнаме пока-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

зывает, что каждая страна вносит немало специфического, национально-особенного в процесс реализации общих закономерностей и это находит свое проявление в многообразии форм их осуществления, в частности в сроках, темпах, методах.

Неотъемлемый элемент происходящей ныне в СРВ перестройки — дальнейшее совершенствование социалистической демократии, развитие гласности. Приведу только один пример: с начала 1987 г. в ряде вьетнамских газет введена рубрика «Говорить правду, говорить открыто», под которой публикуются различные мнения граждан, вносящих предложения по устранению имеющихся недостатков в общественной жизни. В марте 1987 г. печатный орган Хошиминского горкома КПВ газета «Сайгон зяй фонг» («Освобожденный Сайгон») опубликовала, в частности, статью о гласности, в которой говорилось: «В документах VI съезда четко сформулирован принцип: «Народ знает, народ обсуждает, народ делает, народ контролирует». Это означает, что народ должен знать правду и его нужно регулярно и открыто информировать о положении дел в стране, в городе, на селе».

Объективные процессы, происходящие в СРВ, являются свидетельством того, что тенденции к созданию нового, социалистического общества, как бы ни был сложен этот процесс, уверенно пробивают себе дорогу, а само вьетнамское общество становится все более однородным. Мечта великого сына Вьетнама Хо Ши Мина о единой процветающей социалистической родине претворяется в жизнь на древней вьетнамской земле.

Глава VI

ЗАКЛАДЫВАЯ ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ФОРМАЦИИ

Те, кому довелось находиться в Лаосе в октябрьские дни 1975 г., надолго запомнили приподнятую атмосферу, царившую тогда по всей стране. На зданиях правительственных учреждений во Вьентьяне величаво реяли знамена революции — красно-бело-синие стяги Патриотического фронта Лаоса. Красный цвет на них символизирует «кровь и сердце» лаосского народа, синий — его благополучие, счастье, а белый — светлое будущее страны.

12 октября 1975 г. Лаос торжественно отмечал 30-летний юбилей независимости, которая была завоевана лаосским народом в 1945 г., вскоре после образования Демократической Республики Вьетнам. В те дни во Вьентьяне была провозглашена независимость страны, получившей название Патет-Лао (Страна Лао). Представителям Франции было твердо заявлено, что Патет-Лао «решила жить по законам и обычаям своего народа, которые были целиком уничтожены вековыми несчастьями».

Но Лаосу не удалось тогда отстоять независимость, не прекратились несчастья и испытания лаосского народа. Трудный длительный путь борьбы против чужеземных агрессоров и внутренней реакции предстояло пройти ему, прежде чем в декабре 1975 г. была завоевана долгожданная свобода и подлинная независимость.

Бескровная революция

Тридцатилетие юбилея независимости совпало по времени с мощным нарастанием революционной ситуации в стране. Это был период коренной перегруппировки социально-классовых сил в Лаосе в пользу патриотического лагеря. 23 августа 1975 г. во Вьентьяне по воле народа была создана революционная администрация. В заявлении руководства Патриотического фронта Лаоса подчеркивалось: «Окончательно отстранены от власти ультраправые реакционеры по всей стране. Это стало возможным в результате всенародного восстания, цель которого — ликвидировать прежний режим и сформировать революционную администрацию во Вьентьяне. Отныне весь лаосский народ посвятит свои силы и энергию делу строительства процветающей родины. На нашей стороне несокрушимая сила национального союза и тесного единства между тремя индокитайскими народами и народами социалистических стран, всеми странами, которым дороги мир и справедливость».

Борьба революционных сил страны была длительной и сложной. И на этом фоне стремительность революционного процесса в Лаосе на завершающем этапе освободительной борьбы — в 1975 г. буквально поражала воображение. Эта динамика событий в Лаосе была созвучна тем коренным изменениям, которые произошли весной 1975 г. в соседних индокитайских государствах. Особое значение здесь имело падение сайгонского режима — оплота реакционных сил всего региона.

И вместе с тем разворачивавшиеся в тот период в Лаосе события были отмечены какой-то поразительной эмоциональностью. Революция пробудила вековые чаяния народа этой страны к единству и сплоченности в условиях подлинного мира и независимости. Лаосцы — представители самых различных слоев общества, — как никогда раньше, ясно осознали, что империалистическому господству в Индокитае положен предел, что правое дело Патриотического фронта Лаоса непременно восторжествует, что единственной реальной силой, способной надежно обеспечить стабильность в их стране, гарантировать полное выполнение Вьентьянского соглашения 1973 г. о мире и национальном согласии, являются революционные силы, ведомые Народно-революционной партией.

Люди чувствовали, что грядут коренные перемены в жизни их страны, готовились к ним. Эта своеобразная обстановка ожидания нового наложила свой отпечаток и на праздни-

вание весной 1975 г. традиционного лаосского Нового года — Пимая, любимого праздника народа Лаоса.

Пимай отмечается в апреле — на стыке уходящего сухого сезона и сезона муссонных ливней. В этот момент и природа и люди, кажется, живут единым ожиданием, что вот-вот на смену неизменно долгой, мучительной шестимесячной жаре придет наконец столь же длительный, но всегда желанный сезон обновления, когда стеной прольются тропические ливни, которые напоят уставшую от засухи потрескавшуюся землю, сделают полноводными обмелевшие реки, когда наберет свою мощь «отец рек» — кормилец Меконг.

Большинство атрибутов Пимая сформировалось много веков тому назад, когда люди были беззащитны перед лицом грозных сил природы. Крестьяне, страдавшие от недоедания, умоляли всемогущих духов пощадить их семьи и приблизить наступление сезона дождей, вернуть их земле плодородие. В новогоднюю ночь люди поливают друг друга водой, чтобы смыть болезни и горести, которые приносили им печаль в уходящем году, — вода символизирует свежесть очищения. Потом все до утра гуляют по улицам городов и деревень, украшенных электрическими лампочками и гирляндами живых цветов чампы — белых, красных или желтых. Днем родители поздравляют всех членов семьи с праздником и приглашают к столу отведать традиционное блюдо «лап», приготовляемое из мяса, риса, капусты и большого числа специй. Любимая песня лаосцев во время празднования Пимая «Чампа» — о красоте цветущей весны.

По традиции накануне этого праздника города и села страны приобретают праздничный, торжественный вид. Предшествующие Пимаю дни заполнены у лаосцев тысячами больших и малых забот. Прежде всего надо успеть провести в домах генеральную уборку, чтобы жилища в дни праздника были в идеальной чистоте. Нужно постараться завершить до Пимая все дела, хотя бы неотложные. Сохранился обычай покупать на рынке птичек и мелких животных, чтобы в дни Пимая выпустить их на волю. И за этим обычаем стоит многовековая традиция: люди как бы показывали всемогущим духам свою доброту, миролюбие и в свою очередь молили их быть добрее, снисходительнее к человеку.

Поныне лаосцы накануне Пимая сооружают на берегу Меконга небольшие песчаные пирамидки — тхаты. Так же поступали в глубокой древности их предки, прося духов ниспослать их семьям в наступающем году столько же счастливых дней, сколько песчинок в пирамидке.

А сколько фантазии проявляют лаосские детишки, что-

бы придумать какое-нибудь хитроумное приспособление, с помощью которого можно было бы окатить водой в дни празднования Пимаа соседей или прохожих, — это считается доброй приметой.

Разумеется, мистический характер Пимаа с годами постепенно утрачивал свое значение. Этот праздник все более раскрывает себя как всенародное торжество, которое способствовало сближению людей, как проявление таких черт, присущих лаосцам, как традиционное гостеприимство, доброе, уважительное отношение к людям. К Пимаау лаосцы издавна приурочивают такое знаменательное событие в их жизни, как бракосочетание. На свадебную церемонию всегда приглашается много гостей. Самый старший по традиции напоминает молодой чете древние мудрые изречения о семейной жизни. Слышны звуки миниатюрных бамбуковых органчиков — кхенов. Всеми присутствующими исполняется традиционный лаосский танец ламвонг, олицетворяющий любовь, верность, веру в лучшее будущее.

Пимаа для лаосца — это время ожидания чего-то нового, доброго в его жизни. Пимаа весной 1975 г. лаосцы связывали с грядущим обновлением в жизни всей страны; он явился своеобразным отражением стремления лаосцев к прочному миру на своей земле, к достижению долгожданного национального единства. Лаосцы верили, что с политической арены их страны наконец-то будут устранены реакционные проимпериалистические силы, с преступной деятельностью которых были связаны самые мрачные страницы современной истории страны — ее экономическая и политическая зависимость от империализма, непрекращающееся вмешательство США, нищета широких народных масс, наконец, длительный политический раскол Лаоса. Люди устали от провокационной возни правых элементов, готовых ради своих корыстных целей вновь ввергнуть страну в пучину кровопролитной войны.

Уже в мае 1975 г. население городов и провинций, находившихся под контролем вьентьянской администрации, призвало народные вооруженные силы освобождения помочь навести порядок, оградить людей от провокаций правых элементов — сторонников прежних феодально-буржуазных порядков. В ответ на этот призыв подразделения ПФЛ с согласия Временного правительства национального единства вступили в ряд южных городов Лаоса. Все от мала до велика в едином порыве вышли на улицы встречать бойцов Патриотического фронта. Происходили незабываемые сцены братания военнослужащих обеих группировок — ПФЛ и вьентьянского режима.

В репортаже о триумфальном вступлении бойцов ПФЛ в город Саваннакхет, некогда считавшийся оплотом правых экстремистов на Юге Лаоса, корреспондент «Нью-Йорк таймс» свидетельствовал: «Солдаты монархических войск с цветами в руках присоединяются к горожанам и приветствуют солдат Патет-Лао, увенчивая их танки и их самих гирляндами цветов».

И таким волнующим был в Лаосе весь 1975 год — год триумфа революции.

Огромную политическую гибкость проявили тогда силы революции, делавшие все необходимое для обеспечения возможности взятия власти в руки народа мирным путем, избежав развязывания реакционными элементами новой гражданской войны. Они памятовали о ленинском указании, что «в отдельных случаях, в виде исключения... возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»¹.

Такой вариант событий стал в Лаосе реальностью благодаря тому, что подавляющее большинство народа со всей определенностью высказалось за построение мирного, независимого, процветающего Лаоса. Итоги состоявшихся в октябре — ноябре 1975 г. всеобщих выборов в местные органы власти не оставляли и малейших сомнений в этом: полную победу одержал на них Патриотический фронт Лаоса. Тем самым в стране было фактически осуществлено объединение зоны контроля ПФЛ и Вьентьяна.

В тот период в стране сложилась специфическая ситуация: при монархическом строе в рамках сохранявшихся коалиционных органов власти руководящей силой являлась Народно-революционная партия. Стало совершенно очевидно, что новому революционному содержанию более не соответствовала прежняя монархическая форма правления. В конце ноября 1975 г. по всему Лаосу прокатилась новая волна митингов и демонстраций, участники которых шли под знаменем ПФЛ. Они требовали упразднения монархии, ставшей историческим анахронизмом, реорганизации центральной административной власти и превращения ее в подлинно народную власть. Перед лицом единодушного волеизъявления лаосского народа покончить с монархическим строем король Лаоса Шри Саванг Ваттхана 29 ноября 1975 г. решил добровольно отречься от престола и стать рядовым гражданином страны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

1 декабря 1975 г. во Вьентьяне собрался Национальный конгресс народных представителей, организационно закрепивший победу лаосской революции. С докладом на нем выступил Кейсон Фомвихан. Он внес на рассмотрение конгресса план построения мирного, независимого, единого, процветающего Лаоса — программу коренных социально-экономических преобразований в стране. Делегаты конгресса единодушно приняли отречение короля от престола, упразднили монархию, согласились с роспуском Временного правительства национального единства и Национального консультативного политического совета. Были образованы новые органы власти: Верховное народное собрание во главе с Суфанувонгом и правительство ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом.

Руководство революционным процессом в стране твердо держали в своих руках коммунисты, объединенные в Народно-революционную партию Лаоса (НРПЛ). Ее борьба — убедительное свидетельство того, что в условиях страны с преобладающим аграрным населением определяющим моментом в деятельности партии является не столько численность в ней рабочей прослойки, сколько верность партии классовым интересам и целям пролетариата, степень овладения ею идеями марксизма-ленинизма.

Кейсон Фомвихан подчеркивал: «Хотя наша партия и появилась в слаборазвитой стране с нечетко выраженной дифференциацией классов и с только-только зародившимся рабочим классом, тем не менее она смогла взять на себя роль единственного руководителя революции и привести ее к полной, окончательной победе».

Закономерным логическим результатом развития революционного процесса в стране стало провозглашение 2 декабря 1975 г. Лаосской Народно-Демократической Республики. Так, в силу сложившегося соотношения социально-классовых сил в Лаосе мирным, бескровным путем, в соответствии с волей трудящихся свершилась национально-демократическая революция. Власть перешла в руки народа. Этот момент имеет большой политический смысл: бескровная революция в Лаосе — убедительное свидетельство многообразия средств достижения целей революции в современную эпоху.

Трудная пора восстановления

Образование на лаосской земле независимого народно-демократического государства стало выдающимся событием, открывшим новую эру в истории этой древней страны. Но

сколько трудны были задачи, вставшие тогда перед лаосским народом, перед коммунистами!

В год провозглашения республики в Лаосе по традиционному лунному календарю шел 2518 год, но развитие страны по своему отстало от темпов XX в. И этот неутешительный баланс был следствием грабительской неокOLONIALИСТСКОЙ политики империализма.

Буржуазная пропагандистская машина силится доказать, что революции и освободительные войны оказались эффективными только для захвата власти, а отнюдь не для улучшения бедственного положения народа, во имя которого они велись. Многообразная, пронизанная духом творчества практика созидания новой жизни в Лаосе рельефно высветила всю несостоятельность, абсурдность подобных утверждений, подтвердив, что именно путь социалистического переустройства всех сторон жизни общества способен обеспечить действительные результаты в борьбе за социальный и национальный прогресс, за лучшую жизнь народа.

Сегодня, более чем десятилетие спустя после победы революции, с учетом того динамизма, который приобрела преобразовательная деятельность народа Лаоса на всех направлениях строительства новой жизни, трудно даже представить себе всю сложность, запущенность социально-экономических проблем, имевшихся в дореволюционном Лаосе, входившем в середине 70-х годов в число двадцати наиболее бедных стран мира. Тяжелым бременем давило тогда наследие феодального и колониального прошлого. Не будет преувеличением сказать, что за десятилетия пребывания у власти вьентьянского режима в зоне его контроля производительные силы и производственные отношения в основе своей, по существу, не только не претерпели каких-либо качественных изменений, но находились в состоянии глубокой стагнации.

Это видно на примере аграрного сектора лаосской экономики, в котором было занято подавляющее большинство населения (более 85%). Основу сельского хозяйства Лаоса — а в бывшей вьентьянской зоне господствовали феодальные и дофеодальные формы землепользования — составляли мелкие крестьянские владения, средний размер которых не превышал одного гектара. В житнице Лаоса — Вьентьянской долине это были нередко поля величиной всего в $\frac{1}{10}$ гектара. На таком клочке земли крестьянин собирал один урожай — 8 ц риса с гектара. Между тем число работников, занятых на одном обрабатываемом гектаре земли, было, вероятно, самым высоким в Юго-Восточной Азии, а урожайность — самой низкой.

Судьба лаосского крестьянина до революции почти полностью зависела от капризов природы. Самым страшным бедствием в Лаосе издавна считают засуху, перед которой лаосская деревня была практически беззащитна, — для ее преодоления необходимо искусственное орошение, а ирригацией было охвачено тогда всего лишь около 3% посевных площадей. Да и имевшиеся водохозяйственные сооружения за годы империалистической агрессии пришли в негодность. О каких же высоких урожаях риса — этой влаголюбивой культуры — могла идти речь?

Производство риса на душу населения в первой половине 70-х годов составляло всего 272 кг, что было явно недостаточно для обеспечения хотя бы минимальных потребностей. Мяса на одного человека приходилось 4,6 кг, а жиров еще меньше.

Изопренный характер приобрела система полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Высокая арендная плата, зависимость от ростовщиков, у которых брали займы на приобретение тяглового скота, семян, примитивной сельскохозяйственной техники, — все это роковым образом сказывалось на положении многих тружеников. Ростовщики за предоставляемый кредит забирали до 50% урожая. Годами не могли крестьяне выпутаться из долговой кабалы.

Механизация сельского хозяйства находилась на самом примитивном уровне. На весь Лаос в середине 60-х годов насчитывалось всего 10 тракторов!

Были в дореволюционном Лаосе, подобно островкам в безбрежном океане мелких хозяйств, и отдельные крепкие хозяйства. Ими владели крупные чиновники королевской администрации, помещики, буржуа. В них создавались ирригационные системы, дамбы, применяли ввозимые из-за рубежа химические удобрения, высокоурожайные, скороспелые сорта риса. Но такие хозяйства исчислялись единицами, а их роль в продовольственном балансе страны была ничтожна.

И еще одно следствие неокOLONиалистской политики, направленной на стагнацию производительных сил Лаоса, — 10 лет тому назад в этой стране, где имелось тогда свыше 4 млн. га пустующих заброшенных угодий, ежегодно ввозили из-за рубежа, в основном из соседнего Таиланда, сотни тысяч тонн риса. Лаосские же крестьяне были, по существу, лишены стимула для увеличения производства. Между тем спекулянты, мешочники, перекупщики процветали, получая огромные прибыли. Рост цен на рис, на основные продукты питания автоматически вызывал повышение цен на все това-

ры первой необходимости. (Так, например, цены на продовольствие во Вьентьяне поднялись за 1965—1975 гг. в пять с лишним раз.)

В дореволюционном Лаосе практически отсутствовала современная фабрично-заводская промышленность, преобладало кустарное производство. Рабочий класс был крайне малочислен, составляя в 1975 г. всего 10 тыс. человек.

Страшные следы оставила на земле Лаоса агрессия империализма. В результате массированных бомбардировок и широкого применения американской авиацией ядохимикатов почти наполовину сократились пахотные земли. Серьезный ущерб был нанесен лесным ресурсам. Агрессия лишила огромные массы людей и работы, и крова. Из 3-миллионного населения Лаоса в годы войны на положении беженцев оказалось более 700 тыс. человек. Фактически из сферы производства были вырваны целые районы и значительная часть трудоспособного населения.

Весьма сложно стоял и национальный вопрос в Лаосе, где проживает около 70 различных народностей и этнических групп, которые находились на разных стадиях социально-экономического и культурного развития, среди многих из них был еще широко распространен патриархальный уклад.

Экономическая отсталость, хронический финансовый кризис, коррупция, годами царившие в бывшей зоне вьентьянского режима, пагубно отразились на жизненном уровне населения. Многих людей нужда довела до отчаяния.

Таков в самом общем виде спектр сложнейших социально-экономических и иных проблем, которые сразу же встали перед силами революции после завоевания народом власти. Решать их пришлось одновременно с усилиями по всестороннему укреплению позиций народно-демократического строя. Сразу же после победы революции в бывшей зоне вьентьянского режима был ликвидирован прежний государственный аппарат и созданы органы народно-революционной власти, в которые вошли представители рабочего класса, крестьянства, а также мелкой буржуазии, других слоев населения, которые в рядах Патриотического фронта Лаоса участвовали в освободительной борьбе. Это имело огромное значение для стабилизации политической обстановки.

Особенно важно было тогда взвешенно, всесторонне осмыслить вопрос об определении путей решения вставших перед страной проблем, выработать верную тактику, тщательно соразмеряя темпы и последовательность преобразований с реальными возможностями. Говоря ленинскими словами, необходимым был «более медленный, более осторожный, более си-

стематический переход»¹ к социалистическому переустройству. Были отвергнуты попытки, вопреки объективным условиям, скорее все обобществить и всех коллективизировать, «ввести социализм» чисто административным путем.

Исключительно большое значение для Лаоса имел интернациональный фактор — поддержка стран социалистического содружества. Примеров тому немало, приведу лишь один, но, думается, показательный. В конце 1975 г. тайландские власти под давлением извне закрыли границу с Лаосом. Для Лаоса, не имеющего выхода к морю, эта мера была равнозначна экономической блокаде, ибо до революции более 80% импорта страны шло через территорию Таиланда. На помощь народу Лаоса пришли его друзья — Советский Союз, Вьетнам, другие социалистические страны. Советские и вьетнамские самолеты создали «воздушный мост», по которому из Ханоя во Вьентьян доставлялись срочные грузы, в том числе нефтепродукты, медикаменты, продовольствие и другие товары первой необходимости. Из Вьетнама в Лаос были направлены также автоколонны со столь необходимыми для населения товарами. Опираясь на помощь друзей, молодая республика выстояла. Политика экономической блокады ЛНДР потерпела провал. Уже 1 января 1976 г. под давлением прогрессивной международной общественности тайландские власти открыли границу с Лаосом в районе Вьентьяна.

Сама жизнь, те огромные трудности и лишения, которые переживал в тот период народ страны, диктовали необходимость на первом этапе бросить силы партии и народа на решение первоочередных восстановительных задач, сколь бы сложными и многоплановыми они ни были.

Не было тогда, наверное, более срочного дела, чем помочь вернуться в родные места сотням тысяч людей, вынужденных покинуть их в годы агрессии, дать им хотя бы минимум средств к существованию — землю, продовольствие, орудия труда, чтобы люди могли встать на ноги. Обстановка настоятельно требовала в кратчайшие сроки восстановить вышедшие из строя промышленные и кустарные предприятия, отремонтировать разрушенные коммуникации — а они нередко были главным объектом вражеских бомбардировок, — восстановить заброшенные сельскохозяйственные угодья, очистить их от неразорвавшихся мин и снарядов, то есть вдохнуть жизнь в парализованную экономику страны.

Крайне слабым был индустриальный сектор лаосской экономики. Речь, по существу, шла о расположенных во Вьенть-

яне нескольких средних и мелких предприятиях по производству табака, сигарет, спичек, обуви, прохладительных напитков. Их владельцы после победы революции бежали за границу. Уже в 1976 г. эти предприятия были вновь введены в строй. Все дело решили трудовой энтузиазм и сознательность рабочего класса. Управлять предприятиями стали революционные комитеты, состоявшие из представителей рабочих, служащих и инженерно-технического персонала.

На повестку дня встал вопрос об укреплении государственного сектора промышленности. Его основы были заложены в освобожденной зоне еще в период антиимпериалистической борьбы. Помню, как в беседах с нами представители ПФЛ в Ханое с гордостью рассказывали тогда, что, несмотря на бомбардировки американской авиации, в зоне контроля патриотов при помощи вьетнамских специалистов было сооружено 50 промышленных и кустарных предприятий, в том числе механических, текстильных, рисоочистительных, а также мастерских по ремонту средств транспорта и вооружения.

После освобождения ряд заводов и фабрик были преобразованы в смешанные государственно-частные предприятия, которые стали работать под контролем государства.

В целом государственный сектор экономики ЛНДР, который охватывал такие отрасли, как электроэнергетика, дорожное строительство, средства связи и др., постепенно укрепился. К 1978 г. в Лаосе действовали 300 государственных и смешанных предприятий, около 400 частнокапиталистических заводов, фабрик, мастерских, работавших под контролем государства. Восстанавливались и кустарные промыслы, пришедшие в упадок за время войны. Была создана единая финансовая система, что способствовало оживлению товарно-денежных отношений, развитию производства, стабилизации жизни трудящихся. В июне 1976 г. правительство ЛНДР провело денежную реформу.

Осуществляя руководство целым комплексом мероприятий по восстановлению производительных сил страны, переустройством жизни общества на новой основе, НРПЛ учитывала и то, что лаосская экономика носит многоукладный характер, что подавляющая часть населения страны фактически жила в условиях неразвитого феодализма. Характерна в этом отношении судьба провинции Луангпхабанг, названной так по имени бывшей королевской столицы Лаоса.

Сам Луангпхабанг, расположенный на реке Меконг, поражает красотой своих древних буддийских монастырей и пагод. Город был основан в XIV в., но и сейчас человек, впер-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 199.

вые попавший на его улицы, испытывает ощущение, будто он оказался в огромном историческом музее, утопающем в буйной тропической зелени.

Окруженный со всех сторон неприступными горными кряжами и труднопроходимыми джунглями, Луангпхабанг испокон веку существовал в условиях изолированности от всей страны. Незыблемыми казались царившие здесь феодальные порядки. Стоит ли удивляться тому, что нищета, болезни, неграмотность народа, социальное неравенство проявлялись здесь, пожалуй, еще более остро, чем в других районах Лаоса. Феодализм, освященный персоной коронованного монарха, с особой силой и безжалостностью притеснял здесь простых людей, унижал их человеческое достоинство. Во всей королевской столице была до революции лишь одна начальная школа, а о медицинском обслуживании люди и помышлять не смели.

Очищающий ветер революции долетел и до Луангпхабанга, до его 50-тысячного населения. Народная власть считала, что, сколь бы ни были живучи феодальные предрассудки в сознании местных жителей, необходимо упорно бороться за умы людей, живым словом и конкретным делом доказать им, что в декабре 1975 г. действительно начался новый отсчет времени в их судьбе.

Практически с нуля пришлось поднимать экономическую жизнь и в городе, и в провинции. Нужно было дать импульс развитию сельскохозяйственного производства. С учетом того, что 99% территории провинции располагается в горной местности, сделать это было непросто. Местная партийная организация гибко, с большим тактом, но последовательно повела наступление на прежние порядки, вступила в бой за умы людей.

Прежде всего шаг за шагом была реорганизована хозяйственная жизнь в Луангпхабанге: расширены площади обрабатываемых земель, проведен немалый объем ирригационных работ, без которых, с учетом горного ландшафта местности, было немислимо развитие рисоводства. С начала 80-х годов приступили к организации сельскохозяйственных кооперативов (их теперь около 50), образованию объединений ремесленников, созданию сети государственных и кооперативных магазинов, строительству дорог. И одновременно развернулась работа по решению острых социальных и культурных задач провинции. Открылись двери около 600 начальных школ, десятков медицинских пунктов. В административном центре начал работать госпиталь, приступили к занятиям студенты медицинского училища. Люди поверили в силу и

созидательные возможности новой власти, в то, что это действительно власть народа и для народа.

Лаосская народная мудрость гласит: «Далекая дорога начинается с близкой». Так и победа революции в декабре 1975 г. открыла в Лаосе длительный этап построения нового общества на земле этой страны. Перерастание национально-демократической революции в социалистическую революцию — и опыт Лаоса тому подтверждение — это сложный процесс перестройки всего уклада жизни. В ходе этого процесса происходит кардинальная перегруппировка социально-классовых сил, в частности подавляется сопротивление эксплуататорских классов, консолидируются революционные силы и создаются предпосылки для формирования новой политической основы — власти рабочего класса, выступающего в союзе с крестьянством, то есть утверждения одной из форм диктатуры пролетариата.

В Лаосе — стране, где рабочий класс еще только находился в стадии формирования, — этот процесс имел свою специфику. В частности, он объективно не носил там столь напряженного характера, как в Южном Вьетнаме. И во многом этот благоприятный для лаосской революции момент был обусловлен тем, что в период деятельности третьей лаосской коалиции (1973—1975 гг.) патриотическим силам удалось решить ряд таких кардинальных задач национально-демократической революции, как парализация действий части наиболее реакционных элементов, консолидация вокруг ПФЛ прогрессивных сил, формирование органов народно-революционной власти в большинстве районов страны. Все это создавало дополнительные возможности для того, чтобы сконцентрировать усилия на завершении социально-экономических задач национально-демократической революции и одновременно приступить к ряду преобразований социалистического характера. Благодаря усилиям лаосского народа к началу 1977 г. основной объем восстановительных задач в стране был выполнен, а это создало предпосылки для перехода к решению новых ответственных задач начала строительства основ социализма.

Участники состоявшегося в феврале 1977 г. IV пленума ЦК НРПЛ пришли к выводу фундаментального характера: именно успехи, достигнутые лаосским народом в экономическом восстановлении за период, прошедший с момента образования ЛНДР, позволили сократить временные рамки между демократическим и социалистическим этапами революции. Отныне Лаос вступил в новый этап — этап социалистической революции. При этом подчеркивалось, что в специфических

условиях Лаоса именно от прочности союза рабочего класса и крестьянства, созданного и руководимого партией, в первую очередь зависит осуществление диктатуры пролетариата — главного орудия защиты революционных завоеваний, социалистического строительства, перевоспитания массы мелких производителей и вовлечения их на путь коллективного производства.

Из тех бесед, которые довелось иметь в те годы с лаосскими товарищами, сложилось впечатление о глубоком понимании ими того, что для построения основ социализма нужен как определенный уровень развития производительных сил, так и культуры, общественного сознания. Важным направлением деятельности НРПЛ и правительства ЛНДР стало создание материально-технической базы, соответствующей новому общественно-политическому строю, с тем чтобы подготовить условия для постепенного перехода к социализму.

Развернувшаяся в стране дискуссия относительно определения приоритетных отраслей экономики, имеющих решающее значение для подъема народного хозяйства, подвела ее участников к единому мнению, а именно: сельскохозяйственное производство и лесозаготовки должны стать той основой, опираясь на которую можно добиться удовлетворения насущных потребностей народа, приступить к созданию первоначального фонда накопления для последующей социалистической индустриализации.

С развития сельского и лесного хозяйства, которым надлежит обеспечивать сырьем промышленность, поставлять на экспорт продукцию для приобретения взамен машин и промышленного оборудования, и началось в Лаосе формирование новой, социалистической экономики. Главным, конечно, было отыскать рычаги, способные обеспечить интенсификацию сельского хозяйства — ведущей отрасли лаосской экономики, повышение урожайности и товарного выхода продукции. На повестке дня остро стоял вопрос о решении такой насущной задачи, как самообеспечение страны продовольствием, а его нехватка чувствовалась в первые послереволюционные годы и в городах, и на селе. Продовольственная проблема осложнилась во второй половине 70-х годов и в связи с тем, что на страну два года подряд обрушивались стихийные бедствия.

Да, капризы тропической природы нередко дают себя знать и в Лаосе. Во время наводнения осенью 1978 г., а стихия особенно разбушевалась в южных провинциях, были затоплены десятки тысяч гектаров рисовых полей. Между тем буквально за год до этого, в 1977 г., на лаосскую землю обру-

шилась небывалая засуха, да такая, что Меконг сузился чуть ли не до размеров второразрядной речушки.

Природа словно устраивала новой жизни, пришедшей в лаосское село с победой революции 1975 г., один экзамен за другим — испытание на зрелость, на прочность. И люди этот экзамен выдержали достойно.

Сама практика крестьянской жизни вновь и вновь подтверждала, что вести сельское хозяйство по старинке, по пути экстенсивного развития мелкого разрозненного производства было бесперспективным делом. Актуальным стал вопрос о внедрении в сознание людей мысли о том, что только на путях совместного труда можно добиться весомых сдвигов.

В Лаосе был разработан в те годы план кооперирования в сельском хозяйстве. При его разработке учитывался опыт преобразования лаосской деревни, накопленный в период антиимпериалистической борьбы в освобожденных районах страны. В 1978 г. Политбюро ЦК НРПЛ приняло постановление о развертывании движения за кооперирование сельского хозяйства во всех провинциях страны. В нем подчеркивалось, что на данном этапе кооперирования главным является не всемерный охват крестьянских дворов, а качественная сторона дела, под которой подразумевалось прежде всего воспитание у крестьян коллективистского, сознательного отношения к труду.

Однако добиться этого было непросто. Ведь аграрная проблема в Лаосе, в отличие от многих стран Азии, имеет свою специфику. Здесь по сравнению, например, с Южным Вьетнамом для крестьянина не стоял вопрос о нехватке земли; более того, имелись резервы необрабатываемых площадей. Однако поднять их в одиночку крестьянину было не под силу. Понятно, что в условиях, когда сельский житель не испытывал дефицита земли, особенно важно было на практике, делом доказать преимущества коллективного хозяйствования по сравнению с единоличным.

Партия проявила реалистический подход к проблеме кооперирования, а он подсказал, что крестьянам трудно быстро перестроиться, отказаться от своего участка земли. С учетом этого сочли целесообразным попытаться применить низшие формы кооперации, в частности пойти по пути создания бригад трудовой взаимопомощи и совместной обработки земли. При этом принималось во внимание, что Лаос относится к тем странам, где, говоря словами Ф. Энгельса, «целелли еще родовые порядки или остатки таковых» и можно «использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, что-

бы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу»¹.

Действительно, в Лаосе соседние семьи и даже целые деревни издавна связаны узами тесной взаимопомощи. Лаосцы называют эту традицию «самакхи». На этот добрый народный обычай и было решено опереться в первую очередь при формировании кооперативного движения.

Огромную разъяснительную работу среди крестьян провели тогда активисты Фронта национального строительства Лаоса — преемника ПФЛ. Комитеты Фронта были созданы во всех провинциях страны. Велика была роль общественных организаций в укреплении солидарности народностей, проживающих в Лаосе, в повышении политической активности населения, в мобилизации крестьянства на решение насущных социально-экономических задач.

Прежде всего создавались группы по совместной обработке земли, которые становились своего рода школой коллективного труда. Государство оказало им материальную поддержку — предоставило сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения, освободило на первое время от налогов.

Правда и здесь, как во всяком новом сложном деле, не обошлось без отдельных срывов и ошибок. Руководители ряда провинций понытались, например, форсировать развитие кооперативного движения. Сказались и недостатки в управлении сельским хозяйством. Спешка, авралы, перегибы привели к тому, что часть наспех сколоченных кооперативов оказалась нежизнеспособными и их пришлось распусить.

Партии удалось выправить положение. На необходимость исправить допущенные ошибки, связанные как с попытками «забегания вперед», так и со стремлением отдельных руководителей подчинить стратегию партии стихийному ходу событий, со всей определенностью указал в 1979 г. VII пленум ЦК НРПЛ. Отмечалось, что при создании кооперативов нужно твердо соблюдать принципы добровольности, взаимной выгоды и демократического управления; важно укреплять жизнеспособность уже созданных коллективных хозяйств, чтобы крестьяне сами поняли необходимость коллективизации.

Взятый курс на строгое соблюдение принципов добровольности, демократизма в управлении, производстве и распределении, общности интересов односельчан способствовал укреплению коллективных форм хозяйствования в лаосской деревне.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 446.

Южная провинция Лаоса — Чампассак — ныне одна из передовых в стране в деле развития кооперативного движения. В середине 80-х годов в ней в кооперативах участвовало более 80% крестьянских семей, которые обрабатывали почти столько же процентов земельных угодий провинции. Для созданных в этой провинции десятков кооперативов, думается, характерна судьба одного из них — в деревне Нонвьенг, близ города Чампассак.

Живописен вид лаосской деревни. Утопающие в тропической зелени экзотические хижины, сделанные, как правило, из бамбука, без единого гвоздя, стоят на сваях, чтобы избежать затопления в сезон дождей. По древней традиции в Лаосе только пагоды сооружались из кирпича. Под домом, между сваями, обычно отводится место для скота, домашней птицы, всякой крестьянской утвари. Ритм жизни крестьян — размеренный, основательный.

Такова и деревня Нонвьенг. Незавидной была доля ее жителей до революции. Их уделом было недоедание; о том, чтобы учить детишек грамоте или пользоваться услугами врача, и речи не было. Перемены к лучшему начались с образованием весной 1976 г. товарищества, которое стало основой будущего кооператива. Толчок к новому делу дали приехавшие из провинциального центра кадровые работники, которые разъясняли преимущества совместного труда и рекомендовали наиболее бедным односельчанам попробовать работать сообща. Некоторые крестьяне поверили им, решили посмотреть, что получится на деле. Собралась деревенская сходка, и на ней 25 семей объявили о создании товарищества. Как нельзя кстати оказалась помощь органов народной власти в районе — выделили высокоурожайные семена, минеральные удобрения, прислали в деревню даже агронома.

Начали крестьяне с обработки всего лишь 5 га земли; дело вроде бы пошло на лад. Тогда решили обобществить свой незатейливый сельхозинвентарь — сохи, доставшиеся по наследству чуть ли не от дедов, а потом и буйволов — величайшую ценность для сельского жителя. Постепенно в товарищество стали вливаться и остальные деревенские семьи; кооперативное поле расширилось до 80 га, да и урожай стали собирать неплохой — более 2 т риса с гектара. Люди забыли, что такое голод. Да и сама их жизнь изменилась к лучшему — налажено медицинское обслуживание, открыт магазин, работают курсы по ликвидации неграмотности, в дом к людям пришли газеты, книги.

Все это пока, говорят крестьяне, только начало, но для них, прошедших через нищету и голод, видевших страдания и

смерть близких, лишенных в трудную минуту столь пужной пиалы с рисом, и эти мало-мальские улучшения в жизни весьма значимы. И главное — крестьяне знают, что и как нужно делать, чтобы кооператив стал еще крепче, а значит, лучше, зажиточнее, полнокровнее станет их жизнь. И аналогичные процессы разворачивались во второй половине 70-х годов во всех лаосских селах.

Ответственным экзаменом на зрелость стал для трудящихся ЛНДР период реализации трехлетнего плана развития народного хозяйства в 1978—1980 гг. И они этот экзамен сдали успешно. За годы трехлетки государственный сектор в промышленности и торговле Лаоса еще более укрепился, выросли возможности аграрного сектора экономики.

В результате начавшегося в те годы перехода от экстенсивных к интенсивным экономическим методам повысилась производительность труда в сельском хозяйстве, возросла его продуктивность. В 1978 г. в Лаосе было собрано 900 тыс. т риса, а в 1980 г. урожай впервые в истории страны достиг 1 млн. т. Во многом это стало возможным благодаря тому, что широкие массы крестьянства все более убеждались в преимуществах кооперирования. Участие в движении за образование групп взаимопомощи, в общенародных стройках по созданию объектов сельской инфраструктуры, в коллективных работах на полях способствовало появлению у людей нового отношения к труду, а это имело решающее значение для перестройки всего уклада жизни лаосской деревни. На конец 1980 г. насчитывалось уже более 2 тыс. кооперативов, которые объединяли свыше 25% всех крестьянских семей.

Шаг вперед сделала промышленность Лаоса, развитие которой за годы трехлетки шло прежде всего за счет расширения государственного и смешанного секторов при сохранении частных предприятий, взятых под контроль государства и действующих в строгом соответствии с государственными планами. К 1980 г. государственный сектор экономики охватывал свыше 500 различных по масштабу предприятий легкой промышленности, энергетики, горнорудной, лесной и строительной индустрии.

Однако партия настраивала коммунистов и весь народ не успокаиваться на достигнутом. Хотя в деле строительства новой жизни были достигнуты определенные успехи, экономическая база страны развивалась все еще медленно в сравнении с растущими потребностями общества.

К числу таких узких мест в народном хозяйстве ЛНДР относится транспортная проблема. Она и сегодня стоит перед республикой весьма остро. Ведь Лаос не имеет выхода к

морю. Нет в стране и железных дорог. Главной транспортной артерией пока остается Меконг с его притоками, да и он суходожден в основном в сезон дождей. Труден для решения транспортной проблемы и рельеф Лаоса, половину территории которого составляют горы. Положение усугубляется тем, что подавляющая часть лаосцев живет в небольших населенных пунктах — деревнях и хуторах, между которыми фактически не имеется надежной связи. В горных и лесных районах нередко приходится затрачивать несколько дней, чтобы через труднопроходимые джунгли добраться из одной деревни в другую. Разумеется, все это серьезно тормозит ход выполнения хозяйственных планов. Иными словами, от решения транспортной проблемы во многом зависит создание в Лаосе национального рынка, превращение страны в единый экономический организм, расширение связей ЛНДР с внешним миром.

...Еще в начале нынешнего века французская колониальная администрация в Индокитае, намереваясь проложить наиболее короткий путь из Лаоса к Южно-Китайскому морю, выбрала участок, проходящий от города Саваннакхет до морского побережья Вьетнама. Более 15 лет велось тогда строительство дороги через джунгли, хребет Чыонгшон и многочисленные реки. Дорога сооружалась буквально на костях вьетнамцев, лаосцев и кхмеров, погибших от непосильного труда.

Колонизаторы отдавали себе отчет в стратегическом значении этой дороги, позволявшей им не только доставлять награбленное из Лаоса к морскому побережью для направления судами в метрополию, но и перебрасывать карательные отряды в Лаос, где никогда не затихало пламя сопротивления.

Оценили значение этой дороги и американские интервенты, создавшие на ней на вьетнамской территории, неподалеку от границы с Лаосом, одну из крупнейших военных баз США в Индокитае — Кхесань, где дислоцировалось более 40 тыс. до зубов вооруженных солдат и морских пехотинцев агрессора. Постоянные бомбардировки авиацией США района дороги № 9, которая активно использовалась патриотическими силами Вьетнама и Лаоса, привели к тому, что ее покрытие оказалось полностью разрушенным, и дорога стала практически непроходимой для транспорта, особенно в сезон дождей.

После провозглашения ЛНДР, образования единого социалистического Вьетнама вопрос о восстановлении дороги — а речь фактически шла о строительстве новой магистрали — во весь рост встал на повестку дня. В решении этой задачи

лаосский народ опирался на помощь СРВ и Советского Союза.

Эту дорогу с учетом ее экономического значения по праву называют «лаосский БАМ». От берегов Меконга до морского побережья Вьетнама через непроходимые джунгли, реки, горы пролегла ее бетонная лента — символ братского сотрудничества советского, лаосского и вьетнамского народов.

Шоссе № 9 начинается от города Саваннакхет и идет к границе с Вьетнамом, где стыкуется с главной магистралью СРВ — трансвьетнамским шоссе № 1, связывающим Ханой с Хошиминем. Для Лаоса ныне это главный путь к морю. А из портов СРВ сегодня поступает в Лаос львиная доля грузов для ЛНДР из социалистических стран. Разумеется, современная автострада не только надежно связала важные хозяйственные районы Лаоса, но и открывает доступ ко многим природным богатствам этого края — месторождениям олова, цветных металлов, позволяет приступить к разработке древесины ценных пород, а также гипса.

Масштабы работ говорят сами за себя. Все 240 км трассы обладают твердым покрытием, а значит, дорога проходима в любое время года, даже в период тропических ливней. На дороге возведены 54 больших и малых моста, десятки водосточков, заправочные пункты, станции технического обслуживания и ремонта. Пятая часть магистрали (около 50 км) прокладывалась через тяжелые скальные породы.

Дорога преобразила этот край, где в годы антиимпериалистической борьбы ВВС США день за днем обрушивали тысячи и тысячи тонн бомбового груза, применяли химическое оружие, тщательно стремясь парализовать деятельность дороги № 9, столь важной для сил освобождения коммуникации. В те годы агрессор буквально стер с лица земли расположенный неподалеку от вьетнамской границы город Сепон, жители которого были вынуждены уйти, спасаясь от бомбардировок, в джунгли. Сегодня Сепон возрожден к жизни. Но как напоминание об ужасах минувшей войны стоят вдоль дороги дома, но не на сваях, как во многих селениях Лаоса, а на двухметровых корпусах неразорвавшихся американских бомб, тех самых, которых здесь после войны сохранилось, пожалуй, больше, чем деревьев, не уничтоженных гербицидами и дефолиантами.

Крупные силы строителей были сосредоточены в 80-е годы на реконструкции и другой важной магистрали — дороге № 13, связывающей северные и южные провинции страны. Дороги № 9 и 13 уже сейчас обеспечивают круглый год перевозку грузов, независимо от сезона дождей. Они хорошо служат делу социалистического переустройства в Лаосе.

С уверенностью в завтрашнем дне

Переход к социализму в Лаосе — своеобразный революционный процесс, суть которого, говоря словами К. Маркса и Ф. Энгельса, заключается в сокращенном процессе развития общества от докапиталистических отношений к социализму, минуя капиталистическую стадию¹. Этот процесс может успешно развиваться при наличии благоприятных внешних и внутренних условий. Особое значение среди внутренних факторов приобретает укрепление руководящей роли авангарда лаосского народа — Народно-революционной партии на всех участках социально-экономической жизни страны.

Впервые собравшийся легально, в условиях, когда НРПЛ стала правящей партией, III съезд партии (апрель 1982 г.) конкретизировал курс на строительство фундамента социализма в ЛНДР, определил стратегию и тактику партии применительно к начальному этапу переходного периода к социализму, на котором сейчас находится ЛНДР.

В решениях съезда подчеркивалось, что перед народом Лаоса стоят две стратегические задачи: построение социализма и защита революционных завоеваний. Были одобрены Основные направления развития народного хозяйства ЛНДР на 1981—1985 гг. и на 80-е годы.

Съезд подвел итоги социально-экономического развития Лаоса за период, прошедший со времени победы революции, а они весомы: валовой общественный продукт возрос в 1981 г. по сравнению с 1976 г. на 43%, национальный доход на душу населения — на 40%, валовая продукция сельского и лесного хозяйства — примерно в 1,5 раза; вследствие увеличения сбора риса сложились предпосылки для решения в основном проблемы самообеспечения страны продовольствием.

С большой заинтересованностью говорили делегаты съезда о путях развития кооперирования сельского хозяйства. Как конкретное проявление сдвигов в деле проведения социалистических преобразований в сельском хозяйстве Лаоса расценили они тот факт, что в начале 80-х годов сельскохозяйственные производственные кооперативы и товарищества по совместной обработке земли стали опережать единоличные хозяйства по сбору урожаев риса и по производительности труда. Сделав правильные выводы как из успехов, так и допущенных просчетов в кооперировании сельского хозяйства, съезд взял курс на дальнейшее развитие коллективизации

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 446.

в деревне и одновременно на создание благоприятных условий для развития крестьянами подсобных промыслов.

Съезд проходил в атмосфере самокритичности. Делегаты подчеркивали, что необходимо преодолеть отдельные недостатки в области просвещения, культуры, здравоохранения, где проявились формализм и погоня за количественными показателями в ущерб качественным, покончить с имевшей место практикой администрирования в управлении сельским хозяйством и торговлей, с проявлениями субъективизма в планировании, повысить общий уровень экономического управления в стране.

Лаосские коммунисты считают, что процесс социалистического переустройства в Лаосе должен осуществляться поэтапно, научно обоснованно, с учетом объективных потребностей. Лаос находится в самом начале переходного периода, и переход к социализму, который составит несколько этапов, займет не менее 20—25 лет. Строительство фундамента социализма и социально-экономические преобразования в ЛНДР должны и далее осуществляться одновременно и в тесной взаимосвязи друг с другом.

Решения съезда наглядно продемонстрировали, что партия лаосских коммунистов видит одну из важнейших своих задач в творческом использовании марксистско-ленинского учения, опыта братских партий в социалистическом строительстве. Экономическая стратегия НРПЛ отражает общие черты политики, которую осуществляют страны, вступившие на путь социалистического переустройства общества.

Главным фронтом борьбы за социализм в Лаосе стал в 80-е годы экономической фронт. Приоритетное внимание уделялось в годы первой лаосской пятилетки развитию сельскохозяйственного производства. И здесь удалось достичь решающих сдвигов.

Люди, впервые ставшие настоящими хозяевами своей земли, пробудившись от вековой дремы, поняли, что только вместе, сообща, смогут построить зажиточную жизнь, одолеть стихию. Их упорство, сплоченность постепенно приносили свои плоды. И тот факт, что в течение всех пяти лет в первой половине 80-х годов лаосские крестьяне собирали устойчивые урожаи риса — более миллиона тонн ежегодно, — тому убедительное свидетельство.

Народной власти оказалось под силу (и в весьма короткие сроки) решить проблему самообеспечения страны продовольствием, ежегодный уровень потребления которого на душу населения в первой половине 80-х годов превысил 350 кг. Американская буржуазная пресса признавала «впечатляю-

щие показатели экономического роста в Лаосе», который «стал кормить себя сам».

Чем объясняется такой прогресс? Важную роль здесь сыграло, конечно, то, что государственные органы уделили значительное внимание налаживанию смычки между городом и деревней, повышению роли торгово-денежных отношений, увеличению заинтересованности крестьян в результатах своего труда.

Действенным экономическим рычагом стали принятые правительством правила взимания сельскохозяйственного налога, ставки которого учитывали особенности земельных угодий, реальные возможности коллективных хозяйств и отдельных крестьян. Так, поощрялось стремление крестьян получать второй урожай за счет искусственных поливов земель. Крестьяне, возделывавшие поля в сухой сезон — с октября по апрель, — не облагались налогами. Иными словами, труженики села теперь реально заинтересованы в увеличении объема собранного зерна: ведь чем выше урожай, тем больше продукции остается производителю. Принимались меры к преодолению монокультурности и сезонности сельского хозяйства, диверсификации его продукции. Немалое значение имело и то, что площадь орошаемых угодий в стране составила к началу 1985 г. почти 75 тыс. га, а ирригация в условиях Лаоса — это прямой путь к сбору двух урожаев.

Многое делает государство для поддержки кооперативных хозяйств. Налог для них снижен на 7%, развивается сеть потребительской кооперации, совершенствуются закупочные цены. Кооперативам оказывается помощь техникой и удобрениями, предоставлением кредитов и товаров повседневного спроса. Лаосские товарищи отмечают, что за годы прошедшей пятилетки удалось достичь качественного сдвига в подходе широких масс крестьянства к кооперированию. Сельские труженики стали понимать преимущества коллективного ведения хозяйства. Ведь совместный труд облегчает создание ирригационных систем, внедрение новых технических средств, селекционной работы, действительно способствует улучшению условий жизни в деревне.

Своего рода маяками сельскохозяйственного производства в Лаосе стали в 80-е годы 44 крупных комплексных государственных хозяйства. Наилучших показателей который год подряд добывается созданный при содействии СССР госхоз «Латсен». Нигде, пожалуй, в Лаосе не встретишь пока такой концентрации сельскохозяйственной техники и средств механизации, как в этом хозяйстве. Вспашку, сев, внесение удобрений проводят здесь тракторами. Уборка риса производится

комбайнами, механизированы трудоемкие процессы в животноводстве. Госхоз имеет парк автомашин, современную ремонтную базу. В нем обеспечены хорошие условия быта трудящихся.

Лента дороги № 13 связывает Луангпхабанг на севере с Саваннакхетом и Паксе — рисовыми житницами в южной части страны.

Если ехать по дороге в северном от Вьентьяна направлении, после часа езды окажешься в сельскохозяйственном кооперативе «Тьом фет». Он, пожалуй, типичен для сегодняшнего Лаоса. Кооператив объединяет все 22 семьи, проживающие в деревне, — в общей сложности 150 человек. Кооперативу более 10 лет; он был образован весной 1976 г., когда местные крестьяне объединились в группу трудовой взаимопомощи. Осенью собрали первый урожай. Крестьяне рассказывали, что самая ответственная пора для них — это, пожалуй, апрель месяц, когда наступает сезон муссонных ливней. Тут уж время даром не терять: ведь до наступления половодья необходимо завершить подготовку почвы и рассады под рис. Затем вовремя, без опоздания, в июне — начале июля, высадить молодые рисовые побеги в отведенные чеки полей. Сбор урожая — делу венец.

Серьезным испытанием для кооператива стала страда следующего, 1977 года, когда летом случилась небывалая засуха и часть риса погибла. Беда одна не приходит — весной 1978 г. реки вышли из берегов. Сильнейшее наводнение затопило кооперативные поля, и опять, второй год подряд, крестьяне остались без урожая. Случись такое до революции, люди были бы обречены на голод. Теперь же они не отступили. Сообща оказалось легче преодолеть стихию. В общем, хотя и не без лишений, пережили лихую годину. А в 1979 г. дела удалось поправить, и тогда единодушно решили преобразовать группу трудовой взаимопомощи в настоящий кооператив. Успешным был и 1981 год, когда с площади в 26 га собрали 28 т риса. С тех пор дела кооператива пошли в гору. Но люди понимают, что достигнутое — не предел, они думают о большем.

Руководители кооператива рассказывали, что при отсутствии техники и удобрений крестьяне могут рассчитывать на урожай не выше 8—10 ц с гектара. Если же стабильно обеспечить искусственное орошение, то урожай сразу же повысится до 20—25 ц. На опытных делянках, где применялись современные агротехнические методы, удавалось довести урожайность риса до 60 ц с гектара. Вывод очевиден: повышения продуктивности аграрного сектора можно добиться только

на путях интенсификации сельскохозяйственного производства, совершенствования форм и методов управления им во всех звеньях.

С глубоким удовлетворением говорили крестьяне о том, что большую роль в деле укрепления кооперативного сектора играет материальная помощь государства только что созданным кооперативам в виде предоставления льготных кредитов, удобрений, сельхозмашин, сортовых семян, а особенно ценна она на первых порах становления коллективного хозяйства. Важно и то, что местные власти строго следят за тем, чтобы не допускались случаи администрирования и формализма при создании коллективных хозяйств, забегания вперед, а строго учитывался принцип добровольности, уровень сознательности крестьян, их восприимчивость к новым формам труда. Такой подход полностью себя оправдывает.

Практика показала, что объединение крестьян в кооперативы действительно способствует повышению жизненного уровня сельского населения. В 1985 г. в Лаосе имелось 3200 кооперативных хозяйств, которые располагали 50,2% всех посевных площадей. Урожайность возросла с 1,8 т с гектара в 1981 г. до 2,5 т в 1985 г., а в одном из лучших хозяйств провинции Чампассак на каждого члена кооператива удалось получить 1052 кг зерна!

Кооперативы идут в авангарде борьбы тружеников села за интенсификацию производства, мелиорацию, обеспечение поставок сельхозпродукции государству. Успехом аграрной политики партии является тот факт, что за десятилетие (с 1975 по 1985 г.) в 6 раз возрос объем государственных закупок у населения продукции сельского хозяйства.

Отдавая должное имеющимся сдвигам в развитии аграрного сектора, лаосские экономисты указывают на значительные неиспользованные резервы. Так, в стране имеется около 4 млн. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1,5—2 млн. га — пахотные земли. Однако под рие в середине 80-х годов использовалось в общей сложности только 750 тыс. га, что, разумеется, недостаточно. Тревожит их и то, что намечившийся рост сельскохозяйственного производства пока еще не носит равномерного характера во всех звеньях. Сельское хозяйство во многом зависит от погодных условий. Дальнейшее ускоренное развитие аграрного сектора рассматривается руководством НРПЛ как основа для постепенного перехода к модернизации всего народного хозяйства.

Леса — бесценное богатство Лаоса. Когда-то они занимали более 70% территории Лаоса. Из-за последствий варварской агрессии США, пожаров, а также из-за бесконтрольных

вырубок площади под лесом сократились до 11 млн. га и ныне составляют 47% территории. Народная власть уделяет большое внимание постепенному восстановлению утраченных лесных ресурсов. С помощью советских специалистов к началу 1986 г. половина лесных угодий была исследована и учтена. В провинции Чампассак успешно проводился эксперимент по совершенствованию системы управления лесным хозяйством.

Наряду с сельским лесное хозяйство является основой развития лаосской промышленности. Хотя объем заготовок древесины за десятилетие (1976—1986 гг.) возрос почти в 20 раз, тем не менее достигнутый уровень заготовок — а ведь ценные породы древесины являются важной статьёй лаосского экспорта — пока не удовлетворяет страну и будет постоянно увеличиваться по мере роста технической оснащённости лесхозов и создания инфраструктуры этой отрасли.

Лесами особенно богаты северные провинции Лаоса. Приметы нового видны и там. Пхонгсали — самая северная провинция Лаоса, одна из главных баз лаосской революции в годы антиимпериалистической, освободительной борьбы, — сегодня в авангарде борьбы за созидание новой жизни в ЛНДР. «Передовой форпост республики» — так охарактеризовал ее секретарь провинциального парткома К. Пхонсуличит. Он — коммунист с более чем четвертьвековым стажем, выходец из народности кхму. Боевое крещение получил весной 1954 г. во Вьетнаме в боях с французскими колонизаторами под Дьенбьенфу. На работу в Пхонгсали был направлен в 1968 г.

Сегодня провинция — одна из ведущих в республике. Пхонгсали первой в ЛНДР сумела полностью обеспечить себя продовольствием. Провинция добилась также больших успехов в ликвидации неграмотности.

Значительны достижения Пхонгсали в деле претворения в жизнь национальной политики партии. Ведь представители национальных меньшинств — мёо, яо, ко, пуной, кхму, лы, или, как они сами себя называют, «кхон Пхонгсали» (люди из Пхонгсали), — составляют большинство населения провинции.

Во время «особой войны» против Лаоса американские агрессоры пытались любыми средствами отрезать Пхонгсали от соседней лаосской провинции Самныа — колыбели лаосской революции. Местные реакционные силы, опираясь на поддержку извне, в свое время вынашивали идею создания здесь некоего сепаратистского «государства мёо». Бесчисленное количество тонн бомбового груза сбросили ВВС США на эту провинцию в годы агрессии. Буйные тропические леса

скрывают многие еще не зарубцевавшиеся раны на этой земле.

Сегодня в Пхонгсали с его более чем 100-тысячным населением царит мирная созидательная жизнь. Людей здесь не нужно много агитировать, доказывая преимущества новой власти, они их познали еще в годы отпора агрессору. Ведь в период освободительной войны в Пхонгсали — одном из бастионов освобожденной зоны — последовательно закладывались основы новой жизни. Но годы, прошедшие после победы революции в 1975 г., принесли сюда огромные перемены, особенно в социально-экономической области. В провинции более 150 сельскохозяйственных производственных кооперативов. Процесс кооперирования идет одновременно с распространением грамотности, развитием службы здоровья, расширением народных промыслов. Работают предприятия легкой промышленности. Ведущие позиции в промышленности занимает государственный сектор, интенсивно развивается лесное хозяйство.

Все эти достижения — результат упорного, дружного труда людей, ведь 90% территории Пхонгсали занимают горы. Под плантациями полевного риса — они удобно расположились в долинных районах, лежащих между горными ущельями, — занято всего 4 тыс. га. Приходится делать упор на выращивание менее прихотливых и влаголюбивых культур — батата, кукурузы, сои. Так что успехов крестьяне Пхонгсали добиваются прежде всего умением получить максимум из того, чем они располагают, а кпд их труда достаточно высок.

Прекрасен этот горный край, разместившийся между реками Меконг и У, красива судьба проживающих здесь людей.

В заботах населения Пхонгсали, как в капле воды, отражаются те проблемы, которые волнуют сейчас всю страну, а это прежде всего стремление придать достигнутым успехам устойчивый характер. Ведь на современном этапе в Лаосе пока нет условий для осуществления широкой индустриализации. ЛНДР еще не в состоянии на должном уровне решать проблемы обеспечения строительства и промышленности оборудованием, квалифицированной рабочей силой, управленческими кадрами. Рабочий класс Лаоса насчитывал в начале 80-х годов около 50 тыс. человек; если к ним добавить работников административного аппарата и военнослужащих, это составит примерно 3% населения.

И тем не менее годы первой пятилетки (1981—1985 гг.) отмечены активным развитием промышленности, упрочением позиций государственного сектора, укреплением новых производственных отношений в промышленности, ростом чис-

ленности рабочего класса, повышением его классового сознания, уровня квалификации. О многом говорит тот факт, что в 1985 г. объем промышленного производства в Лаосе удвоился по сравнению с дореволюционным периодом.

За это же время введены в эксплуатацию, в частности, такие крупные объекты, как авторемонтные мастерские и нефтебаза, автодорожный мост через реку Нён в провинции Хуанхап, завод по производству комбикормов и фабрика вакцин. В 1984 г. в строй действующих введен завод по производству бетонных изделий, завершён монтаж пятого блока Нгумской ГЭС, которая дала стране 800 млн. кВт·ч электроэнергии. Плановые показатели были успешно выполнены в таких ведущих отраслях, как электроэнергетика, производство товаров народного потребления. Развивалась и совершенствовалась государственная торговая сеть, а также система торговых, снабженческо-сбытовых кооперативов. Вопрос о стабильности внутренней торговли, регулировании рынка, подчеркивают лаосские экономисты, не только чисто хозяйственный, но и политический. Именно здесь в известной степени решается в Лаосе вопрос «кто — кого?».

Как и в других странах Индокитая, рыночная торговля играет важную роль в хозяйственной жизни Лаоса. Но и здесь, как в Южном Вьетнаме, рынок остается вотчиной частника, а он, пользуясь слабостью государственной торговли, диктует цены на продукты питания и промтовары, подрывая тем самым курс национальной валюты — кипа. «Учиться торговать!» — этот лозунг весьма актуально звучит сегодня для Лаоса.

Принимаемые народной властью меры в сфере обращения и распределения в целом способствовали расширению хозяйственных связей между различными государственными производственными подразделениями, активизации товарообмена с крестьянством, сохранению на стабильном уровне материального положения трудящихся. Важное значение имели здесь шаги по совершенствованию системы государственных закупочных цен, в результате чего неизменно возрастает объем закупок наиболее важных видов продукции. Тем не менее недоработки в сфере распределения и обращения весьма существенны. Товарно-денежные отношения пока не вносят должного вклада в развитие производства, в улучшение условий жизни рабочих, служащих, военнослужащих, населения в целом.

Практика хозяйственной жизни остро поставила перед Лаосом вопрос о совершенствовании системы планирования и управления экономикой. Руководство ЛНДР подчеркивает

необходимость «научиться грамотно управлять экономикой, уметь планировать, использовать товарные отношения и такие рычаги, как кредит, цены, зарплата и прибыль». Эти задачи неоднократно рассматривались в последние годы на пленумах ЦК НРПЛ.

Для проведения реформы механизма управления экономикой и планирования в Лаосе имелось немало причин. Главная из них — убыточность ряда предприятий страны, которая покрывалась за счет государственных дотаций. Некоторые предприятия работали наполовину, а то и меньше своих производственных мощностей. Из-за этого страна ежегодно недополучала десятки тысяч кубометров древесины и пиломатериалов, сотни тысяч метров ткани, тысячи тонн металлоизделий, средств бытовой химии и других промышленных товаров, столь необходимых для внутреннего рынка, для товарного обмена между городом и деревней.

Возьмем, к примеру, деятельность таких предприятий Вьентьяна, как деревообрабатывающий и фанерный заводы. Может показаться парадоксальным, что в Лаосе, стране столь богатой лесом, в работе этих важных предприятий в первой половине 80-х годов зачастую имели место сбои именно из-за нехватки древесного сырья. Трудности возникали также из-за дефицита в снабжении электроэнергией, материалами, запасными частями для ремонта оборудования.

И все же основной проблемой были недоработки в системе управления производством. Крайне негативно сказывалось на производстве то, что широко распространившийся метод администрирования не стимулировал активность предприятий, а порой и порождал своего рода иждивенчество. Случалось и так, что спускаемые сверху планы были своего рода плодом субъективной деятельности управленческих органов, не находились в увязке с товарно-денежными отношениями. Отсутствие на предприятиях должного учета и контроля зачастую приводило к нарушениям трудовой и производственной дисциплины.

С учетом всего комплекса этих отрицательных явлений и было решено в основу всей экономической деятельности поставить хозрасчет. Новый механизм управления экономикой, по сути дела, сочетает в себе плановость, экономический учет и контроль, социалистическую предприимчивость. Начавшаяся перестройка хозяйственного механизма создает хорошие возможности для достижения прибыльности предприятий, увеличения поступлений в государственный бюджет и вместе с тем для неуклонного повышения уровня жизни рабочих и служащих. Опираясь на государственный план, пред-

приятия теперь сами организуют свою деятельность таким образом, чтобы гарантировать получение прибыли и с учетом этого расширять производство, увеличивать фонды накопления, предоставлять дополнительные льготы трудящимся.

Масштабность и сложность задач по преобразованию народного хозяйства поставила перед страной вопрос о подготовке грамотных руководителей и об укомплектовании ими заводов и фабрик. Речь идет и о коренной ломке психологии людей, привычных представлений о хозяйственной деятельности. Партия выдвигает ясную задачу — от эксперимента, который осуществлялся в 1985—1986 гг. на ряде предприятий, перейти к широкому внедрению новых форм хозяйствования.

Вступив в декабре 1985 г. во второе десятилетие, ЛНДР с полным основанием может гордиться своими достижениями. А их немало, и главное здесь то, что социалистические преобразования все рельефнее дают себя знать во всех сферах экономической и социальной жизни.

Этапным событием в общественно-политической жизни Лаосской Народно-Демократической Республики стал состоявшийся в ноябре 1986 г. IV съезд партии лаосских коммунистов. Народно-революционная партия Лаоса — боевой авангард лаосского народа — завоевала высокий авторитет и уважение трудящихся масс еще в те годы, когда, находясь в подполье, была тесно связана с ними, готовила их к решающим сражениям за свободу и независимость. Придя в декабре 1975 г. к руководству всей страной, партия лаосских коммунистов смело взяла на себя роль организатора масс в строительстве новой жизни на древней лаосской земле. С каждым годом НРПЛ набирается опыта, растет численно (ныне в ее рядах более 40 тыс. членов), крепнет организационно, наращивает свою боевитость. В период подготовки к IV съезду на собраниях и партийных конференциях шел принципиальный разговор о путях дальнейшего развития страны, вскрылись ошибки и упущения в работе как отдельных коммунистов, так и партийных организаций, намечались меры к укреплению партии и повышению ее роли руководителя лаосского общества.

Работа съезда НРПЛ проходила накануне одиннадцатой годовщины образования ЛНДР. В рамках исторического процесса такой срок, разумеется, весьма незначителен, но и за эти годы мирного созидания трудящиеся Лаоса добились впечатляющих успехов на всех участках социалистического строительства. При бескорыстной помощи друзей из стран социалистического содружества народ ЛНДР шаг за шагом

преодолевал былую экономическую отсталость, добиваясь заметных позитивных перемен в социально-экономическом и культурном строительстве.

В Политическом докладе ЦК НРПЛ, представленном IV съезду партии Генеральным секретарем ЦК НРПЛ, Председателем Совета Министров ЛНДР Кейсоном Фомвиханом, подчеркивалось, что достигнутые лаосским народом за десятилетие, истекшее со времени провозглашения ЛНДР, успехи подтверждают правильность курса НРПЛ, которая с самого начала выдвинула две стратегические задачи: строительство социализма и защита родины. В результате самоотверженных усилий трудящихся по восстановлению и развитию народного хозяйства, подъему производства удалось в течение первой половины 80-х годов постепенно стабилизировать положение в стране, выполнить основные задачи, выдвинутые III съездом НРПЛ. Несмотря на многочисленные трудности, являющиеся следствием низкого исходного уровня экономики ЛНДР и различного рода подрывных происков недругов лаосской революции с целью дестабилизации политической и социально-экономической обстановки, лаосский народ добился существенных достижений в социально-экономическом развитии своей страны. В пользу этого говорит тот факт, что за прошедший со времени образования ЛНДР период валовой общественный продукт увеличился вдвое, а доход на душу населения — на 60%.

Плановые задания первой лаосской пятилетки (1981—1985 гг.) в основном успешно выполнены. Валовой общественный продукт за пятилетие увеличился на 54%, национальный доход — на 48, объем капиталовложений — на 41, производительность общественного труда — на 28%. Для страны, которая всего лишь 10 лет назад встала на путь социалистических преобразований, эти достижения представляют собой крупный шаг вперед.

Особого внимания заслуживают успехи, достигнутые в сельском хозяйстве — ведущей отрасли лаосской экономики. Годовое производство риса на душу населения достигло 380 кг против 280 кг в 1976 г. Ускоренными темпами развивается животноводство. Количество крупного рогатого скота достигло в 1985 г. 1,5 млн. голов. Все это позволило значительно улучшить снабжение населения продовольствием, создало предпосылки для подъема легкой промышленности.

Эти сдвиги произошли благодаря усилиям государства по развитию материально-технической базы сельского хозяйства, где уровень механизации возрос к 1985 г. по сравнению с серединой 70-х годов более чем в 5 раз, расширению иррига-

ционных систем (за пятилетку было охвачено ирригацией 130 тыс. га, то есть втрое больше, чем в 1976 г.), увеличению площадей, на которых собиралось по два урожая в год.

Решение Лаосом проблемы самообеспечения продовольствием — результат активного и последовательного осуществления курса на кооперирование в деревне, умело претворяемого в жизнь при соблюдении принципа добровольности, уважении национальных традиций. В 1986 г. в Лаосе насчитывалось 3420 кооперативов, объединивших более половины всех крестьянских семей, которые возделывают 52% площадей, занятых под рис. Они являются центрами внедрения передовых интенсивных методов растениеводства, механизации сельскохозяйственного производства.

Одним из важных направлений развития сельского хозяйства ЛНДР является производство экспортных культур. Так, за 1976—1986 гг. площади под кофе и табаком возросли в 4 раза. В настоящее время кофейными плантациями занято около 20 тыс. га, причем урожай этой ценной экспортной культуры достиг рекордного для Лаоса объема — около 6 тыс. т.

Устойчивыми темпами развивалась лаосская промышленность. Объем промышленной продукции за десятилетие (1976—1986 гг.) возрос в 4,4 раза. Был налажен выпуск ряда новых видов продукции, в том числе на экспорт. В настоящее время в ЛНДР насчитывается 295 промышленных предприятий, на которых занято свыше 25 тыс. рабочих и служащих. В первой половине 80-х годов введен в строй ряд новых объектов — ремонтно-механический завод, оловодобывающие предприятия, гипсовый рудник, заводы — бетонный и строительных материалов и др. На электростанции на реке Нгум смонтирован пятый энергоблок. В результате реконструкции мощность этой крупнейшей в стране ГЭС возросла в 5 раз, достигнув 150 тыс. кВт·ч. Были реконструированы старые или сооружены новые малые электростанции в провинциях Луангхабанг, Чампассак. Ведется строительство аналогичных станций в провинциях Удомсай и Хуанхап. В целом же за годы первой пятилетки производство электроэнергии в Лаосе возросло с 895 до 918 млн. кВт·ч, что в 4 раза выше уровня 1976 г. Дальнейшее развитие получила легкая промышленность. В 1981—1985 гг. производство тканей возросло более чем в полтора раза. Существенно, что доля социалистического сектора в валовом продукте промышленности достигла 90%.

Отдавая должное достигнутому, лаосские коммунисты остро ставят вопрос о все еще имеющихся недостатках, пере-

шенных проблемах, трудностях, тормозящих строительство в Лаосе новой жизни. А таковых пока немало. До сих пор проявляется медлительность в устранении административно-бюрократических методов управления экономикой, недостаточное внимание уделяется повышению эффективности на производстве. Распределение в сфере потребления подчас несет на себе печать уравниловки, не зависит от затрат труда. Не достигнут еще комплексный подход к применению экономических рычагов для стимулирования хозяйственно-производительной деятельности. Имеют место проявления местничества, погоня за кратковременными выгодами без учета долгосрочной перспективы.

Эти и целый ряд других недостатков негативно влияют на ход выполнения задач, поставленных партией. И дело здесь не только в том, чтобы прямо признать эти упущения, а главное — решительно их исправлять, указывалось в документах IV съезда НРПЛ. Для этого в любой области деятельности, особенно в экономической, важно уделять первостепенное внимание объективным законам, решительно остерегаться субъективизма, волюнтаризма. Сила правящей партии как раз и состоит в том, что она верно познает реальные законы развития и творчески их применяет.

Большое внимание IV съезд НРПЛ уделил анализу направлений и задач социально-экономического развития ЛНДР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г., в частности углублению концепции перестройки хозяйственного механизма. При этом отмечалось, что происшедшие в ЛНДР в течение ряда последних лет в стране качественные сдвиги в полном смысле слова изменили облик страны. Лаосское общество ныне совсем не то, каким оно было, например, при вступлении на путь социализма. И вместе с тем считать его полностью социалистическим также было бы ошибкой, поскольку немалая роль в экономической жизни все еще принадлежит мелкотоварному производству с ярко выраженным натуральным хозяйством. «Мы, — подчеркивал на съезде Кейсон Фомвихан, — должны избегать двух крайностей: видеть лишь позитивные моменты нашего развития или же замыкаться на трудностях, отрицательных сторонах, впадать в пессимизм. Объективная, точная оценка достигнутого уровня, понимание действительного положения дел имеют важное значение для разработки социально-экономической политики партии... Мы должны четко уяснить цели и принципы механизма управления социалистической экономикой, проявляя при этом гибкость, своевременно реагируя на изменение практических условий. Мы должны развивать новое экономическое мыш-

ление, решительно отбрасывать устаревшие методы, применять новые идеи. Только так мы сможем создать систему управления экономикой, отвечающую реальным условиям нашей страны».

На IV съезде НРПЛ были сформулированы основные экономические и социальные направления работы партии, всего лаосского народа на вторую пятилетку и более длительную перспективу, намечены приоритетные программы, призванные обеспечить строительство фундамента социализма в Лаосе. Особое внимание при этом было уделено развитию сельского и лесного хозяйства, легкой и пищевой промышленности, производству товаров на экспорт.

Крупные задачи поставлены также перед тружениками сельского хозяйства ЛНДР. Планируется довести к 1990 г. сбор зерновых до 2—2,2 млн. т, а производство риса на душу населения — до 430 кг.

Другое приоритетное направление экономической жизни Лаоса в нынешнем пятилетии — интенсивное развитие лесного хозяйства в целях обеспечения как внутренних потребностей, так и расширения экспортной базы. Более широкое и продуктивное использование природных ресурсов, которыми столь богат Лаос, безусловно, хорошо послужит дальнейшему экономическому становлению страны, подъему народного благосостояния.

Важным фактором социалистического строительства в Лаосе является всестороннее сотрудничество с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. Лаосский народ всегда ясно сознавал, что Советский Союз — его стратегический союзник и надежная опора. Крепкие связи с СССР, и это подчеркнул IV съезд НРПЛ, основополагающий принцип внешней политики НРПЛ и лаосского государства.

VI съезд КПВ и IV съезд НРПЛ, решения которых созвучны новаторскому духу и установкам XXVII съезда КПСС, стали свидетельством того, что при всех, иногда весьма существенных, различиях условий, в которых живут и действуют братские партии стран социалистического содружества, все они вдохновляются общими идеалами социализма, руководствуются единым для них учением марксизма-ленинизма, тесно сотрудничают друг с другом на основе принципов социалистического интернационализма.

Прочные нити братства

У лаосцев есть старая добрая традиция. В честь гостя или вновь приобретенного друга они устраивают церемонию «баси», на которой ему преподносят как талисман разноцветные нити. И чем больше нитей, тем прочнее вновь приобретенная дружба. Тысячами прочных нитей братства и сотрудничества связан Лаос со Страной Советов.

50% помощи, которую получает Лаос, поступает из Советского Союза. За годы первой пятилетки ЛНДР при советском экономическом и техническом содействии было завершено 30 народнохозяйственных объектов и программ. Действуют государственные строительные и транспортные объединения, имеющие мощную материально-техническую базу. Так, объем работ, курируемых министерством строительства ЛНДР, возрос в первой половине 80-х годов в более чем в 5 раз благодаря государственному строительному объединению, созданному при содействии СССР. Государственная автотранспортная организация ЛНДР имеет базовые парки МАЗов, ЗИЛов и КамАЗов во Вьентьяне и Саваннакхете.

С помощью советских специалистов в ЛНДР проведены геологоразведочные работы с целью определения запасов полезных ископаемых, широкие работы по картографированию всей территории республики. Специалисты из СССР работают в сельском и лесном хозяйстве Лаоса, на дорожном строительстве, в медицине и образовании.

В предместьях Вьентьяна построена станция космической связи «Лотос». С подключением станции к системе «Интерспутник» Лаос получил надежную связь со всеми странами социалистического содружества. Московское телевидение получило возможность вести прямую передачу на Лаос и принимать программы вьентьянской телестудии.

Однако рассказ о советско-лаосском экономическом сотрудничестве был бы неполным без упоминания о строительстве мостов через реки Нгум и Кадинг — уникальных для Лаоса сооружений протяженностью соответственно 252 и 368 м. Заранее скажем: возведение мостов через лаосские реки — непростая техническая задача. Трудно укротить реки Лаоса. Речные потоки пробиваются сквозь буйные заросли тропического леса, выворачивая вековые деревья, размывая земельный покров, глубоко врезаясь в мощные скальные породы. Нелегко пробираться по рекам: не везде пройдет лодка и плот, часто встречаются водопады и водовороты.

Поэтому при строительстве мостов через реки главная сложность — приспособиться к их праву, особенно в период

разлива, который длится все шесть месяцев сезона тропических ливней. Достичь наибольшей эффективности можно, лишь сконцентрировав все силы и средства на работу в период сухого сезона, то есть с октября по апрель, когда реки сильно мелеют.

Именно с учетом этих факторов велось сооружение моста через реку Нгум близ деревни Банхай, что в 60 км от Вьентьяна. В сухой период река Нгум кажется кроткой, медленно несущей свои мутные воды среди высохших отмелей. Но вот наступает сезон муссонов, и река разливается чуть ли не на полтора метра. Долгое время для переправы через реку Нгум в месте ее пересечения с дорогой № 13 пользовались допотопным паромом с пропускной способностью до 60 автомашин в сутки. Часами «загорали» водители, ожидая очереди, чтобы переправиться на другой берег реки. Мост был необходим здесь как воздух. И вот в начале 80-х годов началось строительство.

Проект, подготовленный коллективом советского института «Союздорпроект», предусматривал сооружение современного автодорожного моста длиной 252 м и шириной 10 метров с пропускной способностью в 2 тыс. машин. Особую сложность представляло строительство пяти несущих опор моста. Работа по их возведению происходила в основном в сухой сезон, когда рабочий коллектив из 230 лаосских строителей и группы советских специалистов трудился в три смены. В марте 1984 г. все опоры моста были перекрыты, а в конце того же года мост вступил в эксплуатацию. Еще один объект первой лаосской пятилетки начал работать на социализм.

Совершенствование и углубление сотрудничества между ЛНДР и Советским Союзом, другими странами социалистического содружества рассматривается народом Лаоса как исключительно важный фактор претворения в жизнь величественных предначертаний партии лаосских коммунистов.

Огромным достижением в жизни Лаоса стало то, что ныне эта страна вошла в число тех немногих пока государств Азии, в которых неграмотность ликвидирована. В настоящее время учебной охвачена четвертая часть населения. Формируется новая культура, социалистическая по содержанию, национальная по форме. Рождается человек нового, социалистического общества. Значимость и величие этих перемен особенно ясно понимаешь, если вспомнить, что ко времени победы революции в декабре 1975 г. в стране насчитывалось немногим более 450 учителей, а 60% населения вообще не умели ни читать, ни писать. Трудно себе представить, что еще немногим более 10 лет назад в лаосском обществе преобладал

неоколониалистский образ жизни, усиленно навязывавшийся империализмом. И как результат — в зоне контроля вьентьянского режима процветали тогда грабежи, мародерство, азартные игры, проституция. Национальные традиции и обычаи были искажены заимствованным на Западе образом жизни.

Народная власть приложила немало усилий для улучшения условий материальной и культурной жизни народа. НРПЛ сразу же выдвинула лозунг: «Учиться — значит быть патриотом». И за учебу взялся стар и млад. И сегодня повсюду в Лаосе можно увидеть и такой лозунг: «Неграмотный должен учиться, грамотный — обучать». Общеобразовательные школы страны — а их число достигло 7 тыс. — посещают свыше 600 тыс. детей. В начальных школах и 19 технических колледжах передают знания учащимся 20 тыс. преподавателей и учителей.

В середине 80-х годов в Лаосе действовало 8 вузов и 39 техникумов различного профиля, которые посещало 16 тыс. студентов. И все же молодая республика и сегодня остро нуждается в квалифицированных кадрах для народного хозяйства. Огромное значение в этом смысле имело начало подготовки специалистов с высшим образованием. Беспкорыстную помощь в подготовке высококвалифицированных национальных кадров оказали ЛНДР братские страны социалистического содружества, прежде всего Советский Союз и Вьетнам. Так, к началу 1985 г. в странах социализма овладевало знаниями более 2,5 тыс. лаосских студентов, стажеров и практикантов. А всего свыше 11 тыс. лаосских юношей и девушек получили высшее и среднее специальное образование в братских социалистических странах. Около 1400 студентов ЛНДР занимаются ныне в высших учебных заведениях в разных городах СССР. Эти юноши и девушки вскоре отдадут приобретенные знания и опыт делу служения своему народу, созидаанию новой жизни на лаосской земле.

«Горжусь тем, что несколько лет жил в Ленинграде, был студентом одной из старейших в мире высших лесотехнических школ. Города, подобного Ленинграду, не знаю; убежден, что другого столь же героического и прекрасного нет на всем свете» — так писал своим друзьям в город на Неве выпускник Ленинградского ордена Ленина лесотехнической академии имени С. М. Кирова Фуи Вонгкхамчан. Учебу он окончил раньше других: спешил на родину, где патриоты завершали борьбу за новый, свободный Лаос. По возвращении на родину Вонгкхамчана назначили начальником отдела департамента лесного хозяйства. Он с головой ушел в дело, че-

тыре месяца провел в лесах провинций Хуанхап и Кхаммуан, обследовал их, наносил на карту участки леса, где можно добывать бензойную смолу, столь необходимую для народного хозяйства Лаоса, для расширения его экспортных возможностей. «Старался, — говорил Вонгкхамчан, — скорее оправдать советский диплом и доверие руководителей ПФЛ, которые даже в трудные военные годы думали о мирном, счастливом будущем родины и уже тогда предоставили мне, как и многим другим лаосцам, возможность получить образование в первом в мире социалистическом государстве». После шести лет работы на родине Вонгкхамчана снова направили в Ленинградскую лесотехническую академию, теперь уже для подготовки и защиты диссертации. Судьба Вонгкхамчана — одного из первых ученых-лесоводов Лаоса — во многом закономерна, ибо отражает решимость лаосской молодежи идти ступень за ступенью к вершинам знаний.

При старом режиме медицинское обслуживание было практически недоступным для подавляющего большинства населения. И это неудивительно, ведь на 3 млн. населения в стране было всего лишь 80 дипломированных врачей, обслуживавших в основном элиту вьетнянской администрации. При народной власти медицинское обслуживание стало бесплатным. Его доступность обеспечивается созданием во всех 13 провинциях и 114 тасенгах (районах) сети больниц, поликлиник, диспансеров, фельдшерских пунктов. В стране насчитывается 720 больниц и госпиталей на 100 тыс. коек, в которых работают 100 тыс. врачей, фельдшеров и медицинских сестер. Большое содействие в становлении системы здравоохранения ЛНДР оказывают советские медики, работающие как в госпитале советско-лаосской дружбы, построенном в 1978 г. в качестве дара республике, так и в «Махосоте» — крупнейшем госпитале столицы Лаоса. Вопросы повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся и сегодня на одном из первых мест в повестке дня деятельности НРПЛ и правительства ЛНДР.

* * *

В далеко не простой обстановке строит новую жизнь народ Лаоса. Все годы своего существования молодая республика, учитывая тревожную обстановку на своих западных границах, вынуждена отрывать из сферы экономики значительные ресурсы, направляя их на укрепление своей обороноспособности.

Силы международной реакции оказывают поддержку окопавшимся на тайландской территории остаткам лаосских

реакционеров, ведут непрерывную психологическую войну против Лаоса, извращая политический курс НРПЛ и правительств ЛНДР. На территорию Лаоса засылаются диверсионно-шпионские группы.

Особые расчеты противники лаосской революции связывают с попытками посеять рознь между различными народностями Лаоса, между религиозными общинами, поссорить Лаос с его соседями — Вьетнамом и Кампучией, расколоть нерушимое единство Лаоса со странами социалистического содружества.

Приходится учитывать и то, что, стремясь использовать имеющиеся в стране нерешенные хозяйственные проблемы, недруги лаосской революции пытаются совершать экономические диверсии, препятствуют установлению эффективного контроля за внутренним рынком, а это по их замыслу должно привести к ухудшению условий жизни государственных служащих, рабочих, военнослужащих, всего населения страны. Своими подрывными акциями они хотели бы искусственно обострить противоборство между социалистическим и капиталистическим путями внутри Лаоса.

Подрывную работу ведут остатки лаосской реакции, нашедшие убежище за границей. Как известно, в результате стремительного натиска сил освобождения в 1975 г. некоторые враждебно настроенные к революции подразделения маррионеточной армии и бандитов Ванг Пао были разгромлены, другие — спрятались в джунглях, откуда пытались оказывать сопротивление. Кое-кто охотно использует остатки этих банд, размещенных в лагерях близ рубежей ЛНДР, для организации мятежей, террора против лаосского населения.

В этой непростой обстановке лаосский народ, демонстрируя высокий патриотизм, веру в социалистический строй, дает должный отпор подрывным акциям враждебных сил. За время существования ЛНДР народно-революционная власть сотни раз срывала происки бандитов, шпионов, лазутчиков, диверсантов, которых группами или поодиночке забрасывают в Лаос. Сорван и план организации некоего «фронта спасения Родины» из остатков лаосской контрреволюции, которая планировала, опираясь на помощь извне, создать «плацдарм» на левом берегу Меконга и объявить о создании «правительства».

В 80-е годы в целях усиления психологической войны против ЛНДР, ее друзей и союзников спецслужбами США была пущена в оборот фальшивка о «применении Советским Союзом и Вьетнамом химических веществ в Лаосе». Эти провокационные утверждения строились на зыбкой почве — «показаниях некоторых представителей племени мео,

которые в 1975 г. ушли вместе с реакционером Ванг Пао в Таиланд».

В книге «Сочинители мифа о желтом дожде» австралийский журналист Г. Ивенс пишет, что безосновательные обвинения против СССР и Вьетнама грубо сфабрикованы. Они базируются в основном на спекуляции суевериями племени мео, трагическая судьба которого в период империалистической агрессии в Лаосе известна. Паразитируя на отсталости мео, которые традиционно живут в горных районах Лаоса, сначала французские колонизаторы, а затем и американские агрессоры пытались сделать их орудием борьбы против революционных сил. Небезызвестен и «руководитель» мео — агент ЦРУ «генерал» Ванг Пао, ставший подлинным палачом этого этнического меньшинства. По его вине многие тысячи мужчин мео, включая подростков, погибли либо в заранее обреченных на поражение боях с вооруженными силами Патриотического фронта Лаоса, либо в своих деревнях под бомбами американцев, когда те считали, что мео, мол, отказываются сотрудничать с ними.

Теперь же оставшимся в живых мео пытаются внушить, что резкое сокращение численности мео как этнической группы является — де результатом «желтого дождя», который «наслали» на них коммунисты. Любые расстройства организма, которые наблюдаются у отдельных представителей племени, живущих в Таиланде, — желудочно-кишечные или легочные заболевания, а они весьма распространены среди горцев, в особенности когда те вынуждены спускаться с гор, где климат суше, и жить в долинах с их повышенной влажностью, — агенты ЦРУ приписывают «тем, кто насылает желтый дождь».

Г. Ивенс показывает в своей книге, что мео, оставшиеся в живых после «тайной войны» ЦРУ в Лаосе, «готовы подтвердить все, что велят им их марионеточные руководители, сохранившие верность спецслужбам США».

Трудно заживающие рубцы оставил в душе представителей национального меньшинства мео тот роковой день, когда многие горцы угрозами, обманом и насилием стали игрушкой в руках преступного авантюриста Ванг Пао. Ныне многие мео вернулись в родные края. И в их жизни зримо приметы нового, что принесла с собой победившая революция. Сегодня горцы — равноправные члены единой лаосской семьи. Народная власть относится к горцам с пониманием, с большим тактом. Конечно, одним махом трудно преодолеть вековые предрассудки, царившие в их среде. Здесь нужно и время, и терпение. В деревнях на северо-западе

Лаоса, где живут мео, строятся школы, медицинские пункты, магазины, прокладываются дороги. Каждый горец ощущает теперь заботу народного государства о его соплеменниках.

«Перед Лаосом, — отмечает Кейсон Фомвихан, — широко открыт путь к социализму. Тщетно империалисты и международная реакция прибегают к самым коварным средствам и методам, чтобы сорвать революционное дело нашего народа. Нет такой силы, которая могла бы остановить победное шествие нашей революции, несмотря на все ее трудности и недостатки».

ПОДОБНО ПТИЦЕ ФЕНИКС

Диалектика революционного процесса в странах, где происходят национально-освободительные революции, такова, что на общем фоне поступательного движения социального прогресса могут возникать и серьезные регрессивные явления. К явлениям такого рода следует отнести узурпацию в 1975 г. власти в Кампучии левоэкстремистской группой Пол Пота, что привело к угрозе потери кампучийским народом его революционных завоеваний, достигнутых в результате победы в антиимпериалистической борьбе.

К тому, что произошло в Кампучии в 1975 г. после краха проимпериалистического режима, вполне применимы слова К. Маркса: «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху»¹.

Преодоление полпотовщины явилось в полном смысле слова экзаменом на зрелость подлинно революционных сил Кампучии. И они при интернациональной помощи вьетнамских и лаосских патриотов, опираясь на поддержку мировой социалистической системы, это испытание выдержали с честью.

Непросто сложилась судьба Народно-революционной партии Кампучии — авангардной силы процесса построения но-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 121.

вого общества в народной Кампучии. Образованная 28 июня 1951 г. НРПК внесла решающий вклад в антиколониальную борьбу, в завоевание Кампучией национальной независимости, а в 70-е годы возглавила народ в войне сопротивления против империалистической агрессии США и антинародного лонноловского режима. Итогом этой борьбы стал крах 17 апреля 1975 г. проимпериалистического режима.

Страшной трагедией для народа Кампучии, для партии обернулась после завоевания этой победы узурпация власти в стране репрессивно-террористической группировкой Пол Пота.

Опираясь на интернациональную поддержку, подлинные коммунисты Кампучии нашли в себе силы покончить с ненавистной полпотовской тиранией и мракобесием. Возрождение Народно-революционной партии Кампучии на марксистско-ленинских началах связано с периодом после победы революции в январе 1979 г. На своем IV съезде в 1981 г. партия вновь получила название — Народно-революционная партия Кампучии вместо названия «Компартия Кампучии», которым прикрывали полпотовцы деятельность созданной ими террористической организации.

Ночь над страной Ангкора

В 1984 г. решением Национального собрания Народной Республики Кампучии день 20 мая был объявлен Днем памяти жертв геноцида. В этот день кампучийцы склоняют свои головы перед памятью их соотечественников, погибших от рук полпотовских палачей.

А пятью годами раньше, в августе 1979 г., в Пномпене состоялось заседание народно-революционного трибунала, созданного декретом правительства народной Кампучии. Шел судебный процесс над главарями полпотовской шайки — Пол Потом и Иенг Сари, обвинявшимися в геноциде кампучийского народа. Оба обвиняемых были заочно приговорены к смертной казни.

В течение нескольких дней трибунал заслушал сотни свидетельских показаний, заключений экспертизы, которые оживили страшные картины жизни кхмерского народа в течение почти четырех лет полпотовской деспотии. Речь на процессе шла не только о массовом истреблении людей, но и о создании условий, обрекающих оставшихся в живых на верную смерть, создании обстановки, невозможной для человеческого существования, путем полного нарушения соци-

альных связей, упразднения семьи и всех нормальных отношений между людьми.

Миллионы мужчин и женщин, детей и стариков, согнанных в «народные коммуны» и приговоренных к каждодневной 12-часовой эксплуатации на полях за две чашки рисовой похлебки и две чашки риса в страдную пору, — вот кто был обвинителем палачей. Сотни тысяч детей и подростков, превращенных в шпионов, которые должны были по ночам подслушивать разговоры взрослых и обо всем доносить в охранку, — это тоже обвинение преступному режиму. Каждого недовольного ждала смерть от удара мотыги в затылок.

Официальные данные, опубликованные в 1984 г. комиссией по расследованию преступлений полпотовцев, заставляют содрогнуться. Палачи замучили 35 тыс. рабочих и государственных служащих, 18 тыс. работников здравоохранения и просвещения. Было убито 96% всех кампучийских студентов — свыше 100 тыс. юношей и девушек, единственным преступлением которых была тяга к знаниям. На всю жизнь калеками и инвалидами остались более 141 тыс. человек. Сиротами стали 200 тыс. детей.

Огромный ущерб, нанесенный преступным режимом кампучийской экономике. Бандитами взорвано и разрушено 634 тыс. зданий. Разграблены и превращены в руины 5857 школ, 796 больниц и медицинских пунктов, то есть значительная часть того, что десятилетиями создавалось упорным трудом народа.

И сейчас, когда полпотовщина стала для народа этой страны только страшным воспоминанием о прошлом, когда народная Кампучия уверенно идет по пути строительства новой жизни, видимо, немаловажно понять, как же могло получиться, что в Кампучии — стране древней цивилизации, богатейшей культуры, глубоких гуманистических традиций — появилось такое чудовищное, бесчеловечное социальное явление, как тирания полпотовских палачей.

Глубоко правы кампучийские коммунисты, которые и сегодня подчеркивают, что полпотовщина стала фактом национальной истории страны, фактом страшным, трагическим, но от которого никуда не уйти, что надо до конца разобратся в прошлом, чтобы рассказать всю правду о нем детям Кампучии, чтобы уверенно, без оглядки строить для них светлое, счастливое будущее.

Узурпация в апреле 1975 г. власти кликой Пол Пота привела к установлению в Кампучии одной из наиболее жестоких диктатур в современной истории. Полпотовцы дотла разрушили все, что было построено до них, но создать чего-

либо нового взамен разрушенного старого они не смогли. Хотя потуги «поразить» мир делались. И свидетельство тому — высказывания лидеров палаческого режима. Так, Иенг Сари заявлял: «Революционный опыт кхмеров не имеет прецедентов. То, что мы пытаемся осуществить, никогда не было сделано в истории».

Элементарная безграмотность в вопросах политики и экономики, неприятие общих закономерностей строительства нового общества и, как результат, полное игнорирование специфики перехода к социализму экономически неразвитых стран имели результатом появление у полпотовской верхушки в корне ошибочных взглядов на социально-экономическое развитие Кампучии. Их основной смысл сводился к тому, что посредством суровых административно-принудительных мер — а в «демократической Кампучии» они вылились в геноцид, в жесточайшие репрессии в отношении трудящихся — удастся, мол, осуществить быстрое обобществление средств производства. На фундаменте неразвитых производительных сил полпотовцы стали «внедрять» свои псевдокоммунистические «теоретические» построения. Как был прав К. Маркс, когда говорил, что «невежество — это демоническая сила... оно послужит причиной еще многих трагедий»¹.

В своих «экспериментах» полпотовцы изоциренно использовали специфические условия Кампучии тех лет. Ведь к моменту узурпации власти Пол Потом истерзанная варварской агрессивной империализма Кампучия все еще оставалась страной преимущественно мелкого и среднего крестьянства с характерной для него феодальной психологией и традиционными представлениями о характере государственной власти как о некоем верховном, всеильном, деспотическом органе, стоящем над обществом. Паразитируя на этом психологическом феномене, полпотовское руководство сделало все, чтобы убедить массы в том, что оно, и только оно, способно указать путь к решению сложнейших социальных и экономических проблем Кампучии. Полностью изолировав страну от внешнего мира, диктаторский режим шаг за шагом превращался во всеильное начало, проникавшее во все сферы общественной жизни.

Подлинной трагедией обернулось для революционного процесса в Кампучии то, что полпотовцам в 1970—1974 гг. Удалось физически уничтожить «золотой фонд» партии — ветеранов фронта Кхмер-Иссарак, подлинных коммунистов-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 112.

интернационалистов, — и вместе с тем путем обмана и подлости ввести в заблуждение молодых членов партии, использовать их в своих целях.

Вот свидетельства самих кампучийских коммунистов. Участник антиимпериалистической борьбы 1970—1975 гг. командир батальона из провинции Преивэнг Тхом Борет рассказывал, что начиная с 1970 г. полпотовцы последовательно проводили линию, направленную против ветеранов национально-освободительного движения, участников фронта Кхмер-Иссарак. В их уездной парторганизации постоянно проходили собрания, на которых критиковались участники войны Сопротивления против французских колонизаторов. Заставляли делать это молодых, которым внушали, что только они, мол, способны понять революционный курс полпотовского руководства, что старшее поколение революционеров «прониклось вьетнамской идеологией и не понимает местных условий». Молодежь верила этому и считала, что их старшие товарищи действительно должны как-то перестроиться, чтобы «идти в ногу со временем». Ветеранов партии увозили на «политические курсы», как объясняли всем. Если кто-то интересовался, почему тот или иной ветеран партии долго не возвращается обратно, ему отвечали, что тот товарищ после «курсов» получил назначение в другую провинцию. К 1975 г., отмечал Тхом Борет, в нашей уездной парторганизации не осталось ни одного ветерана. Потом уже, после захвата Пол Потом власти, стало известно, что их попросту ликвидировали. Так партия лишилась своего костяка — наиболее зрелых, грамотных, прошедших большую школу революционной борьбы кадров. После же узурпации власти, пользуясь забитостью крестьянских масс, играя на их малограмотности, пассивности, сохранившихся у части людей узконационалистических настроениях, полпотовцам путем жесточайшего террора удалось насадить в стране атмосферу страха, недоверия, взаимной подозрительности, а это облегчало им проведение своей реакционной политики.

Придя к власти, полпотовцы с помощью демагогии и обмана пытались создать себе опору в лице наиболее отсталой в социально-экономическом и культурном отношении части крестьян, проживающих в основном в горных районах страны. И на первых порах им удалось увлечь за собой тех, кто с ненавистью относился к проамериканскому режиму Лон Нола, правление которого привело к невиданному обнищанию деревни.

Чем можно объяснить, что полпотовцам удалось, особен-

но поначалу, повести за собой значительную часть населения, беднейшие слои крестьянства? Ответ далеко не прост. Однако можно выделить следующие моменты. В первую очередь тот суррогат «идей», который полпотовцы навязывали неграмотным, нищим крестьянам, был понятен им и легко усвоен. Это прежде всего относится к полпотовской пропаганде тезисов об «уравнительности в потреблении», что понималось крестьянами как то, что «все будут жить одинаково хорошо», об «уничтожении ростовщичества», которое стало бичом для миллионов крестьян, годами не позволяло им вылезти из долгов; это идеи «антиурбанизма», понятые жителями села как конец «эксплуатации деревни капиталистическим городом». И что особенно важно, играя на мелкобуржуазных иллюзиях крестьян, полпотовцы смогли убедить их в том, что все проблемы жителей села можно решить сразу, «одним решительным ударом».

В конечном счете полпотовцам так и не удалось создать себе прочную опору среди крестьянства. Зато они полностью подчинили своему влиянию идеологически незрелую часть молодежи, воспитали ее в духе насилия, национальной нетерпимости. Именно из этой морально изуродованной молодежи полпотовцы создавали костяк своей армии, сил безопасности и «партийных кадров», ставших бездумными исполнителями их воли. Для подавления всех «инакомыслящих» зачастую использовались и преступные, деклассированные элементы, а также несмышленные, обманутые подростки, доносившие на своих собственных родителей.

Главным звеном всей государственной системы «демократической Кампучии», несомненно, была армия. С другой стороны, армия, партия и государство как бы составляли одно неразрывное целое. Ничем не ограниченная власть в стране в течение всех лет «правления» группы Пол Пота сосредоточилась в руках «Ангки»¹. «Демократической Кампучией управляет Ангка, партийная организация, — заявлял Пенг Сари. — Ангка — это и единственная партия, и государство». Деспотия окружила себя строжайшей секретностью. Центральное руководство «Ангки» в деловой переписке кодировалось как «отдел-870».

В основу системы государственного управления были положены военные округа, а местным органам надлежало осуществлять военное обучение, управление и организацию хозяйства в том или ином районе на базе принудительного труда, поддерживаемого в конечном счете военной силой го-

¹ «Ангка» — в переводе с кхмерского «организация».

сударства. «Социальная» политика базировалась на тезисе «ликвидации классов». Население Кампучии было разделено на три категории: «старые (или «основные») жители», «новые жители» и лица, сотрудничавшие со старым режимом. В разряд «старых жителей» полпотовцы включили население горных и лесных районов, которые в 1970—1975 гг. были базой движения «красных кхмеров». Материальные условия жизни этой части населения были хуже, а их культурно-образовательный уровень ниже, чем у жителей равнин. Здесь полпотовцы набирали основные «кадры» для своей «партийной организации» и армии. В разряд «новых жителей» включались кампучийцы из районов, ранее находившихся в зоне контроля лонноловского режима. И наконец, в третью категорию входили бывшие офицеры и солдаты лонноловской армии, чиновники, буддийские монахи, священники, интеллигенция.

Полпотовцы поставили целью в процессе «ликвидации классов» физически истребить прежде всего лиц, относящихся к третьей категории, и провести основательную чистку среди лиц второй. Секретарь провинциального комитета партии Кампонгтяма Ким Зин рассказывал, что в первые месяцы после прихода полпотовцев к власти солдат и офицеров бывшей лонноловской армии расстреливали из автоматического оружия. Однако затем сочли «нерентабельным» тратить на них пули, и самым распространенным способом казни стал удар по голове мотыгой, молотком, бамбуковой палкой или осью от колес повозки. Жертв подводили к заранее вырытым ямам. Сквозь связанные за спиной руки просовывали длинный шест и одного за другим «нанизывали» людей на него, группируя несчастных в «связки» по 10—12 человек. Затем полпотовские изверги раскраивали черепа своих жертв, вынимали шест и стлкали трупы в ямы. Некоторых просто убивали ножом, другим вспарывали живот, вырезали печень и желчный пузырь. Из желчи делали спиртовую настойку, которую применяли как снадобье.

Целенаправленный характер приняло физическое уничтожение представителей интеллигенции. Вот результаты этой «политики»: на $\frac{4}{5}$ сократилось число преподавателей, на 90% — число работников искусства. Из 643 врачей и фармацевтов, ранее составлявших костяк кампучийского здравоохранения, в живых осталось всего 69 человек. Спаслись удалось лишь тем, кто сумел скрыть свое социальное происхождение и профессию.

Начиная с 1977 г. репрессиям стали подвергаться и «старые жители». Их подвергали «перевоспитанию» в специаль-

ных лагерях, в которых был установлен режим глумления над человеческим достоинством, где за малейшую провинность людей без суда и следствия подвергали жестоким наказаниям, а зачастую убивали на месте.

С особым изуверством и озлоблением убийства ни в чем не повинных людей совершались в январские дни 1979 г., когда под ударами сил революции полпотовцы в панике бежали. Страшную трагедию пережили жители района Амленг, куда отступавшие палачи силой пригнали десятки тысяч жителей из окрестных деревень, решив превратить этот район в базу для развертывания «народной войны». Патриоты изгнали полпотовских бандитов из Амленга, освободили людей, которые были доведены до крайней точки физического и морального истощения. Бойцам освобождения приходилось на руках бережно выносить из джунглей сотни детей, в которых едва теплилась жизнь. Теперь эти детишки уже подросли, но многие из них, вероятно, так и не отыскали своих родителей.

По всей стране после освобождения в 1979 г. находили горы трупов. В одной только пагоде Пунг Транг, в провинции Кампонгтям, обнаружили 5 тыс. человеческих тел.

Маниакальное недоверие Пол Пот и его окружение испытывали к членам партии, особенно к людям с солидным партийным стажем. Им всюду мерещились «иностранные агенты», особенно «предавшие «Ангку» вьетнамцам». Регулярно проводились чистки административного аппарата, которые затрагивали все звенья — сверху донизу. В одной из резолюций «Ангки» указывалось: «Если на подозрении находится районный комитет, то и комитет коммуны подпадает под подозрение. Между этими инстанциями существуют многогранные отношения, они составляют в целом единую систему. Когда реакционным становится район, то же самое происходит и с коммуной. Если реакционна коммуна, такой же, совершенно естественно, становится и деревня».

И как результат, репрессиям подверглось все высшее звено партийных и армейских кадров. «Ангка» физически уничтожила 4 члена Политбюро ЦК партии, 79 секретарей и членов зональных парткомов, 67 секретарей и членов провинциальных комитетов, 88 секретарей и членов партийных комитетов в различных министерствах и ведомствах.

Жесточайшие репрессии затрагивали порой жителей целых районов. После подавления в мае 1978 г. восстания в восточной зоне полпотовцы физически уничтожили 40 тыс. местных жителей, которых подозревали в связях с восставшими.

Репрессии, казни, унижение человеческого достоинства, голод — все это привело к колоссальным жертвам среди населения. Впрочем, это, видимо, входило в планы Пол Пота, который заявлял, что его устроило бы, если бы семимиллионное население Кампучии сократилось до миллиона человек.

Судьба национальных меньшинств в Кампучии, где живут представители более 20 национальностей, во времена полпотовцев была, пожалуй, еще более трагична, чем самих кхмеров. До 1975 г. в Кампучии проживало 500 тыс. хуацзяо, примерно столько же вьетнамцев и 150 тыс. представителей народности тям, исповедующих мусульманство.

В директиве «Ангки» провинциальным властям говорилось: «Кампучийская революция — это одно целое. Одним целым является и кампучийская нация. Единственным языком является кхмерский язык. Отныне в Кампучии более не существуют какие-либо национальности... Поэтому жители должны заменить свои имена на имена, свойственные кхмерской расе. Языки, этнические особенности, одежда, привычки и религия бывших национальностей должны решительно искореняться». Всех, кто не хотел или не умел говорить по-кхмерски, убивали.

Вьетнамцев истребляли всех поголовно — мужчин, женщин, стариков, детей. Их участь разделяли и те, в ком была хотя бы небольшая примесь вьетнамской крови, и даже те, кто просто проявлял симпатию к вьетнамцам. А таких людей, особенно в восточных провинциях Кампучии, было много. Ведь в годы отражения агрессий колонизаторов и империалистов кхмеры и вьетнамцы плечом к плечу боролись за независимость стран Индокитая.

После вьетнамцев наибольшее число жертв было среди тямов. 90% представителей этого национального меньшинства Кампучии уничтожили полпотовцы! В уезде Стунгтранг были такие деревни, где тямов вырезали всех до одного. На острове Кофол, что на реке Меконг, раньше проживало 10 тыс. тямов, а после освобождения их оставалось меньше тысячи.

В феврале 1985 г. на экраны стран Запада вышла поставленная продюсером Р. Джоффэ картина «Убитые поля», в которой рассказывается о событиях в Кампучии в годы полпотовской тирании. В основе сюжета лежат события, происшедшие с американским корреспондентом в Пномпене С. Шанбергом, которого спас от преследований «красных кхмеров», рискуя собственной жизнью, его переводчик Дит Пран. Последнему удалось чудом вырваться из полпотов-

ского ада в начале 1979 г. Фильм отнюдь не лишен недостатков, но он стал суровым обличением преступного полпотовского режима. Общество Запада узнало правду о зверствах, творимых в стране, где, как писал французский журнал «Пари-матч», «12-летние убийцы в черных пиджаках с оружием в руках устанавливали законы «Ангки» — безликой организации, созданной Пол Потом для уничтожения кхмерской нации, цивилизации, культуры».

Концепции полпотовских лидеров, касающиеся экономических проблем Кампучии, в значительной степени сформировались еще в 50—60-е годы. Первый «опыт» осуществления собственной «экономической политики», прежде всего в аграрном секторе, полпотовцы провели в 1973—1975 гг. в тех районах Кампучии, которые находились под их контролем. В основу этих экспериментов был положен левацкий принцип «уравнительного социализма». Так, с мая 1973 г. там началось «обобществление» земель и переход к «коммунам». Уже в 1974 г. декретируемое сверху «обобществление» деревни вызвало недовольство крестьян, бегство многих сельских жителей из освобожденных районов. В ответ «красные кхмеры» усилили репрессии в отношении несогласных с их «сельскохозяйственной политикой».

Совершенно не подготовленная ни экономически, ни идеологически насильственная перестройка жизни села, попытку осуществления которой предприняли полпотовцы в 1973—1974 гг., разумеется, не только не принесла ожидавшегося авторами «эксперимента» «процветания», а, напротив, усилила подрыв производительных сил в деревне. Однако Пол Пот и его подручные объявили это не следствием их в корне ошибочной авантюристической линии, а результатом того, что «обобществление» было проведено, мол, недостаточно радикально и решительно.

После узурпации власти в 1975 г. полпотовцы замыслили осуществить свой экономический «эксперимент» уже в рамках целой страны. Во главу угла хозяйственной политики режима была положена концепция «опоры на собственные силы». Приоритетное внимание было решено уделить сельскому хозяйству. Иенг Сарн заявлял: «Мы реорганизуем страну, взяв за основу сельское хозяйство, и с помощью того, что мы можем от него получить, создаем промышленность. Кхмерский народ на протяжении многих веков трудился на рисовых полях. И поэтому мы должны начать именно с рисовых полей».

Думается, было бы упрощением видеть в «сельскохозяйственной политике» Пол Пота, как и в подходе к ре-

пению экономических проблем в целом, только лишь воздействие левацких концепций, хотя они имели, несомненно, определяющее значение. Здесь достаточно рельефно прослеживается и влияние традиционной феодальной кхмерской идеологии: на протяжении нескольких столетий массовый принудительный труд в аграрном секторе был главным источником процветания феодальной Кампучии. Ведь происходившее тогда в стране в 1975—1978 гг. во многом почти буквально копировало то, что наблюдалось в Кампучии в IX—XIII вв., когда такие же шеренги крестьян, вооруженных самыми примитивными орудиями труда, рыли ирригационные каналы, обрабатывали рисовые поля, закладывая фундамент могущества и процветания Ангорской империи. И историческая параллель здесь не только чисто внешняя. Сохранилось и существо процесса, а именно то, что благополучие элиты всегда здесь зиждилось на жесточайшей эксплуатации крестьянских масс.

Путем «опоры на собственные силы» полпотовское руководство рассчитывало решить также проблему индустриализации в Кампучии. Однако и эти планы режима полностью провалились. Экономика страны оказалась окончатально подорванной. Слаборазвитая промышленность, как и сельское хозяйство, была, по существу, парализована. Тяжелым бременем лежала на истощенной стране политика милитаризации, проводившаяся полпотовцами. Если к моменту разгрома донноловского режима в апреле 1975 г. вооруженные силы «красных кхмеров» составляли 6 дивизий, то в декабре 1978 г. они насчитывали уже 23 дивизии, из которых 18—19 постоянно находились в районе границы с Вьетнамом и участвовали в агрессии против него, начавшейся буквально сразу же после узурпации полпотовцами власти. Все это имело трагические последствия для Кампучии. Нужно иметь в виду, что к 1975 г. вследствие прямой империалистической агрессии США в стране было разрушено до 80% промышленных предприятий, выжжено или заброшено свыше 80% рисовых полей, погибло более 50% скота. Так вот, то, что не успели стереть с лица земли американские агрессоры, уничтожили полпотовцы.

Одним из первых шагов полпотовского руководства стало перекраивание всей территории страны на три основные сельскохозяйственные зоны в соответствии с их почвенно-климатическими особенностями. Первая зона включала традиционные сельскохозяйственные провинции страны — Баттамбанг, Кандаль и др. Во вторую зону вошли провинции с менее благоприятными условиями для производства риса —

Сиемреап, Кампот и, наконец, в третью зону — почти не освоенные провинции на севере и северо-востоке страны, занятые в основном джунглями. Планировалось получать в целом по стране 4,6 млн. т риса, из которых 1,3 млн. т шло бы на экспорт, в основном для закупок вооружения.

В интересах «увеличения» сельскохозяйственного производства население сгонялось с родных мест и насильно перемещалось в другие, как правило, необжитые районы. Полпотовцы концентрировали людей в так называемых «коммунах» или «кооперативах» — «сахак», представлявших собой колонии принудительного труда с невыносимыми условиями жизни. Всякая личная собственность в «коммуне» упразднялась. Все население «коммун» и «кооперативов», начиная с 14-летних подростков, было разделено по полу и возрасту на три группы, каждой из которых полагалось выполнять определенный объем работ.

«Ангка» провозгласила своим девизом: «Работать — коллективно, а уничтожать — отдельно». И этот девиз последовательно проводился в жизнь. Все дети старше восьми лет, вместо того чтобы учиться, должны были вставать в 3 часа утра и до темноты собирать навоз. Позднее вышло постановление, что к концу 1978 г. «все дети, с пятилетнего возраста, должны постоянно жить в сборе в целях подготовки новых граждан».

Людей обрекли на полуголодное существование. «Рацион питания» был вычислен с точностью до грамма. Дети получали рисовую кашу, помещавшуюся в трети банки из-под сгущенного молока (примерно 80 г), женщины — по полбанки (125 г). Молодым людям, которые могли работать больше, выделяли по целой банке — граммов 250. Самый мизерный паек доставался старикам, которых, как и буддийских монахов, причислили к «паразитическим элементам». Так реализовался полпотовский лозунг «равного потребления».

Дети беженцев, спасшихся во Вьетнаме, рассказывали, что в «сахак» они постоянно испытывали чувство острого голода, но тайно сорвать плод на дереве или поймать рыбу в реке не осмеливались. Тех, кого обвиняли «в поиске пропитания для себя» или в «похищении имущества коммуны», подвергали избиению насмерть либо их в качестве «воспитательной меры» морили голодом. 14-летняя Кун Шали, которая работала в «детской производственной бригаде» села Шек, рассказывала о страшной судьбе своей подруги: голодная девочка нашла лягушку, поджарила ее на огне и захотела съесть. На «месте преступления» ее застал бригадир.

Лягушку вырвали из ее рук, а девочку стали избивать. Та заплакала, и, чем громче был ее плач, тем сильнее ее били. Наконец девочка умолкла, умолкла навсегда, она была мертва.

Были организованы отряды так называемых «босоногих врачей», отобранных из неграмотных крестьянских детей 14—15 лет, наспех, за два-три месяца, «патасканных» по народной медицине. Понятно, что эти горе-лекари больше губили людей, чем лечили. В полпотовских лечебницах умирало 80% больных. Фактически в стране практически полностью прекратило свою деятельность здравоохранение.

Буддизм, который был ранее государственной религией Кампучии, объявили вне закона. Почти все пагоды были разрушены, а служители культа либо перебиты, либо угнаны на каторжные работы.

В дни праздников крестьян заставляли часами выслушивать полные угроз речи сотрудников «Ангки». Никому не разрешалось петь и танцевать, даже если это был традиционный кхмерский танец ламтхон.

Вопросы семьи и брака решались только по усмотрению «Ангки». Тех же, кто не подчинялся, ждала расправа. В Кампонгчнанге юношу и девушку повесили обнаженными только за то, что они осмелились любить друг друга без санкции властей. «Ангка», разрушив все прежние семейные связи между людьми (мужа и жену специально направляли на работы в различные провинции страны, а детей отделяли от родителей), взялась ревностно устраивать кампучийцам «новую» семейную жизнь. Полпотовцы заявляли, что тем самым они готовят «почву для совершенно нового поколения граждан». Супружеские пары, составленные по выбору местных властей, обязаны были неукоснительно подчиняться их указаниям.

Молодая кампучийская крестьянка Шан Шитхон, бежавшая в 1978 г. во Вьетнам, рассказывала, что в деревне у нее был жених, но «Ангка» запретила ей выйти за него замуж. Девушке было приказано явиться в правление общины, где справляли коллективную свадьбу сразу сто пар. Список женихов и невест был составлен заранее, по усмотрению местных властей. Староста называл имена юноши и девушки, и те садились рядом за стол. Огласив весь список до конца, староста объявил каждую из ста пар мужем и женой, наказав хранить верность друг другу и «Ангке».

Шан Шитхон рассказала, что некоторые девушки покончили с собой сразу же после «свадьбы». Она же отказалась жить с назначенным ей мужем, за что была отправлена на

«перевоспитание», но повторно воспротивилась вступить в брак с нелюбимым человеком. Получив приказ явиться в полпотовский «отдел безопасности», Шан Шитхон поняла, чем грозит ей визит к палачам, и решила тайно бежать во Вьетнам. В те годы это был путь к спасению для многих тысяч кхмеров.

Режим носил подчеркнуто антипролетарский характер. В понимании полпотовцев рабочий класс ассоциировался с капиталистическим городом, угнетавшим деревню, рассматривался ими как класс, обслуживавший буржуазию, по существу противостоящий крестьянству. Они презрительно называли рабочих «подручными капиталистов». После захвата власти в апреле 1975 г. полпотовцы закрыли все промышленные предприятия, зачислили и отправили рабочих на «перевоспитание» в деревню. Основным противоречием кампучийского общества было объявлено противоречие между массой крестьянства и ростовщическим капиталом в деревне.

Для избавления крестьян от засилья ростовщичества полпотовцы выдвинули и претворяли в жизнь лозунги уничтожения городов, ликвидации финансово-денежной системы, всяких общественных отношений. Символично, что одним из первых зданий, разрушенных полпотовцами в Пномпене, было взорванное в 1975 г. здание государственного банка. В глазах «красных кхмеров» банк был прямым олицетворением капитализма. В дальнейшем полпотовцы решили попросту ликвидировать город как таковой. Осуществляя «чистку общества» сразу же после прихода к власти, полпотовцы в течение 72 часов путем карательных мер выселили из Пномпеня его более чем 2,5-миллионное население в неосвоенные сельские районы. «Необходимость» срочного массового выселения жителей из Пномпеня, как говорили горожанам, диктовалась, мол, угрозой возможной бомбардировки города американской авиацией. Отказавшихся покинуть город силой выбрасывали из домов. Полпотовцы ставили себе в заслугу, что «за три дня им удалось полностью уничтожить все паразитические, с их точки зрения, «классы, находившиеся в городах». За время господства режима Пол Пота было убито 235 тыс. жителей Пномпеня.

В прежние времена Пномпень называли жемужиной Юго-Восточной Азии. Широкие проспекты, на каждом из которых был посажен только один вид деревьев, в период цветения приобретали неповторимое очарование. Гордостью столицы была старинная библиотека с бесценными фолиантами прошлых веков. Рядом с фешенебельным отелем распо-

лагался католический собор — «Нотр-Дам в миниатюре», как говорилось в туристских проспектах по «азиатской Швейцарии» — Кампучии.

В 1978 г. правители «демократической» Кампучии пригласили режиссера из Югославии, чтобы снять фильм о своей столице, разумеется, в самых радужных красках. Однако кинематографист смог запечатлеть на пленку лишь город-призрак с 10 тыс. жителей, составлявших всего 250-ю часть его прежнего населения. Эти кадры потрясли миллионы телезрителей в Западной Европе, впервые увидевших на экране, что представляет собой эта страна, совершенно закрытая для иностранцев.

Находившийся в самом центре Пномпеня Туолсленгский лицей полпотовцы превратили в тюрьму. Когда силы освобождения в январе 1979 г. ворвались в лицей, там еще не успели спрятать орудия пыток местных инквизиторов — цепи, ножи, щипцы, электрические приборы.

Один западный журналист сравнивал Пномпень периода полпотовской тирании с городом после взрыва нейтронной бомбы. Однако такую картину можно было наблюдать тогда во всех городах, где хозяйничали полпотовцы. Вьетнамскому журналисту Нгуен Хонг Дангу довелось сразу же после освобождения побывать в Кампоте — третьем по величине городе Кампучии. Центральная площадь города, где пересекаются семь основных улиц, представляла собой картину полного запустения. В опустевших домах не было окон, дверей, кругом свалки нечистот, горы мусора. Гостиница с поэтическим названием «Пном Хиеу» («Голубая гора») была покрыта сажой и копотью. Соседние с ней дома использовались под склады. Перед тем как покинуть город, полпотовцы вывезли весь рис, а затем подожгли здания. Кругом следы разрушений. Тротуары на улицах были разворочены, скверы и бульвары перепаханы: их превратили в огороды для выращивания батата и кукурузы, хотя трудно было рассчитывать, что выросшие хилые растения смогут хоть как-то увеличить производство продовольствия. Современные туалеты были разрушены и заменены бочками — одним из достижений полпотовской «цивилизации»...

А с чем можно сравнить чувства, охватившие тысячи и тысячи пномпеньцев, возвращавшихся после освобождения домой, при виде молчаливых, пустынных улиц некогда оживленного города? Весной 1979 г. они — нескончаемый поток молчаливых, истощенных, оборванных людей — возвращались из деревень в Пномпень.

* * *

Полпотовская Кампучия жила в условиях полной международной изоляции. На том основании, что торгово-экономические отношения с развитыми странами разоряли, мол, Кампучию, «красные кхмеры» считали, что наиболее целесообразным для нее является путь полного разрыва связей с внешним миром. Вьетнамский посол в Пномпене в тот период Фам Ван Ба рассказывал, что при Пол Поте в Пномпене было всего девять посольств, в каждом из которых имелось не более семи сотрудников. Дипломатическим работникам не разрешалось выходить из здания своего посольства.

В стране развернулась оголтелая националистическая кампания, носившая прежде всего антивьетнамский характер. Уже в мае 1975 г., сразу же после освобождения Южного Вьетнама, вооруженные силы полпотовцев вторглись на вьетнамскую территорию в различных районах границы. Фактически группа Пол Пота спровоцировала пограничную войну с Вьетнамом. А между тем сам же Пол Пот в период борьбы с лонноловским режимом в одном из посланий вьетнамским руководителям клялся: «Со всей откровенностью и от всего сердца могу вас заверить, что при любых обстоятельствах я останусь верным великой солидарности и великой революционной братской дружбе между Кампучией и Вьетнамом».

После узурпации власти в Кампучии Пол Пот в июне 1975 г. по приглашению вьетнамской стороны прибыл в Ханой, где заявлял, что цель его визита — продемонстрировать солидарность двух партий и народов, выразить благодарность коммунистам Вьетнама, правительству и вьетнамскому народу за их многогранную помощь. Однако он отказался подписать договор о дружбе между двумя странами или хотя бы урегулировать пограничные проблемы, вследствие чего переговоры были фактически сорваны.

Но членоконевинистникам было не по плечу подорвать дружбу между кампучийским и вьетнамским народами. Именно во Вьетнам бежали сотни тысяч кампучийских граждан из полпотовского ада. Именно во Вьетнаме они смогли вновь почувствовать себя людьми, вновь обрели человеческое достоинство. К концу 1978 г. многочисленные лагеря с кампучийскими беженцами были расположены в восьми южновьетнамских провинциях, граничащих с Кампучией. Вьетнам, гостеприимно открывший перед ними свои двери, стал, по-существу, их второй родиной. Здесь эти люди вновь обрели право на жизнь.

В 1978 г. мне довелось побывать в лагерях для кампу-

чийских беженцев в южновьетнамской провинции Тэйнинь. В памяти никогда не сотрутся воспоминания о встречах с этими людьми, их рассказы, их быстрая, сбивчивая, нервная речь, когда беженцы, как бы желая выговориться, поведали нам о страшных днях, проведенных в полпотовской Кампучии. Они с ужасом вспоминали, как тайком пробирались через кампучийскую территорию, где их выслеживали полпотовские сатрапы, беспокоились за судьбу тех, кто остался на родине, подвергаясь угрозе быть убитым палачами. Люди с признательностью говорили о Вьетнаме, о гостеприимстве вьетнамского народа.

Конечно, жизнь беженцев в лагерях с материальной точки зрения не была идеальной. Но провинциальные власти Тэйниния делали все, что было в их силах, чтобы обеспечить этих людей хотя бы минимумом продовольствия, одеждой, вернуть им уверенность в завтрашнем дне, вылечить больных, поддержать морально тех, кто пал духом.

Далеко не все, кто хотел вырваться из полпотовского ада, дошли до Вьетнама. Так, из более чем 2 тыс. жителей общины Кранхуон (провинция Прейвэнг) во Вьетнам добрались живыми только 610 человек. Страшны рассказы этих людей о том, как за ними буквально по пятам гнались 15—17-летние солдаты-подростки в черной полпотовской форме, непрерывно поливая их автоматными очередями. Оставляя трупы на обочинах дорог, люди шли и шли на восток, падали, вновь поднимались и бежали дальше. За 23 кошмарных дня перехода они преодолели 200 км. И вот, наконец, граница. Ночью, наспех соорудив плоты, они перебрались через реку на вьетнамскую территорию.

Вьетнамцы рассказывали, что вид этих оборванных, худых, запуганных людей производил страшное впечатление. Они молча сидели маленькими группами по несколько человек, уставившись в одну точку, изредка шепотом перекидываясь несколькими словами. Дети, не произнося ни звука, прижимались к матерям. В глазах всех застыл неописуемый испуг. Вьетнамские крестьяне из общины Баодык, сердечно принявшие беженцев, поначалу не понимали такого поведения кампучийцев, но потом догадались, что к молчанию их приучила жизнь на родине, в полпотовской Кампучии. Беженцы рассказали потом о беспрецедентном терроре, который обрушился на жителей их провинции в июле 1978 г., когда головорезы «Ангки» убивали всех подряд, и в первую очередь мужчин. Кампучийцы еще не знали, что резня, затеянная полпотовцами, была реакцией на крупное восстание, которое подняли патриоты в середине 1978 г. в

203-м военном округе. При словах «Пол Пот», «Ангка» в глазах у кампучийских беженцев — а это были в основном женщины, дети — появлялось выражение ненависти и презрения. Люди еще долго, как от кошмарного сна, отходили от всего пережитого.

Вьетнамские власти сделали все от них зависящее, чтобы изыскать средства для строительства барачков, выделить продовольствие, одежду и многое другое.

Беженцам выделили участки земли, где они стали выращивать рис, маниоку, кукурузу, овощи, фрукты. Открылись небольшие рынки, от которых кампучийцы вообще отвыкли за годы полпотовщины. И что самое важное — для детей были построены школы, они стали учиться. Учительница Нуон Варин из лагеря Беншан рассказывала, сколь счастлива вновь вернуться к учительской работе. «Дети будут учиться, — говорила она, — учиться любви к Кампучии на вьетнамской земле. Мы будем учить их высоким, благородным чувствам, идеалам гуманизма — традиционным качествам кхмеров, учить их гордиться цивилизацией Ангкора, учить дружбе и братству с вьетнамским народом, со всеми народами».

После январской революции 1979 г. беженцы возвратились в родные места, на свою родину, навсегда сохранив чувство признательности Вьетнаму, спасшему жизнь им и их детям. Здесь, на вьетнамской земле, эти люди впервые узнали, что такое социализм, сколь высоки идеалы социальной справедливости, равенства, счастья для всех. Жизнь во Вьетнаме стала для кампучийских беженцев азбукой революции, первой школой созидания новой жизни, при которой никогда не оскудеет человечность и дружба между народами.

Издравле отмечают кхмеры праздник «Возвращения вод». Когда «отец рек» — могучий Меконг после ливней набирает огромную силу и кажется, что вода вот-вот выйдет из берегов, что наводнение неминуемо, происходит любопытное природное явление: впадающая в Меконг река Тонлесап вдруг откатывает свои воды назад, меняет течение, поворачивается к Великому озеру — Тонлесап, сбрасывая в него излишек воды. А когда перед сухим сезоном уровень воды в Меконге идет на спад, река Тонлесап опять меняет течение, устремляется в Меконг, величаво несущий свои воды.

В древнем празднике «Возвращения вод» есть своя символика. Лихая година полпотовщины ушла в прошлое. После ночи мракобесия над древней и прекрасной страной Ангкора занялось утро нового светлого дня. Возрождение Кам-

пучии — а оно пришло с победой революции в январе 1979 г., — набирая, подобно Меконгу, все новые и новые силы, обрело свое устойчивое русло, и ничто не может повернуть его вспять.

* * *

Глубоко антинациональный характер марионеточного полпотовского режима был быстро распознан кампучийским народом. Освободительное движение против палаческого режима началось вскоре после узурпации преступной кликой власти в стране. В первые же месяцы широкие слои населения, несмотря на террор и преследования, стали подниматься на борьбу. В ней принимали участие рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, национальных меньшинств, бывшие военнослужащие полпотовской армии — все, кто понимал, что в ответ на контрреволюционное насилие полпотовского режима, на геноцид нет иного пути, как вооруженная борьба с целью его свержения. В борьбу включился каждый, кто не мог оставаться бессловесным «созерцателем» того, как зарвавшиеся варвары разрушают все то лучшее, что столетиями создавалось кхмерской цивилизацией. Это движение возглавили лучшие сыны страны — представители здоровых сил Народно-революционной партии Кампучии, подлинны патриоты-интернационалисты.

Уже в сентябре 1975 г. поднялись на восстание жители провинции Сиенреап. Это выступление было потоплено карателями в крови восставших. В феврале 1977 г. вспыхнул мятеж солдат 170-й дивизии, на которую была возложена охрана Пномпеня. Мятеж зверски подавили, а командира дивизии Ча Края расстреляли, три других руководителя мятежа были заживо сожжены на столичном стадионе. Восстания произошли в ноябре 1977 г. в северо-западных и восточных районах страны. После вооруженного выступления 26 марта 1978 г. в 203-м военном округе масштабы национально-освободительной борьбы еще более возросли. В 1978 г. повстанческое движение расширилось, его апогеем явилось майское восстание рабочих, крестьян и солдат в целом ряде провинций страны.

Опорной базой этих вооруженных выступлений стали освобожденные районы, в которых собирались все, кто хотел с оружием в руках бороться за освобождение страны. С середины 1978 г. многие участники антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы против режима Лон Нола, бежавшие от террора полпотовцев во Вьетнам и Таиланд, стали различными путями возвращаться на родину,

умножая ряды борцов против тирании. К осени 1978 г. в 16 из 20 провинций образовались освобожденные районы, находившиеся под контролем революционно-патриотических сил.

2 декабря 1978 г. в одном из освобожденных районов был созван Конгресс народных представителей, который провозгласил создание Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК). ЦК ЕФНСК возглавил Хенг Самрич, являвшийся членом зонального комитета партии, комиссаром и командиром 4-й дивизии. В принятой конгрессом декларации ЕФНСК содержался призыв к кампучийскому народу подняться на решительную борьбу за свержение режима геноцида, за построение свободной, независимой, демократической Кампучии, идущей по пути к социализму. Созвучная чаяниям всего народа, программа ЕФНСК получила широкую поддержку масс.

5—7 января 1979 г. уцелевшие от полпотовского террора подлинны коммунисты создали III съезд Народно-революционной партии Кампучии, явившийся съездом восстановления партии. Съезд, в работе которого приняло участие 66 делегатов, утвердил новую политическую программу партии и наметил меры по усилению партийного строительства. Эти решения имели огромное значение для реорганизации партии, восстановления ее истинного лица, увеличения рядов НРПК, которая понесла огромные потери в годы полпотовской тирании. Отныне партия была вооружена четкой программой действий. В новой политической программе указывалось, что основной задачей кампучийской революции является свержение марионеточного полпотовского режима, передача всей полноты власти в руки народа, создание мирной, независимой, подлинно демократической Кампучии, продвигающейся к социализму.

Исключительно важную роль в революционных событиях в Кампучии сыграл фактор интернациональной солидарности народов трех стран Индокитая.

В военно-стратегическом плане процессу укрепления революционных сил Кампучии благоприятствовало то, что в ходе отражения агрессивных акций полпотовских войск — а к концу 1978 г. из 23 полпотовских дивизий 19 были задействованы в боях на границе с Вьетнамом — вооруженные силы СРВ переломили хребет полпотовской армии.

Полпотовская армия находилась в состоянии полной деморализации. Это создало дополнительные благоприятные условия для успеха повсеместного восстания патриотических сил Кампучии.

Отражение частями Вьетнамской народной армии агрессивных полпотовцев на юго-западной границе СРВ и подъем освободительной борьбы в Кампучии против режима геноцида слились в единое целое.

На рубеже 1978—1979 гг. в обстановке углублявшегося кризиса режима в Кампучии сложилась революционная ситуация. Под знаменем Единого фронта национального спасения Кампучии во всех районах страны начались вооруженные выступления патриотических сил, ширились политические выступления различных слоев городского и сельского населения против полпотовской тирании. Были образованы революционные вооруженные силы освобождения Кампучии, которые в третьей декаде декабря 1978 г. развернули, опираясь на поддержку вьетнамских добровольцев, мощное наступление по всей стране. Под их ударами полпотовские войки отступали на всех фронтах. Лишенный какой-либо поддержки населения, преступный режим доживал последние дни.

7 января 1979 г. с освобождением Пномпеня власть в стране перешла в руки сил революции, возглавлявшихся Народно-революционной партией Кампучии. В стране был ликвидирован полпотовский аппарат власти и образован Народно-революционный совет Кампучии — высший орган исполнительной власти. Крупнейшим событием стало провозглашение 11 января 1979 г. Народной Республики Кампучии — государства рабочих и крестьян. Национально-демократическая революция победила в масштабах всей страны.

Революционный процесс в Кампучии на рубеже 1978—1979 гг. отмечен исключительным динамизмом. Стремительность революционных событий в Кампучии на том этапе обусловлена комплексом факторов. И прежде всего тем, что в условиях нарастания противоречий между всем народом и марионеточным режимом в стране созрели предпосылки для мощного революционного взрыва. Преступный режим пребывал в глубоком политическом и экономическом кризисе. Сотни тысяч человеческих жизней, принесенных палачами в жертву ради мифического «подъема» производства, не привели, да и не могли привести к сдвигам в экономическом положении. Запла в тупик социальная политика полпотовцев, проклинаемых всеми кампучийцами — от мала до велика. И конечно, неопределимую роль сыграла поддержка сил освобождения со стороны Вьетнама. А это была помощь брата брату, попавшему в страшную беду. Все это и обусловило победу революции.

Характерной чертой революции 1979 г. в Кампучии явилось то, что при сохранении демократических задач острее было направлено не против империализма. Ведь антиимпериалистические задачи революции были в основном завершены еще в апреле 1975 г. в результате свержения проамериканского режима Лон Нола.

Острее революции было направлено на ликвидацию режима тотальной эксплуатации, в сущности, рабовладельческого типа, установленного полпотовцами. Революция преследовала цель возродить социально-экономическую и культурную жизнь страны, осуществить переустройство всех сторон жизни кампучийского общества, обреченного при полпотовщине на медленное вымирание.

С победой революции в Кампучии сложились благоприятные предпосылки для того, чтобы кампучийский народ под руководством марксистско-ленинской партии — НРПК, опирающейся на широкий общенациональный фронт, приступил к проведению глубоких социально-экономических преобразований в интересах всего кампучийского народа, во имя возрождения страны.

Чудо возрождения

Исковерканное прекрасное дерево не погибнет, вновь наберет сил, если у него уцелели корни, способные впитывать живительную влагу... Так и Кампучия сумела в полпотовское лихолетье сохранить корни, выстоять и начала постепенно, словно после тяжелой болезни, набирать жизненные соки. Обретенная людьми в 1979 г. свобода — вот та несущая жизнь влага, которая с самого начала питала процесс национального возрождения этой страны.

Главным фронтом борьбы партии, всего народа за возрождение Кампучии стало прежде всего экономическое восстановление страны, решение острейших социальных проблем, оставленных преступным режимом в наследство народной власти, демократизация всех сторон жизни общества. Коммунистам, народной власти пришлось приступить к решению бесчисленного количества проблем фактически с нуля. Сама жизнь настоятельно требовала сконцентрировать усилия на первоочередных социально-экономических проблемах страны. Речь при этом шла не только о преодолении катастрофических последствий полпотовского владычества в хозяйственной области, но и в культурно-идеологической сфере. Ведь полпотовщина оставила в сознании людей мут-

ный осадок социальной и политической демагогии. Сознание многих людей все еще оставалось мелкобуржуазным, не свободным от индивидуализма, элементов национализма.

Исторически сложилось так, что в Кампучии давала себя знать многовековая традиция культа монархической власти. Особая сложность заключалась в том, что на протяжении жизни одного поколения в стране сменилось несколько «моделей» социально-политического устройства, а это не могло не отложиться в сознании народа. С монархией Н. Сянука многие связывали завоевание политической независимости в середине 50-х годов. С 1970 г. реакционный генерал Лон Нол не менее демагогично наживал политический капитал на том, что он, мол, сверг монархию и учредил республику. Но самое трудное и важное было преодолеть полпотовщину.

Непросто было начинать лечить не только парализованное народное хозяйство, но и человеческое сознание, отравленное у сотен тысяч людей животным страхом, постоянной боязнью, что завтра, может быть, настанет и твоя печальная участь. И в тот момент особенно нужны были мужество, единая воля, сплоченность всех коммунистов страны во имя решения этих сложных задач. НРПК понимала, что ей предстоит вступить в многотрудный бой против всего, что тормозило развитие страны, расчистить завалы на пути к ее возрождению, преодолеть хозяйственную отсталость, усугубленную полпотовской тиранией, покончить с неграмотностью, пережитками прошлого и вместе с тем противостоять любым проискам полпотовских недобитков, не смирившихся с поражением, пытавшихся где только можно помешать созданию новой жизни. Нужно было развернуть сражение за нового человека народной Кампучии, за справедливую, процветающую жизнь для всех. В этой бескомпромиссной борьбе и был залог движения вперед кампучийской революции.

Партия смело приняла этот бой, никогда не теряла в нем инициативу. Сама жизнь диктовала необходимость сосредоточить усилия на первом этапе — решении восстановительных задач. И одновременно — на всемерном укреплении политической основы народной власти. Было объявлено об отмене антинародных законов прежнего режима. В стране началось утверждение подлинного народовластия.

Революция училась защищать себя. Формировались отряды народной милиции и подразделения Народно-революционной армии Кампучии (НРАК). Были созданы массовые профсоюзные, крестьянские, женские, молодежные и другие организации. Они стали надежной опорой партии, народной власти.

Опираясь на интернациональную помощь, прежде всего Советского Союза и Вьетнама, НРПК приступила к решению исключительно сложных политических, народнохозяйственных, социальных и иных проблем, доставшихся в наследство новой власти от диктаторской клики, которая отбросила Кампучию в экономическом и культурном отношении на несколько десятков лет назад. Самой срочной проблемой была ликвидация угрозы голода. Ведь насаждение по всей стране «народных коммун», ликвидация товарно-денежных отношений, лишение крестьян права пользоваться результатами своего труда привели к обнищанию масс. В кампучийской деревне возникла острая нехватка семенного фонда, тяглового скота, сельскохозяйственных орудий.

Все коммуны — «сахак», созданные при Пол Поте, распались уже в ходе революции 1979 г. Народная власть взяла курс на объединение крестьян в небольшие по масштабу ячейки взаимопомощи — «кромсамахи», в каждой из которых было 15—20 семей.

В первый год восстановления народной власти, отмечал главный редактор газеты «Кампучия» К. Каньярит, НРПК выдвинула лозунг: «Работать так, чтобы никто не умер от недоедания». В дальнейшем его заменили на другой: «Увеличивать производство, расширить обрабатываемые площади». В интересах повышения продуктивности сельского хозяйства большое внимание было уделено распространению коллективных форм труда тружеников села. Крестьяне поначалу с опаской, недоверием слушали представителей новой власти, которые рекомендовали им, не откладывая дела в долгий ящик, сообща взяться за обработку земли. И это объяснимо.

Страшным напоминанием для каждого крестьянина о деспотии Пол Пота были «народные коммуны», в которых люди «Ангки» твердили им, что надо «работать сообща, есть сообща, жить сообща». Так что же? Все начинается снова? Активисты разъясняли крестьянам, что возврата к «народным коммунам» не будет, что крестьяне вольны сами выбрать подходящую им форму организации и оплаты труда. Крестьяне сразу ответа не дали, призадумались...

Однако случилось так, что лучшим пропагандистом, агитатором за кооперирование стала сама жизнь. А в тот момент она диктовала суровые условия: ведь призрак голода уже маячил у порога каждой крестьянской семьи, с ним — это стали понимать все — в одиночку было не справиться.

Уже в феврале — марте 1979 г. в стране началось образование групп трудовой взаимопомощи, называвшихся «груп-

пами солидарности в борьбе за увеличение продукции». Создание групп происходило на добровольной основе. Распределяли урожай риса на общих собраниях всех членов групп трудовой взаимопомощи. В тех районах, где урожай был невелик, пошли все же на уравнильное распределение. Это делалось для того, чтобы обеспечить хотя бы минимумом продовольствия максимальное число людей. В течение целого ряда лет государство не взимало налогов в сельской местности. Напротив, группам трудовой взаимопомощи представлялись необходимые финансовые средства на приобретение тяглогового скота, сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, средств борьбы с вредителями растений.

Опираясь на интернациональную поддержку, на усилия всего народа, удалось избежать самого страшного — голода.

Народно-революционная власть сумела решить и такую проблему, как оживление городов, промышленности. Это была далеко не простая задача. Взять хотя бы столицу: к моменту освобождения в Пномпене на площади в десятки квадратных километров эксплуатировалось всего лишь три с небольшим десятка зданий, которые занимали тогда в основном чиновники «Ангки» да полпотовские солдаты.

Современный облик Пномпеня действительно несколько специфичен. С первыми лучами солнца в утренней тишине с крыш и балконов многоэтажных домов на главных пномпеньских магистралях — проспекте Сон Нгок Минь, бульваре Агар Мьен, набережных рек Тонлесап и Бассак — поднимаются в небо дымки очагов — люди готовят себе завтрак. На тротуарах, возле подъездов, начинается жизнь, возможно более присущая быту села, чем города. Да и появляющийся среди грузовых машин, автобусов транспорт нередко сродни проселочному: повозки с быками и пони в упряжке, велосипеды, вело- и моторикши. Случается, что на перекресток выйдет слон, на спине которого — в такт его грузных шагов — качается, как в паланкине, десяток пассажиров. Есть еще и кварталы, частично покрытые буйной тропической растительностью.

Столь, прямо скажем, необычный облик некогда шумного, перенаселенного города объясняется тем, что после освобождения в январе 1979 г. значительная часть нынешних жителей столицы пришла из пригородов и сел. Именно оттуда черпал Пномпень трудовые резервы для возрождающейся промышленности и коммунального хозяйства. Численный рост сегодняшнего Пномпеня стремителен. Буквально с нулевой отметки в 1979 г. он возрос до 330 тыс. человек в 1981 г., а ныне за полмиллиона человек. Эта динамика роста отра-

жает темпы и глубину качественных социально-экономических процессов, происходящих как в самом Пномпене, так и во всей стране.

Конечно же восстановление экономики Пномпеня происходило в весьма нелегких условиях, наиболее острой проблемой было отсутствие инженерно-технического персонала. В 1979 г. на многих объектах города люди с высшим техническим образованием исчислялись единицами. После освобождения директорами предприятий, начальниками цехов приходилось назначать бывших преподавателей математики, бухгалтеров и вообще людей, хотя бы сколько-нибудь знакомых с техникой, из числа тех, кому удалось выжить. Сказывалась нехватка квалифицированных рабочих. На многих заводах и фабриках, у станков в массе своей стояли недавние крестьяне, причем многие из них малограмотные. Развитие производительных сил в промышленности сдерживалось и тем, что часть оборудования изуродовали полпотовцы, часть уже износилась, а запасных частей не было.

И в этих условиях трудолюбие и сознательная дисциплина рабочих, их растущее чувство ответственности за общее дело и вместе с тем смекалка, изобретательность, инициатива стали существенными резервами наращивания промышленного производства.

Молодой рабочий класс НРК сказал свое веское слово в пользу возрождения. Прошло совсем немного времени, и Пномпень, как и другие города, оglasился заводскими гудками. Буквально спустя несколько дней после освобождения при помощи специалистов из СРВ удалось ввести в строй городскую электростанцию, затем систему водоснабжения. В феврале 1979 г. начал функционировать авторемонтный цех имени 7 Января, вслед за ним — рисоочистительный завод, завод по производству безалкогольных напитков, ткацкая фабрика. К 17 апреля 1979 г. — дню четвертой годовщины победы кампучийского народа в антиимпериалистической борьбе — пномпеньская типография, некогда разграбленная полпотовцами, выпустила крупными тиражами первые праздничные открытки и плакаты.

Жизнь требовала в кратчайшие сроки восстановить предприятия, изготавливающие товары широкого потребления и сельскохозяйственный инвентарь. И эта задача была решена. К апрелю 1980 г. текстильная фабрика Русайкео наладила выпуск таких товаров, как полотенца и платки, от употребления которых кхмеры отвыкли за годы полпотовщины. В 1980 г. завод сельскохозяйственных машин в Пномпене изготовил первые тысячи плугов, мотыг и лопат, сотни водяных

насосов, в которых столь нуждалось возрождавшееся сельское хозяйство страны. С вводом в строй фабрики по производству фарфоровой и металлической посуды, хозяйственных товаров навсегда ушла из быта кхмеров консервная банка, которая в годы полпотовщины была чуть ли не единственной доступной посудой.

И еще одна примета новой жизни. Растущую роль в организации производства, в повышении производительности труда, улучшении качества продукции, в обеспечении нормальных условий жизни и труда рабочих стали играть создававшиеся на всех предприятиях профсоюзные комитеты.

В числе самых острых стояла проблема работы транспорта. Большие усилия были затрачены на то, чтобы ввести в строй действующих крупнейший внутренний порт страны на Меконге — Пномпеньский, где сходятся и другие важные водные артерии страны — реки Бассак и Тонлесап. Стала четко действовать основная железная дорога, связывающая столицу с главными морскими воротами Кампучии — портом Кампонгсаомом.

В целом в Пномпене, где ко времени победы революции не работало ни одно крупное предприятие, в кратчайшие сроки было восстановлено и введено в строй 50 различных промышленных объектов. Столица дала своего рода импульс для глубоких перемен в других районах страны. Быстро были возвращены к жизни и другие центры — города Баттамбанг, Сиенреап, Прейвэнг, Кампонгтям.

Открылись рынки, где горожане могли купить продовольствие, товары первой необходимости. Но сразу же появились и определенные проблемы. Так, быстро выросла численность частных торговцев. Нередко они контрабандным путем привозили промышленные товары из Таиланда и продавали их за баснословную цену. Были обнаружены случаи скрытого пользования американскими долларами и тайландскими батами. Народная власть объявила такие действия, равно как и сокрытие товаров, незаконными. Предприимались меры к ограничению подобной деятельности, вызывавшей дестабилизацию в сфере распределения. Одновременно делалось все необходимое для создания и укрепления государственной торговой сети. В стране были открыты сотни магазинов и рынков, стал возрастать объем внутренней торговли.

Шаг за шагом укреплялось финансовое положение республики. В марте 1980 г. в НРК были пущены в оборот новые деньги — риели. Наверное, ни в одной стране мира не было случая, когда в последней четверти XX в. произошло упразднение денег, как это имело место в полпотовской Кампучии.

Да и после освобождения еще в течение года рис обладал всеобщей меновой стоимостью на рынке. Вопреки некоторым пессимистическим прогнозам, новые деньги сразу же были приняты населением, быстро вошли в оборот, хотя, конечно, перед народной властью во весь рост встала сложная задача — на основе восстановления и развития народного хозяйства в кратчайшие сроки обеспечить новые деньги в необходимом объеме и в соответствующем ассортименте товарами. При помощи друзей и эта задача оказалась народной власти под силу. Курс кампучийского риеля обрел стабильность.

В целом же в самые трудные для республики годы (1979—1980) удалось сделать решающие шаги в деле укрепления народно-революционной власти, заложить основы для продвижения вперед процесса экономического и культурного возрождения страны. В эти годы Кампучия добилась существенных сдвигов в области сельскохозяйственного производства, что позволило окончательно ликвидировать угрозу голода. Благодаря усилиям партии и народной власти удалось восстановить и ввести в строй действующих более 80% имевшихся ранее промышленных предприятий и кустарных мастерских. Это способствовало решению проблемы занятости в городах. Рабочий класс Кампучии насчитывал в начале 80-х годов свыше 30 тыс. человек.

В центр внимания социальной политики НРК с момента победы революции сразу же встала забота о детях. Острота этой проблемы, оставленной в наследство народной власти полпотовскими человеконенавистниками, была огромна и чрезвычайно сложна даже в эмоциональном плане. Ведь взрослые многие могут понять, а как объяснить детям, почему у них скомкали, растоптали детство?

Сразу после освобождения были организованы школы начального обучения. Ведь любое образование — начальное, среднее, высшее — было поставлено полпотовцами вне закона. Школы начали действовать уже в 1979 г., но не было ни тетрадей, ни учебников, ни карандашей. Грифельные доски и мел заменяли куски фанеры и осколки битого кирпича. Но это тогда никого не смущало — ни школьников, ни учителей. Тяга детей к знаниям была безграничной. Кампучийцы — учителя и родители — рассказывали, что не смогли сдержать слез при виде первой торжественной линейки, когда дети отдавали салют национальному флагу народной Кампучии — пять золотых башен Ангкор-Вата на алом фоне. Только за год, прошедший после победы революции, была восстановлена деятельность тысяч школ и других учебных заведений. Началась кампания по ликвидации неграмотности.

И еще одно важное наблюдение: в первые же годы после победы революции раскрылись в кампучийском народе, ставшем полноправным хозяином своей судьбы, лучшие черты, которые традиционно присущи кхмерам, — гуманизм, дух братской сплоченности и вместе с тем желание быстрее преодолеть тяжкие испытания, оставшиеся в наследство от палаческого режима, решимость навсегда избавиться от бремени ошибок и заблуждений прошлого, отдать все силы возрождению своей родины. Примеров тому не счесть. Вот один из них — в провинции Кампонгсы женщины, которые в годы полчотовщины потеряли своих мужей и детей, усыновили и удочерили тысячи оставшихся без родителей сирот. Эти дети снова узнали тепло материнской улыбки, домашнего очага.

Задачей огромной сложности было восстановление здоровья людей, их психики. Над кампучийской нацией был произведен поистине чудовищный эксперимент геноцида. А ведь убитые составляли цвет нации, потеря таких людей всегда тяжело восполнима.

Усилиями партии и народа наметились сдвиги в социальной и культурной областях. К концу 1980 г. многие больницы, разрушенные или заброшенные во времена правления бесчеловечного режима, были восстановлены и оснащены необходимым оборудованием. По существу, создавалась заново медицинская служба в масштабе всей страны.

После революции во многих районах уцелевшие от репрессий монахи вернулись в свои пагоды. Государство не препятствовало их деятельности.

Существенное значение для стабилизации политической обстановки в стране имела ликвидация полчотовских банд на территории НРК. Это позволило народной власти в достаточно спокойной обстановке, опираясь на поддержку населения, решать стоявшие перед ней непростые проблемы. В американском еженедельнике «Ньюсуик» в номере от 8 сентября 1980 г. в статье, посвященной положению в НРК, в частности, отмечалось: «Пережив четыре мучительных года при ныне смещенном Пол Поте, Кампучия начинает восстанавливаться буквально с нуля. Восстанавливаются разрушенные дороги и дома, увеличиваются, хотя пока и медленно, поставки продовольствия. Весьма важно, что крестьяне больше не боятся, что их либо убьют во сне, либо изобьют «красные кхмеры», либо отправят в лагеря смерти... Положение в Кампучии сейчас представляется сравнительно спокойным».

Кампучийская печать особо подчеркивает значение помощи СССР, СРВ, других стран социалистического содружест-

ва и международных организаций для стабилизации сложного экономического положения в стране, решения первоочередных социальных проблем. Уже в начале мая 1979 г. в Пномпень были доставлены первые грузы советской помощи, направленные в дар населению Кампучии. СССР предоставил НРК средства транспорта, медикаменты, продовольствие, нефтепродукты и другие столь необходимые для страны товары. В последующие годы поставки советских грузов в НРК продолжали расти. СРВ предоставила НРК значительное количество зерна, тысячи тонн семенного материала, тысячи голов скота, много сельхозорудий, одежды, медикаментов, предметов первой необходимости.

Эта интернациональная помощь дала возможность не только начать восстановление сельскохозяйственного и промышленного производства, ликвидировать угрозу голода, но и компенсировать колоссальную нехватку товаров широкого потребления.

Именно тогда кампучийцы душой, сердцем осознали, что такое интернациональная солидарность, что означает делить с другом и горе, и радость. Примеров тому сотни. Вот некоторые из них. Весной 1979 г. нехватка продовольствия в стране приняла угрожающие размеры, потребовалась срочная помощь голодающим детям. Тогда в детских больницах Хошимина и других городов СРВ ежемесячный рацион был сокращен до одной банки сгущенного молока на каждого ребенка, чтобы помочь друзьям-соседям.

Сразу же после освобождения в Кампучию пришли морем первые грузы интернациональной помощи, но оказалось, что разгружать их практически некому. Местные грузчики были полностью физически истощены, да и не обладали необходимыми техническими навыками для разгрузки крупных морских судов. Тогда на якорь в порту Кампонгсаом встал советский теплоход «Любовь Орлова», на борту которого находилось около ста лучших докеров из Владивостока, Находки, Ванино. Они обеспечили разгрузку до 2 тыс. т груза ежедневно.

Советские специалисты помогли в кратчайший срок отремонтировать портовое оборудование, восстановить в Кампонгсаоме водонапорную станцию, построить такелажный склад. А сколько душевного тепла проявили советские люди по отношению к ребятам из местного детского дома, будучи их шефами!

И еще один пример. В 1979 г. НРК столкнулась с проблемой отсутствия учебников. Нашлись энтузиасты, которые сдвинули и это дело с мертвой точки — написали учебные

пособия для школ I, II и III ступеней. Но печатать их было негде. Тогда в типографиях Хошимина на бумаге, присланной из Советского Союза, напечатали учебники для начальной школы, а остальные пособия размножили на ротаторе.

Восстановительный период в НРК в основном завершился в начале 1981 г. Усилиями НРПК, ЕФНСК обстановка в стране приобрела к этому времени устойчивую тенденцию к стабилизации. Свидетельством этого стало проведение в мае 1981 г. всеобщих выборов в местные органы народной власти и в Национальное собрание НРК — первых в истории этой страны подлинно демократических выборов. В голосовании участвовало 97,8% зарегистрированных избирателей. Выборы стали демонстрацией прочности, высокого авторитета народно-демократической власти, поддержки широкими слоями населения осуществлявшихся в стране преобразований.

Исторические перемены, происшедшие в стране, нашли отражение в принятой на первой сессии Национального собрания НРК в июне 1981 г. конституции НРК. В ней было законодательно закреплено развитие страны по пути независимости, демократии и социализма. В конституции указывалось, что «вся власть в Народной Республике Кампучии принадлежит народу», что «партия является руководящей и направляющей силой кампучийского общества». Конституция гарантирует, что все граждане в НРК, независимо от их национальной принадлежности, пользуются равными правами. В основном законе НРК была закреплена политика неприсоединения и мира, проводимая народной Кампучией.

Принятие конституции стало торжеством подлинного народовластия в НРК. Завершение в основном восстановительного периода, причем в столь сжатые сроки, явилось крупным успехом НРПК и народно-революционной власти.

На новом этапе

Магистральные направления развития народной Кампучии на новом этапе ее развития были определены состоявшимся в мае 1981 г. IV съездом Народной-революционной партии Кампучии. Историческое значение съезда заключалось в том, что в его документах были сформулированы главные задачи, стоящие перед партией и народом на новом этапе революции, — укрепить независимость страны, ускорить процесс ее возрождения. Съезд ориентировал коммунистов на творческое использование опыта стран социалистического содружества применительно к конкретным реалиям Кампу-

чи. Решения съезда стали важной вехой на пути строительства независимой и миролюбивой Кампучии.

Съезд указал на важность повышения руководящей и направляющей роли партии на всех участках социально-экономического и культурного строительства. НРПК является партией рабочего класса, хотя он в Кампучии пока малочислен. С учетом огромных жертв, которые понесла партия в период полпотовщины, руководство НРПК приступило к укреплению ее рядов лучшими представителями рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Усилия НРПК сфокусировались на всемерном развитии производительных сил страны, на становлении и укреплении новых производственных отношений в НРК.

На современном этапе народное хозяйство НРК состоит из трех секторов. В первый — государственный — входят промышленные и транспортные, значительная часть торговых и крупных сельскохозяйственных предприятий. Второй сектор — коллективный — охватывает «бригады солидарного труда» в деревне, ремесленников городских мастерских. Третий сектор — частный — включает в себя крестьян-единоличников, мелких и часть оптовых торговцев, кустарей.

Преимущественное внимание государство уделяет укреплению двух первых секторов и вместе с тем стремится поставить на службу обществу и частную инициативу. НРПК намерена и далее усиливать позиции государственного сектора в промышленности, который должен постепенно занять доминирующее положение. Основу госсектора составляют свыше 60 промышленных предприятий.

Становление индустрии республики неразрывно связано с поддержкой друзей народной Кампучии. Так, при содействии советских специалистов в НРК в первой половине 80-х годов возведено пять дизельных электростанций — в Пномпене, Сиамреапе, Кампонгтяме, Кампонгсаоме и в Баттамбанге. Конечно, дизельные станции — это отнюдь не полное решение проблемы обеспечения электроэнергией, скорее, выход из положения на сегодняшний день. Но при их сооружении руководствовались совершенно определенной целью — как можно быстрее дать возрождающейся экономике страны энергию. И эта актуальная задача была решена. Если же говорить о будущем энергетики Кампучии — страны, богатой водными ресурсами, то оно, безусловно, в строительстве гидроэлектростанций.

Промышленные предприятия набирают производственный темп не только в центре, но и на местах. В провинции Баттамбанг, а это, как известно, житница страны, работают

текстильная и джутовая фабрики, фосфатный завод, завод по производству прохладительных напитков. Импульс для наращивания промышленного производства в этом районе дало создание при советском техническом содействии дизельной электростанции. В сооружении этого объекта участвовало 450 кхмерских юношей и девушек — выпускников советских средних специальных учебных заведений. Они — будущее рабочего класса НРК. Получивший профессию в Волгограде бригадир монтажников Кемма Сопхон говорил: «Находясь на учебе в Волгограде, я не раз видел на фотографиях, что представлял собой этот город после войны, и хорошо знаю, каким он стал теперь. Полпотовцы разрушили Кампучию до основания, наш долг — как можно скорее ее восстановить».

«Высокая производительность, хорошее качество, неустанный труд» — этот лозунг можно увидеть сегодня на каждом промышленном предприятии страны. И это не просто слова. Стремление людей быстрее возродить из пепла свою страну воплощается в успехах молодой кампучийской индустрии. И результаты говорят сами за себя.

Существенные сдвиги произошли в первой половине 80-х годов в развитии промышленного производства. В 1985 г. оно возросло по сравнению с 1979 г. более чем в 20 раз. Однако целый ряд нерешенных пока проблем, и прежде всего слабость энергетической базы, нехватка квалифицированных кадров, необходимость обновления большей части технологического оборудования, все еще замедляют темпы роста промышленности НРК. С учетом объективных возможностей страны на нынешнем этапе НРПК и правительство НРК планируют на ближайшее будущее относительно умеренные темпы промышленного роста. Главное внимание обращено на восстановительные работы и подготовку к созданию новых предприятий.

За короткое время был создан и укрепился государственный сектор в торговле. В 1985 г. сеть государственной торговли охватывала практически всю страну. Она включает и специальные центры по закупке у крестьян и кустарей продукции и ее последующей реализации.

Дерево новой жизни народной Кампучии крепнет, здорoveет день ото дня. Перемены в молодой республике особенно заметны тем, кто приезжает в эту страну не в первый раз, а поэтому может сравнивать нынешние качественные сдвиги во всех сферах с прежним положением, когда страна только начинала в 1979 г. свое возрождение.

И это рельефно видно на примере столицы, которая ныне

переживает свое второе рождение. Из города-призрака, в который этот некогда один из красивейших городов Юго-Восточной Азии был превращен в период полпотовской деспотии, Пномпень, подобно возродившейся из пепла сказочной птице Феникс, возвращается к новой жизни. Город сегодня занят своими каждодневными заботами. Его пульс, подобно пульсу выздоравливающего человека, становится все ритмичнее.

В Пномпене — городе с более чем полумиллионным населением — работают десятки предприятий, учреждения просвещения, здравоохранения, ведутся занятия в вузах. Открылись кинотеатры. К началу 1985 г. в столице была полностью ликвидирована неграмотность. Бойко идет торговля в государственных магазинах, действует несколько рынков. Пригороды обеспечивают столицу основными продуктами питания. Функционируют энергетическая, транспортная и коммунальная службы.

Но главное — это чувство полной свободы, о которой кампучийцев некогда заставили забыть и которой они теперь наслаждаются. Трудно поверить, глядя на жизнерадостных людей, которые собираются вечерами на набережной реки Бассак в Пномпене, что еще каких-то восемь лет назад они не были уверены в том, что доживут до следующего утра.

Одна из достопримечательностей сегодняшнего Пномпеня — Высший технический институт имени кхмеро-советской дружбы. Это высшее учебное заведение, расположенное на проспекте, ведущем от международного аэропорта Почентонг в центр города, разделило судьбу города и его жителей. Возведенное в 1964 г. при техническом содействии СССР и переданное в дар кампучийскому народу, оно было одним из крупнейших в Юго-Восточной Азии.

Захватив власть, полпотовцы сразу же надругались над институтом. Аудитории были загажены, оборудование исковеркано, книги сожжены. Из 66 дипломников первого выпуска института в живых после освобождения осталось только шесть человек.

Сегодня в институте звонко звучат молодые голоса. Уже менее чем через три года после начала в 1979 г. восстановительных работ в институте действовали четыре факультета — строительный, электротехнический, гидромелиоративный и геологический, открылись 20 кафедр. В середине 80-х годов там училось свыше 600 студентов. Помощь в получении знаний им оказывают советские преподаватели.

Заметны успехи НРК и в деле развития аграрного сектора экономики. Решающие сдвиги в укреплении производи-

тельных сил в кампучийской деревне признают и на Западе. Французская газета «Монд» подчеркивала совсем недавно: «Кампучия медленно, но верно движется к полному удовлетворению своих потребностей».

Первая половина 80-х годов отмечена стабильными урожаями риса, который в 1981 г. составил 1,6 млн. т. В 1982 г. в стране было произведено в среднем 300 кг риса на душу населения, а площадь обрабатываемых земель возросла до 1,6 млн. га, то есть вдвое по сравнению с 1979 г. В 1983 г. урожай превысил 2 млн. т риса, что равно среднему урожаю в довоенное время.

Изменилось отношение крестьян к коллективизации. В кампучийской деревне растет число групп трудовой взаимопомощи. Таких групп насчитывается свыше 100 тыс. В целом по стране в них работает 3,3 млн. человек, то есть $\frac{9}{10}$ кампучийских крестьян.

НРПК рассматривает группы трудовой взаимопомощи в качестве начальной формы кооперирования. Для перехода к следующему шагу на пути развития коллективного хозяйства необходимо не только укрепить материальную базу сельского хозяйства страны, но и окончательно преодолеть у части крестьян все еще имеющий место своего рода психологический барьер, вызванный тем, что при полпотовском режиме сама сущность коллективизации была полностью извращена.

С учетом этих моментов психологического характера, а также из-за отсутствия пока должной материальной базы НРПК не считает целесообразным проявлять спешность в деле кооперирования, ведет разъяснительную работу в крестьянских массах, показывая им на конкретных фактах преимущества коллективного труда.

Об эффективности такой линии можно судить, к примеру, по деревне Ниротчар в провинции Кандал. Она типична для сегодняшней Кампучии. Деревня буквально утопает в зелени. Крестьянские жилища едва просматриваются сквозь раскидистые банановые деревья, а над домами возвышаются грациозные многометровые кокосовые пальмы с гроздьями налитых соком орехов. Большинство домов построено уже после революции. В деревне действует группа трудовой взаимопомощи, объединяющая практически все здешние крестьянские дворы. Сбранного урожая риса крестьянам хватает, чтобы и себя прокормить, и поставлять излишки зерна в город. Из разговора с местными жителями сложилось впечатление, что они довольны своим нынешним житьем.

Идет работа по совершенствованию деятельности групп трудовой взаимопомощи, повышению в них производитель-

ности труда. Во главу угла при этом ставится задача повышения жизненного уровня населения, увеличения объема сырья для нужд перерабатывающей промышленности, расширения экспорта продукции аграрного сектора.

В провинции Кампонгтям, прежде всего в районе Чуп, расположен центр по производству латекса — сырья для получения натурального каучука. В годы агрессии плантации в Чупе, раскинувшиеся на площади 60 тыс. га, серьезно пострадали от бомбардировок американской авиации. Сразу же после победы революции началась работа по восстановлению плантаций. При помощи советских специалистов возобновил работу завод по переработке латекса в каучук в Чупе, была восстановлена часть плантаций.

Каучук — а площади под ним неизменно увеличиваются — превращается в важную статью кампучийского экспорта. Предприятия по переработке латекса выпустили в 1982 г. первые 8 тыс. т ценной продукции.

Рассказ о сегодняшней Кампучии был бы неполным, если не сказать о такой важной отрасли ее экономики, как рыболовство. Рыба, которой богаты реки и озера Кампучии, занимает наряду с рисом и овощами важное место в питании кхмеров. Крупную рыбу здесь вялят и жарят, а из мелкой — с добавлением разных приностей — изготавливают соус «прахок», без которого нельзя даже себе представить кхмерскую национальную кухню. Соус «прахок» так же популярен в Кампучии, как рыбный соус «ныок мам» во Вьетнаме.

Центры рыболовства в стране — река Меконг и озеро Тонлесап, на берегах которых обосновались десятки рыбацких артелей и кооперативов. Среди них — кооператив «Чау Пхал», получивший название по имени расположенной на берегу Меконга деревни. В этом кооперативе объединилось 125 рыбаков. Начинали буквально с нуля — не было ни лодок, ни сетей. Ценной оказалась помощь государства, предоставившего кооперативу сети и лодки с подвесными моторами, полученные в качестве помощи из Советского Союза. Ныне кооператив «Чау Пхал» превратился в солидную производственную единицу. Государство закупает у кооператива десятки тонн рыбы, которая по сети госторговли распределяется среди населения. В целом же по стране в середине 80-х годов вылавливалось более 100 тыс. т рыбы ежегодно, что является весомой прибавкой в продовольственный фонд страны.

Кхмерская мудрость гласит: «Если ты заглядываешь вперед на год — сей рис, если на десять лет — посади дерево, а если на сто лет — воспитай детей».

Ощутимы успехи народной власти в решении социальных задач, прежде всего в развитии образования. Более 1,7 млн. детей получают знания в начальных и свыше 150 тыс. — в неполных средних и средних школах. Сегодня школьников в стране больше, чем было когда-либо прежде. Каждый четвертый кампучиец учится.

Тяга людей к знаниям огромна. И благодаря этому успешно ведется борьба с неграмотностью. Методологическую и практическую помощь в развитии системы народного просвещения оказывают своим кампучийским коллегам в этой области вьетнамские специалисты, учителя из СССР, других социалистических стран.

Страна остро нуждается в высококвалифицированных кадрах специалистов различного профиля. Многие юноши и девушки из НРК получают высшее образование в социалистических странах. Более полутора тысяч кампучийских студентов учится сейчас в Советском Союзе.

Кхмеры уже забыли о временах «босоногих врачей». Уровень медицинского обслуживания населения повышается день ото дня. Кампучия располагает ныне свыше 11 тыс. медицинских работников, в стране функционирует несколько фармацевтических фабрик, 1100 поликлиник, 30 госпиталей.

Одна из первостепенных задач, стоящих перед партией, — дальнейшее укрепление сплоченности всего кампучийского народа в рядах руководимого НРПК единого национального фронта, основой которого является союз рабочего класса и крестьянства. Принимая во внимание новые задачи, стоящие перед фронтом, ЕФНСК был в 1981 г. переименован в Единый фронт национального строительства и защиты Кампучии (ЕФНСЗК).

Стабилизация положения в НРК проявляется во многих компонентах — в укреплении центральных и местных органов власти, в динамичном развитии экономики, в постепенном повышении жизненного уровня населения. И все же самое главное в Кампучии то, что люди обрели уверенность в завтрашнем дне.

Ярки судьбы людей новой Кампучии. Большим уважением окружено в провинции Сиенреап имя Кит Боны, заместителя председателя Народно-революционного комитета этой провинции, депутата Национального собрания НРК. В 1965 г., после окончания педагогического училища в Пномпене, она вернулась в родные места, здесь вышла замуж. Тяжелые испытания выпали на ее долю. В годы полпотовской деспотии ее мужа убили, а сама она чудом спаслась от такой участи.

После победы революции Кит Бона стала заниматься общественной работой, была избрана в общинный народный комитет. Много сил отдавала она возрождению системы народного образования в родной провинции. Практика работы показала, что ей не хватает политических знаний, и она пошла учиться на курсы политработников. После их окончания Кит Бону избрали заместителем председателя Народно-революционного комитета провинции Сиенреап, ее приняли в ряды НРПК. И теперь в центре внимания Кит Боны вопросы совершенствования системы народного образования в провинции Сиенреап. Результаты этой работы налицо: ныне в каждой общине имеется школа-четырёхлетка, в уездах — школы-семилетки, а в городе Сиенреап — школы-десятилетки.

Авторитет коммунистов, народной власти велик, он крепнет день ото дня. Процесс этот глубоко закономерен, ведь выдвинутые партией задачи возрождения родины близки и понятны людям, а крупномасштабная работа, развернувшаяся на всех участках социального, экономического и культурного строительства, объективно ведет к дальнейшему сплочению самых широких масс трудящихся, к укреплению блока рабочих и крестьян, к более тесной хозяйственной смычке города и деревни.

Люди окончательно обрели веру в новую, лучшую жизнь. И это главный довод в пользу того, что глубокие качественные процессы, происходящие в стране, носят необратимый характер. Ничто не может заставить народ Кампучии свернуть с избранного им пути.

...Мирное строительство в Кампучии и сегодня проходит в далеко не простых внешнеполитических условиях. Используя остатки полпотовских банд, окопавшихся на территории Таиланда, империалистические силы не оставляют попыток сорвать процесс создания нового общества в народной Кампучии. Их усилиями в июле 1982 г. было сколочено «коалиционное правительство» несуществующей «демократической» Кампучии. Не секрет, что целью создания этого никога не представляющего «правительства» было опорочить в глазах мировой общественности политику народной Кампучии, любыми средствами сохранить — без всяких на то оснований — место Кампучии в ООН за полпотовским режимом, выброшенным восемь лет назад восставшим народом на свалку истории. В передачах французского телевидения 17 апреля 1985 г., посвященных десятой годовщине свержения империалистического режима Лон Нола, отмечалось, что «народ Кампучии ныне демонстрирует волю к жизни, залечивает раны. Однако на тайландской границе около 45 тыс.

«красных кхмеров» все еще продолжают военные действия против правительства НРК».

Бросается в глаза и вот какой момент: в последнее время средства массовой информации Запада пытаются представить «красных кхмеров», о которых, кстати, еще президент США Дж. Картер в свое время говорил как о «самых подлых нарушителях прав человека», чуть ли не «глубоко раскаявшимися» грешниками. Вот для сравнения два материала, написанные американскими журналистами с разницей буквально в несколько лет. В конце 70-х годов американский журнал «Ридерс дайджест» писал о зверствах полпотовцев: «Пытки, применяемые в концлагере в Сиенреапсе, — это не какой-нибудь отдельный, изолированный случай. Они типичный пример развязанного против жителей Кампучии террора». А вот что не без умиления писал недавно в американском журнале «Ньюсуик» корреспондент, побывавший в лагере «красных кхмеров» на территории Таиланда: «За те два дня, что я провел в джунглях, наибольшим зверством, виденным мной, было умерщвление сороконожки, которую мой хозяева убили зонтиками». Контраст, прямо скажем, разительный.

Эмиссары «коалиционного правительства» разъезжают по «дружественным» столицам, выколачивая военную и иную «помощь», для того чтобы бороться с «агрессором». И «помощь» эту оно получает в суммах, исчисляемых десятками миллионов долларов. Идет же эта «помощь» на то, чтобы подрывать мирный труд народа Кампучии, не дать ему в спокойной обстановке строить новое общество. Эта «помощь», оказываемая беспринципными дельцами от политики, — оскорбление памяти кампучийцев, погибших от рук палачей.

В комплексе подрывных акций недругов народной Кампучии сразу же после январских событий 1979 г. особое место занимали далеко идущие планы по созданию в труднодоступных горных районах Кампучии, в непосредственной близости от границы с Таиландом, ряда «опорных пунктов» и баз остатков кхмерской реакции. Делалось это прежде всего для того, чтобы манипулировать перед общественным мнением фактом, так сказать, «физического присутствия» «коалиционного правительства» на территории Кампучии; хотя общеизвестно, что его члены проводят все время за рубежом, курсируя между Бангкоком и иными столицами. Устраивались даже широковещательные — с приглашением журналистов — церемонии вручения «верительных грамот» послами ряда «близких» стран в «демократической» Кампучии. Правда, присутствовавшие журналисты отметили, что

«президент» во время церемонии все время вел себя крайне напряженно, видимо опасаясь, как бы непароком не началось наступление частей НРАК против сил реакционеров.

Разумеется, «опорным пунктам» придавалось и военное значение. С них предполагалось совершать подрывные действия, диверсии против народной власти. Строились эти базы по заранее отработанному трафарету — сначала тайком расчищали в джунглях место, затем пригоняли из Таиланда несколько тысяч кхмерских беженцев — из тех, которых удалось силой увести в 1979 г. Кстати, людей этих тщательно охраняли, дабы кто-нибудь не сбежал. Затем воздвигали насыпной вал, который окружали долговременными укреплениями, минными полями, пулеметными гнездами. Боеприпасы, продовольствие, вооружение иностранного производства получали рядом, на противоположной стороне границы, вдоль которой — но всегда на расстоянии друг от друга, дабы избежать взаимной грызни, — расположились «позиции» «красных кхмеров», сторонников Сианука («борей Сианук») и Сон Санна («Кхмер Серей»).

В печати стран Запада в последнее время много, причем в самых трогательных выражениях, пишут, явно выдавая желаемое за действительное, о «монолитной сплоченности» трех оппозиционных кхмерских группировок «в интересах борьбы против общего врага». Реальная же картина того, как поддерживается эта «сплоченность», предстает из рассказов тех тысяч бывших «красных кхмеров», которые добровольно переходят на сторону народной власти. Вот, например, что рассказал на пресс-конференции в Пномпене в сентябре 1984 г. бывший полпотовский рядовой Пхоу Пхон, сдавшийся бойцам НРАК. Он был насильственно угнан в Таиланд в январе 1979 г. отступавшими под ударами сил революции полпотовскими головорезами вместе с тысячами других молодых кампучийцев. От зари до зари их заставляли работать на строительстве военных сооружений, а после трудового дня ежедневно пригоняли на собрания, во время которых их устроители клеветали на НРК, запугивали тех, кто хотел бы вернуться на родину, предрекая им неминуемую смерть от рук «солдат Хенг Самрина».

На многих примерах Пхоу Пхон показал, что «красные кхмеры» ненавидят представителей других реакционных кхмерских группировок и используют их лишь для того, чтобы как-то упрятать свое истинное человеконенавистническое лицо за вывеской так называемого «коалиционного правительства» и конечно же получать материальную и политическую поддержку от «друзей». В лагерях «красных кхмеров»

на тайландской территории люди, опасаясь репрессий, боятся даже произносить имена лидеров других эмигрантских группировок — Спанука и Сон Санна.

Вопреки его воле, Пхоу Пхона заставили взять в руки оружие и тайно перейти границу для выполнения диверсионного задания в приграничном районе Кампучии. Однако, попав на родину, он увидел картину, прямо противоположную той, которую ему рисовали: народ Кампучии занят созидательным трудом и желает лишь одного — жить и работать в условиях мира.

Пхоу Пхон твердо решил порвать с полпотовцами, но не мог уйти из банды, так как за попытку побега грозила смерть. Тогда он предпринял отчаянный шаг: ночью расстрелял из автомата командира бандитской группы и его четверых сообщников. А затем добровольно сдался народным властям деревни Ктум Крэн в провинции Кампонтспы.

Судьба Пхоу Пхона — далеко не исключение. Все больше рядовых «красных кхмеров», убеждаясь в лживости своих главарей, понимая всю бесперспективность, обреченность их политики, желая заслужить снисхождение народа, покидают банды диверсантов.

В 1984 г. число лиц, покинувших бандитские формирования и перешедших на сторону народной власти, было в 3 раза больше, чем в 1983 г.

Типичен для Кампучии и такой случай. О нем рассказали крестьяне из провинции Прэахвихеа, что на севере Кампучии. В конце 1980 г. командование «красных кхмеров» забросило сюда из Таиланда крупную диверсионную группу для ведения подрывной деятельности. Командир группы послал в одну из деревень солдат, чтобы отнять у населения продовольствие, а заодно и разведать обстановку. Услышав рассказ жителей деревни о новой, свободной жизни, которая пришла к крестьянам с победой революции, разведчики, посоветовавшись, решили добровольно сдаться местным властям, а потом вместе с солдатами НРАК окружили и захватили в плен всю диверсионную группу.

А вот как поступили в декабре 1984 г. крестьяне провинции Пурсат, куда тоже проникла группа бандитов, грабивших население. Когда начался сезон дождей, укрываться в джунглях стало все труднее, продовольствия не было, и у бандитов стало вызревать решение сдаться властям. Прежде чем согласиться на капитуляцию, диверсанты послали на разведку в деревню двух своих командиров. Те по пути столкнулись с двумя школьниками, которые, сообразив, в чем дело, отвели их деревенским властям. 500—600 крестьян из

окрестных деревень окружили остальных бандитов, которые, как только им предложили сдаться, все без единого выстрела сложили оружие.

Число таких фактов растет день ото дня. И тем не менее недруги кампучийской революции продолжают санкционировать вооруженные провокации на границе с НРК, засылку на ее территорию диверсионных групп, чтобы нести беду в дома мирных жителей. А когда под ударами частей НРАК — при содействии вьетнамских добровольцев — битые провокаторы откатывались обратно на свои базы в Таиланде, на Западе и в некоторых столицах АСЕАН начиналась пропагандистская свистопляска: НРК и СРВ обвинялись в нарушении границы Таиланда, чуть ли не в «агрессии» против этой страны, пригравшей банды «красных кхмеров».

Совершенно естественно, что в этих условиях молодой республике приходится отрывать из экономики силы и средства, как материальные, так и людские, для укрепления своей обороноспособности. Неоценимую помощь народу Кампучии в деле защиты его революционных завоеваний оказывают добровольцы из Вьетнама, которые находятся в НРК по просьбе правительства этой страны. В индийской печати подчеркивается, что вьетнамские добровольцы «находятся в Кампучии... как освободители кампучийского народа, которому пришлось пережить ужасы тиранического полпотовского режима».

Говоря о глубоких чувствах благодарности, которые испытывают кампучийцы к вьетнамским воинам-интернационалистам, Председатель Совета Министров НРК Хун Сен подчеркнул: «Вьетнам стал символом отваги и революционного героизма в борьбе за идеалы национальной независимости и социализма. Пройдет время, но само слово «Вьетнам» навсегда останется в памяти людей, а образ вьетнамского бойца-добровольца навсегда сохранится в сердце каждого кампучийского патриота нынешнего и грядущих поколений». Большой позитивный резонанс вызвало принятое в августе 1985 г. решение СРВ и НРК к 1990 г. полностью завершить вывод вьетнамских добровольческих войск из Кампучии.

В последнее время недруги кампучийской революции отыскивали еще один «аргумент» для нападков на народную Кампучию и Вьетнам. Радио «демократической» Кампучии вещает о том, что Вьетнам, мол, усиленно проводит политику «вьетнамизации» в Кампучии. Туда переселилось якобы свыше 600 тыс. вьетнамцев, которые «обижают кампучийцев, грабят их». Вьетнам «намерен изменить структуру населе-

ния Кампучии», а «вьетнамизация угрожает дальнейшему существованию кампучийской нации».

Эту фальшивку быстро подхватили на Западе, в столицах ряда стран АСЕАН, особенно в Бангкоке и Сингапуре. Рассматривая эти инсинуации как нацеленные на то, чтобы «посеять зерна раздора между вьетнамским и кампучийским народами», органы массовой информации СРВ отмечают: «Сам Н. Спанук неоднократно признавал, что во время его правления в Кампучии насчитывалось до 500 тыс. лиц вьетнамской национальности. В годы полпотовской тирании они подвергались жесточайшим репрессиям, и многие вынуждены были бежать во Вьетнам. После свержения полпотовской клики правительство НРК разрешило им возвратиться вместе с родственниками на прежнее место жительства. К 1983 г. в Кампучию вернулось всего 56 тыс. вьетнамцев, что составляет лишь немногим более 10% от ранее проживавших там лиц вьетнамской национальности. О каком же процессе «вьетнамизации» здесь может идти речь?»

В начале 1985 г. силы реакции потерпели серьезные поражения в боях с частями НРАК и вьетнамских добровольцев, полностью очистивших пограничные районы от баз и опорных пунктов кхмерской реакции. Не смирившись с этим поражением, «красные кхмеры» во всеуслышание заявляют, что не намерены отказываться от своей линии, обреченной на провал. «Новое» направление их «борьбы» — развертывание внутри Кампучии «партизанской войны». И вот группки бандитов часами выслеживают, укрывшись в засаде где-нибудь близ дороги, автомобиль или одинокого путника, чтобы убить его исподтишка, а затем громогласно, чуть ли не на весь мир, объявить с помощью своих покровителей об очередной «блестящей победе» вооруженных сил «коалиции» над «агрессором».

Конечно, эти бандитские вылазки нервируют кхмерских крестьян. Но они служат и напоминанием, что враг не собирается оставить их в покое, дать им возможность мирно трудиться, а посему необходимо давать ему отпор.

Остатки реакционеров пытаются вести пропагандистскую обработку части населения. Главный метод — распространение листовок. «Кхмеры, вступаите в наши могучие силы», чтобы «вести борьбу против агрессоров», — написано на листовке «красных кхмеров». Видимо, такого рода призыв считается достаточно убедительным для того, чтобы крестьянин, бросив дом, семью, землю, мирный труд, побежал в джунгли отыскивать отсиживающихся там бандитов, которые еще вчера насильничали в его деревне.

Кстати, содержание некоторых листовок проливает дополнительное свет на отношения между соперничающими реакционными группировками. Вот, к примеру, текст листовки «Кхмер Серей»: «Уважаемые братья! Чтобы освободить нашу нацию от гнета Пол Пота, чтобы его режим не вернулся вновь, объединяйте силы с национальным фронтом во главе с маршалом Сон Санном».

Секретный циркуляр командования «красных кхмеров» содержит иной приказ: «...вредить, разлагать, уничтожать силы «Кхмер Серей». И эти приказы исполняются: перестрелки, взаимные налеты, поножовщина, бандитизм в отношениях между «союзниками», входящими в состав «правительственной коалиции» «демократической» Кампучии, давно уже стали обычным явлением. Корреспонденты ирландской газеты «Айриш таймс», побывавшие на одной из баз «красных кхмеров» в Таиланде, весьма точно подметили, что длительное культивирование животного страха превратило их в секту звероподобных мракобесов.

Понятно поэтому, почему десятки тысяч кхмеров, насильственно удерживаемых в так называемых лагерях «беженцев», мечтают только об одном — быстрее покинуть этот ад, вернуться в родные места, к своим семьям, к мирному труду.

В этом причина того, что каждый год тысячи и тысячи бывших «красных кхмеров», сонсановцев, сиануковцев с повинной возвращаются на родину, сдаваясь властям НРК. Обреченность их «дела» давно уже стала реальностью.

С конца 1984 г. участились случаи сдачи властям НРК не только отдельных лиц или групп бандитов, но и частей и подразделений реакционеров. Так, в октябре 1984 г. три батальона группировки «Кхмер Серей» отказались выполнить приказы своих главарей и добровольно перешли на сторону революции. 24 октября 1984 г. эти части были переброшены с баз в Таиланде в западные районы кампучийской провинции Пурсат с задачей скрытно углубиться на территорию НРК и приступить к организации диверсионных и террористических акций в провинциях Пурсат, Баттамбанг и Кампонгчанг. Однако представители этих батальонов вступили в контакты с органами народной власти с предложением о добровольной сдаче. В течение пяти дней — с 25 по 30 октября — сотни солдат, офицеры, в том числе командиры двух батальонов, вместе с оружием и военным снаряжением сдались народным властям.

Власти НРК хорошо понимают, что в составе диверсионных групп, засылаемых из Таиланда, помимо бывших палачей, запятнавших себя кровью своих сограждан, находятся

и тысячи простых крестьян, обманутых лживой пропагандой. Известно и то, что рядовые члены бандитских соединений, формирований, давно разобравшись в преступном характере деятельности своих главарей, при малейшей возможности бегут из банд.

В отношении этих людей, обманом или угрозами вовлеченных в контрреволюционную деятельность и осознавших свои ошибки, власть народа проводит гуманную политику, главный смысл которой — добиться национального примирения. Большинству из них предоставляется возможность возвратиться к своим семьям, приступить к мирному труду. Часть достойных доверия из числа перешедших на сторону народа вступает в ряды НРАК, чтобы с оружием в руках отстаивать завоеванное народом право на мирную жизнь. Разумеется, есть и такие, кого отправляют на перевоспитание в специальные лагеря. Один из них расположен неподалеку от Пномпеня. Показательно, что число охранников в лагере минимальное. Но это не случайно: никто из лагеря пока не сбежал. Видимо, нет смысла бежать, да и бежать некуда. Ведь население ненавидит террористов и оказывает властям необходимое содействие для их поимки.

Для большинства тех, кто прошел курс перевоспитания, характерно чувство раскаяния, стремления искупить свою вину перед народом честным трудом. Содержавшийся в одном из лагерей перевоспитания 18-летний Тхе Сор рассказал, что он жил в деревне неподалеку от Баттамбанга. Однажды ночью пришли «красные кхмеры» в черной форме. Они приказали ему и другим юношам идти с ними и пригрозили убить в случае отказа. Пришлось пойти. Став бандитом, Тхе Сор остро почувствовал ненависть местного населения к террористам. Крестьяне не пускали их переночевать, не давали риса. Бандиты все брали только силой. «Я больше так не мог, не хотел воювать против собственного народа, — говорил Тхе Сор. — Однако командир запугивал, что того, кто сдастся в плен, в Пномпене обязательно казнят. Я не поверил. И, как видите, жив и здоров».

И таких, как Тхе Сор, тысячи. С января 1979 г., когда пал режим клики Пол Пота, по начало 1987 г. на сторону народной власти перешло более 33 тыс. «красных кхмеров» и представителей других оппозиционных группировок.

В мире растет понимание позиции правительства НРК, стремящегося к достижению справедливого урегулирования в интересах кампучийского народа, к национальному примирению. Так называемая «кампучийская проблема», справедливо указывается в индийской печати, существует только

из-за того, что некоторые державы предоставляют помощь силам «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, проводившим политику геноцида, и поддерживают пресловутый «национальный фронт за освобождение кхмерского народа». Нельзя исключать, что «проблема» эта может решиться и сама собой в течение 5—10 лет, пока правительство НРК будет форсировать свою программу построения страны и дальнейшей консолидации прогресса, достигнутого в области экономики, сельского хозяйства и дипломатии.

Существенно здесь, думается, то, что идея национального примирения медленно, но верно прокладывает себе путь.

* * *

В праздничное убранство оделся Пномпень в середине октября 1985 г. Здесь проходил V съезд Народно-революционной партии Кампучии. Работа съезда стала еще одним подтверждением правильности избранного республикой пути прогресса и независимости. На съезде состоялся глубокий, содержательный разговор о задачах кампучийской революции, о стоящих перед страной проблемах. Об этом со всей убедительностью было сказано в Отчетном докладе ЦК НРПК съезду, с которым выступил Хенг Самрин. Он подчеркнул, что в результате самоотверженных усилий народа, а также всесторонней помощи СССР, СРВ, других социалистических стран народная Кампучия за прошедшие после победы революции годы добилась значительных успехов в области восстановления и развития производства. Полностью оправдал себя взятый партией курс на коллективные формы труда в сельском хозяйстве. Партия будет и впредь добиваться всемерного усиления государственного сектора, с тем чтобы он занял ведущее место в народном хозяйстве. Развитие связей Кампучии с Советским Союзом и другими социалистическими странами, отмечал в докладе на съезде Хенг Самрин, — это основа внешней политики НРПК, интернациональный долг, залог успешной защиты независимости республики и строительства социалистического общества на кампучийской земле.

Красной нитью через все выступления делегатов 7, 5-тысячного отряда кампучийских коммунистов проходила мысль о том, что достижения, которыми сегодня вправе гордиться НРК, — это лишь начало огромной созидательной работы по строительству новой жизни на кампучийской земле. Об обретенной народом уверенности в том, что стоящие задачи будут непременно решены, с большим вдохновением говори-

ли с трибуны съезда председатель ЦК Ассоциации женщин Кампучии Мен Соман, другие делегаты.

Принятая V съездом НРПК первая пятилетняя программа восстановления и социально-экономического развития Кампучии на 1986—1990 гг. открыла новый этап в возрождении этой древней страны. В программе нашла отражение единоподушная воля народа построить процветающее общество на земле своей родины.

Прошедший со времени работы V съезда НРПК период стал подтверждением того, что, опираясь на широкую поддержку масс, партия, народная власть смогли мобилизовать трудящихся на решение основополагающих задач, выдвинутых съездом, — защиту завоеваний революции и дальнейшее развитие социально-экономической сферы. Набирает силу аграрный сектор народного хозяйства. Урожай риса и других продовольственных культур в 1986 г. превысил 2 млн. т, вдвое возросло по сравнению с дореволюционным периодом поголовье крупного рогатого скота. Объем промышленного производства увеличился втрое по сравнению с 1980 г. Рабочий класс страны ныне насчитывает 55 тыс. человек.

Кампучийский народ несколько десятилетий жил в условиях лихолетья, и поэтому мир — его сокровенное желание. Во время состоявшейся в Москве 28 июля 1987 г. встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Кампучии, Председатель Государственного совета Народной Республики Кампучии Хенг Самрин заявил, что движимые чувством доброй воли и ответственности за судьбу страны, Народно-революционная партия и правительство НРК приняли принципиальное решение взять курс на политическое урегулирование кампучийской проблемы путем национально-го примирения. Они готовы начать в этих целях диалог со всеми противостоящими группировками и их лидерами, исключая Пол Пота и его ближайших подручных, виновных в тягчайших преступлениях против собственного народа.

Мировое сообщество вправе рассчитывать на то, что здравый смысл и политическая воля возобладают над конфронтацией. Решение кампучийской проблемы с учетом коренных интересов кампучийского народа и существующих в регионе политических реальностей не только привело бы к восстановлению мира на древней земле Ангкора, но и способствовало бы существенному оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Азии, азиатско-тихоокеанском регионе в целом

КУРСОМ МИРА И ДОБРОСОСЕДСТВА

(Заключение)

«Возрастающая роль Вьетнама в международном сообществе, в движении неприсоединившихся стран, его ясная позиция мира и защиты прав народов, вставших на путь самостоятельного, независимого развития, все больше выступают как значительный фактор укрепления безопасности в Азии и во всем мире»¹ — эти слова, произнесенные М. С. Горбачевым на V съезде КПВ, с полным основанием можно отнести к внешнеполитической деятельности всех трех стран Индокитая.

Для всестороннего подъема своих стран, решения поставленных козидательных задач народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии нужен прочный мир. Между тем проблема обеспечения своей безопасности на современном этапе сохраняет актуальность для всех трех индокитайских государств.

В. И. Ленин указывал, что внешняя и внутренняя политика диалектически взаимосвязаны и имеют общие корни. Он подчеркивал: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»². Внешнеполитический курс СРВ, ЛНДР и НРК строится в полном соответствии с этим ленинским положением. С первых же дней после их образования деятельность этих стран на международной арене была подчинена борьбе за обеспечение благоприятных внешних условий для скорейшего залечивания ран, нанесенных многолетней войной, развязанной империализмом против народов Индокитая, восстановления и развития экономики, создания предпосылок для построения материально-технической базы нового общества.

¹ V съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 27—31 марта 1982 года. М., 1983, с. 275.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

В конце 1984 г. по хапойскому телевидению демонстрировали 13-серийную документальную киноэпопею «Вьетнамская война», снятую кинематографистами ряда стран при участии их вьетнамских коллег. 30-летия героическая война народа Вьетнама показана в этой киноленте как бы с двух сторон — архивные кинокадры, повествующие о бесчинствах японских, французских и американских оккупантов, перемежаются с интервью, взятыми у непосредственных участников отпора империалистической агрессии — государственных и политических деятелей СРВ, простых солдат и трудящихся Вьетнама. Сериал явился политически острым, страстным документом. Языком киноискусства он разоблачал агрессивную сущность империалистической политики и вместе с тем воздал должное подвигу народа, поднявшегося на освободительную борьбу. Киноэпопея рельефно выветила тот факт, что народ Вьетнама, прошедший через ужасы войны, не может не быть страстно заинтересован в мире, не может не дорожить своим сегодняшним мирным днем.

«Самое заветное желание нашего народа, пережившего долгую, трудную и полную жертв войну против империалистической агрессии, — подчеркивалось в документах IV съезда НРПЛ, — это жить в мире и заниматься созидательным трудом на благо родины. Вот почему наша партия и государство считают борьбу за сохранение мира в Юго-Восточной Азии, в районе Азии и Тихого океана, во всем мире первоочередной задачей всех членов партии и всего народа».

Внешнеполитический курс СРВ, ЛНДР и НРК глубоко интернационален, так как интересы вьетнамского, лаосского и кампучийского народов совпадают, близки интересам трудящихся во всех странах мира. Эта политика индокитайских государств пронизана духом солидарности с революционными прогрессивными силами нашей планеты и представляет собой активный фактор классовой борьбы на международной арене. Важно указать и на партийность внешней политики СРВ, ЛНДР и НРК. Особого внимания заслуживают решения последних форумов этих партий — VI съезда КПВ, IV съезда НРПЛ и V съезда НРПК. Весь ход этих съездов, принятые на них исторические решения были отмечены духом реализма и созидания, критической оценки сделанного, поисками новаторского подхода к задачам дальнейшего продвижения вперед дела социалистического строительства в СРВ и ЛНДР, национального возрождения в НРК, к международной деятельности Вьетнама, Лаоса и народной Кампучии. Съезды вылились в убедительную демонстрацию интернационалистского характера КПВ, НРПЛ и НРПК, высту-

пающих за единство и сплоченность международного коммунистического и рабочего движения, нерушимую солидарность с борьбой угнетенных народов за их освобождение, вносящих достойный вклад в дело социального прогресса и упрочение мира во всем мире. Солидарность с КПВ, НРПЛ и НРПК в их усилиях по решению стоящих перед ними задач выразили представители всех коммунистических и рабочих партий, прогрессивных организаций и движений, участвовавших в работе этих форумов коммунистов трех стран Индокитая.

В духе принятых на съездах решений три индокитайских государства, тесно координируя между собой свои внешнеполитические акции, выступая с единых позиций со странами социалистического содружества, действуют на международной арене как инициативная сила, последовательно и твердо отстаивающая интересы мирового социализма, национально-освободительного движения, решительно стоящая на стороне всех борцов за мир, демократию и социальный прогресс.

Своей миролюбивой внешней политикой СРВ, ЛНДР и НРК завоевывают все больший авторитет на мировой арене. СРВ и ЛНДР — полноправные члены социалистического содружества, активные участники движения неприсоединения, члены Организации Объединенных Наций. Укрепляется международный авторитет Народной Республики Кампучии, голос которой, вопреки всем потугам недругов кампучийской революции, все громче и весомее звучит в мире. Страны социалистического содружества, прогрессивные неприсоединившиеся государства решительно отвергают попытки использования ООН для прикрытия непрекращающегося вмешательства во внутренние дела НРК и неуклонно выступают за то, чтобы она заняла принадлежащее ей по праву место в ООН и других международных организациях.

В комплексе внешнеполитических задач СРВ, ЛНДР и НРК приоритетное место занимают вопросы всемерного укрепления и развития отношений дружбы и сотрудничества со странами социалистического содружества. Эта задача рассматривается в качестве стратегической линии КПВ, НРПЛ и НРПК на международной арене. Отношения трех индокитайских государств со странами социалистического содружества строятся на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Определяющим фактором неуклонного развития и совершенствования этих отношений является братское сотрудничество коммунистических партий всех этих стран, основанное на единстве идео-

логии, взаимном уважении, общности целей борьбы за мир, построение социализма и коммунизма. Тесный союз со странами социалистического содружества — важная гарантия успешного построения нового общества на земле стран Индокитая, выступающих в качестве надежного форпоста мира, демократии и социального прогресса в Юго-Восточной Азии.

«Укрепление сплоченности и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, — указывалось на VI съезде КПВ, — постоянно является краеугольным камнем внешней политики КПВ и вьетнамского государства». «Мы всегда ясно сознавали, — подчеркивалось в Политическом докладе ЦК IV съезду НРПД, — что ...крепкие связи с СССР — основополагающий принцип внешней политики нашей партии и государства». Заключенный 3 ноября 1978 г. Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ воплотил стремление КПСС и КПВ, советского и вьетнамского народов к дальнейшему сплочению, неуклонному углублению и расширению двусторонних связей во всех областях. Договор стал надежным инструментом борьбы за мир и стабильность в Юго-Восточной Азии, за безопасность народов, оказывает позитивное воздействие на развитие обстановки на Азиатском континенте.

Широк, многообразен спектр связей Советского Союза с СРВ, ЛНДР и НРК. Это и политические отношения между дружественными странами, и межпартийные связи, и взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, разнообразные связи в сфере науки, техники, культуры, бескорыстная помощь СССР индокитайским государствам в развитии их производительных сил, подъеме национальной экономики и многое другое. Связи с Советским Союзом превратились сегодня в существенный элемент общественно-политической, экономической и культурной жизни стран Индокитая.

В едином строю с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества, в тесной координации с ними СРВ, ЛНДР и НРК ведут последовательную борьбу за мир и разрядку международной напряженности, против агрессивной политики сил империализма и реакции. Как событие всемирно-исторического значения расценили в странах Индокитая итоги XXVII съезда КПСС. «Каждый съезд партии Ленина, — указывалось во вьетнамской прессе, — является важным событием, оказывающим глубокое воздействие на процесс исторического развития человечества. XXVII съезд КПСС имеет особое значение, которое предопределено характером современной эпохи, важностью обсуждавшихся на нем проблем и выдвинутых задач».

В странах Индокитая оказывают полную поддержку неизменному курсу Советского Союза на сохранение и укрепление мира, предотвращение ядерной войны, обуздание гонки вооружений, расширение и углубление сотрудничества между всеми государствами. Эта линия СССР рассматривается коммунистами и народами индокитайских государств как важный фактор, противодействующий империалистической политике диктата и разжигания военной опасности, мобилизующей прогрессивные силы планеты на активные действия в интересах мира, безопасности, свободы и независимости народов.

Советский Союз и страны Индокитая едины в вопросе о том, как строить свои отношения с КНР; они выступают за нормальные, добрососедские отношения с Китаем, за дружбу с китайским народом.

Между СРВ, ЛНДР, НРК и Советским Союзом, другими странами социалистического содружества осуществляется систематическая работа по координации действий на международной арене в интересах мира и безопасности народов. Совершенно естественно, что важное место в ходе обменов мнениями уделяется рассмотрению положения на Азиатском континенте, в районе Юго-Восточной Азии.

В марте 1987 г. во Вьетнаме, Лаосе и народной Кампучии состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с руководителями трех братских стран Индокитая. С советской стороны была подтверждена поддержка конструктивных предложений и практических шагов Вьетнама, Лаоса и народной Кампучии по оздоровлению политического климата в Юго-Восточной Азии и превращению ее в зону мира, добрососедства и сотрудничества, что является общим вкладом трех стран Индокитая в создание всеобъемлющей системы международной безопасности. Советский Союз, другие страны социалистического содружества рассматривают тесное единство и сплоченность народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии в качестве важного фактора мира и стабильности на Азиатском континенте и в мире в целом.

В духе решений съездов марксистско-ленинских партий трех стран Индокитая последние годы отмечены их энергичными усилиями по дальнейшему укреплению традиционных отношений дружбы, сотрудничества и взаимопомощи, связывающих СРВ, ЛНДР и НРК. Солидарность и взаимопомощь трех стран — это тот рычаг, который дает возможность народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии изыскивать наиболее эффективные пути решения непростых задач, стоящих перед

ними на современном этапе развития, преодоления имеющих-ся трудностей социально-экономического характера, являющихся следствием того, что в течение почти трех десятилетий им приходилось в тяжелейших условиях противостоять империалистической агрессии. Эта сплоченность позволяет народам трех стран и сейчас давать совместный должный отпор непрекращающимся прояскам враждебных сил, направленным на создание различного рода препятствий в деле созидания новой жизни, торпедирование процесса постепенной стабилизации социально-экономического положения в СРВ, ЛНДР и НРК, на подрыв солидарности народов этих стран, их дружбы и сотрудничества с их испытанными друзьями и союзниками — народами стран социалистического содружества.

Братские отношения между странами Индокитая строятся на прочной договорной основе — Договоре о дружбе и сотрудничестве между СРВ и ЛНДР 1977 г. и Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между СРВ и НРК 1979 г. В соответствии с этими договорами страны Индокитая обязались оказывать всестороннюю помощь и поддержку друг другу во всех областях и в любых необходимых формах, с тем чтобы укреплять способность отстаивать важнейшие революционные завоевания их народов — независимость, суверенитет, единство, территориальную целостность и мирный труд во имя построения новой жизни.

На современном этапе отношения между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией представляют собой многогранный комплекс всестороннего сотрудничества в самых различных областях и сферах — политической, экономической, научно-технической, культурной и многих других, которое развивается как на двусторонней, так и трехсторонней основе. Особую значимость, несомненно, приобретает здесь крепнущее товарищеское сотрудничество правящих марксистско-ленинских партий этих стран — КПВ, НРПЛ и НРПК, которые осуществляют регулярный обмен опытом в области идеологической, организационно-партийной работы, в деле руководства народным хозяйством.

Все более масштабными становятся социально-экономическое сотрудничество и взаимопомощь трех стран. Уместно отметить, что социалистический Вьетнам, несмотря на имеющиеся в стране известные трудности, оказывает содействие Лаосу и Кампучии в построении нового общества. Так, в период 1976—1985 гг. СРВ оказала ЛНДР помощь в объеме 1,3 млрд. донгов, причем половина этой суммы предоставлена безвозмездно. Вьетнам оказывает Лаосу содействие в осу-

ществлении свыше 200 проектов в различных областях народного хозяйства. Ежегодно СРВ принимает на учебу более тысячи лаосских граждан. Это бескорыстное содействие вносит существенный вклад в решение лаосским народом задач закладывания фундамента социализма в ЛНДР.

Весьма велико значение содействия Вьетнама в деле социально-экономического возрождения Кампучии. СРВ оказывает народной Кампучии посильную помощь в деле восстановления сельского и лесного хозяйства, в создании системы здравоохранения и народного образования, поставками продовольствия, товаров широкого потребления, сельскохозяйственных орудий, в деле подготовки национальных кадров. В Лаосе и Кампучии работают вьетнамские специалисты различного профиля. Между тремя странами заключены торговые соглашения, причем объем товарооборота имеет тенденцию к постепенному росту.

Мощный стимул для дальнейшего укрепления отношений сплоченности и сотрудничества, связывающих народы трех стран, дали решения состоявшегося в феврале 1983 г. совещания высших руководителей СРВ, ЛНДР и НРК. На нем была подтверждена принципиальная линия трех братских партий на укрепление и впредь долговременного сотрудничества и взаимопомощи во всех областях на основе дружбы, полной добровольности и взаимной выгоды, на совместное отражение любых попыток внести раскол между ними, на борьбу против любых проявлений великодержавной идеологии и национализма. В соответствии с решениями совещания на высшем уровне за прошедший период в трех индокитайских государствах была проделана значительная работа по расширению и совершенствованию дружественных отношений между ними во всех областях.

Существенным событием в политической и экономической жизни трех стран стало образование комитетов по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, в функции которых вменяется осуществление необходимых мероприятий по расширению хозяйственных и культурных контактов трех стран, координации их народнохозяйственных планов.

Расширением экономических и научно-технических связей между СРВ, ЛНДР и НРК как на двусторонней, так и трехсторонней основе закладывается прочная база для решения на последующем этапе развития этих стран вопроса о более тесной социалистической экономической интеграции государств Индокитая. Это, несомненно, позволит еще эффективнее решать задачи хозяйственного и культурного строитель-

ства, повышения жизненного уровня вьетнамского, лаосского и кампучийского народов.

Особого внимания заслуживает тесная координация действий СРВ, ЛНДР и НРК на внешнеполитической арене, в частности их совместные шаги с целью нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии, превращения этого района в зону мира и сотрудничества, установления подлинно добрососедских, дружественных отношений со всеми своими соседями. Новые конструктивные предложения и инициативы на этот счет постоянно выдвигаются на регулярно созываемых с января 1980 г. конференциях министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

ЛНДР, СРВ и НРК высказываются за всеобъемлющее урегулирование разногласий между государствами Индокитая и АСЕАН на основе равенства, уважения законных интересов друг друга, невмешательства во внутренние дела каждого и невмешательства извне. Они прилагают энергичные усилия к тому, чтобы превратить Юго-Восточную Азию в зону мира, дружбы и сотрудничества. Страны Индокитая заявили о своем согласии с предложением стран — участниц АСЕАН объявить Юго-Восточную Азию безъядерной зоной.

В СРВ, ЛНДР и НРК считают, что утверждение в практике взаимоотношений между государствами Индокитая и АСЕАН принципов мирного сосуществования — единственная альтернатива разжиганию противоречий и конфликтов в Юго-Восточной Азии. Такая позиция стран Индокитая встречает растущее понимание и поддержку в политических кругах, у общественности стран АСЕАН, на Азиатском континенте в целом.

Народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии, которые в течение многих лет вели мужественную борьбу за свое национальное освобождение, выступают в качестве надежных союзников национально-освободительного движения народов. Являясь активными участниками движения неприсоединения, СРВ и ЛНДР всемерно содействуют усилению его антиимпериалистической, антивоенной направленности, борются за установление нового международного экономического порядка.

В индокитайских государствах рассматривают движение неприсоединения как важный фактор международной жизни, который играет возрастающую роль в борьбе против гонки вооружений, за обеспечение мирного будущего народов, за равноправное международное сотрудничество. СРВ и ЛНДР приняли активное участие в работе VIII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре (сентябрь 1986 г.). Актуальные проблемы

мира и разоружения затронул в своем выступлении глава делегации СРВ заместитель председателя Государственного совета, председатель Национального собрания СРВ Нгуен Хью Тхо. «Гонка ядерных вооружений ставит под угрозу жизнь человечества, — заявил он. — Движение неприсоединения твердо поддерживает предложение СССР от 15 января 1986 г., предусматривающее ликвидацию ядерного и других видов оружия массового уничтожения к 2000 году... Мы обращаемся с призывом к США положительно откликнуться на это проявление доброй воли».

В странах Индокитая выступают за поддержание и развитие нормальных отношений с промышленно развитыми капиталистическими государствами на равноправной, взаимовыгодной основе. Устойчивый характер носят, например, отношения Вьетнама с Францией, Швецией, Финляндией. Между ними развиваются связи и по политической, и по торгово-экономической линиям, при техническом содействии этих стран в СРВ было построено несколько экономических объектов; в частности, при содействии Швеции в ноябре 1982 г. был введен в строй целлюлозно-бумажный комбинат в провинции Виньфу. «Несмотря на различие общественно-политических систем, — указывалось в лаосской прессе в октябре 1985 г., — ЛНДР стремится поддерживать отношения сотрудничества с развитыми капиталистическими странами на основе равноправия и уважения друг друга. Плодотворное сотрудничество развивается с такими государствами, как Швеция, Австралия, Япония, ФРГ, Новая Зеландия, и в последнее время с Италией. Лаос стремится осуществлять с Францией сотрудничество в области экономических и культурных связей».

Уместно отметить, что после свержения кампучийским народом в январе 1979 г. при братской помощи патриотов Вьетнама преступного режима Пол Пота целый ряд развитых капиталистических стран, в том числе ряд стран — членов ЕЭС, Япония и др., приняли активное участие в такой неблагоприятной затее, как организация пресловутой «экономической блокады» СРВ и НРК, что повлекло за собой прекращение нормальных экономических связей между этими странами и развитыми капиталистическими государствами. Эта политика не принесла лавров ее вдохновителям. Влиятельные круги в Соединенных Штатах Америки всячески препятствуют нормализации отношений с тремя странами Индокитая.

Давая высокую оценку деятельности Организации Объединенных Наций, страны Индокитая считают, что зафиксированные в Уставе ООН благородные цели этой организации —

поддержанье мира и международной безопасности, развитие дружественных отношений и сотрудничества между государствами — отвечают интересам и чаяниям всех людей доброй воли. Государства Индокитая заявляют о своем стремлении и далее использовать ООН как важный инструмент укрепления всеобщего мира.

Строя свою внешнеполитическую концепцию на основе принципов пролетарского, социалистического интернационализма и мирного сосуществования государств с различными социальными системами, выступая в тесном единстве со странами социалистического содружества, во взаимодействии с прогрессивными неприсоединившимися государствами, СРВ, ЛНДР и НРК играют все более весомую роль в мировом сообществе. Благоприятное воздействие их миролюбивой политики все более ощутимо сказывается на развитии обстановки на Азиатском континенте, да и за его пределами, на борьбе народов за мир, демократию и социальный прогресс.

Многогранный внешнеполитический опыт стран Индокитая, практика их взаимодействия на международной арене с Советским Союзом, другими социалистическими странами подтверждают, что при безусловном наличии специфических интересов у каждого из социалистических государств по тем или иным вопросам в самом главном и коренном эти интересы совпадают.

Силы мира и социального прогресса имеют надежную опору в лице трех индокитайских государств — СРВ, ЛНДР и НРК — в деле упрочения основ мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Борьба за прочный мир, независимость народов, за установление справедливых, равноправных межгосударственных отношений — таков критерий стратегической линии в международных делах трех индокитайских государств, народы которых помнят ленинское положение о том, что «политика — это фактическая судьба миллионов людей»¹.

Международная практика, в том числе в азиатско-тихоокеанском регионе, убедительно свидетельствует, что социалистическое содружество выступает на современном этапе не только как оплот дела мира, свободы и независимости народов в борьбе против агрессивных сил империализма и реакции, но и как выразитель общих, единых интересов человечества, живущего в нынешнем противоречивом и вместе с тем взаимозависимом мире, общих для него целей и идеалов, как последовательный поборник предотвращения ядер-

ной катастрофы, спасения цивилизации. Сами классовые интересы социализма, присущие этому строю гуманизм и исторический оптимизм определяют ныне неустанную борьбу социалистических стран за общечеловеческие идеалы. Поступательное развитие стран социалистического содружества, проводимая ими миролюбивая внешняя политика, имеющая целью полное и всеобщее разоружение, составляют ныне главное направление продвижения вперед мирового общественного развития.

Коммунисты стран Индокитая считают, что единство социалистических государств, будучи необходимым условием развития мировой системы социализма, является единством в многообразии, добровольным единством, направленным на решение актуальнейших проблем современности и прежде всего главной из них — проблемы сохранения мира и предотвращения ядерной войны. Успеху борьбы за эти великие цели во многом способствует укрепление сплоченности государств социалистического содружества, наращивание их совместных усилий во имя упрочения мира и безопасности. Огромное значение для выработки согласованных направлений взаимного сотрудничества и общего курса этих стран в международных делах имеют встречи высших руководителей братских партий. В ходе таких встреч совершенствуется принципиальная линия этих партий на дальнейшее укрепление единства социалистического содружества, на максимальное развитие инициативы, активности, творчества каждой партии и страны. С большой убедительностью это подтвердил состоявшийся в мае 1987 г. визит в СССР Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя, ознаменовавший качественно новый этап в развитии отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Вьетнамом. Проходившие в Москве переговоры вновь выявили общность в подходе КПСС и КПВ к актуальным вопросам социалистического строительства и международной политики. Они стали важной вехой на пути совершенствования всего комплекса связей между двумя братскими странами, углубления их взаимодействия на международной арене в интересах дела мира и международной безопасности.

Руководители СРВ отметили, что Компартия Вьетнама берет курс на обновление, на перестройку, которые осуществляются на основе правдивого анализа реального положения дел в стране. Решения КПВ позволяют вывести страну из нынешних трудностей, упрочить связи Вьетнама с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества, внести вклад в дело мира в азиатско-тихоокеанском регионе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 132.

и во всем мире. С советской стороны было заявлено о понимании и полной поддержке советским руководством усилий вьетнамских коммунистов, трудящихся братского Вьетнама в решении больших и сложных социально-экономических задач. Хотя Советский Союз и СРВ находятся на разных уровнях развития, проходят разные этапы, обе страны решают схожие задачи — осуществляют обновление, перестройку. Их смысл — раскрыть в полной мере возможности социализма, его потенциал, обеспечить лучшую жизнь народам.

Возрастающие масштабы советско-вьетнамского взаимодействия, новые подходы к вопросам социально-экономического развития СССР и СРВ, выработанные XXVII съездом КПСС и VI съездом КПВ, настоятельно требуют повышения эффективности сотрудничества в направлении социалистической интеграции, международного разделения труда, специализации и кооперирования производства, более активного использования принципов социалистического хозяйствования. В ходе советско-вьетнамских переговоров отмечалось, что сотрудничество двух стран давно уже приобрело всесторонний характер и внушительные размеры. Стали, однако, выявляться и слабые стороны экономических связей, их несоответствие новой ситуации. У советского и вьетнамского руководства общее мнение: необходимо приблизить механизм и формы сотрудничества к требованиям дня, обеспечить существенное повышение его эффективности. СССР и СРВ предусматривают поиск новых высокоэффективных форм и областей сотрудничества, в частности будут создавать совместные объединения и предприятия, примут необходимые меры по модернизации и обеспечению полной загрузки предприятий, построенных при техническом содействии Советского Союза. Подписанные 19 мая 1987 г. в Кремле советско-вьетнамские соглашения по конкретным направлениям взаимодействия позволяют полнее использовать возможности социалистического разделения труда. Многого советская и вьетнамская стороны ожидают от углубления производственной кооперации и специализации, сотрудничества на давальческой и компенсационной основе, создания совместных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве.

«Советские коммунисты, советские люди, — отмечал М. С. Горбачев в речи на обеде в Большом Кремлевском дворце в честь Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя, — с чистой совестью могут сказать, что всегда были рядом с вьетнамским народом, делали все, что могли, чтобы помочь его справедливой борьбе. Так было в годы войны, в

последующий период восстановления народного хозяйства. Так будет и впредь!»¹

В Советском Союзе приветствуют упрочение братского союза Вьетнама, Лаоса и Кампучии, высоко оценивают их усилия по оздоровлению политического климата в Юго-Восточной Азии, превращению этого региона в зону мира, стабильности и добрососедского сотрудничества. СССР неизменно поддерживает усилия трудящихся СРВ, ЛНДР и НРК, направленные на строительство основ социализма, защиту независимости и национального суверенитета своих стран, укрепление между ними братского союза и всестороннего сотрудничества, что является важным фактором мира и стабильности в Юго-Восточной Азии.

СССР и Вьетнам твердо привержены идее превращения азиатско-тихоокеанского региона в район мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества на основе совместных усилий всех государств региона, комплексного подхода к проблемам обеспечения его безопасности. Данное направление внешней политики СССР — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС и Советского государства. Всеобъемлющая система международной безопасности, за создание которой высказался XXVII съезд КПСС, немыслима без нормализации обстановки в таком огромном регионе, как Азия и зона Тихого океана, где проживают миллиарды людей и находятся десятки государств, стремящихся решать сложные проблемы, которые ставит перед ними жизнь. В Советском Союзе — великой евроазиатской державе — не разделяют принципов международной политики на европейские и азиатские, исходят из того, что в нынешнем взаимосвязанном мире народы всех континентов живут общими тревогами и надеждами. Наша страна за то, чтобы в отношениях между государствами азиатско-тихоокеанского региона, который приобретает все более важное значение в современной политической и хозяйственной жизни, царили мир и добрососедство, доверие и взаимопонимание, взаимовыгодный обмен технологией, товарами, культурными ценностями.

Как азиатским государствам Вьетнаму, Лаосу и Кампучии также весьма близки сложные проблемы гигантского азиатско-тихоокеанского региона, с которыми им приходится соприкасаться непосредственно. Все это в немалой степени определяет всесторонний, взвешенный взгляд Советского

¹ Визит в Советский Союз Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Ван Линя, 17—22 мая 1987 года. Документы и материалы. М., 1987, с. 14—15.

Союза и индокитайских государств на эту важную часть планеты.

Характеризуя особенности ситуации, сложившейся в азиатско-тихоокеанском регионе, Нгуен Ван Линь в речи в Кремле 19 мая 1987 г. подчеркнул: «Мир, безопасность и развитие — таково настоятельное требование азиатско-тихоокеанского региона, где в течение более 40 прошедших лет шла до предела ожесточенная борьба между силами социализма, национальной независимости, прогресса, с одной стороны, и силами империализма и реакции — с другой. Эта борьба проявлялась в самых длительных и кровопролитных войнах в мире. Она привела к глубоким изменениям в этом важном районе земного шара.

В настоящее время обстановка в азиатско-тихоокеанском регионе по-прежнему остается напряженной. Курсу американского империализма и реакционных сил, направленному на усиление напряженности, противостоят широко известное выступление товарища Горбачева М. С. во Владивостоке 28 июля 1986 года и последующая динамичная, активная дипломатическая деятельность Советского Союза, направленная на решение коренной задачи — постепенно, шаг за шагом добиваться создания системы международного мира и безопасности в АТР, отвечающей самым сокровенным чаяниям народов Азии, придающей новый импульс борьбе за мирное сосуществование в регионе и во всем мире».

Весьма существенно и то, что такие реальности современной международной жизни в азиатско-тихоокеанском регионе, как расширение межгосударственных связей, растущая взаимосвязанность государств диктуют необходимость обеспечения их взаимной безопасности, четкого осознания того очевидного факта, что условием безопасности одного государства выступает безопасность других. Отсюда вытекает важность налаживания конструктивного взаимодействия государств Азии, совершенствования механизма переговоров на различных уровнях по всем острым и актуальным проблемам международных отношений в АТР, особенно по проблемам укрепления безопасности.

Обеспечение мира и безопасности в Азии на основе совместных усилий — эта политическая концепция разрабатывалась самими государствами континента, исходя из своего исторического опыта. Логика борьбы за упрочение национальной независимости, в ее защиту от провокаций и давления со стороны империализма и реакции подсказывала им необходимость координировать и объединять усилия в интересах укрепления мира в Азии. Попытки создания организа-

ции по проблемам азиатской безопасности предпринимались молодыми освободившимися государствами континента сразу же после окончания второй мировой войны. Достаточно вспомнить, что еще осенью 1945 г. Хо Ши Мин обратился к правительству Индонезии с предложением об объединении усилий этих двух только что сбросивших колониальное ярмо стран в борьбе против происков империалистических сил, за налаживание добрососедского сотрудничества в Юго-Восточной Азии. Зародившееся на рубеже 40—50-х годов взаимодействие стран социализма и молодых освободившихся государств в отстаивании дела мира и независимости народов заложило прочный фундамент новой системы международных отношений в Азии, основанных на принципах мирного сосуществования, равноправного сотрудничества и невмешательства во внутренние дела. То есть, на тех самых принципах, которые отстаивает со времен Великого Октября Советский Союз. Этому взаимодействию стран социализма и освободившихся государств во многом обязаны своим рождением такие этапные события в борьбе за мир и безопасность в Азии, как политическое урегулирование проблем Индокитая 1954 г., утверждение в практике международных отношений пяти принципов мирного сосуществования «панча шила» и десяти принципов Бандунга, актуальность которых и для сегодняшней Азии общепризнана.

В Советском Союзе и странах Индокитая убеждены, что сколь бы ни были значительны трудности на пути к обеспечению надежной безопасности в Азии, сколь бы ни были существенны порой противоречия между государствами АТР, различия в их подходе к существующим проблемам, важнее другое — народы континента связаны общностью жизненных интересов, они решают во многом сходные задачи, порожденные прошлым. А это создает возможность налаживания сотрудничества между ними на основе широкой концепции безопасности, которая отвечала бы интересам всех и каждого из государств региона в отдельности. Своей инициативной политикой в азиатско-тихоокеанском регионе Советский Союз, страны Индокитая, другие миролюбивые государства Азии — социалистические и неприсоединившиеся — вносят достойный вклад в наполнение всеобъемлющей концепции азиатской безопасности конкретным содержанием.

Переговоры, состоявшиеся во время визита Нгуен Ван Линя в Советский Союз в мае 1987 г., показали: советская и вьетнамская стороны единодушны в том, что реализации идеи превращения азиатско-тихоокеанского региона в район мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества способствова-

ло бы справедливое урегулирование политическими средствами существующих конфликтов, ненаращивание и нераспространение ядерного оружия в регионе, снижение активности на Тихом океане военных флотов, осуществление практических мер по созданию безъядерных зон, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, создание атмосферы взаимного доверия.

«Являясь жертвами самых кровавых и длительных агрессивных войн минувших 40 лет, народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии, — отмечал Нгуен Ван Линь, — более чем кто-либо, знают цену миру, желают установления отношений дружбы и сотрудничества со всеми государствами, в первую очередь с соседними. Народы трех стран Индокитая решительно борются за защиту своей независимости и суверенитета, укрепление тесной сплоченности и всестороннего сотрудничества между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией».

Беседы в Москве подтвердили, что Советский Союз и Вьетнам намерены настойчиво добиваться оздоровления политического климата в АТР, разблокирования конфликтов в этом обширном районе земного шара, продвигаться к утверждению отношений мира и добрососедства на основе совместных усилий государств. Налаживание здесь широкого равноправного и взаимовыгодного торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества явилось бы шагом к установлению нового международного экономического порядка. СССР и СРВ имеют в виду принять самое активное участие в этом процессе, поставить на службу ему имеющийся в их распоряжении экономический и научно-технический потенциал.

Всеобъемлющая концепция азиатской безопасности не может не учитывать в полной мере реальности нынешней ядерно-космической эры, которые, как известно, не обошли Азию стороной. В странах Индокитая приветствуют провозглашенную Советским Союзом цель — начав с Европы, где сосредоточены наибольшие запасы ядерного оружия, вести дело к освобождению всех континентов от ядерных вооружений к 2000 году в соответствии с программой, объявленной Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым 15 января 1986 г., и на этой основе создавать всеобъемлющую систему международного мира и безопасности. В Азии, как и в Европе, советская методология, советский подход к ядерному разоружению едины: СССР предлагает осуществить этот процесс под строгим международным контролем, который состоял бы из трех компонентов: национальных средств, международных методов контроля и инспекции на местах.

Будучи привержены идее превращения Юго-Восточной Азии в зону, свободную от ядерного оружия, Советский Союз и Вьетнам готовы содействовать ее практическому воплощению в жизнь. Они придают также важное значение Делийской декларации, зафиксированным в ней принципам построения мира, свободного от ядерного оружия и насилия, высоко оценивают вклад Индии в решение региональных и общих международных проблем в интересах укрепления мира и стабильности на Азиатском континенте и на всей планете.

Инициативная политика трех индокитайских государств вносит действенный вклад в оздоровление международного климата в таком крупном районе азиатско-тихоокеанского региона, как Юго-Восточная Азия. Весьма существенно то, что Юго-Восточная Азия не осталась в стороне от позитивных тенденций, охвативших АТР в 80-е годы. Растущая взаимозависимость, исторический опыт народов расположенных здесь двух групп государств — стран Индокитая и государств — членов АСЕАН подталкивают их к поиску путей к налаживанию добрососедского сотрудничества, развитию всесторонних связей, хотя происходит этот процесс, в силу целого ряда причин объективного и субъективного порядка, не однозначно, с определенными трудностями.

Нгуен Ван Линь подчеркивал в речи в Кремле 19 мая 1987 г., что «...три страны Индокитая настойчиво добиваются упрочения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Взаимодействуя с Советским Союзом в проведении стратегического курса в АТР, три страны Индокитая выступают за диалог с Китаем и другими странами в регионе на основе равноправия, уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности и взаимопонимания, с тем чтобы сообща вести поиск политического разрешения проблем мира и стабильности в Юго-Восточной Азии и кампучийского вопроса».

В ходе советско-вьетнамских переговоров в мае 1987 г. с вьетнамской стороны отмечалось, что Вьетнам, придавая первостепенное значение долгосрочным интересам, готов открыть новую страницу в отношениях с государствами АСЕАН, готов к разговору и встречам с ними для решения всех вопросов, представляющих взаимный интерес, в целях скорейшей нормализации отношений между соседними странами, отвечающей интересам народов этих стран, интересам мира в Юго-Восточной Азии и азиатско-тихоокеанском регионе. Во время встречи, проходившей 18 мая 1987 г. между М. С. Горбачевым и Нгуен Ван Линем, было отмечено важное значение укрепления братского союза народов трех стран

Индокитая, который является важным фактором защиты их революционных завоеваний. С советской стороны было заявлено о неизменной поддержке предпринимаемых СРВ совместно с ЛНДР и НРК инициативных усилий, направленных на оздоровление политического климата в Юго-Восточной Азии, на активизацию конструктивного диалога с государствами АСЕАН.

Руководители двух братских партий подтвердили последовательный курс СССР и СРВ на нормализацию и улучшение отношений с Китайской Народной Республикой. В совместном советско-вьетнамском заявлении было подчеркнуто, что СССР и СРВ приветствовали бы активное участие КНР в поисках путей решения сложных проблем Азиатского континента. С советской стороны была поддержана инициатива СРВ о проведении вьетнамо-китайских переговоров в целях скорейшего урегулирования имеющихся спорных вопросов.

В ходе советско-вьетнамских переговоров в мае 1987 г. состоялся также обстоятельный обмен мнениями по кампучийской проблеме. При этом отмечалось, что за последние годы кампучийский народ при интернациональной помощи Вьетнама, Советского Союза и других социалистических стран буквально возродил свою родину из пепла. Древняя земля Ангкора, по которой пронесся губительный смерч, постепенно, неуклонно оправляется от ужасов полпотовского геноцида. Но нормальному развитию этой страны препятствуют продолжающиеся военные действия, вмешательство извне. Нгуен Ван Линь подчеркивал, что в течение прошедших восьми лет СРВ, ЛНДР и НРК постоянно выдвигали конструктивные предложения, направленные на достижение политического урегулирования кампучийской проблемы, двумя главными вопросами которого являются вывод вьетнамских войск и устранение преступной клики полпотовцев, прекращение вмешательства во внутренние дела Кампучии.

В Советском Союзе и Вьетнаме полностью разделяют мнение руководства Народной Республики Кампучии относительно того, что кампучийская проблема требует политического решения. И решить ее можно лишь исходя из высших интересов кампучийского народа, его законного права самому распоряжаться своей судьбой, на основе объединения всех его патриотических сил, посредством политики национального примирения, с учетом сложившихся в регионе реальностей.

Сколь бы ни был труден и многоэтапен путь к достижению надежной безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и отдельных его районах, в частности в Юго-Восточной Азии, Советский Союз и страны Индокитая, выдвигая все по-

вые инициативы в этом направлении, руководствуются убеждением, что в Азии нет таких проблем, которые нельзя было бы разрешить за столом переговоров, при наличии, разумеется, политической воли государств, стремления строить свои отношения на принципах мирного сосуществования, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, на основе отказа от недоверия и предубеждений.

В странах Индокитая дают высокую оценку практическим шагам СССР по утверждению в мировых делах нового политического мышления, соответствующего нынешним реалиям ядерно-космической эры, по развитию в Азии и других районах нашей планеты отношений добрососедства и сотрудничества. Благодаря этой политике, усилиям всех миролюбивых сил в борьбе за формирование нового политического климата в Азии, за создание системы азиатско-тихоокеанской безопасности, за утверждение принципа мирного сосуществования в межгосударственных отношениях в Юго-Восточной Азии имеется уже немалый задел. Решение этих сложных, но крайне актуальных проблем настоятельно требует активизации согласованных усилий всех государств этого гигантского региона. У Советского Союза, стран Индокитая найдет отклик любая позитивная инициатива на сей счет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I.	
МИФЫ, ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	5
Через призму столетий	10
Музыка, застывшая в камне	16
Усмиряя гнев духа Вод	20
Тэт — праздник Нового года, праздник весны	25
Глава II.	
ЗАКАТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭРЫ	29
Первый коминтерновец из Индокитая	35
Революция, устремленная в будущее	42
«Грязная» колониальная война в Индокитае	48
Прорыв блокады	52
Союз, рожденный в борьбе	54
Глава III.	
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ БЕЗ КАМУФЛЯЖА	59
Эти «тихие американцы» лэнсдейлы	62
Как спровоцировали повод для агрессии	67
Огнем и мечом	74
Бесславный финал	81
Война, которую хотели бы ревизовать	86
Глава IV.	
ПАТЕТИКА ВСЕНАРОДНОГО ПОДВИГА	95
Летопись мужества	103
Сочетая усилия на трех фронтах	107
Превалирующая тенденция	112
«Говорит свободный Сайгон!»	115
Глава V.	
ОДНОЗНАЧНЫЙ ВЫБОР НАЦИИ	122
Священный дар победы	123

Преодолевая завалы прошлого	132
Научиться хозяйствовать	151
«Пьешь воду — помнишь об источнике»	163
Глава VI.	
ЗАКЛАДЫВАЯ ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ФОРМАЦИИ	179
Бескровная революция	180
Трудная пора восстановления	184
С уверенностью в завтрашнем дне	199
Прочные нити братства	213
Глава VII.	
ПОДОБНО ПТИЦЕ ФЕНИКС	220
Ночь над страной Ангора	221
Чудо возрождения	241
На новом этапе	250
Курсом мира и добрососедства (Заключение)	267

Михаил Петрович Исаев
ИНДОКИТАЙСКАЯ ХРОНИКА

Вьетнам, Лаос, Кампучия:
трудные дороги борьбы
и созидания

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *О. В. Петрова*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 6995

Сдано в набор 13.05.87. Подписано в печать 10.08.87. А00120. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отг. 16,17. Уч.-изд. л. 17,36. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 4512. Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

**Издательство
политической
литературы**

